ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 14

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 14

Москва
Академия исторических наук
2011

УДК 82-92 "1941/45"
ББК 84Р7-4
О80

О80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 14. — М.: Академия исторических наук, 2011.-510 с.

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696 (on-line)

ISBN 978-5-903076-24-6 (т.14)
ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены в авторской редакции воспоминания 50-ти ветеранов войны, проживающих в городе Москве.

Эта книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также полезной людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются 50 ветеранов-авторов статей и 50 их студентов-помощников, организаторы и преподаватели университета, а также библиотеки университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра предназначены для передачи бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов. 100 экземпляров передаются ветеранам для вручения музеям подшефных школ, а также студентам - для вручения музеям .Начиная с 7-го тома, книга издается в 1000 экземплярах.

На Web-странице **www.ainros.ru** Академии исторических наук размещаются все тома для бесплатного чтения и копирования.

Издание тома осуществлено на средства фирмы Japan Tobacco International в России (Генеральный менеджер Кевин Томлинсон) и Российского благотворительного общественного фонда помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны «Виктория-1945» (Президент Магомедов Магомед Гаирбекович), при поддержке Префектуры Южного административного округа города Москвы (префект Смолеевский Георгий Викторович).

УДК 82-92 "1941/45"
ББК 84Р7-4

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696(on-line)

ISBN 978-5-903076-24-6 (т.14)
ISBN 5-903076-05-X

© Академия исторических наук, 2011

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

		Стр.
	Предисловие к изданию	8
	Обращение Кевина Томлинсона	16
	Предисловие к 14-му тому	17
1.	**Алпатов Василий Егорович** В дивизии особого назначения	20
2.	**Безденежных Николай Дмитриевич** Враг отступил, потеряв 18 танков	26
3.	**Большаков Николай Иванович** Уже в сумерках дополз до полевого охранения нашей передовой	32
4.	**Бурова Валентина Ивановна** Ничего себе… летчики! Летчики на веревочках	42
5.	**Гаевский Виктор Павлович** На гребне высоты 649 наш батальон занял круговую оборону	52
6.	**Горелов Виктор Алексеевич** Отсечь пехоту от танков!	63
7.	**Гриб Николай Станиславович** В отряде «За Родину» партизанской бригады «Беларусь»	75
8.	**Ефименков Василий Антонович** Командир батареи сильно удивился, что мы оказывается живы	80
9.	**Кабан Константин Иванович** Нас осталось только трое из восемнадцати ребят	86
10.	**Казьмин Василий Иванович** Задание выполнено, мы захватили карту расположения немецких войск	109
11.	**Колониченко Валентин Федорович** Вернуться в деревню и, опередив немцев, достать карту любой ценой	115

12.	**Космачева Анна Васильевна** Кольцо блокады замкнулось на 900 дней	129
13.	**Котлов Михаил Михайлович** Неужели прорвутся?	137
14.	**Кочегаров Петр Павлович** С осколком у сердца	145
15.	**Кочурин Анатолий Михайлович** Нас в расчёте осталось 3 человека	157
16.	**Красильников Лев Львович** Пятнадцать Северят	165
17.	**Кузина Александра Ивановна** Когда рассвело, мы с ужасом увидели, что спали на трупах	173
18.	**Лантратов Алексей Павлович** Иначе плыть по реке было бы невозможно	179
19.	**Листков Михаил Иванович** «Под носом» у немцев обошли Прохоровку	188
20.	**Малиновский Глеб Владимирович** Мы решили нагрудники на спину не надевать	203
21.	**Манаенков Тимофей Сергеевич** Морякам-гвардейцам от благодарных жителей Вены	211
22.	**Мангушев Виктор Андреевич** Ремонт Пантеры	221
23.	**Назарова Пелагея Андреевна** Я, мой расчет и ДШК	225
24.	**Наумкина Елизавета Петровна** Боевая дорога «сестрички» - от Подмосковья до Карпат	231
25.	**Никитенко Ольга Григорьевна** После войны поменяла санитарную сумку на рюкзак…	238
26.	**Овчинников Иван Александрович** Раскаленный докрасна, ствол орудия разорвался от собственного снаряда	242
27.	**Орлов Николай Григорьевич** Зубами вырывала из меня злосчастную пулю	249

28.	**Панов Михаил Григорьевич** Снаряд прошел подо мною, не задев меня	265
29.	**Поляков Николай Иванович** Ребята, если будете живы, поправьте холмик	268
30.	**Протасова Валентина Александровна** Осколок прошел насквозь через грудь Марины	300
31.	**Пстыго Иван Иванович** Нас тогда вернулось трое из тридцати шести ребят	307
32.	**Рапота Алексей Никифорович** В ту ночь на аэродром не вернулось двенадцать экипажей	314
33.	**Романова Зинаида Алексеевна** Девочка, молодец, выполнила задание	326
34.	**Севостьянов Алексей Григорьевич** Никого в живых не осталось	332
35.	**Синадский Юрий Вениаминович** Латышская стрелковая	344
36.	**Татаринцев Федор Иванович** Китаец залез ко мне на машину и начал целовать портрет Сталина	355
37.	**Тесля Григорий Кузьмич** Снаряды, шипя, ползли по земле к танкам противника	360
38.	**Тимохов Константин Петрович** Немцы высадили десант в форме милиционеров	376
39.	**Тутаева Юлия Сергеевна** Химик-дымзавесник	382
40.	**Фадин Александр Михайлович** К рассвету у нас в бригаде осталось восемнадцать из шестидесяти пяти танков	386
41.	**Федоров Леонид Леонидович** Загадка капитуляции Бреслау	395
42.	**Федосеев Иван Петрович** Как они будут без тебя?!	417
43.	**Фетисов Александр Ильич** Продекламировал строки из стихотворения Гейне «Лорелея»	420

44.	**Французов Юрий Георгиевич** Рога, у вас рога должны быть	433
45.	**Хазанов Григорий Матвеевич** Вспомнил позже, стоя над могилой своего боевого друга	438
46.	**Хутарев Дмитрий Дмитриевич** Выполнение заданий командования в поисках «языка»	441
47.	**Чубарев Михаил Дмитриевич** Героический рейд 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса	447
48.	**Шумихин Виктор Семенович** Сдайте в штаб личные документы и забирайтесь за бронеспинку	459
49.	**Щепкин Георгий Павлович** Если бы за меня не вступился П.С. Рыбалко…	494
50.	**Ярмак Василий Иванович** В течение 40 минут они «взрыхлили» блиндажные укрепления, доты, дзоты	498
	Благодарность Оргкомитета	508

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали

появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, героизма, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Празднование 60-летия Великой Победы подтвердило важное значение солдатских мемуаров как источников новых знаний о войне.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и

издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета;

• Московского государственного горного университета;
• Московского государственного лингвистического университета;
• Московского государственного строительного университета;
• Московского государственного технического университета им. А.Н. Косыгина;
• Московского государственного университета природоустройства;
• Московского инженерно-физического института (государственного университета);
• Московского энергетического института (технического университета);
• Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;
• Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского;
• Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина;
• Кубанского государственного аграрного университета;
• Кубанского государственного технологического университета;
• Кубанского государственного университета.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей, который представлен в 8-м томе, а Краснодарского края - в 9-м томе, Республики Коми - в 13-м томе настоящего издания.

По инициативе Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации (директор центра - профессор В.С. Порохня), Федеральное агентство по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации письмом от 1 октября 2008 года № ФАО-14868/12-16 рекомендовало учреждениям высшего

профессионального образования России провести работу по привлечению студентов и преподавателей истории для создания каждым Вузом своего тома. Благодаря такому предложению, в учебном процессе российских университетов внедряется новая элективная форма учебно-исследовательской работы студентов, которая позволит оказать помощь всем российским ветеранам войн в подготовке рукописей их мемуаров для публикации в настоящем издании. На момент издания 13 тома для публикации в Академию исторических наук поступили мемуары ветеранов-фронтовиков Великой Отечественной войны, подготовку которых осуществили:

- Липецкий государственный технический университет;
- Воронежский архитектурно-строительный университет;
- Калужский филиал Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А Тимирязева;
- Кемеровский филиал Российского торгово-экономического института;
- Московский государственный текстильный университет им. А.Н. Косыгина;
- Брянский государственный университет;
- Брянский государственный технический университет;
- Брянская государственная сельскохозяйственная академия;
- Саратовский государственный социально-экономический университет;
- Ивановский государственный энергетический университет;
- Ивановский государственный архитектурно-строительный университет;
- Ухтинский государственный технический университет;
- Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева;
- Кубанский социально-экономический университет.

В конце 2008 года Академия исторических наук совместно с кафедрой истории Московского авиационного института и Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы провели эксперимент по

подготовке ветеранами воспоминаний об их участии в боевых действиях в 1979-1989 годах в составе Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане. В результате этого эксперимента создан 11-й том мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне». В настоящее время кафедра истории МАИ работает над подготовкой мемуаров участников боевых действий во Вьетнаме и Корее.

Важным событием в развитии проекта явилось пребывание в ФРГ делегации российских ветеранских организаций с 20 по 25 апреля 2010 года в рамках мероприятий по празднованию 75-летия окончания Второй мировой войны. Инициатор и организатор поездки делегации - Научное учреждение «Академия исторических наук». Главная цель поездки - вручение комплекта 13-ти томов мемуаров фронтовиков «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» библиотеке Бундестага.

Делегация состояла из 13-ти человек, в которую вошли:

- руководители двух ветеранских организаций России: Карабанов Дмитрий Иванович (Председатель Совета Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов) и Антошкин Николай Тимофеевич (Герой Советского Союза, Заслуженный военный летчик, Председатель Правления Клуба героев Советского Союза, героев Российской Федерации и полных кавалеров «Ордена Славы», доктор военных наук, профессор, генерал-полковник);
- три фронтовика Великой Отечественной войны: Рунов Борис Александрович (Герой Советского Союза, член Президиума Всероссийской общественной организации ветеранов войны, действительный член Академии исторических наук, бывший заместитель министра сельского хозяйства СССР, участник штурма Берлина), Дементьев Василий Дмитриевич (заместитель Председателя Совета Региональной общественной организации инвалидов Великой Отечественной войны - ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, действительный член Академии исторических наук, доктор военных наук) и Колесникова Зинаида Андреевна (член Совета Региональной общественной организации

инвалидов войны - ветеранов 4-й гвардейской танковой армии);
- ветеран тыла Великой Отечественной войны Епихин Виталий Иванович;
- руководитель университетского исторического сообщества России Порохня Виктор Сидорович (директор Межвузовского центра по историческому образованию технических вузов России, заведующий кафедрой истории Московского авиационного института, профессор, доктор исторических наук);
- представители Научного учреждения «Академия исторических наук»: Шоль Евгений Иванович (Президент, действительный член Академии исторических наук); Лидяева Наталия Игоревна (Исполнительный секретарь, действительный член Академии исторических наук), Бояр Александр Михайлович (действительный член Академии исторических наук), Федулова Татьяна Михайловна (действительный член Академии исторических наук, редактор), Головушкин Вадим Игоревич (действительный член Академии исторических наук) и Новиков Игорь Михайлович (военный врач-терапевт).

Финансирование мероприятий делегации осуществлено на благотворительные средства, предоставленные Заслуженным конструктором России Гнездиловым Владимиром Алексеевичем, депутатом Московской областной Думы Аристарховым Владимиром Владимировичем и Академией исторических наук. По поручению первого заместителя Министра иностранных дел России Денисова Андрея Ивановича делегации оказали помощь Посольство России в Берлине и Российский дом науки и культуры в Берлине.

От имени Всероссийской общественной организации ветеранов войны делегация провела следующие мероприятия:
- 20 апреля в Трептов-парке (Берлин) и 21 апреля в музейном комплексе на Зееловских высотах (Зеелов) возложила венки к памятникам советским воинам;
- передала в дар восемь комплектов 13-ти томов мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне»: 20 апреля - Посольству России в Берлине, 21 апреля - музею Зееловских высот (Зеелов), Германо-Российскому музею капитуляции

Берлин-Карлсхорст (Карлсхорст) и представителю университета города Лейдена (Голландия, Leiden, Campus Den Haag), 22 апреля - библиотеке Бундестага (Берлин), Российскому дому науки и культуры в Берлине и гимназии имени Лессинга (Берлин), 23 апреля - Фонду «Саксонские мемориалы» (Дрезден).

Работа студентов с ветеранами продолжается, ее результаты будут основанием для издания очередных томов.

Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне»: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов
4-й гвардейской танковой армии,
генерал-майор в отставке

Дорогие читатели!

Для меня большая честь приветствовать Вас на страницах книги, где собраны уникальные воспоминания участников одного из знаковых событий в истории Великой Отечественной войны – битвы за Москву.

Победа в этой войне досталась России огромной ценой, и мы до сих пор в неоплатном долгу перед нашими ветеранами – воинами-освободителями. Героям войны, участникам знаменитой битвы – авторам этого тома, обязаны сегодня мирным небом над головой и уверенным взглядом в будущее. Наша благодарность всегда будет безмерной, и появление на свет этой книги лишь скромная дань памяти героизма солдат.

С уважением,

Кевин Томлинсон,
Генеральный менеджер Japan Tobacco International в России

Предисловие к 14-му тому

Во все времена перед лицом внешней угрозы народы России сплачивались и выступали единым монолитом. В основе этого сплочения всегда стояли патриотизм и верность лучшим традициям служения Отечеству. Вот почему и сегодня воспитание у молодежи патриотизма по-прежнему является важной государственной задачей.

Процесс патриотического воспитания имеет своей целью формирование осознанного восприятия молодежью исторических знаний о лучших традициях российского народа, о героической борьбе, подвигах, талантах и нравственных качествах лучших сынов Отечества.

Патриотическое воспитание, прежде всего, должно осуществляться на пропаганде примеров для подражания - героизма российских граждан и воинов. Раскрывать подвиги героев необходимо так, чтобы молодежь знала, почему наши далекие предки и недавние предшественники жертвовали жизнью во имя интересов Отечества. Не хотели умирать крестьянин Иван Сусанин и полководец Петр Багратион, летчик Петр Нестеров и генерал Дмитрий Карбышев, сотни и тысячи тех, кто бросался грудью на штыки или амбразуры, таранил вражеские самолеты, не выдавали под страшными пытками военной и государственной тайны. Не хотели, но, тем не менее, на смерть шли. Известный педагог В.А. Сухомлинский по этому поводу писал сыну-студенту: «Знай, что настоящего патриота нашей Родины можно убить, сжечь, закопать в землю, как делали это изверги фашисты, но покорить нельзя».

У нас есть возможность прикоснуться к Подвигу фронтовиков и запечатлеть в форме мемуаров правду о войне из первых уст.

В настоящий том включены воспоминания пятидесяти ветеранов-фронтовиков Великой Отечественной войны. Одни из них после войны трудились и трудятся в Московском государственном текстильном университете, другие проживают на территории Южного административного округа города Москвы. Это живые фронтовые истории, на основе которых исследователь Второй мировой войны может найти ранее неизвестные факты. В подготовке рукописи воспоминаний каждого из ветеранов оказали огромную помощь студент или студентка Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина. В начале публикации помещена фотография автора-ветерана, а фотография студента-помощника в конце. Все студенты после участия в этой работе стали более заинтересованно относиться к изучению курса истории, особенно периода Великой Отечественной войны.

В организации подготовки рукописей воспоминаний, опубликованных в настоящем томе, приняли участие преподаватели кафедры истории Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - заведующий кафедрой истории Л.Н. Антипин, доценты А.А. Вдовина, А.Н. Макеев и И.С. Мокшина.

Работа над подготовкой тома, проведенная кафедрой истории нашего университета, раскрыла перспективу совершенствования исторического образования в технических университетах путем привлечения студентов к благотворительной учебно-исследовательской работе (УИРС) по созданию новых знаний о войне в форме мемуаров фронтовиков. Результатом такой постоянной работы станет значимый вклад преподавателей и студентов университета в

формировании достоверных знаний не только о Второй мировой войне, но и об участии советских и российских воинов в других войнах и боевых действиях.

Николаев Сергей Дмитриевич,
ректор Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат премий Президента Российской Федерации в области образования и Правительства Российской Федерации в области науки и техники, доктор технических наук, профессор.

Антипин Леонид Николаевич,
заведующий кафедрой истории МГТУ им. А.Н. Косыгина, доктор исторических наук, профессор, полковник в отставке.

Алпатов Василий Егорович

В дивизии особого назначения

Я родился 12 июля 1922 года в деревне Шелухово Рязанской области. По национальности я русский, по вероисповеданию - православный.

Когда мне было три года, умерла мама, а через некоторое время и отец. Так, с раннего детства, мы с братом росли без родителей. В деревне ходил в школу, окончил 6 классов. До 16 лет жил в родной деревне, затем уехал в Москву.

В 1941 году был призван на фронт. Формирование нашей разведывательной роты состоялось в Москве в Безбожном переулке.

С 1941 по 1942 год мы держали оборону под Москвой в составе 1-й мотострелковой ордена Ленина Краснознаменной дивизии НКВД имени Ф. Дзержинского особого назначения. В нашем распоряжении были мотоциклы М-72. Экипаж состоял из водителя, пулемётчика и стрелка. Наша задача заключалась в задержании, обезвреживании и передаче немецких разведчиков в штаб.

Боевой путь начинался под Москвой в Наро-Фоминске.

Мы не знали, куда нас везут

В 1945 году поступил приказ явиться в Москву в полном составе. Нас одели в кожаные куртки, брюки и шлемы. Затем мы отправились на завод получать новые мотоциклы М-72.

Позже нас погрузили на платформы и везли сутки без остановок. Куда нас везли и зачем, мы не знали. Так мы оказались в Крыму, в городе Саки. Как мы узнали позже, здесь должна была состояться Ялтинская конференция, где встречались Сталин, Рузвельт и Черчилль. А мы здесь были нужны для охраны главных магистральных дорог.

Строевая, строевая и еще раз строевая.

В 1945 году, вскоре после победы над немцами, пришёл приказ, в котором было сказано: «Отобрать самых достойных, отличившихся в боях солдат для участия в Параде Победы». Таких было много, и командование отобрало из полка разведроту со 2-го Украинского фронта, которая была размещена в Лефортовских казармах. В связи с этим сразу же начались занятия по строевой подготовке. Они проходили каждый день на плацу дивизии МВД имени Дзержинского. Я хорошо помню как ранним утром, 24 июня 1945 года, нас разбудил сигнал горниста. После сытного завтрака мы оделись в парадное обмундирование. Наша разведрота выстроилась вместе с полком на плацу, и мы снова занимались строевой подготовкой. Занимались долго, вплоть до дня Парада Победы на Красной площади. Подготовкой на плацу командовал генерал-майор Пияшев. В перерывах между занятиями, чтобы отвлечься и отдохнуть, мы пели песню «Майскими короткими ночами».

В ходе войны я, к счастью, получил лишь лёгкое пулевое ранение в спину. После недолгой реабилитации в госпитале вновь вернулся в боевой состав.

Также во время войны, под Ленинградом, был смертельно контужен мой брат – Алпатов Иван Егорович, 1912 года рождения. В каком году он погиб мне не известно. Таким образом, к концу войны из нашей семьи остался я один.

В 1947 году, нас еще тогда не отпускали с фронта, приехал представитель Министерства государственной безопасности (МГБ) и предлагал работу. Я был в числе принявших его предложение и проработал в МГБ до 1952 года в звании сержанта. После, работал на предприятии «Титан» до 1985 года. В 63 года ушел на пенсию.

В 1949 году женился на Алпатовой Валентине Николаевне, она также является заслуженным ветераном

Великой Отечественной войны. В этом же году у нас родилась дочь Марина, а в 1959 году – сын Владимир, который сейчас имеет звание майора. В 1973 году мы стали счастливыми обладателями внучки Ольги, а с 2001 года, благодаря правнучке Ксении - дочери Марины, носим гордое звание прадедушки и прабабушки. В этом году (2009) мы отметили 60 лет счастливой совместной жизни – Бриллиантовую Свадьбу.

Уже несколько лет числюсь в списке ветеранов, приписанных к школе № 20. Она находится неподалеку от моего дома. Каждый год, на 9 мая и 23 февраля, меня приглашают в школу на праздничные мероприятия, где я делюсь своими воспоминаниями с подрастающим поколением.

За последние годы в газете «Коньково» № 5 (84), май 2006 и № 5 (108), май 2008 года, были опубликованы 2 статьи обо мне и моей жене под названием «В блеске орденов и славы» и «Поклон Вам низкий, до земли. Не старейте душой, ветераны» (автор Марина Елманова).

В ходе и после войны я был награжден:

- орденом Отечественной войны II степени. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР. Орден № 3081132. Указ А № 878333;
- медалью «За оборону Москвы». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 27 августа 1944 года. Командир отделения батальона боевого обеспечения майор Лыгнов. Указ Р № 030995;
- медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 22 июня 1945 года. Командир дивизии генерал-майор Пияшев;
- медалью «В память 800-летия Москвы» 23 июня 1948 год. Председатель Исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся и Секретарь Исполнительного Московского городского Совета депутатов трудящихся;
- юбилейной медалью «30 лет Советской Армии и Флота». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 21 августа 1948 года заместителем Министра госбезопасности СССР;
- юбилейной медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». От имени Президиума

Верховного Совета СССР медаль вручена 19 января 1966 года. Военный комиссар г. Москвы полковник Дашков;

- юбилейной медалью «За доблестный труд». В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Секретарь исполкома Черемушкинского районного Совета депутатов трудящихся. 1 апреля 1970 года;

- юбилейной медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 9 мая 1975 года. Военный комиссар Черемушкинского района города Москвы полковник Накашидчев;

- юбилейной медалью «60 лет Вооруженных Сил СССР». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 2 апреля 1979 года. Военный комиссар Черёмушкинского района города Москвы полковник Накашидчев.

- медалью «Ветеран Труда». Секретарь исполкома Московского городского Совета народных депутатов. 25 октября 1982 года;

- юбилейной медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 6 мая 1985 года. Брежневский районный военный комиссар города Москвы полковник Накашидчев;

- юбилейной медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 22 февраля 1988 года. Военный комиссар г. Москвы;

- юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин. Медаль номер: Т № 14342807;

- медалью Жукова. Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин. Указ от 19 февраля 1996 года. Г № 0875002;

- медалью «В память 850-летия Москвы». Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин. Указ от 26 февраля 1997 года. А № 0147672;

- знаком «Фронтовик 1941-1945». Российский Организационный комитет по подготовке и проведению празднования 55-й годовщины Победы в Великой

Отечественной войне 1941-1945 годов. Заместитель Председателя генерал армии В.Л. Говоров. 9 мая 2000 года;

- медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». От имени Президента Российской Федерации медаль вручена 18 апреля 2005 года. Глава управы района Коньково города Москвы О.Р. Трубецких. А № 7671756;

Так же мне был вручен ряд памятных знаков:

- памятный знак «60 лет битвы за Москву». Мэр г. Москвы Ю.М. Лужков;

- памятный знак «65 лет битвы за Москву». Мэр г. Москвы Ю.М. Лужков;

- памятный знак «Участник Парада 9 мая 2005 года». Мэр г. Москвы Ю.М. Лужков.

Были выданы:

- удостоверение к знаку «25 лет Победы Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Министр Обороны СССР Маршал Советского Союза А. Гречко;

- удостоверение № 3884, что Алпатов Василий Егорович является участником юбилейного парада ветеранов на Красной площади в Москве 9 мая 1995 года. Командующий парадом генерал армии В. Говоров. 9 мая 1995 год.

Командиром 1-й мотострелковой ордена Ленина Краснознаменной дивизии НКВД им. Ф. Дзержинского генерал-майором Пияшевым мне была объявлена благодарность за участие 26 июня 1945 года в параде Победы.

Май 2009 год

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студентки 2-го курса факультета технологий и производственного менеджмента Московского государственного текстильного университета имени Косыгина –

- Игонина Олеся Игоревна

- Калюкина Наталья Михайловна

- Сорокина Мария Сергеевна

Безденежных Николай Дмитриевич

Враг отступил, потеряв 18 танков

Я родился 18 февраля 1923 г. в селе Савиново Свердловской области в дружной, трудолюбивой, многочисленной крестьянской семье. Будучи старшим ребенком в семье, уже в 10 лет стал помощником отца, выполняя по мере своих детских сил и возможностей все сельскохозяйственные работы: от пахоты и сева до прополки и уборки урожая. В 14 лет был назначен, с утверждением на общем колхозном собрании, учетчиком - должность по тем временам весьма ответственная, от которой зависели точный учет и отчетность в полном объеме выполненных фактических сельскохозяйственных работ в колхозе.

Моя мирная жизнь прервалась 22 июня. В армию я был призван 21 сентября 1941 года. Мне предложили пройти подготовку в школе фельдшеров в Свердловской области. Но, взвесив все за и против, я решил попасть на передовую часть фронта в составе 531-й стрелковой дивизии, в качестве огнеметчика-пулеметчика. При формировании дивизии на Урале в Ачитском районе окончил дивизионную мотострелковую школу в звании сержанта. И началась моя боевая биография.

Я участвовал в боях за Москву, на дальних и ближних подступах, и дошел до Берлина. В должности командира

отделения огнеметчиков 531-го стрелкового полка Центрального фронта защищал столицу от рвавшегося к ней смертельного врага, изматывая и уничтожая живую силу и боевую технику противника, доты и дзоты. Гитлеровцы имели численное превосходство в силах и вооружении. Несмотря на героическое сопротивление наших войск, противник подошел почти вплотную к Москве.

Мы открыли по ним огонь. В жестокой неравной схватке были уничтожены вражеские доты и дзоты. Остальные вместе с автоматчиками отступили. И мы понесли потери. На оставшихся в живых двинулись еще 30 вражеских танков. И опять никто не дрогнул. Это был тяжелый кровавый бой. После четырехчасового боя враг отступил, потеряв 18 танков и много солдат. Отважно сражаясь, мы закрыли на этом участке фашистам путь на Москву.

Особенно сильные оборонительные и контрнаступательные бои развернулись в июле-августе 1942 года, при проведении Ржевско-Сычевской операции. На Ржевской земле шли ожесточенные бои. Долгие месяцы продолжалась битва у стен города. В результате Ржевско-Сычевской операции мы прорвали оборону противника, но, встретив ожесточенное сопротивление врага, подтянувшего резервы, перешли к обороне. Начавшееся новое наступление вынудило немецко-фашистское командование отступить.

Прорвав оборону противника у села Карамзино, мы вышли к реке Вазузе. Мое отделение уничтожило до десятка дотов и дзотов противника, но в этом бою я был тяжело ранен и в течение двух месяцев проходил лечение в госпитале города Спас-Клепики.

После выздоровления в ноябре 1942 года я был направлен на учебу в Челябинское танковое училище, где в сжатые сроки овладел военной наукой. Через год, получив первое офицерское звание лейтенанта, был направлен старшим механиком-водителем в 28-й гвардейский танковый полк 3-го Украинского фронта, а затем в 70-й гвардейский тяжелый танковый полк Белорусского фронта.

В начале января 1945 года, после ожесточенного сопротивления врага, мы вышли к слиянию рек Вислы и Нарев в район польского города Модлин, где проходила долговременная и глубоко эшелонированная оборона

противника, расположенная в 50 километрах северо-западнее Варшавы. У небольшого местечка Легионово бой продолжался несколько часов с раннего утра 16 января. Под моим командованием тяжелый танк ИС-2 умело маневрировал на поле боя. Выбирая удобные позиции, мощным пулеметно-орудийным огнем мы поражали одну цель за другой.

Среди гула мощного мотора, скрежета гусениц и взрывов вражеских снарядов я с трудом улавливал отрывистые радиоприказы командования полка, тут же передавал их старшему механику-водителю и стрелку-наводчику. Наш дружный экипаж действовал смело и решительно. Я вел боевую машину с таким расчетом, чтобы не попасть под огонь прямой наводкой немецкой артиллерии, стрелок тем временем уничтожал противника. На предельной скорости экипаж с ходу преодолел вставшую на пути траншею и в клубах дыма под перекрестным артогнем выскочил на пригорок, поросший кустарником. Справа и слева танка рвались вражеские снаряды.

Принимая участие в боях под Берлином, стал свидетелем и участником легендарного подвига. Оказавшись в тылу врага, нашей задачей было отстоять аэродром под Берлином, как важный стратегический объект. В ходе этой операции наш танк был подбит, немцы окружали, тогда взяв все боеприпасы с собой, мы решили прорываться к городу. Фашистский заслон был ликвидирован следующим образом. Рассредоточив бойцов по боевым позициям, я взял командование на себя, пересев в уцелевший танк. И в ходе данной операции лично мной уничтожено около 20 фашистов.

«Коля! – кричал мне командир. - Выходи из зоны огня к лощине, лево сорок пять! Обойди эту проклятую батарею фрицев!» «Есть обойти!» – ответил я. Резко нажал на тормоза, коротким движением потянул на себя рычаг, машина развернулась и, рванувшись вперед, помчалась к лощине, чтобы обмануть противника, который перевел огонь на другие танки, следовавшие рассредоточено прежним курсом.

В спешке или азарте боя орудийные расчеты неприятельской артбатареи, очевидно, и не предполагали, что танк, ведомый мною, всего лишь сделал видимость, обманный маневр - будто повернул вспять. В действительности же наш разворот и вход в полузаросшую мелкими деревцами лощину

оказался роковым для вражеских артиллеристов. Через несколько минут мы выскочили с обратной стороны вражеской батареи, зашли к ней с тыла.

«За-аряжай осколочным! – прокричал я башенному стрелку. - Прицел... Ого-онь!» Выстрелы с ближней дистанции следовали с предельной скорострельностью, пока все вражеские орудия крупного калибра не были уничтожены. В этот день к вечеру наши танковые части прорвали укрепленную оборону противника северо-западнее Варшавы, и вышли на оперативный простор…

Самыми ожесточенными и изматывающими были последние дуэльные бои в конце апреля - начале мая за Берлин в стесненных уличных условиях разрушенного города. Прямой наводкой экипаж тяжелого танка ИС-2, ведомый мной, уничтожал огневые точки противника в домах и подвалах. Но и по нам упорно сопротивляющийся враг вел прицельный огонь с близких дистанций и разных направлений. Вокруг стоял оглушительный беспрерывный сливающийся рев от взрывающихся мин, снарядов и бомб. Над городом висела непроницаемая пелена из пепла, дыма и известковой пыли. В самый разгар боев за центр Берлина у начала улицы Унтер-ден-Линден 2 мая 1945 года, во второй половине дня, в нас попал вражеский снаряд. Я был тяжело ранен осколком в левую височную часть головы. До сих пор оставшийся глубокий шрам от того ранения напоминает тот последний бой, да к непогоде боль возникает в нем и пропадает острота слуха. В бессознательном состоянии, с обширными ожогами я был доставлен для оказания медицинской помощи и выяснения личности на командный пункт 70-го гвардейского танкового полка. И здесь, когда я пришел в сознание, в присутствии командира полка полковника Шаргородского заместитель командующего 47-й армией генерал-майор Кретов объявил мне благодарность за мужество и героизм в многодневной битве за Берлин и в последнем бою, а также сообщил и тепло поздравил с представлением документов о присвоении звания Героя Советского Союза, которые уже отправлены в штаб 1-го Белорусского фронта. Но ожидание исполнения этого события растянулось на пять с половиной десятков лет. И вот, совсем недавно, был сделан запрос в Центральный архив Министерства обороны с просьбой

посмотреть в архивных документах, было ли такое представление. К сожалению, пока поиск сотрудников архива не увенчался успехом. Что ж, в жизни нашей всякое бывает... А за тот свой последний бой в поверженном Берлине получил второй орден Красного Знамени.

Всего за время Великой Отечественной войны я трижды был ранен и дважды горел в танках. На меня два раза приходили родным на Урал извещения из действующей армии о гибели в боях с немецко-фашистскими оккупантами за честь, свободу и независимость Советской Родины. Но и была безмерной радость от встречи с родными и односельчанами в разгар сенокосной июньской поры первого послевоенного лета, когда я в первый раз после призыва в армию приехал на побывку в родные края.

В послевоенные годы судьба и военная служба бросали меня для выполнения ответственных заданий по укреплению обороноспособности Родины и оказания интернациональной помощи нашим союзникам во многие отдаленные и окраинные уголки страны и в зарубежные государства. Восточная Германия (1945-1952, командир взвода), Дальний Восток (1956-1959, заместитель командира танкового батальона), Московский военный округ (1959-1962, командир батальона), Узбекистан (1962-1981, командир полка, заместитель командира дивизии), Афганистан (1981-1983, военный советник).

За умение воевать, фронтовую смекалку, героизм и отвагу, боевую взаимовыручку и безупречную 42-летнюю воинскую службу я награжден двумя орденами Красного Знамени (1945), орденами Отечественной войны I и II степени (1944, 1945), Красной Звезды, "За службу Родине в Вооруженных Силах" III степени (1982), многими медалями. Деятельность в мирное время отмечена орденами Трудового Красного Знамени (1983) и "Знак Почета" (1980).

Уйдя на заслуженный отдых в звании генерал-майора в январе 1984 года, я сразу же активно включился в работу ветеранских организаций, укрепляя единство ветеранского движения. Боевая фронтовая закалка, большая жизненная школа, честность и порядочность советского офицера помогают десятый год подряд успешно, по отзывам моих коллег и боевых товарищей, исполнять многотрудные и

разнообразные обязанности Председателя Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Южного административного округа города Москвы. Нелегкое это дело на общественных началах быть руководителем свыше 340 тысяч ветеранов округа, организовывать социальную их защиту, помогать участникам войны и бойцам трудового фронта в решении острых житейских проблем и в преодолении многих превратностей нашего смутного времени.

Июнь 2009 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 3-го курса факультета машиноведения и управления качеством Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина – ***Папенкова Екатерина Владимировна***

Большаков Николай Иванович

Уже в сумерках дополз до полевого охранения нашей передовой

Я родился 14 ноября 1924 года в деревне Чертовое Тульской области Ясногорского района (бывший Лаптевский район) в семье крестьянина и был восьмым ребенком в семье. Помимо своих детей, мои родители воспитывали еще пятерых детей брата отца, который погиб в 1919 году, и его жена осталась с ними одна. Но вскоре умерла и она.

Отца я никогда не видел. Он, отец, умер в 1924 году, примерно за пять месяцев до моего рождения. Умер от саркомы, которая образовалась в результате несчастного случая: шел по мосту, было скользко, он упал, сильно ушибся, и на месте ушиба образовалась саркома.

Мама была домохозяйкой.

В конце двадцатых годов, по мере взросления, старшие дети уезжали в Тулу, а в 1930 году туда переехала вся семья. К началу войны некоторые взрослые, из нашей семьи, жили самостоятельно и в разных городах.

Летом 1941 года, когда началась война, я окончил девятый класс, и мне шел семнадцатый год. 29 июня 1941 года нас, школьников, окончивших девятый класс, послали на две недели строить оборонительные сооружения

(орудийные гнезда, блиндажи, противотанковые рвы, окопы) в Смоленской области под Ельней и Дорогобужем, где нас бомбили и обстреливали немецкие самолеты. В ночь на 9 сентября нас подняли и два дня выводили из-под Дорогобужа глухими проселками до какой-то железнодорожной станции, опасаясь попасть в окружение. Потом нас посадили в товарные вагоны и привезли в Тулу. Домой мы вернулись только 11 сентября. В середине сентября начали учиться в десятом классе.

Когда во второй половине октября 1941 года враг стал угрожать Туле, в городе из регулярных частей Красной Армии находился только зенитный полк и полк НКВД, охранявший промышленные предприятия. В Туле был организован Комитет Обороны, по призыву которого жители начали сооружать оборонительные укрепления и баррикады вокруг города и в самом городе. Также были сформированы Рабочий полк и отряды истребителей танков.

28 октября танки Гудериана заняли Рогожинский поселок, примыкавший к южной окраине города, и в ночь на 29 октября сделали попытку захватить Тулу, бросив в бой 80 танков и мотопехоту. Рабочий полк вместе с полком НКВД и зенитчиками отбили атаку, уничтожив 19 танков, причем, истребители танков бутылками с зажигательной смесью и гранатами сожгли 12 машин.

30 октября 1941 года 90 танков наступали на южную окраину, но вынуждены были повернуть обратно. 31 октября немцы предприняли шесть атак и, потеряв 34 танка, отступили.

Ночью 2 ноября враг предпринял психическую атаку: танки с зажженными фарами шли на позиции защитников города. Когда подошли к самим окопам, их стали в упор расстреливать зенитчики, а бойцы истребительны отрядов забросали гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Потеряв в течение ночи 40 танков и большое количество солдат, немцы отступили. 9 ноября гитлеровцы были выбиты из Рогожинского, а 14 ноября их наступление на этом участке фронта было остановлено. За время боев фашисты потеряли здесь более 100 танков, свыше 6000

солдат и офицеров. Более 2/3 танков были сожжены бутылками с зажигательной смесью и подорваны гранатами.

13 ноября городской Комитет обороны принял постановление «Об организации отрядов истребителей танков при райкомах ВЛКСМ». Из комсомольцев, в основном учащихся 9-10 классов, было сформировано 27 отрядов, бойцом одного из них был я.

Отказавшись от попытки взять город с ходу, немцы пошли в обход, но и эти атаки были отбиты. 1 декабря, подошедшие на помощь обороняющимся тулякам, части Красной Армии начали теснить фашистов от Тулы.

В ночь на 6 декабря наш истребительный отряд, бойцы которого были вооружены кто гранатами, кто винтовкой, но все бутылками с зажигательной смесью, занял оборону на северо-восточной окраине города. Каждый получил боевую задачу: бутылками с зажигательной смесью сжечь танк в случае наступления немцев, а гранатой или из винтовки уничтожить экипаж, хотя такого наступления не ожидалось.

Напротив, Тульский Рабочий полк с частями Красной Армии перешел в наступление и за несколько дней боев освободил 200 населенных пунктов Тульской области.

Нас же, 16-17-летних бойцов, берегли и использовали в ночных дежурствах в Зареченском райкоме партии и комсомола (они находились в одном здании) рассыльными по доставке секретной почты обкомов партии и комсомола в районы области, для проведения агитработы и сбора шкур на пошив шуб для армии в деревнях, а также для других поручений.

В апреле 1942 года мне и многим моим товарищам предложили переправиться за линию фронта в партизанские отряды. Часть ребят согласились и воевали в партизанских отрядах после окончания разведшкол. Другая часть, в том числе и я, попросили направления в военные училища, нам пошли навстречу, и в августе, по моему желанию, я был направлен в 1-е Горьковское танковое училище, которое окончил в мае 1943 года. После присвоения воинских званий (мне присвоили звание

«младший лейтенант»), в июне, нас отправили в Нижний Тагил, где мы получили танки с экипажами.

В мой экипаж входили: механик-водитель Овчинников Федор Семенович, работавший до войны помощником машиниста на железной дороге, ушедший на фронт, отказавшись от брони, живший в Московской области в городе Люберцы, ему было больше тридцати лет; башенный стрелок Дмитриев Владимир, ленинградец, 1921 года рождения, служивший до войны на флоте, стрелок-радист Резников, 1923 года рождения, из Узбекистана.

После боевых тренировок в Нижнем Тагиле, в сентябре, нас отправили на пополнение 1-го гвардейского ордена Ленина, ордена Красного Знамени, ордена Суворова 2-й степени Донского танкового корпуса, которым тогда командовал генерал-майор Панов Михаил Федорович. В корпусе я служил в 17-й гвардейской Орловской танковой бригаде. Командиром бригады был полковник Шульгин Борис Владимирович.

В ночь на 6 ноября 1943 года корпус переправился через Днепр под Лоевым, сосредоточился в лесу и готовился к прорыву 1-го Белорусского фронта. На рассвете 10 ноября с нами, командирами танков, провели рекогносцировку позиций немцев, а в одиннадцатом часу началась артиллерийская подготовка, длившаяся около часа. Во время артподготовки танки заняли исходные позиции. После переноса артогня с передовых позиций немцев в глубину их обороны, посадив на танки пехотинцев, мы двинулись на прорыв фронта. Наша 17-я гвардейская танковая бригада прорывалась с правого фланга, и мой танк был вторым с правой стороны. Прорвав фронт, мы начали углубляться в позиции немцев, но вскоре танк правее меня, в котором находился командир взвода лейтенант А. Калиниченко, и мой танк были подбиты. Командир взвода был ранен в живот и еле выбрался из танка, его башенному стрелку оторвало голову, а механик-водитель и стрелок-радист – не были ранены.

Я с экипажем оставался в танке, и мы продолжали обстреливать позиции фашистов, так как был такой приказ: если танк подбит, а вооружение его исправно, то покидать машину запрещалось.

Вскоре в мотор попал второй снаряд, танк заполнился дымом, и мы были вынуждены через нижний люк покинуть его. И как оказалось, очень вовремя, так как вскоре еще один снаряд попал в башню. Наш экипаж ранен не был. Мы подползли к раненому лейтенанту. Его механик-водитель, развернув танк, решил отправиться в тыл и просил нас помочь лейтенанту забраться в танк. Но тот отказался и остался с нами. Мы все вместе, помогая раненому лейтенанту, поползли к лесу, который находился в нескольких десятках метров правее нас. Мы доползли до опушки и укрылись в орудийном гнезде немцев, которое было покинуто ими. Из орудийного гнезда мы наблюдали, как в прорыв фронта пошел второй эшелон танков и самоходных орудий, и как их, пропустив вперед, обстреливали и подбивали немцы, которые, как оказалось, находились в лесу, где были мы. В поле, метров 800-1000 от нас, находилась деревня, через которую проходили наши войска и тылы. Увидев их, я решил, что надо, чтобы забрали раненого лейтенанта, и послал в деревню стрелка-радиста известить о нем. Через поле идти было опасно, и он пошел опушкой леса. Прошло довольно много времени, он не вернулся, никто не пришел, и я послал механика-водителя. Он тоже не вернулся.

Лейтенант лежал на земле, издавая стоны. Мы с башенным стрелком решили нести его в деревню, и я послал башнера в танк за плащ-палатками, чтобы изготовить носилки для лейтенанта, и за дисками для автомата и гранатами. Когда он вернулся, и мы уже делали носилки, к нам из леса вышел раненый в руку солдат и спрашивает: «Танкисты, как пройти в тыл?» Мы сказали, что тоже собираемся в тыл, и он попросился остаться с нами и пойти вместе.

Вскоре мы увидели, как из деревни к подбитому танку, стоявшему в поле недалеко от леса, идут трое наших военных, а на опушке их поджидают два немца. Когда наши подходили к танку, немцы открыли огонь, и наши побежали обратно в деревню, один из них хромая. Немцы углубились в лес.

Мы уже собирались укладывать лейтенанта на носилки, как вдруг увидели, что к нам приближаются

немцы. Раненый солдат снова ушел в лес, откуда и пришел, а мы с башнером заняли окоп орудийного гнезда и приготовились к бою. Волнуясь, башнер сказал: «Кажется, автомат стоит на одиночный выстрел», и перевел, как ему казалось, на автоматическую стрельбу. Это была его роковая ошибка.

Немцы, видимо, даже не думали, что мы можем находиться в орудийном гнезде. Они шли и, ни о чем не подозревая, просто разговаривали. Вероятно, они решили вернуться на покинутые в этом лесу позиции. Они шли плотной кучкой и, увидев нас, - просто остолбенели, остановившись максимум в десяти метрах от нас. Башнер выстрелил, как оказалось, одиночным выстрелом, я бросил гранату и крикнул: «Бежим к танку». Немцы залегли. Пробежав метров десять, залегли и мы. Когда взорвалась граната, мы поднялись, я бросил еще гранату и, пробежав еще метров десять, залегли и мы. После взрывов гранат немцы начинали нас обстреливать, и когда я поднимался второй раз, пуля попала мне в подмышку правого плеча. После второго взрыва мы продолжили под обстрелом немцев бежать к танку. Я бежал зигзагами, не давая этим прицелиться в себя. Башнер бежал по прямой и был убит, а мне пробили мышцу правой голени, но я продолжал бежать. Одна из пуль срезала поясной ремень, на котором висела еще одна граната. Добежав до танка, я спрятался за него, отдышался и вновь побежал к деревне. Бежал по полюю, которое, видимо, использовалось для посева картофеля, и на нем оставались следы от борозд. Когда я добежал до борозды, внезапно неподалеку от меня взорвалась мина, нанеся мне несколько осколочных ранений, я упал, пополз по борозде и уже в сумерках дополз до полевого охранения нашей передовой линии фронта. Там меня перевязали и отправили в деревню, где я встретил своего механика и радиста. Оказывается, их не пустили обратно к нам, объяснив, что в лесу немцы.

Утром 11 ноября меня отправили в военно-полевой госпиталь, потом в госпиталь под Черниговом, где около месяца я пролежал не поднимаясь с койки. После чего меня отправили на лечение в тыл, и я оказался в Тульском госпитале. Из Тульского госпиталя я связался с

механиком-водителем и из его письма узнал, что его и стрелка-радиста, за участие в прорыве фронта, наградили медалями «За отвагу», а меня нет. Считаю, что это правильно, так как я лежал в госпитале, а они продолжали воевать, и им надо было поддерживать боевой дух.

Уже после войны я узнал, что лейтенант остался жив. Видимо, когда немцы обстреливали нас, он, воспользовавшись ситуацией, смог уползти. Механик-водитель и стрелок-радист – погибли в боях.

Из госпиталя меня выписали 28 февраля 1944 года. Последствия ранений не позволили сесть в танк, так как не совсем зажила рана на левой ноге, и нога не полностью разгибалась, не было силы в правой руке (одним пальцем не мог нажать на курок пистолета), и выписав, меня направили в 66-й отдельный аэродромно-строительный батальон на должность командира автовзвода с долечиванием в санчасти батальона. Но автовзвод мне, 19-летнему, не доверили и назначили командиром саперного взвода. Мы строили военно-полевые аэродромы на 3-м Белорусском фронте с марта по июль 1944 года, на 1-м Прибалтийском фронте с июля 1944 года по февраль 1945 года, на 2-м Прибалтийском фронте с февраля по апрель 1945 года и на Ленинградском фронте с апреля по май 1945 года, готовясь к наступлению нашей армии. Строили не только в прифронтовой полосе, но и непосредственно на передовой, на территории между пехотой и дальнобойной артиллерией. Иногда под обстрелом немецких самолетов и артиллерии.

Закончил войну в Латвии под Митавой.

Кроме меня из нашей семьи воевали четыре моих брата и сестра.

Большаков Сергей Иванович, 1907 года рождения, был призван в июне 1941 года, солдат. Погиб под Ленинградом весной 1942 года.

Большаков Павел Иванович, 1914 года рождения, в 1940 году окончил Химический факультет МГУ, получил звание лейтенанта и распределение на химическое предприятие в Москве, где ему дали бронь от призыва в армию, но в начале войны он отказался от брони и ушел на фронт. Погиб в 1941 году в Белоруссии.

Большаков Иван Иванович, 1916 года рождения, был призван в 1941 году, солдат. Погиб весной 1942 года под Великими Луками.

Большаков Василий Иванович, 1919 года рождения, служил в войсках противовоздушной обороны города Тулы с августа 1941 года по 1945 год, а с 1945 года по 1946 год служил на Дальнем Востоке. Начал службу солдатом, а вернулся в 1946 году сержантом. Умер в 1951 году. Имеет награды: «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Большакова Любовь Ивановна, 1921 года рождения, была студенткой Тульского механического института. Во время осадного положения Тулы ушла на фронт и до конца войны работала вольнонаемной в штабе военной части. Награждена орденом Отечественной войны II-й степени, медалью «За боевые заслуги» и многими другими юбилейными медалями, врученными до 2000 года.

Еще в этой войне погибли Большаков Виктор Алексеевич и Большаков Василий Алексеевич, воспитывавшиеся в нашей семье.

Я демобилизовался в звании младшего лейтенанта в декабре 1948 года. Почему, получив звание в мае 1943 года, я в конце 1948 года ушел из армии в том же звании – объяснять не буду. Скажу только, что это не связано с нанесением вреда государству или армии, а связано с личными взаимоотношениями между офицерами. При демобилизации мне была дана хорошая характеристика.

Вернувшись домой, в конце декабря 1948 года, я поступил в 10 класс вечерней школы и по окончании, в 1949 году, поступил в Московский государственный университет имени Ломоносова на физический факультет. По окончании которого был распределен в аспирантуру при Морском гидрофизическом институте АН СССР, где после аспирантуры работал до июня 1963 года. В июне институт переехал в Севастополь, а я поступил на работу на физический факультет МГУ, где проработал до июня 1971 года. В июне 1971 года прошел по конкурсу в Московский геологоразведочный институт, где работал до июня 1976 года в должности доцента, а в июне 1976 года

прошел по конкурсу на должность доцента в МИХМ, где проработал до 1995 года и ушел на пенсию.

Сейчас, спустя столько десятилетий, я часто спрашиваю себя: «Почему молодежь так рвалась на фронт?» И не мальчишеское желание «повоевать» (было, конечно, и это чувство), а нечто большее – внутренняя сила толкала нас. Конечно, точный ответ на этот вопрос могут дать только фундаментальные исследования. Но, на мой взгляд, громадную роль сыграли такие факторы, как: передаваемая из поколения в поколение, порой подсознательная любовь нашего народа к России – я имею в виду все народы, населяющие ее; чувство локтя товарища и взаимовыручка удесятеряли наши силы. «Сам погибай, а товарища выручай» - этот суворовский девиз был нормой поведения на фронте; строжайшая дисциплина; сознание правоты нашей борьбы и бесчеловечности идеологии фашизма, который хотел убить человека в человеке, - все это пробуждало в нашем народе святую (не побоюсь этого слова) ненависть к врагу. Вот почему рождался массовый героизм на фронтах, а добровольцам, желающим пойти на фронт, приходилось даже отказывать.

Мы защищали не сытую и спокойную жизнь. Мы защищали честь народа и право быть человеком, а это дороже, чем сытая и спокойная жизнь.

Мои награды:

- орден Отечественной войны I-й степени. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в ВОВ 1941-1945 годов (указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года, А№481687 №ордена1453777);
- медаль «За отвагу» (1 марта 1945 года, №392152 № медали 1884227);
- медаль «За победу над Германией» (1 февраля 1946 года);
- медаль Жукова (указ от 4 мая 1996 года, №0675611);
- памятный знак «Ветеран Великой Отечественной войны » – за освобождение Калининграда;
- знак нагрудный «25 лет Победы над Германией»;
- знак «Фронтовик 1941-1945», 9 мая 2000 года.

- юбилейные медали: «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (5 января 1966 года), «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (9 мая 1975 года), «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (8 мая 1985 года), «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (22 марта 1995 года), «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (11 марта 2005 года), «50 лет Вооруженных сил Советского Союза» (14 февраля 1969 года), «60 лет Вооруженных Сил Советского Союза» (4 мая 1979 года), «70 лет Вооруженных Сил Советского Союза» (19 февраля 1988 года), «60 лет освобождения Республики Белоруссии» (11 сентября 2005 года);

- нагрудные знаки «Ветеран 1-го гвардейского Донского орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова 2-й степени танкового корпуса», «Ветеран 65 армии», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне»;

- памятный знак Московского комитета ветеранов войны «50 лет Победы».

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 3-го курса факультета машиноведения и управления качеством Московского государственного текстильного университета имени А.Н.Косыгина – ***Огальцова Анна Петровна***

Бурова Валентина Ивановна

Ничего себе… летчики! Летчики на веревочках

Я родилась 17 мая 1922 года в Сибири в городе Ишим. Биография моя, в общем-то, типична для девушек и юношей того времени. Окончила среднюю школу, поступила в институт.

В 1941 году, после 2-го курса, я поехала в Свердловск на каникулы. Прекрасное настроение, солнце, друзья. Впереди – чудесное лето. 22 июня, воскресенье, мы с подругами пошли на дневной спектакль в театр. А когда вышли, услышали выступление В.М. Молотова, из которого узнали, что Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, вторглась в пределы нашей Родины. Началась Великая Отечественная война.

Я поспешила в Москву, в институт. Студенческая жизнь круто изменилась. Учебный год начался не за партами, а в речном порту. Мы разгружали баржи с бревнами, заготавливали дрова на зиму, так как в Москве тогда, даже в центре, во многих домах было печное отопление. Институт готовился к эвакуации в г. Ижевск. По семейным обстоятельствам мне пришлось вернуться в Свердловск, где меня приняли в Уральский индустриальный институт. В начале сентября, фактически не приступая к занятиям, студенты поехали в колхозы на уборку картофеля. Зима выдалась ранняя. Мы буквально из-под снега выкапывали

картошку. Все молодые мужчины села были уже на фронте, рабочих рук явно не хватало. На сельскохозяйственных работах мы были примерно два месяца, вернулись уже в ноябре.

Сводки с фронтов были неутешительные. Нашим войскам под натиском превосходящих сил приходилось отступать, неся потери. Тяжело было читать такие сводки. Как и многие другие девушки, я ходила в военкоматы, просила направить меня на фронт. Нам объясняли, что в армию берут только тех женщин, которые имеют специальность врачей, медсестер, связисток. Пришлось продолжать учебу в институте, совмещая её с курсами медсестер, чтобы получить нужную на фронте специальность, изучать стрелковое оружие, уделять больше внимания физической подготовке. Совершенно нестерпимо было оставаться в тылу после публикации в «Правде» очерка П. Лидова «Таня» - о подвиге и мученической смерти московской школьницы-десятиклассницы Зои Космодемьянской.

Находясь на ближних подступах к Москве, гитлеровцы уже предвкушали победу, мечтали провести парад на Красной площади. На помощь Москве пришли Сибирские воинские части. Враг был отброшен ценой невероятных усилий и жертв. Наземные войска защитников столицы продолжили дальнейшее наступление, освобождая захваченные врагом территории. Но Москва осталась для гитлеровцев по-прежнему целью номер один. Командующий авиацией Германии Г. Геринг заявил: «Курс на Москву – главный курс авиации Рейха». Не сумев овладеть Москвой, они стремились разрушить ее с воздуха. Налеты вражеской авиации продолжались. Основная задача обороны столицы, обеспечения ее безопасности возлагалась теперь на войска Противовоздушной обороны – ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь, истребительная авиация, зенитная артиллерия, аэростатные части).

Но много молодых, хорошо обученных военному делу мужчин, из войск ПВО, направлялось в стрелковые, минометные и другие фронтовые маршевые подразделения. Перед Командованием встала проблема: как не допустить ослабление противовоздушной обороны столицы, чтобы москвичи могли жить и трудиться, не опасаясь бомбежек.

И вот наступил наш час! В начале 1942 года в ЦК ВКП(б) был поставлен вопрос о призыве женщин в войска противовоздушной обороны страны. Проводилась эта работа интенсивно. Большинство девушек пришли добровольно, повестку нам выписывали, чтобы мы могли объяснить свой уход с работы или учебы.

Мы, конечно, не знали, где будем служить, в чем будет состоять наша служба. Но главное – мы будем защищать нашу Родину.

И вот началось формирование девичьих эшелонов на Урале, в Ивановской, Кировской областях, в республиках Поволжья.

Тогда на службу через комсомол было призвано около 10 тысяч девушек. Москва встретила нас сурово: заграждения из мешков с песком, противотанковые ежи. На грузовых машинах нас повезли в Чернышевские казармы. Ехали через Красную площадь, многие девушки в Москве были в первый раз.

После прохождения медицинского осмотра прошло распределение. В комнату, где определялась наша судьба, вошел майор Кузнецов. Посмотрев на нас, он весело сказал: «Такие девушки нам в АЗ нужны». Мы тоже были рады: на шинели майора голубые петлички с птичками, не может быть никаких сомнений, мы идем служить в авиацию.

Едем на учебный пункт. Подмосковное Кунцево. Началась учеба. Мы узнали, что АЗ – это аэростаты заграждения. Внешне похожий на дирижабль, он заполняется водородом. Системой веревочных спусков и строп, специальным замком аэростат прикрепляется к металлическому тросу, который наматывается на барабан лебедки, смонтированной на автомашине ГАЗ-АА. По команде «сдать аэростат» моторист включает лебедку, аэростат, подготовленный к полету, поднимается в воздух, вытягивая за собой трос. Одиночные аэростаты поднимались на высоту 2500 метров, двойные («Тандемы») – на 4500-5000 метров. Они выставлялись в одну или две линии в направлении наиболее вероятного подхода самолетов противника к объекту. Действия аэростатов заграждения были рассчитаны и на уничтожение или повреждение самолетов противника при столкновении с тросом и подвешенными к тросу минами.

Мы смотрели на это воздушное сооружение и думали с разочарованием: «Ничего себе… летчики! Летчики на веревочках». Но ничего не поделаешь, надо служить там, куда определила тебя твоя армейская судьба.

Жили мы в бараке, в котором были устроены сплошные – от стены до стены – нары. Разбили нас по отделениям. В нашем отделении из двенадцати девушек было шесть Валентин, и спали мы «через Валентину». С некоторыми из девушек служили в одном полку всю войну. Хорошо помню с того времени Валю Рукавишникову, Валю Лобанову и других.

Помню первую тревогу ночью. Выбежали мы по сигналу быстро, построились. Но когда проверили, ахнули: кто-то одел шинель прямо на белье, кто-то сунул в ботинки босые ноги… На повторных тревогах такого уже не повторялось.

Старались быстрее втянуться в армейскую жизнь, освоить Воинские Уставы и Наставления Красной Армии, прошли ускоренный курс строевой и стрелковой подготовки, изучали винтовку, противогаз, большое внимание уделялось изучению снаряжения и эксплуатации аэростата.

После принятия Военной присяги мы были распределены на посты (так называлась наша боевая точка).

Постепенно привыкали к нелегкой армейской службе, приобретали опыт. Служба в аэростатных частях, несмотря на кажущуюся простоту, требовала внимания, выносливости, ответственности. Порой возникали экстремальные ситуации, которые требовали мгновенного принятия решения. Мы узнали об отважном поступке командира поста сержанта Дмитрия Велигуры. Произошло это в декабре 1941 года. 5 декабря 1941 года части Красной Армии, защищая Москву, переходят в контрнаступление. Против вражеской авиации задействованы все средства ПВО. В небе Москвы свою боевую вахту всю ночь несут и аэростаты заграждения, в том числе расчет старшего сержанта Велигуры. Под утро приказ: «Выбрать аэростат». Ровно работал двигатель лебедки, наматывая трос на барабан. Все устали, продрогли. Ночь была тяжелая. Налет вражеской авиации длился почти 6 часов. Наконец, из предрассветной дымки показался аэростат. Необходимо было подтянуть аэростат. Командир поста, сержант Велигура первым крепко ухватился за поясные. И тут произошло неожиданное: лопнул трос и аэростат рванул в

небо, унося командира поста. Бойцы в оцепенении смотрели на улетающего командира, не в состоянии ничем ему помочь. Была секунда, когда он мог бы отпустить поясную и упасть на землю. Но он не раздумывал. Ему известно, как дорог аэростат! Аэростат должен быть спасён! Только бы добраться до клапана! Для этого надо подтянуться на тонкой поясной 15 метров. Каждый метр – это шаг к спасению аэростата, и теперь уже и к его собственному спасению. Наконец цель достигнута, клапан уже около него. Потихоньку Велигура начал выпускать газ, и аэростат начал снижаться. Приземлился Велигура в 110 км от Москвы. За мужество, героизм и спасение материальной части сержант Велигура был награждён орденом Красного Знамени, получил звание старшины и навсегда вошёл в историю аэростатных войск страны.

До середины апреля 1942 года в частях аэростатов заграждения служили исключительно мужчины. По физической нагрузке эта служба была одной из самых трудных. Об этом говорили девушки, которым пришлось служить и в других частях ПВО.

Командир нашей дивизии генерал-майор Бирнбаум Эрнест Карлович, известный воздухоплаватель, был человеком строгим, требовательным, порой суровым, но справедливым. Никаких поблажек «слабому полу» не делал. Он внимательно следил за тем, как осваивает новое пополнение аэростатную службу, часто посещал посты, наблюдал за нашей работой, а также и в боевой обстановке. Он убедился в том, что девушки не хуже мужчин выполняют служебные обязанности, хорошо изучили технику, уверенно действуют, точно и слаженно выполняют команды.

Нашему посту, командиром которого был старшина Н. Яловенко, было присвоено имя Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Несколько девушек нашего поста (в том числе и я) были награждены медалью «За боевые заслуги», позднее были назначены командирами постов.

Первой девушкой – командиром поста в нашем полку была Аня Чахнина. Фотография её расчёта, полностью женского, на фоне аэростата неоднократно публиковалась в газетах и книгах. Но Аня, к сожалению, ни разу не приезжала на встречи однополчан и об её послевоенной судьбе ничего не знаю.

Наиболее трудной и ответственной в нашей службе была должность лебёдочного мотористa. Моторист в аэростатной части - это, прежде всего, первоклассный шофёр. Он должен уметь не только плавно, слаженно «сдать» аэростат, но и чувствовать поведение АЗ в воздухе, следить за натяжением троса, при необходимости сманеврировать и, конечно, вернуть аэростат на землю. Ежедневно должен проверять исправность механизма, в любую минуту быть готовым к боевой работе.

Командование рискнуло приобщить девушек и к этой трудной работе. Были организованы курсы, на которых обучались девушки этому ответственному делу. И они справлялись. Например, Нина Двойникова не только сама стала мотористом, но и преподавала на курсах. А Дуся Кучумова и Маша Мурзина и после демобилизации стали работать на машине: одна на заводе башенных кранов, а другая на «скорой».

Большого физического напряжения требовала доставка водорода для «подпитки» аэростатов. Химический завод, где аэростатчицы получали газ, находился на расстоянии 15-20 км от постов. Девушки-аэростатчицы вели огромные зелёные баллоны (в голодной военной Москве их назвали «колбасками»), наполненные газом газгольдеры, держа в руках верёвочные «поводки». Хотя для устойчивости газгольдеров имеются крепления, на которые подвешиваются мешки с песком, управлять ими было довольно трудно. При малейшем дуновении ветра газгольдер метался из стороны в сторону, при более сильном порыве ветра он буквально рвался из рук. При транспортировке газа порой происходили разные нештатные ситуации. Однажды, во время «путешествия» с газгольдером внезапно сильный порыв ветра перебросил газгольдер через парапет набережной, по которой девушки вели свой груз. Но ни одна не выпустила из рук поясные верёвки. Аэростатчицы искупались в Москве-реке, с большим трудом пробуксовали огромный газгольдер к берегу, вытащили его и доставили на пост.

К концу 1942 года рационализаторы инженер-капитан Немцев и сержант Мещеряков сконструировали удобные металлические повозки на автомобильных колёсах. Поезд из двух таких повозок с газгольдерами буксировался грузовой

автомашиной. С изобретением таких повозок мы были освобождены от утомительных путешествий за газом.

Жизнь испытывала нас на прочность. 21 апреля 1943 года метеослужба объявила штормовое предупреждение, но силу шторма предусмотреть было невозможно. В тот день падали деревья и телеграфные столбы, ветер срывал крыши сараев, валил с ног людей. Расчёты всех постов АЗ в полном составе находились на биваках (площадка, на которой устанавливался аэростат в то время, когда он не находился в воздухе). Аэростаты и газгольдеры были закреплены, загружены балластом, но сила ветра была такова, что не выдерживали крепления, весь расчёт буквально висел на бивачном такелаже, стремясь удержать аэростат. Особенно сильная буря разразилась в районе подмосковного Люблино, где командиром поста тогда была ефрейтор Настя Васильева. Газета «Тревога» писала: «Преодолеть огромную силу ветра было невозможно. Аэростат рванулся и, перевалив через высокий бруствер, понёсся, гонимый ветром, на свободу. Сильным толчком всех бойцов оторвало от верёвок. Удержаться удалось лишь командиру поста Васильевой и красноармейцу Андреевой». Улететь высоко аэростат не мог, так как был загружен балластом, его несло по пустырю со страшной силой, Настю бросило на камни. Теряя сознание, она шептала: «Улетит, улетит…» Аэростат не улетел, его удалось спасти, но ценой жизни командира поста, Анастасии Васильевой.

Посмертно она была награждена орденом Отечественной войны II-й степени. Боевой расчёт, которым она командовала, стал носить её имя.

Конечно, были случаи, когда везло намного больше. Во время апрельской бури в таком же положении, как и Настя Васильева, оказалась Маша Иванова. Сильным порывом ветра аэростат подняло над землёй почти на 30 м. Порвались почти все крепления, Маша одна висела на аэростате. Немели, затекали пальцы. Вырванным из земли штопором её било по плечам, спине, лицу. Маша выдержала. К счастью, штормовой вал ушёл в сторону. Маша Иванова была награждена медалью «За отвагу».

В сентябре того же 1943 года в Москве снова разразилась буря. Опять валились деревья и столбы, вылетали

стёкла из окон домов - повторилась ситуация апреля 1943 года. Погибли две аэростатчицы – старший сержант, моторист Зоя Евдокимова и рядовая Шура Окорочкова. Обе были посмертно награждены орденом Отечественной войны II степени.

Неся боевую службу, мы стремились, по возможности, дополнительно делать для страны что-то полезное. Прежде всего, это было донорство. В аэростатных частях, ввиду больших физических нагрузок, донорство не поощрялось, даже запрещалось. Однако, почти все девушки, которым разрешали врачи, систематически сдавали свою кровь раненым. Всего, только в нашей дивизии, было сдано свыше 500 кг крови. Мы рады, что наша кровь помогала восстанавливать здоровье раненым бойцам.

В нелётную погоду мы ходили на дежурство в госпитали. Кроме того, были командировки в подсобное хозяйство части, созданное ещё до войны. В условиях трудностей с продовольствием в годы войны это хозяйство было хорошим подспорьем.

В армии я вступила в ряды Коммунистической партии. Когда меня избрали парторгом звена, а затем отряда, мне пришлось много бывать на постах, узнавать людей ближе. Главная задача парторга - работа с личным составом в плане боевой и политической подготовки. И часто приходилось встречаться с бойцами. В любое время могла появиться то на одном, то на другом посту. По крупицам собирала лучший опыт и затем его распространяла среди бойцов. Девчонки (конечно, как и я) тосковали по дому, переживали, если долго не было писем, ждали с нетерпением, когда кончится война, как встретятся со своими близкими. Радовало то, что встречали они меня приветливо, делились своими секретами и твёрдо верили, что секреты я хранить умею. И сейчас, когда заглядывая порой на обратную сторону подаренной мне фотографии, читаю: «Любимому парторгу на память», мне становится тепло и приятно на душе.

Жаль только, что нас всё меньше приходит на встречу 9 мая к Большому театру. Вспоминаем минувшее. Каждый год приезжает из Киева Оля Кодак, из Ростова-на-Дону – Саша Васильева. Встречаемся у кого-нибудь дома. Рассказываем уже не столько о детях, сколько о внуках и правнуках.

С Ниной Фокиной из города Тейково Ивановской области мы познакомились в начале нашей службы. И дружба эта продолжается по сей день. После демобилизации она работала на комсомольской и партийной работе, затем получила высшее образование, около 30 лет была директором средней школы в Подмосковье, преподавала историю.

В Москве живёт Шура Бадьина. Она прибыла в Москву со вторым призывом, осенью 1942 г. В первый призыв ей не удалось пойти в армию – ей было всего 16 лет.

Но когда был объявлен второй призыв, она проявила «красноармейскую находчивость». Из военкомата пришла повестка на имя её старшей сестры. С этой повесткой Шура сумела обойти все преграды и попасть в эшелон, который отвозил девушек на фронт. Шура прослужила во 2-м отряде нашей дивизии около трёх лет. Очень много работала в Подольском военном архиве и собрала большой материал о нашей дивизии и других частях ПВО г. Москвы.

Часто звонит нам Валя Фёдорова из города Гороховец Владимирской области. Пост, на котором она служила, стоял на площади Пушкина. Фотография аэростата в воздухе на фоне памятника А.С. Пушкину часто используется в кино и печатных изданиях.

Закончилась война, закончилась боевая воинская служба, началась мирная жизнь с новыми заботами и проблемами. Я поступила на исторический факультет Московского государственного университета. Моя дипломная работа была посвящена труженикам Урала в годы Великой Отечественной войны. Без трудового подвига советского народа победа была бы невозможна.

Затем 40 лет работала в Центральном музее В.И. Ленина в качестве лектора. Избиралась депутатом Свердловского и Ленинского районных советов города Москвы. Более 10 лет была председателем военно-шефской комиссии музея. Выступала в воинских частях, помогала организовывать выставки, в музее проводились встречи молодых воинов с ветеранами, Героями Советского Союза. С 1994 года я в активе Московского комитета ветеранов войны.

Мне присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Помимо боевых наград, у меня есть орден Дружбы народов.

Служба девушек в войсках противовоздушной обороны - это большой и славный этап в их боевой истории. Родина высоко оценила ратный труд своих дочерей. Очень многие из добровольцев были награждены орденами и медалями. Но, конечно, главной наградой для них стало сознание честно выполненного долга перед Отчизной в трудный час испытаний.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1-курса факультета экономики и менеджмента Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Жирнова Мария Николаевна***

Гаевский Виктор Павлович

На гребне высоты 649 наш батальон занял круговую оборону

Я родился 5 августа 1925 года в селе Гагино Троекуровского района Рязанской области (ныне Липецкой).

До 1991 года я был членом КПСС, вступил в партию в окопах перед боем на 2-м Украинском фронте. С 1991 года прекратил пребывание в КПСС. Возглавляю комиссию по патриотическому воспитанию молодежи. Ныне полковник в отставке.

Весной 1942 года окончил Лебедянскую среднюю школу. Вступил в 1940 году в члены ВЛКСМ. В школе являлся секретарем комитета комсомола. В августе-сентябре 1941 года с группой комсомольцев-старшеклассников добровольно участвовал в сооружении оборонительных укреплений на подступах к Москве. После окончания школы до призыва в армию работал в Лебедянском районном исполкоме Липецкой области в должности Председателя районного комитета по делам физкультуры и спорта, одновременно выполнял обязанности секретаря Райкома комсомола по военно-патриотической работе.

В январе 1943 года был призван в ряды Красной Армии и направлен в Южно-Уральское военно-пулеметное училище. После окончания училища в его составе проходил службу в гвардейских воздушно-десантных войсках: 18-й воздушно-

десантной бригаде, которая затем была переформирована в 296-й гвардейский стрелковый полк 98-й гвардейской стрелковой дивизии. Был командиром пулеметного расчета и комсоргом роты, а затем комсоргом батальона 303-го стрелкового полка 99-й гвардейской Свирской стрелковой дивизии (август 1944 - август 1945 гг.).

Участвовал в Великой Отечественной войне с 3 мая 1944 года по 12 мая 1945 год (уничтожали группировку фашистского генерала Шернера вплоть до 12 мая). Находился на Карельском, 2-м и 3-м Украинских фронтах. Был дважды ранен (одно касательное и одно тяжелое). С августа 1945 года по сентябрь 1947 года - курсант Ленинградского дважды Краснознаменного военно-политического училища им. Ф. Энгельса. С сентября 1947 года по июль 1950 года - заместитель командира артиллерийского дивизиона по политической части 237-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной Черниговской дивизии (Ленинградский военный округ). Затем окончил Высшую школу офицеров-пропагандистов Советской Армии (город Смоленск).

В 1956-1961 годах - пропагандист танкового полка и старший инструктор политотдела дивизии Группы советских войск в Германии (ГСВГ). По совместительству работал преподавателем вечернего университета марксизма-ленинизма. В 1961 году окончил заочно Воронежский государственный университет (исторический факультет). С октября 1961 года по сентябрь 1968 года - старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Киевского высшего общевойскового командного училища имени М.В. Фрунзе. Одновременно преподаватель университета марксизма-ленинизма при Политуправлении КВО, с сентября 1968 года - старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Военной академии имени Фрунзе. С мая 1980 года по 1991 год - доцент кафедры политологии Московской государственной академии тонкой химической технологии имени М.В. Ломоносова.

В 1976 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме: «Пролетарский интернационализм и защита социализма». В 1980 году мне присвоено ученое звание «доцент». Имею печатные

публикации в объеме более 200 печатных листов, в том числе и две книги, написанные в соавторстве, 20 брошюр. С 1968 года по 1990 год - лектор Правления Всесоюзного общества «Знание» (военно-патриотическая секция).

За преподавательскую, лекторскую и патриотическую работу награждался грамотами, ценными подарками, почетными знаками и медалями.

В 1945 году на фронте был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ «За отличные боевые действия и активное участие в комсомольской работе», а в 1980 году - Почетной грамотой Ленинского РК КПСС «За активное участие в подготовке и проведении игр XXII Олимпиады в городе Москве» (в это время руководил группой идеологического актива района). С января 2001 года - председатель комиссии по патриотическому воспитанию Московского комитета ветеранов войны (МКВВ), член бюро МКВВ. Воинское звание - полковник в отставке. Кандидат философских наук, доцент.

Обо мне написано в книгах: «Москва прифронтовая» (издательство «Патриот», Москва, 2006 год), «Солдаты XX века» (Москва, 2005 год, выпуск 4-й, том 2).

Мои награды:

- орден Отечественной войны I-й и II-й степени;
- орден Красной Звезды;
- медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть»;
- еще 25 юбилейных медалей.

60 лет прошло с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Но каждый советский человек, живший в то тяжелое для нас время, особенно воин-фронтовик, никогда не забудет великого подвига советского народа и его детища - Вооруженных Сил страны социализма.

Обращаясь к документам и подлинным материалам времен сурового испытания, которое выпало на нашу долю, и перед нами снова и снова открывается панорама войны с фашизмом, бессмертный подвиг славных сынов Отечества. Мужество и героизм советских воинов не имеет себе равных во всей мировой истории.

Мне особенно запомнился последний период Великой Отечественной войны, и я хочу рассказать нашим читателям о

доблести бойцов и командиров 1-го гвардейского стрелкового батальона, 303-го гвардейского стрелкового полка, 99-й гвардейской Свирской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени стрелковой дивизии, 9-й гвардейской Отдельной армии, которая в феврале 1945 года вошла в состав 3-го Украинского фронта для прорыва сильно укрепленной обороны гитлеровцев юго-западнее города Будапешта и разгрома их Болотонской группировки. Батальоном командовал тогда гвардии старший лейтенант Евгений Николаевич Кряжевских, а мне в это время выпала честь быть комсоргом этого батальона. Батальон был сформирован из воздушных десантников, большинству которых было не более 20 лет.

После наступления, начатого 16 марта 1945 года под городом Секешфехервар (Венгрия), наши войска в результате упорных многодневных боев разгромили вражескую группировку войск, 11 немецко-фашистских бронетанковых дивизий, овладели Секешфехерваром и успешно продолжали наступать. 12 апреля 1-й гвардейский стрелковый батальон под командованием Е.Н. Кряжевских в результате трехдневных ожесточенных боев контратаковал противника и овладел городом Берндорф и местечком Вайстау (Австрия). Здесь мы похоронили под трехкратный залп командира пулеметной роты гвардии капитана Костоглота.

Бои на высоте 649

Батальон получил новую задачу - выйти на дорогу Потенштеин-Гутенштейн и отрезать подходящие к Вене резервы противника. Дорога эта проходила между двумя высотами, покрытыми лесом. По правым скатам высоты двигался наш батальон, а по левым - 3-й батальон полка под командованием майора Павленко.

Еще не успели мы обойти деревню Пеллау справа (в 50 км от Вены), как противник предпринял контратаку во многом превосходящими силами при поддержке артиллерийского и минометного огня и овладел деревней. Здесь погибли, храбро сражаясь, гвардейцы минометной батареи полка и артбатареи нашего батальона. Фашисты окружили 1-й стрелковый батальон на высоте 649 и юго-западнее этой высоты - 3-й батальон. Позже выяснилось, что командир 3-го батальона

гвардии майор Павленко погиб вместе с бойцами, находившимися с ним в одном километре южнее высоты 649. Оставшиеся в живых гвардейцы батальона ночью присоединились к батальону Кряжевских, вокруг которого уже образовалось тройное кольцо вражеского окружения.

На гребне высоты 649 наш батальон занял круговую оборону. С 13 апреля 1945 года по 18 апреля гвардейцы батальона Кряжевских отбивали в день от 6 до 13 атак эсэсовцев. Окруженный со всех сторон батальон, прочно удерживал важную стратегическую высоту 649. Фашисты окопались вокруг нашего батальона на удалении 25-150 метров. Уже 16 апреля в батальоне не осталось воды и продуктов питания. Пришлось воспользоваться мясом лошади, которая случайно оказалась в расположении батальона. Понятно, лучшая часть этого мяса распределялась среди раненых (комбату я принес кусочек лошадиного сердца). Чтобы принести котелок грязной воды в батальон, гвардейцы вели упорные ночные бои, чтобы выйти непосредственно в деревню Пеллау, где находился колодец. Я помню, как были убиты в одном из этих боев два бойца 3-й роты, которой командовал гвардии старший лейтенант Вихвадзе. Каждое движение советского воина, находившегося во вражеском окружении, вызывало град пуль вражеских минометов и снайперов. Совершить же хотя бы незначительный маневр было совершенно невозможно.

Кончались боеприпасы. Командир батальона приказал стрелять в фашистов только в упор и только наверняка. После каждой отбитой атаки противника бойцы батальона забирали у убитых немцев оружие и боеприпасы, направляя их против врага.

С 14 по 18 апреля 1945 года батальон, находясь в тылу врага на высоте 649, в трудных условиях горно-лесистой местности, отбил более 30 контратак противника, уничтожив более 600 вражеских солдат и офицеров (эти данные взяты мною из аттестационного материала Е.Н. Кряжевских).

В одной из боевых характеристик командования, данной командиру нашего батальона, говорится: «...На протяжении всех боевых действий был стойкий решительный и волевой командир, чем вселял уверенность в своих подчиненных, которые, следуя примеру своего командира, воюют храбро и

умело, за что в батальоне награждено правительственными наградами 90% личного состава...»

Однажды в горах

На всю жизнь остался в моей памяти такой эпизод. Батальон продвигался однажды по горно-лесистой местности. Впереди шел комбат и рядом с ним комсорг батальона. Я первый увидел, как прячась, от дерева к дереву навстречу нам движется длинная цепь фашистов. Идущий впереди немец вскинул автомат, целясь в комбата. Мне пришлось схватить его за плечи и прижать к земле. Евгений Николаевич круто выругался: «Что, мол, ты делаешь?» Но тут же прозвучала автоматная очередь. Я лежал на комбате. В этот момент у меня свалилась с головы пробитая пулей пилотка. Комбат остался жив.

Ураганным огнем батальона много фашистов было убито, а остальные разбежались. За спасение жизни командира я был представлен к правительственной награде - ордену Красной Звезды.

Коммунисты и комсомольцы всегда впереди

Был и такой случай. Во время атаки противника, автоматная очередь немца задела мою одежду и разрезала ремень планшетки, которая упала с плеча. Но... я остался жив. Однако вернемся к рассказу о гвардейской доблести бойцов батальона.

Связь со штабом полка была прервана. Имевшаяся в батальоне радиостанция оказалась разбитой осколками вражеского артиллерийского снаряда. Совсем близко раздавались крики врага на русском языке: «Сдавайтесь, Иваны!», «Слушай, не стреляй, а ползи к нам, вы окружены и погибнете!» и т.п.

Но нет! Гвардейцы батальона Кряжевских стояли насмерть. Они понимали, что захват и удержание высоты определяло выполнение задачи дивизии. Их вдохновляла любовь к своей Родине, своему народу, ненависть к врагу, вера в скорую победу.

Душой и сердцем батальона были коммунисты и комсомольцы. Они прямо в окопах получали боевые партийные и комсомольские задания и с честью их выполняли.

В два эшелона шли в одну из контратак 300 пьяных гитлеровцев на маленькое подразделение коммуниста Игнатенко. Позади своей трусливой банды гитлеровские офицеры поставили специальные заградотряды с пулеметами. Они не надеялись на своих солдат и приказали стрелять в каждого, кто попытается бежать назад. На каждого нашего бойца приходилось 8-10 фрицев. Но гвардейцы не дрогнули. Они спокойно подпустили немцев на близкое расстояние, а потом открыли по ним губительный огонь. Почти вся первая цепь фашистов была срезана. Немцы не выдержали нашего огня и побежали назад. Тогда гвардеец комсомолец Мелентьев во весь голос крикнул: «Вперед, в атаку, гвардейцы! Добьем, проклятых фашистов!» Гвардейцы поднялись и решительной атакой завершили разгром немцев. Более 100 вражеских трупов осталось на поле боя. В этих боях особенно отличился комсомолец гвардии ефрейтор Александр Ельчищев.

Не примирившись с потерей важного рубежа, высоты 649, которой решительным натиском на врага овладели гвардейцы офицера Кряжевских, немецкие офицеры бросили в контратаку все силы, всё что имели.

Подпустив гитлеровцев на близкое расстояние, непрерывно и точно бил пулемет ефрейтора Ельчищева. Как подкошенные, валились гитлеровцы на каменистую землю, а затем катились вниз. Быстро слетела с бандитов их первоначальная спесь. Они повернули назад и побежали, а пулемет Ельчищева все бил и бил. Пули догоняли немцев, валили их наземь.

Через несколько минут немцы повторили контратаку. На этот раз Ельчищев подпустил немцев на 100 метров, а затем резанул их длинной очередью. Несколько гитлеровцев свалились на землю. Остальные, несмотря на потери, лезли через трупы вперед. Огонь нашего пулемета вырывал из вражеских цепей одного солдата за другим. Немцы не выдержали и в страхе побежали назад.

Враг рассвирепел. По позиции наших пулеметов он сосредоточил огонь минометов, пулеметов, снайперов. Вокруг рвались мины, с воем летели осколки, роем неслись пули. Но

пулемет Ельчищева продолжал работать, сеять ужас и смерть в лагере врагов.

Через полчаса немцы снова повторили контратаку. «А ну, Саша, дай сволочам прикурить», - крикнул соседний стрелок. И Саша давал немцам «прикурить» короткими и длинными очередями. Четырнадцать яростных контратак отбил герой пулеметчик. Во время пятнадцатой контратаки пулемет захлебнулся. Пуля сразила героя. Его место занял второй номер - комсомолец, рядовой Антонов. Он отбил последнюю контратаку врага.

Так сражался и погиб славный сын нашей Родины, гвардеец Александр Ельчищев. Его славное имя долго будет жить в нашей памяти, его благородный подвиг всегда будет звать нас на новые подвиги во имя любимой Отчизны.

Бойцы батальона не считали врага, а искали и били его. Коммунист гвардии старший сержант Пономарев с пятью бойцами совершил вылазку в тыл врага. Обнаружив в лесу взвод немецкой пехоты, Пономарев скрытно окружил его и внезапно обрушил на немцев огонь всех своих средств. Гвардейцы создали видимость наступления крупных сил и благодаря этому выиграли бой. Немецкий взвод был полностью уничтожен.

Рядовой комсомолец Малиев скрытно подобрался к вражескому пулемету и гранатами уничтожил его.

Бесстрашие, героизм, мужество и доблесть в этих боях проявили комсомольцы: сержант Константинович, гвардии красноармеец Васильев и другие.

Немецкий бронетранспортер с пушкой и пулеметом выдвигался по лощине, приближаясь к расположению позиций батальона. Гвардейцы заметили его. Тогда коммунист гвардии старшина Горбачев вместе с комсомольцами младшим сержантом Зуевым и красноармейцем Скрижевских по кустам подобрался к горной дороге. Как только бронетранспортер поравнялся с ними, они забросали его гранатами. Шесть гитлеровцев из расчета бронетранспортера были уничтожены, а два взяты в плен. Все это происходило ночью.

Авантюра фашистов не удалась

Видя, что сопротивление советских гвардейцев сломить нелегко, немцы предприняли новую авантюру. Апрель 1945

года в Австрии был теплым и солнечным. Хвоя, листья от деревьев и мох уже просохли. Кругом лесной массив окружал высоту 649. Гранит и лес не давали возможности гвардейцам хорошо окопаться. Чтобы окончательно «разделаться» с бесстрашными советскими бойцами, противник на наших глазах стал катить вокруг нас какие-то бочки. Оказалось, что они были с горючей смесью. Вскоре возник пожар. Огонь и дым все ближе и ближе приближались к нам... Фашисты пошли в новую атаку.

Сколько понадобилось мужества и героизма, чтобы, орудуя малой саперной лопаткой, тушить это огненное кольцо! Гвардейцы отгребали от своих позиций сухой лист и хвою, сбивали пламя со стволов деревьев. По приказу командира батальона это делали преимущественно раненые бойцы во главе со своим комсоргом батальона, которые могли еще двигаться и держать в руках лопату. Остальная же часть гвардейцев отбивала яростные атаки врага со всех сторон.

Пожар был потушен. Но сразу же начался сильный артиллерийский и минометный огонь противника. Снаряды и мины, не достигая часто земли, разрывались в воздухе, ударяясь о верхушки деревьев. Их осколки сыпались на головы гвардейцев батальона. Были ранены парторг и фельдшер батальона, ранен заместитель командира батальона по политчасти гвардии лейтенант Дерябкин. Осколок вражеского снаряда изуродовал автомат командира батальона. Но и на этот раз гвардейцы не дрогнули. Они выстояли в неравном бою.

Сослуживцы с гордостью встречают победителей

18 апреля радисты отремонтировали батальонную радиостанцию. Снова была установлена связь с полком. Батальон получил задачу - ударом с высоты 649 в направлении Вайстау уничтожить противостоящего противника.

В 23.00 часа 18 апреля после мощного артналета и удара, выходящих из окружения гвардейцев при содействии батальона автоматчиков дивизии, действующего с фронта, противник в указанном направлении был уничтожен и остатки батальона Кряжевских присоединились к частям нашей дивизии, которой командовал тогда гвардии генерал-майор Блажевич (погиб за несколько дней до Победы).

Сообщения о боевых действиях гвардейцев батальона Кряжевских в сложных условиях окружения быстро облетели все части и подразделения дивизии. В городе Берндорф, куда вышли отважные воины, уставшие от боев, бессонных ночей и дней, измученные жаждой и отсутствием пищи, висели плакаты и лозунги, приветствующие отважных храбрецов гвардейского батальона. Вышел специальный 120-й номер дивизионной газеты «Ленинец» от 21 апреля 1945 года под заголовком: «Привет гвардейцам офицера Кряжевских! Они показали высокие образцы умения, мужества, самоотверженности в борьбе с врагом».

«Наша гордость» - так называлась передовая статья этой газеты. Копию её я храню, как один из драгоценных документов Великой Отечественной войны на завершающем ее этапе.

Гордимся своим командиром

Многое можно было бы рассказать о подвигах гвардейцев батальона под командованием Е.Н. Кряжевских, начиная с июньских боев 1944 года, которые велись на Карельском фронте при форсировании реки Свирь в районе Лодейного Поля и в последующем. Тогда наша дивизия, сформированная из личного состава воздушно-десантных бригад, входила в 37-й гвардейский корпус, которым командовал гвардии генерал-лейтенант Миронов. А еще ранее курсант Московского военно-политического училища Евгений Кряжевских командовал взводом, защищая родную столицу на Можайском направлении в 1941 году. Но в одной статье этого сделать нельзя.

Наш командир батальона был несколько раз ранен и контужен. В апреле 1945 года ему присвоили звание капитана и представили к званию Героя Советского Союза. Находясь в запасе и отставке в звании майора, вел большую военно-патриотическую работу среди молодежи, особенно учащихся школ и студентов. Умер он в 1994 году.

Память сохранится на века

Я хорошо помню, когда меня принимали на фронте в члены партии, то члены парткомиссии политотдела дивизии

спросили: «Сколько комсомольцев вашего батальона награждено орденами и медалями?» «Все», - был мой ответ, ответ гвардии старшины, комсорга 1-го гвардейского батальона, 303-го гвардейского полка, 99 гвардейской дивизии, 9-й гвардейской армии.

Кроме других боевых наград, у меня 3 ордена и более 20 медалей. Я с особой любовью и гордостью храню Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ, которой был награжден на фронте «За отличные боевые действия и умелое руководство комсомольскими организациями в наступательных боях». Ее подписал Секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов. Сам я был дважды ранен. Не долечившись полностью в ЭГ 1327, в августе 1944 года я снова отбыл на фронт с госпитальной койки.

Да. Победа в Великой Отечественной войне досталась нам нелегко. Но она вдохновляет нас на новые подвиги во имя любимой Родины. Первостепенная задача ветеранов войны - донести до нашей российской молодежи героизм, стойкость и патриотизм, которые были присущи тогда советским воинам-патриотам-интернационалистам. Мы обязаны решительно бороться с фальсификаторами Великой Отечественной войны, всемерно разоблачать их домыслы и ложь, показывать истинные истоки нашего советского патриотизма и героизма воинов, славных тружеников тыла, дававших фронту все необходимое.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1-го курса, факультета экономики и менеджмента Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - ***Глечян Нарине Николаевна***

Горелов Виктор Алексеевич

Отсечь пехоту от танков!

Я родился 20 мая 1924 года в деревне Казаковка Мещовского района Калужской области.

Национальность – русский. Вероисповедование – православный.

До 1942 года был членом ВЛКСМ. С 1942 года по1990 год – член КПСС. В настоящее время беспартийный.

Воевал на Западном фронте от Подмосковья до Смоленска в составе 33-й армии 222-й стрелковой дивизии 774-го стрелкового полка 3-го отдельного батальона минометной роты.

Первая награда – медаль «За Отвагу». Награжден за ликвидацию немецкого подразделения в одной из деревень Калужской области.

Вторая награда – орден Красной Звезды. Награжден за отсечение минометным огнем немецкой пехоты от их танков.

Войну закончил в воинском звании «лейтенант». В настоящее время капитан запаса, звание присвоено по указу Президента Российской Федерации за выслугу лет.

Дважды был ранен на войне.

В 1941 году окончил 9 классов средней школы в поселке Ермолино Боровского района Калужской области. Когда началась война, мне было 17 лет.

Узнал о начале войны дома, по радио Михаил Иванович Калинин, Председатель Верховного Совета СССР, читал обращение к советскому народу.

Со школьной скамьи 5 марта 1942 года все юноши старше 10-х классов были призваны в Боровский военкомат и далее направлены в 183-й армейский запасной стрелковый полк (АЗСП) для подготовки и обучения военным навыкам, а дальше для отправки на фронт. Обучение было недолгим.

14 июня 1942 года после кратковременного обучения я был отправлен на фронт. От населенного пункта Боровск до фронта шли пешком одну ночь, так как линия фронта была рядом. Был назначен рядовым солдатом в составе 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ефремова Михаила Григорьевича в 3-й батальон минометной роты 222-й стрелковой дивизии 774-го стрелкового полка.

За то, что умел хорошо рисовать и умело владел топографией - правильно и четко отмечал вражеские позиции на карте - меня решили подучить. В ноябре 1942 года прямо с линии фронта я был направлен в 183-й армейский запасной стрелковый полк (АЗСП), в котором определили меня на курсы подготовки младших лейтенантов.

Армейские курсы проходили на железнодорожной станции Апрелевка. На ночлег нас определили в коровник, а спали мы в стойлах. Обучались здесь сорок две учебные роты, по 100 человек в каждой, может быть и больше. В столовой соблюдались строгие правила, без строевой песни не пускали в столовую. Если рота пришла без песни, то ее не пропускали, а отправляли в конец очереди. Приходилось ждать, пока все сорок рот не поедят. По команде приступали к приему пищи, по команде: «Встать! Закончить прием пищи!» все вставали и освобождали место следующей роте. На обед отводилось 15 минут, успел – не успел поесть, вставай, потому что следующая рота ждет. В нашей роте поющих не было, как говорится всем «медведь на ухо наступил», так запевал сам ротный - лейтенант из Москвы. Его так и прозвали «Москвич-запевала».

После окончания курсов сразу пяти человекам присвоили звание лейтенанта. Среди них был и я. На выпуске присутствовал сам Михаил Иванович Калинин – Председатель Верховного Совета СССР.

Помню как сейчас, построили нас в карэ (это построение буквой «П» вокруг трибуны), стоим, ждем, дрожь по спине от волнения пробегает. На трибуну поднялся М.И. Калинин и руками машет, зовет к себе, показывает, мол, подойдите ко мне, но никто даже не шелохнулся. Постоял он секундочку и говорит: «Подойдите ко мне поближе, я тихо говорю». И строй, без команды, шагнул вперед. Прозвучали поздравления с окончанием армейских курсов. Прошлись парадом. И с парада сразу же на фронт.

За плечами вещевой мешок - и пешком на станцию Апрелевка. Сели в поезд. Привезли нас в город Калугу, переночевали и повезли дальше - на линию фронта. Всех нас несколько раз предупреждали, что как только поезд остановится, надо быстро выпрыгивать и бежать в лес, в укрытие, отбегать от поезда как можно дальше. Почему? Говорят: «Потом узнаете». Привезли нас ночью к линии фронта, не успел поезд остановиться, начался обстрел. Кто не успел быстро выскочить, замешкался по каким-то причинам, так там и остался лежать навечно.

Направлен был я снова в свою минометную роту, но уже с новым званием - лейтенант. Лейтенант - один квадратик на воротнике, четыре треугольника – это капитан, заместитель политрука. Когда вышли из окружения, меня отправили в распоряжение комполка Солдатова. Дали бумажку и сказали: «Идите и ищите хозяйство Солдатова». Где оно это хозяйство, никто не знал. А кто такой этот Солдатов никому неизвестно. Когда рассвело, отправился я и со мной один попутчик искать Солдатова. Идем и расспрашиваем всех встречных, никто не знает, и не все еще с нами-то разговаривают, посмотрят на нас и проходят молча. Ну, думаем – попали в часть какого-то важного назначения, если нам ничего о ней не говорят. Добрались до расположения какой-то части. Нашли землянку, оказалось, что это и был штаб, встретил нас политрук и получил я назначение, не угадаете куда - опять в свою же минометную роту. Назначили меня командиром минометного взвода 3-го отдельного батальона 774-го полка 222-й стрелковой дивизии 33-й армии Западного фронта.

Однажды при преследовании противника, мы вошли в одну из деревень в Смоленской области, которую сожгли немцы, и перед деревней на дороге выложили около 13-15

сожженных жителей деревни, вероятно, для устрашения советских солдат. Ужасное зрелище – обгорелые трупы. Но вместо страха у солдат появлялось еще больше ненависти и ярости, и молниеносно возникало желание – отомстить, во что бы то ни стало, и немедленно. Командир командовал: «Догнать и уничтожить». И мы, стиснув зубы, и сдерживая свои чувства, бежали. Бежали, догоняли, стреляли и стреляли. Стреляли, не оставляя ни одного фашиста в живых, и не брали их в плен.

Очень хорошо помню комполка Хаткевича – отважный был человек. Сам всегда впереди солдат в бой шел со словами: «За Родину! За Сталина!» И из боя возвращался целый, без одной царапины, а рядом падают солдаты, рвутся снаряды. Как будто заговоренный.

Однажды идем колонной - меняем позицию. Шагаем мимо деревни, тут выскакивает мальчишка и говорит, что немцы в конце деревни что-то ставят. Первым рванулся в бой командир полка Хаткевич, но тут неожиданность - немцы заминировали деревню. Вызвались добровольцы и шеренгой первыми пошли по минному полю. Погибли все, уцелел один комполка Хаткевич. Как говорили солдаты: «Он в рубашке родился».

Еще один эпизод вспомнился. Через лес шел полк, догоняет командира полка молодой лейтенант, только что прибывший по назначению. Тут налет вражеских самолетов. Только и успел лейтенант доложить: «Товарищ комполка, прибыл в Ваше распоряжение…». Вдруг шальная пуля, и его убило, моментальная смерть, не успел даже назвать свою фамилию. Молодой, красивый, а фамилию так и не узнали, кто такой и откуда. Похоронили, как НЕИЗВЕСТНЫЙ… много таких было. Одним словом – война. Смерть на каждом шагу.

Помнится мне, много было призвано на войну с Кавказа. Только стихнет обстрел – собираем убитых, раненых. А кавказцы соберутся в круг и начинают причитать, оплакивать своего погибшего. Тут снова налет немецких самолетов. Комбриг кричит: «Всем разойдись! Ложись! Ложись! Убьет! Ложись!» Кавказцы сидят и молятся. Падает снаряд, попадает в середину круга к кавказцам, и опять новые трупы в два раза больше прежнего. Сколько раз не объяснял им комбриг, бесполезно.

Еще один из случаев на войне. Шли через лес, с нами был кавалерийский полк с лошадьми. Откуда ни возьмись очередной налет вражеских самолетов - начинают лес бомбить. Кони, люди - в разные стороны, всё смешалось. После обстрела – сбор. Нам легче - мы к командиру прибежали, ждем распоряжений, а кавалеристам приказ отдали – снять с убитых лошадей седла и все снаряжение на себе нести. Нельзя имущество бросать, его необходимо в первом же населенном пункте сдать под подпись.

Вспоминаются мне юные, молодые и красивые девчонки-радисточки. Ну, пусть мы, юноши, привычные к полевым условиям без воды, иной раз небритые, голодные, уставшие, под дождем промокшие. А девчонки всегда веселые, аккуратные и не подают даже вида усталости. И никакого страха в глазах! Молодость, красота и вера в скорую победу! Никто не думал, что война так долго затянется. В атаку шли всегда со словами: «За Родину! За Сталина!»

Были минуты и отдыха.

Линия фронта - Сафоновский район. Деревня Темкино. Подъезжает машина, открываются борта машины, и прямо на машине начинается концерт. Собирается толпа. Кто сидит, кто стоит - все замерли и с большим вниманием смотрят и слушают выступление артистов из Москвы. Мы были молодыми. Мне было восемнадцать лет.

О страхе не думал. Скорее всего, была романтика. Пошел в атаку – потом перерыв. И как у Твардовского в стихах «Василий Теркин» - привал. Кто письмо пишет домой, кто портянки перематывает, кто дымит папироску, кто на баяне играет. У нас на гармошке играл сам командир минометной роты - Василий Павлович, родом из Харькова, с Украины. Возил с собой баян и две пудовые гири. Хитрый был мужичок. Хитрость проявлялась в его смекалке. Сам выбирал позицию в гуще болота. Сядет вечером и играет там на баяне. А ночью немец думает, что там наша позиция и начинает обстрел по болоту. Обстрел пройдет, а он опять играет. Потом снова вернется на островок, поставит миномет и ждет, когда противник будет проходить. Немцы ведь не ожидают в этом месте нашей засады, думают, что всех перебили, а тут их встречает огнем миномета наша рота. Хитрый, смелый,

отважный был наш командир, но очень не любил и боялся лягушек.

Любил курить чужие сигареты. Все время у солдат просил сигаретку, а как его спросишь: «Где твои?», отвечал: «У меня НЗ, твои выкурим, потом будем мои курить». Ну вот однажды солдаты решили над ним пошутить. В спичечный коробок посадили лягушку. В очередной раз подошел командир за сигареткой и спичками, берет коробок, открывает, а оттуда лягушка да прямо ему в лицо прыгнула. Крику было. Командир пошел за своими гирями. Заставил солдата отжимать их пятьдесят раз. Вот смеху было. Теперь понятно для чего возил он эти гири. Вот тебе и баян, и гири походные. Молодые были - романтика. Командиру всего лишь двадцать три года было.

Часто приходилось с политруком ходить в разведку, проверять боевые посты, особенно по ночам. В одном таком походе получил первое свое ранение. А было это так: хотели взять «языка», то есть немца взять в плен живым. Нарвались на засаду, услышали немецкие голоса и пытались затаиться, но нас обнаружили. Завязалась между нами перестрелка, и меня здесь зацепило. Ранило в левую руку. Было это 14 июня 1942 года.

В госпиталь шли пешком, так как ранение было из легких, а тяжелораненых несли на носилках. И вот почти целый месяц пришлось находиться на излечении в госпитале. Госпиталь был расположен в воинской части города Наро-Фоминска, в то время как раз там располагался санитарный взвод. После месяца лечения в военном госпитале, вернулся в свой полк.

При выполнении военных действий был дан приказ: «Пересечь железную дорогу - населенный пункт Почеп Смоленской области - овладеть станцией, выбить немцев, удержать позиции и не дать немцам перевозить свою технику по железной дороге».

Приказ был выполнен, но в этом бою на реке Хмара, 17 сентября 1943 года, меня тяжело ранило. Где-то засел снайпер и по одному убивал наших солдат. Вот такая разрывная пуля попала мне в левую ногу и раздробила кость ноги. Боль была ужасная, потерял сознание. Операцию делали на станции Вязьма Брянской области (где погибла наша армия и генерал-

лейтенант Ефремов - командующий 33-й армии Западного фронта).

Опытный хирург осмотрел ранение. Я спрашиваю: «Будете ногу отрезать?» А он в ответ: «Тебе повезло! Шестнадцать лет я хирург, будешь не только ходить, но и плясать!» Долго длилась операция, и доктор сумел удалить все осколки из ноги. Собрал раздробленную кость в одно целое, но нога на 5 см стала короче. Наложили мне циркулярный гипс – от пятки до шеи. И меня, как тяжело раненого переносили на носилках, положив на грудь пакет с описанием моей истории болезни. Отправили меня в глубокий тыл – в город Ташкент. До Москвы везли на телегах, дальше в Ярославль, потом через Александровку, Вологду, Ленинград под символом Красного Креста.

Зимой 1943 года меня привезли в город Великий Устюг (поездом до станции Красавина, сняли с поезда, завернули в тулупы, уложили на сани и повезли в Великий Устюг).

В городе было построено 48 церквей, в старину это был город купцов, торгующих различными товарами, а на доход каждый купец строил себе церковь, так как не хотел идти к соседу. В городе работало три предприятия. Первое – фабрика гармошек, выпускавшая от губных гармошек до баяна. Второе – щеточная фабрика, производившая от маленькой зубной щетки до большой половой, и третье - пивной завод. Народ веселый, общительный. Пиво пьют и на губных гармошках играют, каждый вечер веселье. Продукцию выпускают, а продать было некому и некуда, так как война: транспорта нет, дорог нет, все разбито снарядами. Вот народ сам пьет пиво и сам себя развлекает.

Я после долгого лечения был направлен в Архангельск на окружную медицинскую комиссию, поселок Красавино, 30 км от железной дороги города Архангельска (там видел ткацкую фабрику). Выписали нас троих: бурята - капитана партизанской отряда, монгола – младшего лейтенанта и меня - хромого с палочкой. Мы втроем добирались до поселка, где находился госпиталь.

Поместили нас жить на одной стороне города, а за питанием - в столовую, приходилось ездить на другой конец города на трамвае. Город располагался у воды с красивым видом на Белое море и Северную Двину. В городе стояла

воинская часть - около 10 тысяч человек (Карело-Финский фронт), которые разгружали корабли.

Окружная военная комиссия города Архангельска признала меня ограниченно годным 3-й степени к строевой службе. Из Архангельска, 5 марта 1944 года, меня отправили в распоряжение Боровского военкомата. Местная комиссия признала меня непригодным к военной службе - инвалидом 3-й группы, и через полгода я был определен в свою школу учителем в деревне Ермолено.

После ранения командира роты я был назначен командиром минометной роты. Запомнился населенный пункт Могильное в Смоленской области. В хозяйстве роты было пять минометов, вместо девяти. Пять офицеров, пять лейтенантов, шесть солдат. Два человека на один миномет, чтобы их переносить из одного пункта в другой. Вот десять человек - вся моя рота.

Готовились к очередному бою. Ждали наступления противника. Осмотрел местность, выбрал удобную позицию, расположил минометы, и замаскировали мы их ветками деревьев, чтоб не были видны. Поступил приказ: «Удержать наши позиции. Ни шагу назад!» Бой был долгим. Но мы выстояли, выполнили приказ. Не только удержали наши позиции, но еще и погнали врага, выбили его из деревни и закрепили новые позиции. Вот за это - за исполнение приказа – не оставлять наши позиции, ни шагу назад, не отступать и был награжден медалью «За отвагу». Это первая моя награда и мне очень дорога. Второй наградой, орденом Красной Звезды, я был награжден за отсечение минометным огнем немецкой пехоты от их танков.

Как я уже рассказывал, в моем хозяйстве роты было всего лишь пять минометов, вместо девяти. Готовились к очередному бою. Ждали наступления противника. Я осмотрел местность, присмотрел небольшую возвышенность, откуда хорошо было видно продвижение противника. Установил на возвышенности свои минометы и стал в бинокль наблюдать за противником. Первым заметил, что немцы выводят танки, и начала движение пехота. Дал команду: «Отсечь пехоту от танков!» Затем на поле боя произошло танковое сражение, между нашими и фашистскими танками. Много было подбито вражеской техники.

Немцы заметили, что мы находимся на возвышенности, направили на нас огонь из артиллерии, но мы к этому времени успели спуститься в низину и там укрыться от артобстрела. Уцелели все и сохранили все пять своих минометов. За эту успешно проведенную операцию, сохранение личного состава и удержание противника на прежних позициях, не допустив их дальнейшего продвижения, за уничтожение вражеской техники я и был отмечен второй своей наградой - орденом Красной Звезды. Вручал её сам Михаил Иванович Калинин. Было награждено 102 человека, в их числе был и я.

Закончил свое участие в военных боевых действиях на реке Хмара 17 сентября 1943 года в составе 3-го отдельного батальона минометной роты 33-й армии 774-го полка 222-ой стрелковой дивизии.

С 1 сентября 1944 года работал военруком, а также с августа 1944 года работал преподавателем в Балабановской средней школе: читал военное дело и по совместительству преподавал физику и математику. Поступил на заочное обучение в Московский педагогический институт имени В.И. Ленина.

Случилась со мной интересная история при поступлении. Я сдал экзамены: физику, математику, химию и русскую литературу. Пришел за военным билетом в приемную комиссию, а документов моих нет, не могут найти. Обыскали все, потом секретарь смотрит на меня, а я в военной форме стою. Говорит: «Ой, а Вы фронтовик. У нас фронтовики без экзаменов зачисляются в институт, и вот ваши документы уже самые первые лежат на верхней полке, вы сразу зачисляетесь в списки обучаемых».

Я работал учителем в своей школе, в деревне Ермолино. Потом пригласили в областное районо, затем в обком партии и 2 января 1953 года меня назначили директором средней школы поселка Балабаново, где я проработал 25 лет.

В 1978 году работал учителем Белоусовской средней школы. С 1979 по 2001 года был учителем физики Куриловской школы. За педагогический труд присвоено почетное звание «Заслуженный учитель РСФСР».

Мои награды:

- орден Великой Отечественной войны I-й степени;
- орден Красной Звезды;

- орден Октябрьской Революции;
- медаль «За отвагу»;
- медаль «Ветеран труда»;
- медаль «Заслуженный учитель РСФСР»;
- медаль «За творческий педагогический труд»;
- медаль «Почетный гражданин города Балабаново»;
- медаль «За заслуги перед Серпуховским районом»;
- юбилейные медали «100 лет со дня рождения В.И.Ленина»; «40 лет Великой Победы»; «45 лет Великой Победы»; «50 лет Великой Победы»; «55 лет Великой Победы», «60 лет великой Победы».

Отец Горелов Алексей Осипович, 1900 года рождения, пропал без вести под Ельней. Отправляли запросы в г. Подольск. Отвечали: «Нет в списках раненых, плененных, погибших и без вести пропавших»

Остались живы после войны - мать Горелова (Балакина) Мария Ефимовна, 1901 года рождения, и сестра Лосева (Горелова) Анна Алексеевна, 1920 года рождения.

Когда я был директором Балабановской средней школы, издал пособие для учителей «Производственный труд учащихся на строительстве» (Калужское книжное издательство, 1959 год).

Моя ученица Зина Денисова, выпускница Балабановской школы, стала писательницей. И она посвятила мне стихотворение, которое опубликовали в местной газете в 1973 году после встречи одноклассников и учителей Балабановской школы № 1:

Други мои, одноклассники,
В сорок первом году родились.
Не воевали, но все же причастники,
И над нами бомбы рвались.

Война дважды по нам прокатилась,
Но мы живы остались, спаслись.
Нас спасла материнская сила
Да отцы, что на фронте дрались.

Имена их на памятных досках
(И цветов благородных не счесть):

Тишин, Павлов, Парфенов и Фокин…
Ваши дети хранят вашу честь!

Мы играли в войну по окопам,
Ели первую зелень – траву,
Рвали щавель и вместе с укропом
Продавать увозили в Москву.

Да, Страдаловка нас поддержала,
Щи зеленые дав на обед,
А зимой развлеченье давала:
Санки, лыжи – родной Диснейленд.

Бедновато, но весело жили:
Волейбол, и футбол, и лапта,
И по Боровской с песней бродили,
Нам понятна была красота.

Фотографию первого класса
До сих пор, как бесценность, храним,
Все серьезны (год сорок девятый),
Все с короткою стрижкой сидим.

Катерина Ивановна с нами,
Ноги в валенках – холод, зима.
До конца она нас опекала,
Хоть в опеке нуждалась сама.

До сих пор собираемся вместе,
Удивляя своих земляков,
Мы поём комсомольские песни –
50 скоро будет годов.

Как окончили среднюю школу,
Но цветет ещё старый наш сад.
И живет, слава Богу, **Горелов,**
Наш директор и вечный солдат.

А в укромном саду того сада
Москвичи–ополченцы лежат…

Молодые из камня солдаты,
Склонив головы, их сторожат.

Наш почетный Учитель! Спасибо!
Вам поклон от нас всех до земли.
Это Вы так легко и красиво
Нас по жизни нелёгкой вели.

Ах, какие наставники были!
Нам по школьным предметом везло.
Мы прилежно уроки учили
Всем житейским невзгодам назло.

Наше братство мы втайне держали
И назвали «Ля Фратерните»:
Мы французский тогда изучали –
Наша дань романтичной мечте.

Целина, Абакан и погоны,
И спичфабрика, и институт.
Мы везде нашу песню о школе
Пели стоя, как гимн поют!

Надо ж было судьбе догадаться:
В нашей школе теперь царство муз!
И хоть реже мы стали встречаться,
Не забыть нам наш школьный союз.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2-го курса, факультета технологии и производственного менеджмента, кафедры истории, Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - ***Чернявская Алена Николаевна***

Гриб Николай Станиславович

В отряде «За Родину» партизанской бригады «Беларусь»

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть - власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

В.И. Ленин

Я родился в крестьянской семье 8 июля 1926 года и жил в белорусской деревне Аннополь Минского района Минской области. По национальности - белорус. Был комсомольским вожаком. 40 лет был членом коммунистической партии.

Война в родные края пришла ровно в четыре часа утра, на тот момент я учился в школе в 7 классе.

22 июня 1941 года мирный труд советских людей был прерван. Вероломно нарушив договор о ненападении, гитлеровцы внезапно нанесли бомбовый удар по железнодорожным узлам, аэродромам и группировкам советских войск, расположенных в приграничных районах. На советскую территорию ринулись заранее подготовленные и скрытно выведенные на исходные позиции танковые и

моторизированные дивизии фашистов. Тысячи вражеских самолетов подвергли варварской бомбардировке мирные города и села, важные центры страны.

На шестой день немцы прошли через Аннополь. Правда, боев здесь не вели, ничего не разрушили. Только оставили в сельской администрации своих людей. Вот и решил я пойти добровольцем на войну - Родину защищать. И 8 июня 1944 года я уже находился в партизанской бригаде «Беларусь», отряд мой назывался «За Родину».

Зная как расправляются фашисты с партизанскими семьями, сразу же после моего ухода отец пошел на обман. Утром прибежал он в местный сельсовет к немцам и начал допытываться, где его сын, которого якобы ночью увели полицаи. Никто ничего выяснять не стал, но подозрения от себя моя семья отвела, и мои следы для посторонних затерялись.

Шесть месяцев я пробыл в партизанском отряде. Партизанские формирования создавались исключительно на добровольных началах. Они не могут быть созданы по принуждению, помимо воли и желания самих участников борьбы. Партизанские отряды создавались для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны повсюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной связи, поджога складов и т.д. Слова партизанской присяги являлись священной клятвой каждого вступившего в отряд патриота перед социалистической Родиной, боевыми товарищами. «За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за побои, издевательства и насилия над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, безжалостно, постоянно…»

Я принимал участие в освобождении трех станций: Марьина горка, Пуховичи, Михановичи (железная дорога Минск-Гомель).

Командиром моего отряда был старший лейтенант Гончаров.

Командиром роты являлся Понкратов.

Наш отряд располагался в лесу в 40 км от Минска. Отряд был не маленький - 300-400 человек. Отряд входил в состав бригады. В бригаду входило 3 отряда: «За Родину», «Беларусь», «Большевик». Командовал секретарь Рузинского

райкома партии. Наш отряд занимался, в основном, диверсиями на железной дороге. Однако наша деятельность часто сдерживалась из-за недостатка взрывчатки. Ее приходилось добывать самыми различными способами, зачастую с большим риском для жизни. А также ее отсутствие часто вынуждало нас прибегать иногда к организации крушений поездов путем развода рельсов. Но основная масса диверсий совершалась в этот период путем минирования. Наш отряд собирал бомбы, которые бросали немцы и которые не разрывались в болоте. Из них мы делали мины.

В отряде было трудно: оружия мало, еды еще меньше. Здоровые молодые мужчины перебивались с картошки на воду. За соль клали головы – переодевались в формы убитых немцев и на свой страх и риск шли в деревни.

Свои военные действия я закончил в Минске. Я был «народным бойцом» бригады, которой командовал Покровский.

Про мой отряд и вообще о партизанах Белоруссии более подробно можно прочитать в книге, написанной авторами Л.В. Аржаева, К.И. Доморад, А.А. Факторович, А.Д. Титов «Всенародная борьба в Белоруссии». Издательство «Беларусь», 1984, Минск, в 3-х томах.

О войне мне запомнилось не очень много всего, но помню, как в 1943 году наш отряд соединился с другими отрядами, и мы начали совместный поход. Почти двое суток в лесу мы отражали атаки карателей. А затем на совещании было решено нам выйти в рейд. Проходя через населенные пункты, мы громили вражеские гарнизоны, полицейские участки, комендатуры. Нами было ликвидировано и уничтожено около 60 гитлеровцев.

Наш партизанский отряд все время рос. Было и такое, что пришли хлопцы к нам в отряд. Им поручили мост на дороге взорвать. Они пошли вместе с другими партизанами, расстреляли наших ребят, автоматы забрали и ушли к немцам.

Также женщины у нас были в отряде, но не так много. В основном, мужчины. У нас находились две женщины, присланные из Москвы фотографировать. Одна потом погибла. Они всё просили: «Дайте нам сфотографировать, как идет бой». А это же не так просто! На моего товарища возложили ответственность за них. Пошли они вместе с ним в

засаду. Надели белые халаты, которые им специально пошили. Но немцы обнаружили их и стали окружать. Лесок маленький. Надо уходить. Побежали. У одной пробило полушубок, но она осталась жива.

Была у нас еще одна девушка - очень смелая шестнадцатилетняя комсомолка Мария Казимирская. С осени она вела систематическую разведку: собирала сведения о фашистских гарнизонах, дислокации вражеских войск на нашей железнодорожной станции Пуховичи и в Марьиной горке, а также приносила нам медикаменты, гранаты. В этом нелегком деле ей помогал брат Владимир. По совету партизан Владимир устроился в полицию и собирал нужную информацию о вражеских гарнизонах. Он посещал такие места, которые были недоступны для других разведчиков. За Марией фашисты вели настоящую охоту. Несколько раз они устраивали засады, но односельчане всегда предупреждали разведчицу об опасности.

Два раза принимал я участие в подрыве эшелонов. И вот помню, на железнодорожной магистрали Минск-Гомель взорвали мы 25-метровый мост через реку Талька, в результате чего движение на дороге восстанавливалось несколько суток.

Помню, как немца повесили. Из-за того, что как-то один взвод попал в окружение. Несколько человек только вырвались. Немцы командира раздели, на спине вырезали звезды и убили его. А когда они отступали, одного мы в плен взяли. Вот и решили повесить его.

С времен войны и на всю жизнь запомнилась мне песня, которая была для нас в те годы как гимн: «Вставай страна огромная ….»

Во время войны я не получил никаких ранений и вернулся домой здоровым. Из моих близких родственников некоторые погибли в то время. В 1941 году мою младшую сестру Ольгу вместе с годовалым сыном Вовой сожгли заживо, как только узнали, что ее муж ушел к партизанам.

Погиб также муж сестры Антон Дроздовский в 1944 в Польше.

Вернулся с войны мой старший брат Иосиф - с самого начала войны ушел на фронт, а в первые дни войны вывозил из Бреста семьи военных. Потом, на протяжении долгого времени, в маленькую белорусскую деревушку к матери

приходили письма и посылки от тех, кого в первые дни войны спас Иосиф. Воевал он с 1941-1945 года, был пехотинцем, кавалеристом, получил звание старшины. Во время войны получил четыре ранения.

Другой брат, Иван, работавший в больнице, помогал партизанам, добывая и передавая им лекарства.

Также обо мне и моих родственниках написана статья Викторией Шатурной. Статья называется «Я был хорошим солдатом» №6(7) 20 февраля 2009 года. Страницы 1, 2.

После прекращения всех боевых действий меня отправили в армию.

Мои награды:

- орден Великой Отечественной войны III-й степени, № 258041. Выдан 14 марта 1985 года, вручён в военкомате;
- орден «За службу Родине», № 481859. Выдан 30 апреля 1975 года, вручён в военкомате;
- медаль «За боевые заслуги», №043404. Выдана в 1954 году;
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Выдана 18 марта 1964 года;
- медаль «За отличную службу по охране общественного порядка», № 004525. Выдана 16 августа 1954 года;
- медаль «За отличную службу по охране общественного порядка», № 044132. Выдана 5 ноября 1967 года;
- 18 юбилейных медалей.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2-го курса факультета технологий производственного менеджмента Московского государственного текстильного университета имени. А.Н. Косыгина - ***Царапкина Мария Викторовна***.

Ефименков Василий Антонович

Командир батареи сильно удивился, что мы оказывается живы

Я родился 21 января 1920 года в селе Суходолье Стародубского района Брянской области. Я урожденный Ефименко. Окончание фамилии перепутали при выдаче документов. По национальности – русский. По вероисповеданию – христианин. Член КПСС с 1941 года.

Я рос в обычной крестьянской семье, во время коллективизации мать, Ефименко Варвара Панкратовна, пошла работать в колхоз, отец – Ефименко Антон Константинович был на заводе рабочим.

В 1933 году я окончил школу. С 1937 по 1938 годы учился в тракторной школе в городе Дорогобуже. После этого пошел работать в совхоз «Красный Октябрь» Брянской области.

В Красную Армию меня призвали в 1940 году, 20-летним юношей. Шумных проводов тогда никто не делал, все было скромно, и ушедших в армию никто заранее не оплакивал. Провожал меня в армию отец и несколько товарищей, которым также предстояло на днях призваться в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА).

Службу я проходил в городе Апрелевка Московской области, станция Алабино. В дивизии, в которой я проходил службу, было 5 полков: 12-й танковый полк, 13-й

артиллерийский полк, 6-й и 75-й пехотные полки и 4-й мотострелковый полк.

О начале войны мы узнали в армии - услышали сообщение В.М. Молотова по радио о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Хотя внутренне мы и были готовы к такому развитию событий, но все равно для нас это известие оказалось полной неожиданностью. Просто было общее ощущение, что война будет, но не завтра или послезавтра. В то время я был в составе механизированного корпуса, которым командовал полковник Лелюшенко Дмитрий Данилович.

Участвовать в боевых действиях мы начали по приказу. Командир приказал танки замаскировать в лесу (для того, чтобы сохранить технику), а ночью мы всей танковой бригадой стали отступать к Москве. В Москве на Белорусском вокзале нас всех погрузили на поезд (назывался он не то «Щука» не то «Кукушка», сейчас уже и не вспомнить), и мы поехали на Западный фронт. На поезде мы доехали до Орши. Там нас высадили и отправили уже пешком по трассе Москва-Минск в направлении Запада.

Недели две наша колонна шла до Борисова. По дороге нас не бомбили, но мы видели последствия бомбежек, и что тогда творилось на дорогах. Паники, правда, не было, но общее впечатление было тяжелое. Народ был взбудоражен, особенно женщины, потому что мужчины уходили, а они оставались одни. Тяжело было и с питанием, ведь централизованно нас никто не кормил, поэтому мы потом стали и по домам ходить: просили немного хлеба, молока. Нам давали, никто не жадничал.

На подступах к Борисову мы вступили в бой с немецким танковым корпусом. 24 июня 1941 года бой мы проиграли, и нашу дивизию, под командованием полковника Д.Д. Лелюшенко, разбили. Пришлось отступать.

Меня перевели служить на тягач «Коминтерн» в 35-й гвардейский самоходно-артиллерийский полк 100-й пролетарской Краснознаменной дивизии. Командиром батареи был Чуйко. Отступали мы через Смоленск. На Соловьевской переправе, которая находилась в деревне Соловьёво Смоленской области, недалеко от Старой Смоленской дороги, завязался бой.

Дальше отступали через Гжатск (сейчас город Гагарин) до Бородино. Между Бородино и Можайском нас, в составе 8-го гвардейского механизированного корпуса, погрузили в эшелон и отправили в южном направлении.

Ехали на поезде мы до Орла, дальше шли пешком. Дело было осенью 1941 года. Дошли мы до города Сумы (Украина).

В сентябре-октябре дислоцировались в деревне Николаевка, недалеко от города Сумы. Здесь в октябре 1941 года завязался бой. Немцы сначала взяли Суржу и перлись на Сумы. А потом мы пошли в наступление. Тяжелейшие бои, большие потери. Суржу с боем брали несколько дней. Запомнился такой эпизод из тех боев: со своими орудиями я вырвался вперед, и когда мы потом вернулись, то командир батареи так сильно удивился, что мы оказывается живы. В Николаевке мы простояли до ноября 1941 года.

В это время поступил приказ ехать в Москву. Нашу дивизию опять погрузили в эшелон в Сурже и отправили в Москву. По пути постоянно останавливались из-за бомбежек. Была остановка на станции Валуйки на Украине, потом на станции Павелецк. Здесь произошло событие, которое останется в моей памяти на всю жизнь.

Когда мы стояли на станции Павелецк, фрицы скинули листовки: «Московские дамочки роют ямочки, придут наши таночки, зароют ваши ямочки». Я взял одну листовку и отнес прочитать командиру. Все были шокированы наглым поведением фрицев. Они вели себя так, как будто уже победили, но наших это не только не напугало, а наоборот, можно даже сказать разозлило. Решили бороться до конца. В этот момент все осознали, что немцы настроены очень серьезно, и быстро эта война не закончится. Прошло столько лет, но я до сих пор отчетливо помню ту фразу.

Зима 1941 года. Мы стояли в Апрелевке. Меня и двух моих товарищей Погорелова и Леонькина отправили в Москву получать технику. Мы поехали на ЗИС-5 с лейтенантом воентехником. В Москве уже прошла эвакуация. То, что мы увидели, оставило глубокое впечатление на всю жизнь. Народа в городе практически не было, окна были заклеены крест-накрест. По всем улицам стояли так называемые «ежи» (защитные сооружения против танков). Мы остановились ночевать у воентехника дома, а утром по радио услышали

сообщение: «Москва в опасности!» Технику мы так и не получили, поехали обратно в Апрелевку.

Зимой 1941-1942 гг. я вступил в ряды КПСС и получил звание сержанта. Было это под Наро-Фоминском. В бою с немцами тягач раздавил пушку, запомнился этот случай очень хорошо, потому что потом пришлось ремонтировать тягач 2 дня - голыми руками на морозе. Морозы в 1942 году были не то, что сейчас, порой доходили до 40 градусов мороза.

В этом же году мы освободили Можайск, Медынь. От Медыни наша дивизия пошла на Верею и на Боровск.

Зимой 1942 года запомнился бой под деревней Сыворотка Калужской области. Запомнился потому, что впервые с начала войны на моих руках погиб мой товарищ и сослуживец – Иван Поцейко, рядовой из Витебска. Когда ты видишь, что человек, которого ты знаешь, который еще час назад был жив, лежит убитый, остатки юношеской романтики сразу улетучиваются, и я понял, что нужно быстрее взрослеть, становиться настоящим мужчиной, ведь перед нами встала ответственейшая задача – защитить Родину. Помню состояние опустошенности, какой-то обреченности, которое словами передать невозможно.

После этого же боя был первый отпуск домой, в село Суходолье, на 4 суток.

Вернулся я из отпуска на реку Унечу, где наша дивизия готовилась в отправке в город Брянск. На поезде мы доехали до станции Погорелое Городище (она находится южнее села с одноименным названием), на железнодорожной линии Москва-Ржев-Рига. Здесь начались ожесточенные бои за каждый город.

В марте 1943 года принимали участие в освобождении Ржева. Медленно, очень медленно, но мы продвигались на запад, тем самым оттесняя врага и освобождая город за городом.

Потом была битва под Великими Луками, лето-осень 1943 года. Мое первое ранение я получил именно здесь. Очень хорошо помню тот день, это было примерно в августе. Мы заняли позиции, хорошо окопались. Но видимо недостаточно хорошо, потому что ранение в ногу я все-таки получил. Меня отправили в медсанбат под Великие Луки. Ранение у меня было пустяковое, оно быстро зажило, но меня не отпускали,

т.к. санитаров не хватало, а я был здоровый и мог проделывать большой объем работы. Госпиталь был переполнен, раненых было очень много, «тяжелые» лежали на первом этаже, а мы, легкораненые, - на втором. В это время я служил в 4-й Пролетарской Краснознаменной дивизии (командир Д.Д. Лелюшенко).

К концу 1943 года мы дошли до города Невель Псковской области. Наш путь проходил по маршруту железнодорожной ветки Великие Луки – Полоцк.

В Полоцке мы переходили реку, называлась она, кажется, Полота. Я вместе со своей машиной, тягачом «Коминтерн», провалился под лед. Сначала ничего не понял. Страха не было, а вот технику было очень жалко. После этого сильно простудился, но значения не придал. Дальше мы шли через Прибалтику в сторону Вильнюса. В Вильнюсе с температурой 40 меня доставили в госпиталь. Это уже было в новом 1944 году.

В госпитале у меня обнаружили туберкулез. Ничего удивительного в этом не было, в то время многим ставили такой диагноз, питание было плохое, условия никакие. Так вот с туберкулезом меня зачислили в запасной полк, где я находился до 1945 года. Командиром роты был Плевако. После смерти И.Д. Черняховского в феврале 1945 года, командование армией принял маршал И.Х. Баграмян.

Таким образом, войну я закончил в Прибалтике в 1945 году, демобилизовался и поехал в город Рудню Смоленской области. После войны я 17 лет проработал на Зарубинской механо-тракторной станции (МТС) сначала комбайнером, потом трактористом и механиком.

Мои родственники тоже воевали в Красной Армии во время Великой Отечественной войны. Кто-то вернулся живым, например, двоюродный брат Ефименко Тимофей Савельевич. Многие погибли на полях сражения: родной брат - Ефименко Александр Антонович, 1923 года рождения, погиб под Гомелем; двоюродные братья – Ефименко Петр Савельевич, 1920 года рождения, и Ефименко Сергей Савельевич, 1923 года рождения. По званию все были рядовыми.

Эту войны никогда не удастся забыть тем, кто через нее прошел. Она прочно засела в моей памяти. Грустно и больно от одной мысли, что могилы моих павших товарищей и

родственников, разбросаны от Москвы и до Германии, и я уже не могу приехать к ним 9 Мая, помянуть боевых друзей и положить живые цветы на их могилы.

Мои награды:

- орден Отечественной войны II-й степени, (2419060, номер орденской книжки Г№9830060) за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой отечественной войне 1941-1945 годов;

- медаль «За оборону Москвы», (Б№045514), за участие в героической обороне Москвы. Указ Президиума Верховного совета СССР от 1 мая 1941 года. Эта медаль очень долго искала меня и была вручена мне только 14 мая 2008 года;

- медаль Жукова (Д№0158704) от 19.02.1996 года.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 2-го курса, факультета технического и производственного менеджмента, Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - ***Лазарев Александр Григорьевич***

Кабан Константин Иванович

Нас осталось только трое из восемнадцати ребят

Я родился 19 ноября 1925 года на Украине в селе Жовтневое Конотопского района Сумской области. Украинец, православный.

Началась война, мне было 15 лет. Я окончил 9 классов. Призвали меня в октябре 1943 года. Московская, Сталинградская и Курская битвы уже были позади, но конца войны никто ещё не видел. Вся Украина, Белоруссия, Прибалтика, Смоленская область пребывали в оккупации.

Несколько слов о том, что было со мной до того, как я попал на фронт. В октябре 1943 года собрали нас в Дубовязовском военкомате человек триста, назначили одного старшим и приказали идти на станцию Грузское, которая находилась в 30 километрах, для дальнейшей отправки в воинскую часть. Пришли, никто нас не встречал, никаких вагонов, чтобы везти нас дальше, не было. Мы разошлись по хатам и там пребывали целых три дня. Ни одного отставшего, ни одного убежавшего не было – долг превыше всего. Затем поступила команда следовать до станции Конотоп, где формировался эшелон. Пришли, то же ни одного отставшего.

Нас погрузили в эшелон, состоящий из обычных товарных вагонов, не оборудованных для перевозки людей. Плотность была такая, что в лучшем случае можно было сидеть на корточках. И так до самого Харькова.

Нас определили в 11-ю запасную стрелковую бригаду. Все были в своей одежде, размещались в бараках, спали скученно на нарах, не раздеваясь, завшивели. Начались занятия.

После месяца обучения нас, наконец, сводили в баню и обмундировали. Сформировали маршевые роты, погрузили в товарные вагоны, которые уже были оборудованы нарами и печкой для отопления. Ехали к фронту недели две. Выгрузились на станции Нова-Белица вблизи города Гомеля. Дальше проезда по железной дороге не было, так как она была разрушена немцами, и мы отправились к фронту пешим порядком.

Запомнился случай. В деревне Давыдово мы с другом Колей Москальцом зашли в дом погреться. Хозяева садились обедать и нас пригласили за стол. Мы были голодны, но для приличия отказались. Как же мы потом пожалели, когда нам второй раз не предложили. Так были воспитаны, такой был наш внутренний мир.

После длительного перехода мы прибыли в расположение 17-й стрелковой дивизии. Сопровождающие нас офицеры запасной стрелковой бригады передали наши маршевые роты командованию дивизии и возвратились обратно в Харьков.

В дивизии нас распределили по полкам. В 1312-м полку, построив нас, скомандовали: «Кто хочет в противотанковую артиллерию, два шага вперед!» Я и ещё несколько ребят из нашего класса вышли, и нас зачислили во взвод 45-мм противотанковых орудий 2-го стрелкового батальона. Никто не информировал кто командир батальона, полка, дивизии, не говоря о командирах высшего ранга. Через несколько дней мы узнали фамилию командира полка – это был подполковник Рябов, о встрече с ним в бою расскажу ниже.

Вскоре прибыл из госпиталя командир взвода лейтенант Рязанов. Меня назначили наводчиком, а моим командиром орудия был казах Таджибаев, хороший командир и благожелательный верный товарищ. В бытовых вопросах моим опекуном был пожилой усатый сибиряк, наш ездовой Широков.

Хочу привести один пример. В феврале месяце мы остановились на ночевку в лесу. Широков велел мне выкопать

яму в снегу, чтобы могли поместиться два человека, а сам пошел и наломал огромную охапку елового лапника. Мы постелили в яму лапник, затем одну шинель, а второй накрылись, прижавшись друг к другу, и таким образом согреваясь. Перед тем как ложиться мы размотали обмотки. Вот в таком коллективе мне и пришлось встретить первые бои.

Неделю мы интенсивно изучали материальную часть. При изучении я тренировался в овладении прицелом и механизмами вертикальной и горизонтальной наводки и спуска. За деревней стоял подбитый немецкий танк. Мы стрельнули по нему, чтобы увидеть результат нашей учебы. На этом наша учеба закончилась, так как дивизии предстояло выдвинуться в боевые порядки.

Наше орудие было на конной тяге, это значило, что пара лошадей впрягалась в передок, и к передку прикреплялось орудие. В передке помещались и несколько ящиков со снарядами.

В боевой обстановке орудие перемещалось силами самого расчета, который состоял из 9 человек. Перемещалось орудие следующим образом: два человека брались за сдвинутую станину (лафет), два за лямки (две верёвки, прикрепленные к щитку), а остальные толками сзади и тащили ящики со снарядами. Если орудие застревало в колдобине, то наваливались все и вытаскивали его на ровное место. Лопаты и кирки прикреплялись к станине.

Прибыв в первый эшелон вечером, мы оборудовали огневую позицию сразу за первой траншеей пехоты. Прикатили на себе орудие, поднесли снаряды. Завтра первый бой.

После артиллерийской подготовки пошла в атаку пехота. Вот тут-то и ожил передний край противника, заговорили его пулемёты, сеющие смерть. Я у прицела, командир орудия наблюдает и дает мне целеуказания: «Большая разлапистая сосна, правее пулемет!» Я навожу орудие прямой наводкой, нажимаю кнопку выстрела, разрыв и пулемет противника замолкает. И так раз за разом, подавляя огневые точки противника, мы способствовали продвижению нашей пехоты, уменьшая ее потери.

И вот сзади вваливается в окоп командир полка подполковник Рябов. Раздается: «Вы что стоите, мать-

перемать, вперед!» Хотя пехота ещё не достигла переднего края противника, и своим огнём мы поддерживали её успешное продвижение, но приказ есть приказ. Сдвигаем станины, привязываем шанцевый инструмент, перекатываем орудие через траншею (благо материал для этого был ранее заготовлен) и проходим ещё метров двадцать. Я тащил за станину, и вдруг мой сосед, который держал вторую станину, издает крик «Ой!» и падает на землю. Я был тощий, малосильный и, естественно, не удержал станину, она рухнула на землю. Все врассыпную, ведь ясно было, что появилась большая цель, и немцы сразу взяли её на прицел. Надо окапываться. Командир орудия послал одного пожилого бойца отвязать шанцевый инструмент (лопаты, кирки). Только он приблизился к пушке и высунулся из-за щитка, как сразу вскрикнул: «Ой, диточки мои!» Пуля попала ему в живот.

Командир орудия приказал мне отвязать инструмент. Я подполз к орудию, высунул шапку из-за щитка – не пробита. Смотрю вперед, а пехота уже ворвалась в первую траншею противника, и идет рукопашная схватка. Я поднялся, подошли остальные, перевязали раненых и потащили орудие вперед.

За первой траншеей противника нас догнал ездовой, мы взяли пушку на передок и - вслед за наступающей пехотой. Какое-то время едем по лесной дороге, я иду сбоку орудия. И вдруг! Вижу впереди, в трех метрах буквально на линии колеса нашего орудия, противотанковую мину. Я окаменел, а потом крикнул: «Стой!» Но это уже ничего не могло изменить. Счастье – колесо проехало в нескольких сантиметрах от мины. Когда идет наступление, передний край наших войск и войск противника перемешивается, как слоеный пирог, особенно в лесной местности Белоруссии.

Продолжая наступление ночью, мы продвигались в лесу. Впереди командир взвода и я, за нами лошади тащат орудие, остальные идут за орудием. Видим впереди и немного в стороне какие-то люди стоят. Командир окликнул их, а в ответ к нашим ногам полетела граната с длинной деревянной ручкой и раздалась автоматная очередь. Мы отпрыгнули в разные стороны, раздался взрыв. Лошади взвились на дыбы. Мы быстро сняли пушку с передка, развернули её для стрельбы, попытались зарядить картечным снарядом, так как он наиболее эффективен при стрельбе по живым целям в лесу. Но

снаряд в ствол не идет, размокла картонная оболочка головки снаряда. Командир взвода командует: «Осколочный!» Я стреляю, снаряд попадает в дерево, и немцы испарились.

И ещё запомнились бесконечные переходы. Какой же это труд! Иногда приходилось идти сутками. Представьте себе: движется колонна, сплошная масса людей, от колонны отделяется солдат и идет куда-то в сторону, это он сонный потерял ориентировку. Из колонны выбегает другой солдат, бежит к нему, встряхивает его, и оба догоняют колонну. Мы спали на ходу. Легче было тому, кто шел, держась за ствол орудия, так называемая «ходячая плацкарта». Мы периодически менялись, занимая место у «ходячей плацкарты», все-таки немножко легче.

После одного из таких переходов, мы остановились на опушке леса, вокруг был кустарник, дальше открытое пространство. Ночью должны занять огневую позицию. Все повалились спать. Вдруг перед закатом солнца, послышались разрывы снарядов, и началась сильная ружейно-пулеметная стрельба. Часовой кричит: «Танки!» Я схватился, глянул и вижу: примерно в 500 метрах на нас движутся три танка и пехота противника. Танки движутся с довольно большим интервалом. Наша пехота, которая занимала первую траншею, отстреливаясь, отходила. Вновь прибывшая пехота развернулась в цепь и начала вести огонь, чтобы отсечь пехоту от танков.

Пока мы развернули орудие и приготовились к стрельбе танки подошли примерно на расстояние 250 метров. Один танк направился на нас и с ходу ведёт огонь. Вокруг стрельба, разрывы, в общем, кромешный ад. Заряжаем бронебойный, я навожу ниже башни, нажимаю кнопку, выстрел, вижу в прицеле брызги искр. Значит рикошет, он уже в 150-200 метрах и стреляет, проклятый. Здесь мобилизую всю свою волю, как говорится, сжимаю себя в кулак, снова стреляю бронебойным – опять рикошет. Молнией пронизывает мозг мысль, что броня танка толще калибра нашего снаряда. Неистово ору: «Осколочный!», а танк уже рядом – я вижу, как вращаются гусеницы. Целюсь в гусеницу – выстрел, разрыв, и вижу - танк поворачивается на одной гусенице и подставляет свой борт. В борт дважды стреляю бронебойным и вижу вспыхнувшие огоньки над моторной частью танка, а потом и

весь танк охватило пламя, и из него начали выпрыгивать танкисты. Ребята из расчета и пехота стреляют по ним из винтовок и автоматов, а я в какой-то прострации – мне всё безразлично. Такое можно понять только тогда, когда это случится с тобой.

Потом уже те, кто знал типы немецких танков, сказали, что это был танк Т-5 «Пантера».

В этом бою у моего друга Коли Москальца на спине вся шинель была изрезана осколками, но ни один из них не задел тела. Мы ещё рассуждали - это к лучшему или предупреждение к худшему.

В расчете у нас осталось четыре человека из девяти. Заняли мы огневую позицию, для чего вырыли орудийный окоп и каждый себе небольшую щель длиной по своему росту. Накрыли эти окопчики пустыми ящиками от снарядов, присыпали землей. Вот и дом, вот и крепость каждого. А на дворе февраль. У нас с Колей ровики были рядом. Ночью нам принесли еду в термосе. Мы поели. Коля сказал: «Ну, пошли». А мне вдруг захотелось закурить. Я ему ответил: «Иди, я сейчас».

Я свернул «цыгарку» и нагнулся к окопчику командира орудия, чтобы прикурить и здесь меня обдало взрывной волной. Я прикурил, встал и спрашиваю у часового: «Где это?» А он мне отвечает: «На твоём окопчике не то мина, не то снаряд разорвался». Я пошел, досадуя, что придется окопчик ремонтировать. Подхожу и вижу, лежит Коля вниз лицом и хрипит, в стороне котелок валяется. Я к нему: «Коля, Коля!» Перевернул вверх лицом, а он в последний раз захрипел и затих. Всего один осколочек и прямо в сердце. Глянул на свой окопчик, а вместо него – воронка. Вот такой случай. Я же не курил ни до, ни после этого случая, а вот в тот момент захотелось, чтобы остаться живым. Похоронили Колю в его же ровике. Завернули в плащ-палатку, сверху холмика поставили снаряд.

А через день нас перебросили на другой участок. Мы стояли на высотке, на окраине деревни, а немцы пытались эту высотку взять. Обстрел и бомбежка были жесточайшие. В один из таких обстрелов сижу в окопе, прижавшись к родимой земле, защитнице и спасительнице. Слышу - разрыв совсем рядом. Глянул вверх и вижу - в воздухе кувыркается станина

моего орудия. Так я лишился своего орудия. Ночью приделали к орудию бревно и оттащили его в тыл, а нас, оставшихся, перевели в другой расчет. Здесь же был ранен командир нашего взвода лейтенант Рязанов.

К концу февраля – началу марта 1944 года наше наступление в Белоруссии остановилось и мы стали в оборону. В начале наступления в полку было десять «сорокопяток» (по две в каждом батальоне и четыре в полковой батарее) по 9 человек в расчете.

Если учесть и офицеров, то «сорокопятчиков» было около 100 человек. В конце наступления осталось четыре орудия и по 2-3 человека в расчете, то есть в строю остался только каждый десятый. Фронтовики так и называли наши орудия – «Прощай Родина!»

В обороне каждый расчет оборудовал орудийный окоп для кругового обстрела, укрытие для орудия, окопы полного профиля, устраивал себе блиндаж в три наката бревен сверху, внутри были устроены земляные нары и печурка для отопления. Для освещения использовались гильзы от снарядов, из которых изготовлялись коптилки. Горючим для этих коптилок был бензин или солярка.

В бензин добавлялась соль, чтобы не вспыхивал. Так как наши орудия были на конной тяге, то с горючим было тяжело, и мы натягивали провода связи, поджигали с одного конца, они медленно горели и освещали землянку.

После оборудования своих огневых позиций, ночью нас посылали в помощь стрелковым подразделениям (тоже очень поредевшим) для рытья траншей полного профиля и ходов сообщения. Норма была по 10 метров траншеи на человека, и по окончании ночи мы буквально валились с ног. Нам приносили еду в термосах и по 800 граммов хлеба. Хлеб мы съедали сразу, так как не могли удержаться и сразу валились спать. Вспоминая тот период, кажется, что нам вечно хотелось есть и вечно хотелось спать.

В середине апреля нашу обескровленную дивизию вывели во второй эшелон. Мы весь свой боезапас должны были забрать с собой. Хотя мне до сих пор не понятно – зачем надо было это делать, ведь его можно было передать нашим сменщикам. Ящики со снарядами мы по ходу сообщения

выносили на опушку леса, откуда они должны были быть увезены на повозках.

Нёс я последний ящик, вышел из хода сообщения и, не доходя метров 10-15 до штабеля, попал под обстрел. Один вражеский снаряд угодил в штабель, и наши снаряды начали взрываться. Ящик ещё был у меня за спиной, когда я почувствовал резкий удар по ноге и, естественно, свалился. Глянул, а у меня пробита телогрейка, ватные брюки и из разрыва брюк хлещет кровь. Попробовал подняться и от резкой боли свалился, и на какой-то момент потерял сознание. Очнулся, дополз до хода сообщения и с перерывами добрался до блиндажа, где меня перевязали. Случилось это 15 апреля 1944 года. Вечером наш взвод оставлял боевые позиции. Меня посадили на лафет, и я так ехал по лежнёвке (дорога из поперечных бревен, проложенная через болота) до санитарной роты полка, где мне сменили повязку, сделали противостолбнячный и противогангренный уколы и отправили меня в медсанбат.

В медсанбат везли меня на повозке и опять по лежнёвке. Если учесть, что у меня была повреждена бедренная кость, то нетрудно себе представить какие я испытывал мучения от этой лежнёвки.

Приехали в медсанбат, а он уже свернулся.

Направили меня в медсанбат соседней 90-й дивизии. И опять по лежнёвке на телеге, все равно как по стиральной доске. Привезли в медсанбат и сразу на операционный стол. Дали наркоз и велели считать, досчитал до 120 и почувствовал страшную боль, вскрикнул и услышал вопрос: «Что больно?», а потом провалился в небытие. Очнулся, когда забинтовывали ногу. Отнесли меня на раскладушку. Спросили, не увлекаюсь ли я алкоголем, я ответил, что употреблял только свои «боевые» сто грамм. Отдали на память осколок длиной 4-5 см, обмотанный ватой, и сказали, что если бы не телогрейка и брюки ватные, то он мог отрубить ногу. Осколок я долго берег, но когда делали ремонт в квартире, то затерялся.

Принесли в котелке пшенной каши. Такой вкусной показалась! На второй день на санитарном автобусе отвезли в армейский госпиталь. Госпиталь размещался в деревне Кабановка. В деревенских избах на полу была настелена солома и мы, раненые, лежали рядами, в верхней одежде. На

второй день меня понесли на перевязку в другой дом, где была оборудована перевязочная. Когда развязали бинты, то я увидел сплошную рану от колена до паха, источавшую дурной запах гниения, и у меня невольно навернулись на глазах слезы, я боялся потерять ногу.

Через несколько дней нас повезли на машинах на станцию, где погрузили в товарные вагоны. Привезли на станцию Злынка, примерно в пятидесяти километрах на восток от города Гомеля. У станции был посёлок Малый Вышков, где в двухэтажной школе и других зданиях был размещен эвакогоспиталь № 1057. Помыли нас, одели в чистое белье, выдали халаты, тапочки, костыли, положили на кровати с чистым белым бельем, вкусно и сытно накормили, было и сливочное масло.

Несмотря на рану, которая довольно сильно болела, наступило такое блаженство – как будто я попал в рай. К тому же медицинский персонал был квалифицированный, внимательный, предупредительный, доброжелательный, несмотря на капризы некоторых раненых. Работа всего госпиталя была подчинена единой цели – быстрейшему выздоровлению раненых и возвращению их в строй. Стараниями медиков рана стала постепенно заживать, но здесь привязалась новая напасть: при ранении, переездах, да и в госпитале я лежал с прижатой к животу раненой ноге, в результате наступила жесткая контрактура и нога не распрямлялась. При госпитале был неплохо оборудованный физкультурно-тренировочный кабинет, где приходилось тренировать ногу по несколько часов в день с перерывами. К середине июня 1944 года я уже мог ходить без костылей.

Школа, в которой находился госпиталь, была расположена на горке и хорошо просматривалась железная дорога. Мы видели оживленное передвижение эшелонов с танками, пушками и другой военной техникой к 1-му Белорусскому фронту. Мы понимали, что скоро должно быть наступление на фронте. Так и случилось, в конце июня 1-й Белорусский фронт перешел в наступление.

В начале июля, хотя рана ещё не зажила, я был переведен в команду выздоравливающих и был использован на разных хозяйственных работах. В конце июля госпиталь был свёрнут, раненых передали в другие госпитали. Началась

погрузка в эшелон всего хозяйства госпиталя, а оно было немалое. Кроме персонала госпиталя погрузкой занималась и команда выздоравливающих. Фронт быстро продвигался на Запад, а вслед за ним и наш эшелон. Наш эшелон продвигался не очень быстро, так как в первую очередь пропускались эшелоны, идущие к фронту. И вот мы проезжали через Партизанский край – Белоруссию, только что освобожденную от фашистов. При своем отступлении фашисты применяли тактику выжженной земли: деревни сжигались, часто вместе с жителями.

Как память того страшного времени в Белоруссии воздвигнут Мемориальный комплекс «Хатынь». В комплексе на месте домов остались только печные трубы и сарай, в который были согнаны все жители и заживо сожжены. В живых остался один старик, который в это время находился в лесу. Завершает этот комплекс скульптура этого старика с убитым ребенком на руках. Через определенные промежутки времени раздается траурный перезвон колоколов, подвешенных в печных трубах. Таких сожженных деревень были тысячи.

Для разрушения железных дорог фашисты применяли стальные ножи, прикрепляемые к паровозу и разрезавшие шпалы пополам. И так на многие километры. Разрушалось путевое хозяйство, стрелки, водонапорные башни, средства связи. Благодаря титаническим усилиям железнодорожников, путевое хозяйство довольно быстро восстанавливалось и военные грузы непрерывным потоком доставлялись фронту. По всему было видно, что немцы себя в Белоруссии чувствовали неуютно. На каждой станции и полустанке было оборудовано не менее двух ДЗОТов, пулеметных точек и помещений для размещения гарнизонов. На расстоянии 100-150 метров от железнодорожной линии был вырублен лес и кустарник. Медленно продвигаясь, мы прибыли в Минск. Скорой отправки эшелона не предвиделось, и мы пошли в город. Город был весь в развалинах, казалось, не было ни одного неповрежденного дома. Вот как жестоко прошла война по многострадальной Белоруссии. В Великой Отечественной войне каждый четвертый житель Белоруссии погиб. Фашисты вели войну на уничтожение народа. И пусть останется на совести лжеисториков и журналистов, которые в своей лжи

стараются смягчить и обелить зверства и вандализм фашистских захватчиков. Бог им судья.

Наконец в августе 1944 года, проехав около 600 километров, мы прибыли в Брест, где начали быстро размещать госпиталь в помещении бывшей гимназии. Бои на фронте происходили в это время под Варшавой, и стал поступать довольно большой поток раненых. Мы, команда выздоравливающих, разгружали раненых, помогали при операциях, хоронили умерших, выполняли хозяйственные работы. В редкие часы свободного времени мы ходили смотреть развалины Брестской крепости и слушали рассказы местных жителей о героизме её защитников, которые обороняли крепость в полном окружении более полутора месяцев.

Наконец рана зажила, наступило полное выздоровление, и меня с командой направили в армейский запасной стрелковый полк. В запасном полку мы долго не задержались, так как вскоре приехали «покупатели», и я был определен в 157-ю армейскую пушечно-артиллерийскую Барановичскую бригаду. На вооружении в бригаде было два дивизиона 152-мм гаубиц-пушек, один дивизион 122-мм пушек, дивизион АИР (артиллерийская инструментальная разведка), состоящей из батареи оптической разведки, батареи топографической разведки и батареи звуковой разведки.

Ещё при следовании в бригаду, начальник связи 2-го дивизиона спросил меня: «Пойдешь ко мне?» Я ответил, что я солдат и куда меня поставят, там я и буду воевать. Таким образом я стал связистом взвода управления 2-го дивизиона 152-мм гаубиц-пушек. Связисты взвода управления обеспечивали проводную телефонную связь наблюдательного пункта (в дальнейшем - НП) дивизиона (где, как правило, находился командир дивизиона) со штабом дивизиона, с НП батарей и с НП стрелкового полка, поддерживаемого нашим дивизионом. Следует отметить, что от состояния связи зависело взаимодействие пехоты и артиллерии, а в конечном счете, и успех операции. Здесь я уже знал фамилию командира бригады (им был полковник Кириллов), командира дивизиона, начальника штаба дивизиона и других начальников.

Бригада была хорошо оснащена техникой. Пушки перевозились мощными скоростными тягачами, ходовая часть

была такая же, как на САУ-76, и тягачи развивали скорость до 40-50 км/час. Автомобильный парк состоял из американских машин, в основном «Форд» и «Шевроле». В нашем взводе были «Форд» и «Шевроле». «Форд» был у связистов, а «Шевроле» у разведчиков. Пока бригада стояла на отдыхе, мы приводили в порядок материальную часть. Материальная часть состояла из телефонных аппаратов и катушек с кабелем. Телефонные аппараты были с зуммером, который был слышен через телефонную трубку. Во время дежурства приходилось привязывать трубку к уху. Телефонный провод с хлопчатобумажной оплеткой мы пропускали через кипящий озокерит, и потом тряпкой стирался излишний озокерит; такой провод не промокал и не давал замыканий. Провод наматывался на катушки длиной около 500 метров, и весила катушка около 10 килограмм. Когда начинали тянуть линию, то кроме карабина, противогаза нагружали на себя ещё 3-4 катушки.

Бригада располагалась в небольшом лесу, орудия - на опушке. Бригада входила в состав 28-й армии, которой командовал генерал Лучинский.

Примерно через неделю после моего прибытия в бригаду, поступила команда выступать, нашу армию передислоцировали на 3-й Белорусский фронт, которым командовал самый молодой командующий фронтом генерал Черняховский.

Пушки, тягачи были погружены в эшелоны, а мы на машинах поехали своим ходом. И вовремя уехали, так как через день налетела немецкая авиация и так разбомбила бывшее наше расположение, что от лесочка остались только кое-где расщепленные стволы.

Пехота вышла раньше, и мы обогнали её по дороге. Прибыли мы в район город Вилкавышкие (Волковнск) в Литве. По всей обстановке было видно, что готовится наступление. Пока наша 28-я армия ещё не сосредоточилась, нашу бригаду передали другой армии, и мы заняли боевую позицию.

Меня и другого бойца по фамилии Куманин послали тянуть линию связи к НП 5 батареи, где мы и должны были дежурить. Было это в конце сентября 1944 года, и погода стояла довольно тёплая, так что мы вырыли два ровика в рост

человека: один в полный профиль рядом с командиром батареи, где один из нас дежурил у телефона, а другой глубиной около 1 метра, где мы спали. Кухни у нас никакой не было, мы получали сухой паёк и сами себе готовили еду из концентратов в котелке на костре. Костер разжигали в ложбине, которая не просматривалась со стороны противника. Там было много таких как мы. Некоторые, в том числе и мы, использовали и подножный корм с поля в виде свёклы, брюквы.

Вскоре после нашего прибытия в первый эшелон была произведена разведка боем, для выявления огневых средств противника. Разведка боем проводилась накануне общего наступления. Наступил вечер, а потом и ночь. В небе всё время кружились самолёты и бомбили. Вечером наступила моя очередь отдыхать, и я устроился в ровике для отдыха, накрылся плащ-палаткой и заснул. Через какое-то время я услышал взрыв страшной силы, как мне показалось на брустверe, и я почувствовал, как на меня сыплется земля, а потом всё затихло. Я попробовал пошевелиться и повернуться, а земля ещё более уплотнилась вокруг плащ-палатки, которой я был укрыт с головой. Становилось всё тяжелей и тяжелей дышать. Вот думаю и готовая могила. Сознание помутилось, и я погрузился в забытье.

Очнулся я на воздухе, и этот воздух мне показался таким вкусным и сладким. Оказывается, бомба весом около 500 кг угодила в КП батальона, а наш КП батареи только засыпало землёй - кого по колено, кого полностью. Пока откапывали моего напарника Куманина, он вдруг вспомнил обо мне и закричал: «А там Кабан засыпан!», и указал место, где находился мой ровик. И меня откапали. А на КП батальона никого в живых не осталось. Я немного оглох, и Куманину пришлось какое-то время дежурить за двоих. А утром пошли в наступление и мы начали сматывать провод, чтобы опять его тянуть в другом месте.

18 октября 1944 года мы подошли к ручью и увидели большую доску, прибитую поперек ствола березы, а на ней было крупными буквами написано: «Вот она, проклятая Германия».

Мы вошли на территорию Восточной Пруссии. Население всё было эвакуировано и, кстати сказать, я до

самого Кенигсберга ни одного гражданского немца не встречал. Бои на территории Восточной Пруссии были тяжелыми и кровопролитными. На всей территории Восточной Пруссии дома строились под наблюдением военного ведомства, поэтому, например, окна в подвалах строились в виде амбразур; как правило дома строились на возвышенных местах. Всё это осложняло наступление наших войск, и, наконец, наша армия была вынуждена остановиться и занять оборону. Наша бригада находилась в десяти километрах от города Гумбинеп (Гусев). Как только мы остановились, сразу же была организована система артиллерийской инструментальной разведки. Кроме специальных подразделений, каждый дивизион на своём участке вёл оптическую разведку, которая заключалась в создании двух-трех наблюдательных пунктов, имеющих точные координаты и связанных телефонной связью с группой вычислителей на НП дивизиона.

Разведчик у стереотрубы вёл наблюдения ночью и, увидев вспышку от выстрела орудия противника, наводил стереотрубу и по телефону сообщал отсчёт вычислителям. С другого наблюдательного пункта также сообщался отсчёт. Вычислители наносили эти два направления на планшет и по месту их пересечения определялись координаты расположения вражеской батареи.

Противник тоже вёл обстрел расположения наших войск, и связь часто рвалась. При порыве связи один телефонист дежурит у телефона, а другой берёт телефонный аппарат, карабин и в темень, в грязь телефонный провод в руку и так следует до порыва. Потом приходилось искать второй конец провода, прозванивать, чтобы не соединить с чужим проводом, и соединять, заизолировав. Часто это приходилось делать под обстрелом.

Опасность заключалась ещё в том, что немецкая разведка специально разрезала провод, чтобы захватить нашего связиста, как «языка».

Особенно было тяжело в осеннюю слякоть и зимой. Еду готовили сами из концентратов.

В январе 1945 года, немцы начали наступление в Арденнах и серьёзно потеснили наших союзников, которые вынуждены были отступать. Английский премьер Черчилль

обратился к Сталину за помощью. Выполняя союзнический долг, было принято решение начать наступление Белорусских фронтов раньше запланированного срока.

Погода была скверная: мороз, снег, метель. При прорыве немецкой обороны мы проверяли результаты нашей работы и видели разбитые орудия противника и воронки от разрывов наших снарядов. Дальше наступление развивалось на Инстентург (Черняховск), Прейсиш Эйлау и затем вышли к Балтийскому морю. За эти операции мы получили благодарность Верховного Главнокомандующего. Но Кенигсберг с ходу взять не удалось, поэтому нашу бригаду нацелили на Кенигсберг.

Кенигсберг в полном смысле представлял город-крепость. Он был окружён кольцом фортов с толщиной стен и кровли 5-6 метров, на некоторых фортах росли целые рощи. Форты были окружены рвами с водой, каждый метр окружающей территории был прострелян и мог поражаться с большой точностью.

В городе был большой гарнизон. Здесь нашим огневикам-артиллеристам пришлось основательно потрудиться.

8 апреля 1945 года началось наступление на город. Предварительно несколько дней укреплённые позиции и огневые точки бомбили наши самолёты, которые шли волнами беспрерывно. 9 апреля город был взят, и в этот же день нашу бригаду погрузили в эшелон и отправили в распоряжение 1-го Украинского фронта.

Ехали через только освобожденную территорию Польши и с удивлением видели, как на станциях поляки торгуют нашими папиросами «Катюша». Наш эшелон прибыл в город Познань. Наша бригада стала спешно разгружаться и форсированным маршем влилась в боевые порядки 1-го Украинского фронта, которым командовал маршал Конев И.С. Немецкий фронт только что был прорван, и началась Берлинская операция. Наша бригада, как подвижное соединение, была брошена в прорыв. Прорыв был на довольно узком участке фронта. Когда мы проезжали в районе немецкого города Котбус, то видели, что орудия, стоявшие справа и слева от шоссе, стреляли в разных направлениях, а

мы стремительно продвигались вперед по этой горловине, занятой нашими войсками.

Ближе к Берлину завязались ожесточенные бои. Нам, связистам, особенно доставалось, так как мы обеспечивали связь с передовыми стрелковыми подразделениями. Пространство интенсивно обстреливалось противником. Связь постоянно прерывалась, так осколки снарядов и мин рвали телефонные провода, проложенные по земле, и нам приходилось под ураганным огнем ползти, вжимаясь в землю-спасительницу, и восстанавливать связь, так как наша пехота не могла остаться без поддержки артиллерии.

После упорных боёв мы подошли к Берлину. Огневые позиции наших орудий расположились на его окраинах. Как долго мы шли, чтобы можно было стрелять по фашистскому логову!

Помимо непосредственных задач по поддержке пехоты наши командиры подготовили данные, и мы дали несколько залпов по Рейхстагу и Рейхсканцелярии, в которой сидел Гитлер с Геббельсом. Наблюдательные пункты дивизионов и батарей располагались в рядах стрелковых подразделений, а мы обеспечивали связь с огневыми позициями наших батарей.

Берлин немцы защищали упорно. Особенно свирепствовали молодые фольксштурмисты из гитлерюгенда. Они стреляли отовсюду: с чердаков, подвалов, окон. Бывало, тянешь провод, а у тебя над головой строчка по стене из пулемета или автомата. Сразу ныряешь в подъезд или во двор, а потом вместе с пехотинцами выкуриваешь осиное гнездо. На войне работа телефониста не очень видная, но какая же она тяжелая и опасная, так как при любом обстреле приходится вылезать из окопа или укрытия и ползти по проводу пока не найдешь порыв.

Берлин в то время произвёл довольно мрачное впечатление: тёмно-серые дома, узкие улицы, на многих стенах домов крупным планов нарисованы наши танки «Т-34» и «ИС», а также силуэт подслушивающего человека. На улицах было много подбитых и сожженных наших танков. Ведь по танкам немцы били фауст-патронами с близкого расстояния из каждого подвала, из каждого дома. Видно и понятно было, что танки не для боя в городе. Здесь большего успеха можно добиться применением пехоты, артиллерии и

авиации. Примечательно было и то, что встретив нашего воина, гражданские немцы говорили: «Гитлер капут!» Как говорится быстро «перестроились». На занятой нами территории в Берлине и других населенных пунктах почти во всех окнах вывешивались полотнища мол – «Сдаёмся, не стреляйте!»

В разгар боёв на улицах Берлина нашу бригаду срочно передислоцировали в район Цоссена (это южнее Берлина), чтобы встать заслоном на пути идущей на помощь Берлину танковой группировке противника.

Огневые подразделения спешно рыли окопы, для кругового обстрела из орудий прямой наводкой. Наши 122-мм и 152-мм пушки пробивали лобовую броню «тигров» и «пантер», так что мы приготовились достойно встретить фашистский зверинец.

Рядом с нашими боевыми порядками у Цоссена находился городок, где раньше располагался Генеральный штаб сухопутных войск гитлеровской армии. Запомнились высокие железобетонные башни, стоявшие над убежищами и бункерами. Кроме того, был посёлок из уютных коттеджей, столовые, бассейны. Фашистские генштабисты жили с большим комфортом. Здесь же были сосредоточены и другие артиллерийские части и соединения.

Но танковая группировка противника изменила направление прорыва и направилась на наши танковые соединения. Произошло крупнейшее встречное танковое сражения. Позже, когда мы проезжали мимо этого поля сражения, нашим глазам открылось такое кладбище подбитых и сгоревших танков, какого я раньше никогда не видел. Запомнилось, как наша тридцатьчетверка таранила в бок немецкий танк «тигр» и оба сгорели, а также другие случаи близкого соприкосновения танков, что показывает, насколько жестокие бои были за Берлин. Когда угроза прорыва на нашем направлении миновала, нас опять нацелили на Берлин. Снова бесконечные провода для связи со стрелковыми подразделениями и нашими батареями. Сопротивление было сломлено, и немцы начали сдаваться.

Берлинский гарнизон уже капитулировал, а нам поступила команда в походном порядке двигаться на юг, в направлении Дрездена. Прибыв на позиции, мы быстро

развернулись, установили связь. Утром была проведена артиллерийская подготовка, мы выбили немцев с первой линии обороны и начали успешно наступать и здесь мы узнали, что в столице Чехословакии Праге произошло восстание. Подвижные части, в том числе и наша бригада, были направлены на выручку братского чехословацкого народа.

Автомагистраль шириной 60 метров была вся заполнена танками, пушками, автомашинами на много километров. Вся эта стальная лавина неслась в сторону братской Праги. В ночь на 9 мая стояла ясная и теплая погода, и вдруг раздается страшная стрельба из стрелкового оружия, в основном трассирующими пулями, ракеты осветили всю местность. Мы все схватились, обеспокоенные – не прорвались ли немцы. Потом от радистов узнали, что германская армия капитулировала, и сами начали салютовать Великой Победе.

Утром политработники нам зачитали сообщение о подписании немецким командованием акт о безоговорочной капитуляции и Указ Верховного Совета СССР об установлении праздника «День Победы», а также сообщили о том, что южная группа немецких войск под командованием генерала Шёрнера не признала капитуляции и продолжает сопротивление, и что нашей помощи ждет восставшая Прага.

Раздалась команда «по машинам» и мы двинулись навстречу новым боям.

При продвижении по территории Германии нас встречали белыми флагами, а при вступлении на чехословацкую землю, нас, в буквальном смысле слова, засыпали цветами. Везде мы видели только радостные дружеские лица, приветствующие нашу армию-освободительницу. Мы доехали до города Млада Болеслав, и на этом для нас война кончилась.

В последний день у нас погиб старший лейтенант Трухин. Чехи привезли гроб из красного дерева. Около тысячи чехов вместе с нами провожали в последний путь нашего товарища.

Мы вернулись в Германию и стали полевым лагерем у немецкого города Гера недалеко от Дрездена.

Великая Отечественная война закончилась победой антигитлеровской коалиции, но самые страшные потери понесли мы.

В 1941 году девятый класс Карабутовской средней школы закончили восемнадцать мальчишек. В живых осталось только трое: Литвин Петр Васильевич, Луценко Петр Иванович и я, Кабан Константин Иванович. Такое совпадение с песней, поэтому я свое воспоминание назвал словами из неё.

Великую Отечественную войну я прошел солдатом, награжден боевой медалью «За отвагу», а также медалями «За взятие Кенигсберга» и «За взятие Берлина», которые я считаю тоже боевыми. В 1995 году награжден орденом Отечественной войны I-й степени.

Демобилизовались мы только в 1950 году - сразу после Великой Отечественной началась новая «холодная» война. Но обо всем по порядку.

Первую партию, старших по возрасту, солдат демобилизовали вскоре после окончания войны ещё с территории Германии. Через некоторое время ещё - более младших. Провожали их с большим почётом.

В августе наша бригада начала эвакуацию на Родину. Приехали мы в город Холм недалеко от Кракова и разгрузились. Дальше предстояла перегрузка в вагоны с широкой железнодорожной колеей. Пока ожидали состав, мы съездили посмотреть лагерь смерти «Майданек», который находился вблизи города Кракова. От того, что мы увидели, застыла кровь в жилах. Мы увидели абажуры, перчатки из человеческой кожи, целые склады детской одежды и обуви – остатки от сожженных детей. Каждый из нас невольно задавал вопрос: «Неужели могли это сделать люди?» Да, это делали немецко-фашистские захватчики, отравленные людоедской нацистской идеологией Гитлера и его приспешников.

После перегрузки на наши вагоны с широкой колеей мы довольно быстро приехали на место постоянной дислокации в Белоруссию на территорию бывшего военного городка, где до войны располагался артиллеристский полк. От городка остались только полуразрушенные стены казармы, да фундаменты других зданий. Офицеры располагались на квартирах в поселке, а мы в палатках. Бригада превратилась в строительную часть: занимались непосредственно

строительством, заготавливали лес (и я в том числе), работали как на фронте – на пределе человеческих возможностей.

К морозам казарма и столовая были построены. В это время была создана школа сержантов, меня определили в группу разведчиков- вычислителей.

Параллельно шла демобилизация старших возрастов. К лету 1946 года бригада настолько усохла, что её слили с другой, 41-й бригадой, расположенной в Витебской области, где и состоялся выпуск нашей школы.

В начале 1947 года демобилизовали солдат 1924 год рождения. Остались служить ребята только 1925-1927 годов рождения. В то время в армию призывали в 21 год и, следовательно, 1928 года рождения не призывали.

Из-за малочисленности рядового и сержантского состава нашу слившуюся бригаду переформировали в гаубичный артиллерийский полк кадрового состава и передислоцировали в Калининградскую область, в места, где мы воевали.

Несколько слов о кадрах полка. Наш полк был полностью укомплектован офицерским составом, материальной частью, а рядовым и сержантским составом из трёх дивизионов - только один. Офицерам нагрузка осталась прежняя, а рядовым и сержантам утроилась и стала почти как на фронте.

Приходилось ходить в караул и дежурить на кухне через день, обслуживать в три раза большую материальную часть. Особенно тяжело было от недосыпания. Засыпали при первой возможности и в любом положении. Физические нагрузки тоже были большие, особенно после демобилизации в 1948 году солдат 1925 года рождения. Наконец в 1949 году призвали солдат 1928 года рождения. Нам предстояло обучить и подготовить себе замену.

Мы, старослужащие, имевшие боевой опыт и знавшие воинскую службу, относились к вновь призванным как старшие братья. Передавали свой опыт. Ни о какой дедовщине и мыслей не было. И даже после демобилизации я получал много писем от своих подчиненных. А многие годы спустя, будучи на целине в Павлодаре, я встретил бывшего солдата Астапенко, и он пригласил меня в гости. Это дорогого стоит.

Наконец в апреле 1950 года я был демобилизован.

Мне очень хотелось учиться, ведь я не окончил десять классов. Сестра должна была заканчивать десять классов в следующем году. Родители не могли учить двоих.

Признаюсь, я был какое-то время в растерянности. В нашем Дубовязовском сельском районе было всего две средние школы – одна в десяти, а другая в пятнадцати километрах от нашего села.

Мне везло на хороших людей, которых я встречал. По рекомендации райкома комсомола мне предложили должность физрука в Кошарской средней школе, но для этого надо было пройти месячные курсы при Глуховском пединституте. Но ехать не на что, денег нет. Тогда мать повела единственную кормилицу-козу на базар и продала за 90 руб. С ними я поехал на курсы.

На курсах физическая подготовка была на высоте, и я многому научился. Но нагрузки были такие, что я, не занимавшийся регулярно физической подготовкой, чувствовал себя, как побитый – болели буквально все мышцы. Если добавить к тому, что я питался на 3 рубля в день – это стоимость самого дешевого обеда, то было очень тяжело. Но уныния не было, мы также были веселы, шутили, у нас была цель - мы учились.

После курсов я прибыл в школу перед началом учебного года. И опять мне повезло. Директор школы Мороз Анатолий Денисович, фронтовик, когда я ему сказал, что мне хотелось бы закончить десять классов, ответил мне, что лучше будет, если я сяду за парту рядом с десятиклассниками. Так целый год я был в двух ипостасях – учитель и ученик. Уроки физического воспитания я проводил в первую смену, а во вторую смену занимался как ученик десятого класса.

С трепетом сердечным я шел на первые уроки – ведь прошло девять лет после окончания девятого класса. Но я довольно быстро освоился и к концу первой учебной четверти, уже другой замечательный человек, классный руководитель, Сазонова Неонила Савельевна сказала, что если я постараюсь, то смогу окончить школу с медалью.

Весь педагогический коллектив благожелательно принял меня, и все помогали, чем могли, в моей работе и учёбе.

В то время перед началом первой и второй смены проводилась физзарядка. Распорядок дня был следующий:

утром я бежал проводить физзарядку, после неё бежал завтракать, затем бегом проводить уроки в первую смену, после бегом обедать и после обеда бегом проводить физзарядку перед второй сменой и заниматься в 10-м классе. Так я бегал весь год. Вечером готовил конспекты для проведения уроков и домашние задания.

Труды не пропали даром, школу я закончил с серебряной медалью, и я поступил в Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Родители мне не могли помогать, и жил, учился я на одну стипендию в 220 рублей, притом из неё вычитали 10% за облигации, подоходный и бездетный налог и два раза в год по 200 рублей за учёбу, так как учёба была платная. Дополнительным доходом была повышенная стипендия, (я старался сдавать экзамены на пятерки), работа в научно-исследовательском секторе института, разгрузка вагонов, чистка снега с крыш и работа на производстве во время каникул. Выручала фронтовая закалка и дружба. Ближайшими друзьями были Юра Иванов, Толя Скуратов и Володя Буданов. С ними, как в песне, и хлеба горбушку и ту пополам. Мы были радостными, весёлыми, старались не пропускать новых кинофильмов в кинотеатрах, ходили в театры, в том числе и в Большой. Но главное - мы не были завистливы. Шиком считалась ковбойка и лыжный костюм. Окончил я институт с красным дипломом, с отличием, и поехал работать на целину в город Павлодар. Участвовал в изысканиях таких уникальных объектов, как нефтепровод «Дружба», длиной около 5000 километров; Саратовский завод технического стекла; дочернее предприятие АвтоВАЗа - Вологодский подшипниковый завод и другие.

За трудовые достижения я был награжден орденом «Знак Почета».

Вспомнил я послевоенные годы потому, что в 1941 году я окончил девятый класс и поступил в 10-й класс только в 1950 году, который окончил в 1951 году. Почти десять лет у меня забрала война Великая Отечественная и «холодная» войны. Послевоенные годы были не легче военных, хотя над головой не свистели пули, не рвались бомбы, снаряды, мины и не сыпались дождём осколки.

Мне 80-й год и подводя итоги прожитой жизни, могу сказать, что был верен долгу перед Родиной, перед людьми, на фронте не прятался за спины других, в мирное время работал в сложных экспедиционных условиях, не совершал подлых поступков и могу честно смотреть людям в глаза.

Май 2005 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь гвардии полковник в отставке - ***Боднарь Александр Васильевич***

Казьмин Василий Иванович

Задание выполнено, мы захватили карту расположения немецких войск

Я родился 1 августа 1923 года в селе Русаново Терновского района Воронежской области. Я участвовал в четырёх самых известных битвах Великой Отечественной войны: битве под Москвой, Сталинградской битве, на Курской дуге и в Ясско-Кишиневской операции.

Моя фронтовая жизнь началась в июле 1941 года после окончания 10 класса. Мне еще не было 18 лет. И таких не призывали в армию. Но поскольку немцы упорно продвигались к Москве, учащихся 9-10 классов отправляли на строительство фронтовых оборонительных сооружений. Такие сооружения мне с другими ребятами пришлось строить в Смоленске на берегу Днепра. Под Вязьмой мы копали рвы и возводили укрепления. Вместе с нашими войсками я и мои одноклассники отступали до Можайска.

В конце сентября 1941 года началась битва под Москвой. В декабре наши войска перешли в контрнаступление и отогнали фашистов от Москвы. Я помогал на кухне или подносил снаряды. Ребята рвались на передовую, но так как мы не были военнослужащими, нам нельзя было находиться там, поэтому нас отпустили домой.

Но, пробыв дома всего 3-4 дня, я был призван в армию и направлен во 2-е танковое училище в Саратове. А затем –

переведен в Киевское артиллерийское училище. Окончив училище за 8 месяцев по ускоренной программе, получил воинское звание лейтенанта артиллерии. Потом я попал в 9-ю артиллерийскую дивизию и в составе 62-й армии под командованием генерала Чуйкова В.И принимал участие в боях за Сталинград.

Изолированная с севера от войск Сталинградского фронта, а с юга - от основных сил Юго-Восточного фронта, 62-я армия значительно уступала противостоящему ей противнику как в численности личного состава, так и в вооружении.

Летом 1942 года немецкие танки стремились к Волге. Артиллерийский взвод 76-ти миллиметровых пушек под моим командованием в течение 15 дней стойко держал оборону и не пропустил фашистов. После тяжелых боев под Сталинградом взвод был направлен на переформирование под Воронеж. После пополнения я со своим взводом прибыл на берег Дона. Войска готовились к наступлению: подвозилось много снарядов, по 10 комплектов на пушку.

19 ноября 1942 года после залпов «Катюш» вся армейская артиллерия в течение полутора часов вела шквальный огонь по позициям фашистов. После артподготовки войска пошли в атаку, хоть и натыкались на плотный огонь пулеметов фашистских дзотов. Артиллерийский взвод под моим командованием прицельным огнем уничтожал огневые точки противника, который под натиском наших войск начал сдаваться. Сдавались в плен не только немцы, но и румыны, итальянцы и испанцы, воевавшие на стороне фашистов. Стояли сильные морозы. Наши войска были хорошо и тепло одеты, а фашистские солдаты одеты были в тонкие шинели и лёгкие сапоги. Им было очень холодно. Войска Красной Армии праздновали очередную победу. Немецкие солдаты начали чаще кричать: «Гитлер капут!»

23 ноября подвижные войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов в результате наступления замкнули кольцо окружения вокруг 6-й и части сил 4-й танковой немецких армий. 22 дивизии численностью около 330 тысяч человек оказались в окружении. Кроме того, в ходе

наступления были разгромлены крупные силы румынских войск.

Гитлеровское командование предпринимало безуспешные попытки освободить свои войска. Немецкие танковые дивизии под командованием генерала Манштейна с внешней стороны стремились прорвать кольцо окружения. Под воронежским Калачом мой взвод остановил немецкие танки. В составе немецких дивизий были мощные танки «Тигр». Наши пушки не могли пробить их лобовую броню. Тогда артиллеристы стали стрелять из пушек по гусеницам, «Тигр» начинал крутиться на месте. Второй снаряд пробивал боковую броню или попадал в баки с горючим, и танк загорался.

2 февраля 1943 года битва за Сталинград закончилась. А уже 3 февраля Верховным главнокомандующим всем участникам битвы была объявлена благодарность. В результате наступления Красной Армии немецкие войска были отброшены от Сталинграда на 700 километров.

Я со своим взводом дошел до Красноармейска. Пехота отстала. Немцы пошли в контрнаступление и попытались окружить артиллерийский полк, которому, передвигаясь по ночам в течение семи суток, удалось выбраться из немецкого окружения. Полк отступил к населенному пункту Красный Лиман, где меня повысили в должности с командира артиллерийского взвода до начальника разведки дивизии.

Весной 1943 года наша воинская часть стояла на Северском Донце. Командованию стало известно, что немцы готовят новое наступление летом. Командир полка вызвал меня и сказал: «Необходимо в течение 3 дней идти по направлению к Харькову и выяснить расположение танков и артиллерии противника».

Передовая линия обороны немцев хорошо охранялась. Чтобы пройти через передовую немцев, я выделил шестерых солдат и поставил им задачу занять окоп немцев. Немецкий окоп мои солдаты заняли. Наши солдаты открыли огонь. Один из немцев прыгнул туда, где находились наши солдаты. Разведчики тут же связали его, заткнули рот кляпом и отправили на допрос. Я же со своим взводом остался в тылу задержался на 4 дня и когда возвращался, наткнулся на немецкую батарею. Немцы ранили одного из моих солдат, а у

разведчиков было правило: убитых и раненых не бросать. Когда мы вернулись, я доложил: «Задание выполнено, и мы захватили карту расположения немецких войск». За мужество, проявленное при выполнении этого задания, меня наградили первым орденом Красной Звезды.

Ближе к лету я участвовал в Курско-Белгородской операции. А в октябре 1943 года – в операции по форсированию Днепра. Гитлер надеялся закрепиться на Днепре, который представляет собой сильную водную преграду. Он, возможно, надеялся остановить наступление Красной Армии на Днепре и тем самым подготовиться к следующему наступлению на нашу землю. При наступлении наше командование правильно оценило позиции гитлеровских войск у Днепра, и не позволило им закрепиться на его противоположном берегу. Для этого наши войска получили приказ быстро наступать, и, не дав времени гитлеровцам закрепить позиции на берегу реке, взять её с ходу.

Когда наши войска подошли к Днепру, надо было выбрать место, где форсировать реку. Командование решило переправиться в районе Днепропетровска. В этом месте посередине реки был остров. Было принято решение незаметно добраться до острова, а оттуда переправиться на другой берег. Немцы тоже знали об этом. И когда наши войска попробовали добраться до другого берега, у них ничего не получилось. Было много убитых и раненых среди солдат. Затем попробовали форсировать Днепр южнее - между Днепропетровском и Запорожьем. Всем участникам объявили: «Кто станет хотя бы одной ногой на правый берег Днепра, тому будет присвоено звание Героя Советского Союза».

Первыми форсировали Днепр штрафники, которые должны были геройскими поступками снять с себя вину. Штрафные батальоны добрались до правого берега и захватили плацдарм. Основные силы наших войск тоже стали переправляться на другой берег на плотах. Немцы открыли огонь. Один снаряд разорвался рядом с плотом, на котором находился я с солдатами и пушкой. Плот от взрыва перевернулся, и всё ушло под воду. Так как я был в шинели и сапогах, то меня сразу потянуло на дно, поэтому пришлось снять эти тяжелые и мокрые вещи и плыть на берег. Все мои

документы и фотографии размокли. Малый плацдарм остался, но переправиться всем войскам не удалось.

Очередная попытка переправиться была предпринята еще южнее по плотине в районе Запорожья. Частям был отдан приказ - не дать немцам взорвать её. Когда войска заняли боевые позиции перед плотиной, послышались голоса: «Немецкие танки сзади». Все обернулись назад и увидели, что танки идут с отрытыми люками и высовывающимися из них танкистами. Из первого танка раздался крик: «Не стреляйте – свои!» Я пригляделся, и, правда, – оказались свои. Это наши бойцы захватили немецкие танки и на них легко проехали по плотине на правый берег Днепра. За эту операцию я получил второй орден Красной Звезды и благодарность, а 9-я артиллерийская дивизия стала называться Запорожской.

Потом я участвовал в боях за освобождение Одессы, Николаева, Кривого Рога. Закончил войну на территории Молдавии, так как в Ясско-Кишиневской операции я получил тяжелое ранение руки: пуля прошла руку насквозь и перебила нервы, но я не оставил поле боя. Командир полка и начальник медсанбата дивизии сказали мне, что если не уйду в госпиталь, то меня будут судить как дезертира. Ранение оказалось очень серьезным и пришлось почти до конца войны лечиться в госпиталях и санаториях.

Из моих родственников на войне был и мой старший брат Алексей Иванович, 1914 года рождения. В армию он был призван в 1939 году. Воевал под Киевом, потом его перевели на Смоленское направление. Под Ельней был очень тяжело ранен.

Двоюродные же братья (сыновья сестер моей матери), тоже участвовавшие в военных действиях, погибли.

Основным итогом Второй мировой войны, конечно же, является освобождение мира от фашистской агрессии. Не осуществились планы мирового господства гитлеровской Германии, которая хотела сделать рабами народы других рас.

Конечно, эта победа справедливости обернулась большими потерями, принесшими много горя народам мира, боровшимися с фашизмом. Еще до сих пор нельзя назвать точные цифры потерь нашей страны в этой уничтожительной войне. Можно ли говорить о цене этих потерь. Был уничтожен огромный генофонд. Мы потеряли множество лучших умов.

После войны я поступил в Московский государственный университет (МГУ) на философский факультет, успешно его окончил. Также окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. Одновременно работал на партийной работе при строительстве высотного здания МГУ на Воробьёвых (раньше Ленинских) горах.

В 1970 году мне присвоили звание капитана приказом КВМВО № 203. В 2000 году удостоили звание майора приказом ГКВСРФ № 2.

Мои награды:

- благодарность командира 9-й Запорожской артдивизии РГК гвардии генерал-майора артиллерии Ратова А.;
- орден Отечественной войны I-й степени;
- два ордена Красной Звезды (№ 658648 и № 2252790);
- медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (от 11 марта 1985 года, № ордера 515876);
- медаль Жукова;
- юбилейные медали «25 лет Победы в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Вооружённых сил СССР», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Вооружённых сил СССР», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «70 лет Вооружённых сил СССР», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- медаль «Ветеран труда»;
- знак «Фронтовик 1941-1945 гг.»;
- медаль «В память 850-тилетия Москвы».

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 3-го курса факультета машиноведения и управления качеством Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина – ***Цыганова Юлия Викторовна***

Колониченко Валентин Федорович

Вернуться в деревню и, опередив немцев, достать карту любой ценой

Я родился 21 марта 1925 года в деревне Линево Шарыповского района Красноярского края. Русский, православный. Я – сибиряк и горжусь этим! В нашей большой семье было шестеро детей, я - пятый. Мама работала в колхозе. Папа умер, когда мне исполнилось пять лет. Поэтому с раннего детства пришлось приучаться к труду. В 1932 году я пошел в первый класс в городе Шарыпово. Мы не раз переезжали, поэтому мне пришлось сменить три школы: в городе Шарыпово, в городе Ужуре, и заканчивал седьмой класс в деревне Парная.

В 1939 году я поступил в Красноярский техникум физкультуры и спорта. Но учиться мне пришлось там недолго, поскольку в 1940 году вышло постановление об отмене стипендии для студентов. Я был вынужден оставить учебу и вернуться домой в город Шарыпово, откуда меня по линии райкома комсомола направили на курсы киномехаников в город Новосибирск. Там-то меня и застала война.

С первых дней войны в городе началась массовая мобилизация местного населения, перевод всего народного хозяйства на военные рельсы. В связи с этим курсы киномехаников сократили по времени, и через два месяца учеба закончилась. Затем я, по распределению, начал работать

на передвижках – показывал довоенные патриотические фильмы, которые поднимали дух молодежи. Потом меня перевели в город Шира, где я работал старшим киномехаником в кинотеатре «Заря».

19 сентября 1941 года, как обычно, я шел на работу и встретил друзей, которые были старше меня на два-три года. Как оказалось, они шли записываться добровольцами на фронт по линии райкома комсомола. Побеседовав с ними, я решил, что пойду воевать несмотря на мой молодой возраст. Позже мы узнали, что запись идет в лыжные батальоны. Тут-то мне и пригодились навыки, полученные в техникуме физкультуры и спорта. Долгое время мне отказывали в записи добровольцем, но затем все же записали. Меня направили к врачу, который, осмотрев, сделал вывод о моей пригодности. Так, в документах мой год рождения исправили на 1922, и я оказался в списке добровольцев на фронт.

Нас направили на сборный пункт, где построили и стали выбирать наиболее рослых и физически подготовленных парней. Таких нашлось сто человек, среди них оказался и я. Мы понятия не имели, для чего это все делалось, и что с нами будет в дальнейшем. Ночь мы провели в школе. На следующий день нас разбудили, погрузили в товарные вагоны и отправили в Ачинск. Откуда мы отправились в военный городок. Там на базе эвакуированного Киевского пехотного училища формировался 6-й коммунистический сибирский батальон, который состоял из двух коммунистических рот и одной комсомольской роты. Меня распределили в комсомольскую роту.

Началась подготовка к фронту. Мы изучали военное дело. Нам рассказывали и показывали как правильно обращаться с различным военным оружием: винтовками, пулеметами, гранатами. Нас учили рыть окопы, заниматься разминированием, обучали тактическим приемам. Одним словом, все, что необходимо было знать и уметь каждому воину, нам пытались преподать за короткие сроки, поскольку война не могла ждать.

Каждый день я занимался по десять часов, после чего, как опытный киномеханик, показывал сослуживцам в казарме патриотические фильмы. На сон у меня оставалось пять часов в день. В выходные дни участвовал в маршах на десять-

пятнадцать километров, в ходьбе на лыжах до тридцати километров. В таком напряженном темпе прошли два месяца военного обучения. В ноябре 1941 года я принял присягу. После мы получили зимнее обмундирование. Затем нас погрузили в воинский эшелон и отправили на фронт. Поезд шел без остановок, поскольку в Москве сложилась тяжелая ситуация, а мы были резервом верховного главнокомандования.

14 ноября нас доставили в столицу нашей Родины. В Москве я был впервые. Ночь мы провели на Казанском вокзале, откуда наблюдали за воздушным боем – был осуществлен налет фашистской авиации на Москву, наши зенитки вели непрекращающийся огонь.

Результаты этого налёта мы увидели на утро следующего дня, когда шли от Казанского вокзала по Садовой до Крымского моста. В целях защиты и сохранности все окна были заклеены пленкой. На улицах было безлюдно. Подойдя к Крымскому мосту, мы увидели, как догорали кассы Парка Культуры. Когда шли мимо Института цветных металлов, видели трупы людей, которых еще не успели убрать с места гибели. Эта картина сильно на меня подействовала – она заставила задуматься о всей сложности теперешней жизненной ситуации, об огромной ответственности, которая ложилась на наши плечи, плечи совсем молодых людей, которым предстояло бороться с врагом за жизнь и свободу нашего народа.

Нас привели в одно из помещений на Октябрьской площади. Там сообщили, что враг уже близко подошел к Москве. Расформировав батальон, нас разбили на группы, каждая из которых состояла из двенадцати человек. Меня распределили в десятую группу, отправлявшуюся на Западный фронт.

Штаб нашей армии находился в районе станции Шилово Рязанской области. Туда нас доставили на машинах. По дороге в штаб мы приняли первое боевое крещение. Это произошло следующим образом. Недалеко от Коломны несколько фашистских самолетов обнаружили автоколонну, в которой на одной из машин находилась наша группа. Незамедлительно враг начал обстреливать колонну и забрасывать бомбами. Появились первые жертвы. Но группа вовремя спешилась, по

команде старшего отбежала от дороги в сторону леса. После окончания бомбардировки тронулись дальше. Так начался мой воинский путь, а для кого-то в тот день он, так и не начавшись, закончился. Первый раз смерть заглянула нам в лицо.

По прибытии в штаб армии нас распределили по дивизиям. Моя группа в составе четырех человек была направлена в 323-ю Тамбовскую дивизию. Затем мы были распределены по полкам. Прибыв в свой полк, мы остались в резерве выполнять отдельные задания.

Начало боевых действий пришлось на 6 декабря 1941 года. Наша дивизия участвовала в контрнаступлении под Москвой и приняла первый бой за город Епифань Рязанской области.

Вначале я находился в резерве и выполнял боевые задачи, поставленные начальником штаба полка Лопшиным Василием Ивановичем. Я отсылал боевые донесения на сборный пункт, организовывал вместе со связистами телефонную связь. Позднее я стал выполнять более ответственные задания, такие как: хождение в разведку, спасение штабных документов. Так продолжалось около месяца. Затем стал принимать участие в боях. Очень старался точно выполнить поставленную боевую задачу и приобрести необходимый опыт. Учился у бывалых воинов мастерству и боевой закалке. В наступление шел впереди, в обороне находился на самом важном и опасном участке, на марше помогал слабым, подбадривал отстающих. Старался изо всех сил, делал все от меня зависящее.

Позже меня определили младшим командиром взвода, и тогда появились первые подчиненные. Все они были старше меня, и многие из них были опытнее - мне в то время было около семнадцати лет. Это была большая ответственность. Выполнение данной задачи далось нелегко, поскольку опыта подобного рода у меня не было. Свою помощь предложил один из подчиненных – снайпер Грушин, родом из Москвы. До войны он занимался обучением и воспитанием молодого поколения в ремесленных училищах, поэтому опыта общения с молодежью у него было достаточно. Грушин часто подсказывал мне как правильно себя вести с подчиненными в той или иной ситуации. Я учился на его личном примере как обращаться со старшими товарищами. Он мне тогда очень

помог. Благодаря общению с Грушиным я перестал стесняться своих старших товарищей и более уверенно чувствовал себя в боевых действиях. Я получил тот опыт, который мне пригодился не только во время войны, но и в дальнейшей жизни.

Когда тяжело ранили командира взвода Федорова, меня назначили вместо него. Я в то время подумал, что это временное явление, но я ошибался. Вскоре мне присвоили воинское звание – младший лейтенант. Так я без специального военного образования в свои неполные семнадцать лет стал офицером Красной Армии. Для меня это было неожиданно. Я осознавал всю серьезность своего настоящего положения, ответственность, которую мне доверили.

В боях и сражениях закалялся мой характер, происходило возмужание. Постепенно я становился взрослым человеком, оставляя позади свою недолгую юность и детство, – так проходило мое становление.

Находясь на фронте, не раз приходилось смотреть смерти в глаза. Так случилось и в 1941 году. Не успел наш штаб полка расположиться в освобожденной деревне в Тульской области, как пришло известие о том, что нас уже окружают немцы, и наш штаб полка отрезан от своих основных сил. Поэтому, чтобы не попасть в плен, нам незамедлительно пришлось оставить этот населенный пункт, пробираясь лесом к своим. Позже выяснилось, что второпях начальник штаба забыл карту с нанесенной боевой обстановкой. Опасность того, что эта карта попадет в руки врага, была велика. Несмотря на напряженную ситуацию, мне было приказано вернуться в деревню и, опередив немцев, достать карту любой ценой. В помощь мне дали опытного сержанта.

Пробравшись огородами к избе, мы увидели на улице немцев, которые плотно обступили машину, брошенную нашими тыловиками. И пока они, толкаясь и споря, набивали ранцы консервами, я сделал свое дело. Оставив сержанта у входа, я вбежал в избу, быстро сунул за пазуху документы и попутно оставленный бинокль и мигом выскочил наружу. Через полчаса мы тем же путем добрались до штаба. Начальник штаба Василий Иванович Лопшин крепко пожал нам руки, сказав: «Молодцы, хлопцы, выполнили мой приказ с честью».

Другой случай из моей воинской жизни. Мы стояли в обороне. Командир дивизии генерал Гарцев принял решение силами офицеров блокировать дзот и захватить «языка» - пленного, владеющего важной информацией. В группу захвата «языка» набирались только добровольцы. В их числе оказался и я. Началась подготовка.

Группа, в которую я попал, входила в отряд прикрытия и состояла из четырех человек. Меня вооружили ручным пулеметом Токарева. При захвате я, не отходя от группы, должен был огнем из пулемета прикрывать своих товарищей. Но случилось непредвиденное. В группе захвата один из офицеров вытащил случайно кольцо из гранаты Ф1. Последовал взрыв гранаты, противник, разумеется, обнаружил группу захвата. Немцы открыли огонь из всего стрелкового оружия. Одновременно с этим местность непрерывно освещалась взрывами ракет. Группа захвата начала отступать. Я с двумя автоматчиками прикрывал её огнем. И только по сигналу мы начали отходить – вначале автоматчики, и уже после них я. В этой неудавшейся операции из-за оплошности одного человека наши ряды поредели на пять боевых офицеров. Этот урок оставил отпечаток в моей памяти на всю жизнь.

Скоро последовало другое важное боевое задание. Мы приняли оборону у воинской части, которая сражалась здесь до нас. Но второпях забыли принять районы заминированной местности. В результате наши бойцы начали подрываться на минах, установленных до нашего прихода. Тогда командир полка капитан Колесников отдал приказ – назначить группу по установлению границ минирования. Поскольку я разминированию обучался во время военной подготовки и, более того, у меня был определенный опыт в данном деле, меня назначили сапером. Так я и еще несколько бойцов, вооружившись миноискателями, отправились выполнять поставленную задачу. В сложившейся напряженной обстановке не потерять спокойствие и уверенность, необходимые для удачного и безопасного выполнения задания, было довольно сложно. Но я собрал волю в кулак и действовал четко и верно. Уже к концу выполнения работы нас обнаружил противник и сразу же открыл огонь из миномета. К счастью, меня не зацепила пуля врага. Моему

сослуживцу повезло меньше – пришлось выносить его с поля боя в более безопасное место, поскольку сам он из-за ранения не мог этого сделать.

Прошло немного времени, и последовало следующее задание. Оно было дано командиром полка и заключалось в том, чтобы установить, есть ли в населенном пункте противник, или его там нет. Начальник нашего штаба не забыл про меня и подсказал командиру полка, что следует послать сибиряка – он выполнит задание как полагается. Так и произошло. Меня в одиночестве отправили отыскивать по карте этот населенный пункт. Вскоре я нашел его. Остановился на окраине, прислушиваясь к постороннему шуму, но все было тихо, и только доносился ночной лай собак где-то на противоположной окраине населенного пункта. Я стал продвигаться дальше, стараясь использовать местность. Когда подошел совсем близко к назначенной цели, то увидел в одном из домов тусклый, еле заметный свет. Я подошел вплотную и через окно увидел женщину. После чего постучал в дом. Женщина, приоткрыв дверь, спросила, что мне надо. Я ответил, что мне надо знать, есть ли в деревне немцы. И только после услышанного она поняла, что я не враг, а советский воин. На ее лице появилась добрая улыбка, она была очень рада моему приходу, хотела напоить меня горячим чаем, но мне, к сожалению, было некогда. Меня не оставлял в покое вопрос, ответ на который я был обязан незамедлительно принести в штаб, - есть ли в деревне немцы. Женщина рассказала, что в здании через две улицы останавливаются немецкие почтальоны, которые привозят и разбирают почту. Около этого дома стоит часовой, а по улицам постовые не ходят. Так я узнал об обстановке в данном населенном пункте, но в бой ввязываться не стал – такую задачу передо мной не ставили. Поэтому я вернулся целым и невредимым в штаб и доложил обо всем, увиденном мною.

В начале января 1942 года дивизия и мой родной полк приняли участие в освобождении города Людиново Калужской области. Мы были одними из первых, кто ворвался в Людиново и добивал остатки отступавших войск. Через два дня город был полностью освобожден от фашистов, там началась устанавливаться советская власть. Однако немецко-фашистские захватчики перебросили с запада две свежие

дивизии и начали осаду города Людиново. Завязались уличные бои. Я с группой бойцов вырвался вперед и, увлекшись преследованием немцев, оказался отрезанным от главных сил. Тогда мы приняли участие в тяжелом уличном бою за поселок Сукремль. Я приказал занять круговую оборону в одном из домов, построенном из кирпича. Тут же немцы перешли в атаку. Нам пришлось отстреливаться прямо из окон дома.

Фашистов было больше, они вплотную подошли к дому и кричали: «Русские, сдавайтесь!» Некоторые из бойцов запаниковали. Мне тоже стало не по себе, но я держал себя в руках. На меня же смотрели мои подчиненные. «Подпускать немцев ближе, бить наверняка!» - тихо скомандовал я. И это подействовало на бойцов отрезвляюще. Фашистов встретили еще большим огнем. До позднего вечера продолжался бой. Тогда один из бойцов заметил, что в кухне от гранат противника взорван пол, под которым мы обнаружили отверстие, видимо хозяин дома там держал свиней. Это дало нам выход из дома через двор на опушку леса, которая примыкала к окраине поселка. Разведка донесла, что во дворе немцев нет. Дорога была свободна.

С наступлением темноты мы, в составе двенадцати человек, вырвались из окружения немцев, забрав с собой раненых. Мы направились по лесной тропе, которая нас привела к деревне под названием Свиное. Там мы встретили представителя Людиновского партизанского отряда. Договорились с ним о нашем подключении к этому отряду.

Нас направили на базу партизанского отряда. Когда мы туда прибыли, то были приятно удивлены, потому что встретили более семидесяти человек из нашего полка, которые, как оказалось позже, тоже были отрезаны от главных сил. От этой группы был старшим командир батальона Ковалев. Нам очень повезло, что в этой группе были связисты с радиостанцией, которые установили связь с главными силами. Мы ждали поступления дальнейших распоряжений. Нас тогда принимал начальник разведки партизанского отряда Ящерецин Иван Михайлович. Вскоре нас пополнили боеприпасами и определили в боевые группы.

Я был определен в группу подрыва воинских эшелонов. Трижды ходил на задания, одно из них оказалось удачным.

Мы подорвали дрезину вместе с фашистами, которые везли боеприпасы для войск, охранявших железную дорогу.

Спустя две недели наша группа стала выходить с территории, оккупированной фашистами. Выходили, как правило, только ночью, не ввязываясь в боевые действия. И на шестой день в районе поселка Букань мы перешли передний край противника и влились в свой родной полк.

Когда нас увидели наши сослуживцы, на их лицах появилось приятное удивление, поскольку все это время в нашем полку считали нас погибшими – ведь от нас не было никаких вестей, поэтому незамедлительно были отправлены «похоронки» нашим родственникам. Когда прошло время, будучи дома, я читал свою «похоронку». К моему счастью, почтовый писарь неправильно написал мою фамилию, окрестил меня Коваленко. Когда мать прочитала, то подумала, что это ошибка, и ко мне это письмо никакого отношения не имеет, что со мной все хорошо. И не переживала по этому поводу. Но я-то знал свою полевую почту, знал, что послана «похоронка». Так произошло мое воскрешение.

Из партизанских будней я сохранил добрую память о славных героях-партизанах, которые внесли значительный вклад в общую победу над фашистскими захватчиками. Спустя время встречался я с Ящерициным Иваном Михайловичем и его боевой подругой, тоже партизанкой, в том самом городе Людиново. Ящерицин был награжден орденом Боевого Красного Знамени за героические заслуги в составе партизанского отряда.

Прибыв в свой родной полк, нас несколько раз опрашивали. Положение было непростое. Но, послушав наш рассказ о пребывании в партизанском отряде, нас не стали исключать из полка. Словом, нам очень повезло.

Находясь длительное время в обороне, я был свидетелем нескольких комичных эпизодов. Мне хорошо запомнился следующий случай. В то время я командовал ротой солдат. Прибыло пополнение, в котором оказался очень щуплый, небольшого роста, словом, неприметный рядовой Тихомиров. У него было много странностей. Например, фронтовые сто грамм он не пил из кружки, а выливал водку в котелок с супом, крошил туда хлеб и все это с большим удовольствием съедал. Когда сослуживцы, недоумевая, спрашивали, почему

он так делает, то он, ни капельки не смущаясь, отвечал, что так он продлевает удовольствие.

Основное его отличие заключалось в том, что он безумно любил поспать, причем мог это делать в любом состоянии и при любых условиях, одним словом, спал на ходу. Так однажды, находясь в боевом охранении, он в очередной раз задремал. В это самое время со стороны противника бежал приговоренный своими к расстрелу немецкий ефрейтор, бывший командир фашистского орудия, который сменил огневую позицию без приказа. Он сбежал из-под стражи и решил добровольно сдаться в плен Красной Армии. Только таким образом он мог спасти свою жизнь.

Перебежав на нашу сторону, он наткнулся на спящего Тихомирова. Разбудив караульного, он долго пытался объяснить, кто он и что ему надо. Немало сил пришлось потратить немцу, чтобы Тихомиров наконец-таки отвел его в штаб. Узнав о произошедшем, многие бойцы недоумевали, как это Тихомирову удалось взять в плен немца, причем обладающего очень важной информацией. В это время я находился в землянке. Когда мне сообщили о пленном, я тоже не мог понять, как это произошло. Позже ко мне в землянку вошел сначала Тихомиров, а за ним проследовал ефрейтор, в два раза выше нашего бойца. В тот момент моему удивлению не было предела: «Как же мог маленький щупленький Тихомиров взять этого рослого здорового немца в плен!?» Тогда позвали переводчика. Как только он поговорил с пленным, все встало на свои места. Переводчик нам рассказал, как на самом деле все случилось.

Мое ранение. Все произошло, когда нам пришлось второй раз брать город Людиново. Это были страшные бои. Достаточно сказать, что в течение 1942-1943 годов во время боевых действий за Людиново и окрестные села погибло более восемнадцати тысяч советских бойцов и офицеров. В этих боях противник достаточно сильно укрепился. У немцев была крепкая эшелонированная оборона, были проделаны сплошные длинные траншеи, оборудованы огневые точки и позиции в большом количестве. Снова и снова поднимались наши бойцы в атаку, но, встреченные плотным огнем, залегали. Противник занимал господствующие высоты,

превратив их в сильный опорный пункт. Бои шли непрерывно днем и ночью. Враг яростно сопротивлялся.

1 марта 1943 года 19-й стрелковой бригаде наконец-таки удалось овладеть первой траншеей переднего края. Но, потеряв много убитых и раненных, командование приняло решение заменить бригаду нашей дивизией. Мне было поручено силами роты овладеть второй траншеей. А в дальнейшем наступать в направлении деревни Крутое.

В течение второй половины дня наша рота пыталась несколько раз атаковать противника, но так и не удалось взять вторую траншею. 2 марта 1943 года последовал второй приказ взять вторую траншею. Но как мы это могли сделать, если многие бойцы погибли при первой операции. Но что мне оставалось делать. Я собрал оставшихся бойцов и сообщил о новом приказе.

Наблюдая за передним краем обороны противника, я понимал, что наступил критический момент: или рота в последнем броске достигнет окопов, или, оставшись на берегу, будет выбита пулеметным и особенно минометным огнем противника. Все зависело от моего решения. И я должен был сделать первый шаг, чтобы бойцы последовали за мной. Первый, который мог быть и последним. Но я – комиссар, доброволец, и кому, как не мне полагалось принять первый удар на себя. После огневого налета минометной батареи, по моему сигналу: «Рота! За мной!», бойцы поднялись и бросились в бой. Быстро ворвались во вторую траншею и бились до последнего.

Немцы в очередной раз открыли угарный огонь, но ничто уже не могло сдержать порыва атакующих. Уже подбегали мы ко второй траншее, когда противник принял все меры, чтобы обрушить шквал огня, но многие бойцы уже вступили с немцами врукопашную.

И вдруг удар огромной силы опрокинул меня навзничь. Сгоряча я попытался вскочить на ноги, но в голове полыхнуло огнем, земля заколебалась, и я рухнул на снег. Оказалось, что меня тяжело ранило в лицо. Разрывная пуля раздробила мне челюсть. Я потерял много крови и стал терять сознание, прежде чем подбежал санитар и наскоро перевязал рану. Тогда же появились солдаты с волокушей, хотели меня унести с поля боя. Но я всячески сопротивлялся, знаками пытался объяснить,

что остаюсь на поле со своими бойцами. Говорить не мог, поскольку пуля раздробила мне нижнюю челюсть. В тот момент о здоровье, а уж тем более о непрекращающейся боли, речи не шло – я решил, что должен идти до победного конца.

И тут неожиданно появился командир батальона. Выслушав санитара, он повернулся ко мне, сидевшему на снегу, и сказал: «Ну вот что, Валентин! Ты свое дело сделал! А теперь лечиться!» И, пожав мне на прощанье руку, поспешил вслед за наступавшими ротами. В тот момент даже слова командира не могли повлиять на мое решение - остаться на поле боя. Но неожиданно для меня мой организм не выдержал, и я потерял сознание. Только тогда меня смогли унести на волокуше.

Ранение оказалось тяжелым. Я был эвакуирован в госпиталь. Там долго лечился – более полугода. Там же услышал приговор: «Ограничено годен 2-й степени». Для меня все это услышать было не просто, поскольку я был настроен на дальнейшую службу в родном полку. Но, к сожалению, с этим ничего поделать не мог. Пришлось, в какой-то степени, смириться.

После госпиталя меня демобилизовали из рядов Красной Армии. Когда я прибыл в город Шарыпово, то сразу отправился в свою родную школу, где впоследствии начал преподавать военное дело. Я подготовил много учеников, которые пошли на фронт. Все же я не сдавался и в 1944 году пытался вторично добровольцем уйти на фронт. Но мне отказали, так как у меня не было соответствующего военного образования. Я был направлен в Военно-политическое училище имени Энгельса. Так я, будучи старшим лейтенантом, попал в офицерскую роту, в которой впоследствии обучался.

Занимался я с огоньком, мечтая штурмовать Берлин. Но не получилось. Столицу фашистского рейха взяли раньше, чем я окончил училище. Так моя мечта и не сбылась. Учась в училище, мне посчастливилось участвовать в операции по разминированию Карельского перешейка. Этим и закончились мои боевые будни.

Но с армией я расставаться не собирался. Продолжил службу, которая растянулась на сорок пять лет. Служить приходилось в разных местах. Так двадцать один год я пробыл

под знойными лучами военного округа Туркменистана. Там я долгое время руководил политотделом дивизии. В гарнизонах, известных всем военным: Кушка, Мары, Кизыл-Арват и многие другие. Здесь я встретил свою будущую супругу. Сейчас у меня двое взрослых детей: дочь Татьяна – преподаватель литературы в университете и сын Евгений – кандидат геолого-минералогических наук, сейчас он на пенсии. У меня трое внуков и одна правнучка. Под конец службы попал в свою родную академию, где начал работать в должности заместителя начальника факультета и начальника высших академических курсов Военно-политической академии имени В.И. Ленина.

Сражаясь в 1941 и 1942 годах под Москвой, я даже и представить не мог, что пройдут десятилетия, и я буду жить в этом прекрасном и героическом городе. И не только жить, но и принимать активное участие в работе ветеранских организаций, быть Председателем Совета ветеранов моего любимого района Чертаново Северное, стоять на страже интересов ветеранов, а также заниматься патриотическим воспитанием молодых москвичей.

Мои награды:

- орден Боевого Красного знамени;
- орден Великой Отечественной войны I-й степени;
- орден «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III-й степени;
- медаль «За отвагу»»
- медаль «За боевые заслуги»;
- медаль «За оборону Москвы»;
- медаль «За отличие в охране государственной границы»;
- медаль «60 лет победы в Великой Отечественной войне» и другими медалями.

Каждый раз, когда я прихожу в школу и смотрю на молодых людей, которые с большим уважением относятся к нам, седым ветеранам, хочется им от своего чистого солдатского сердца пожелать большого человеческого счастья, светлых и радостных дней в их прекрасной жизни. И очень хотелось бы, чтобы они также любили Родину, как любим ее

мы, старые солдаты. Дай Бог им здоровья, большой любви и солнечных дней.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2-го курса факультета информационных технологий, автоматики и энергетики Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Абдуллина Елена Азаматовна***

Космачева Анна Васильевна

Кольцо блокады замкнулось на 900 дней

Я родилась 9 февраля 1922 года в Пензенской области, в городе Кузнецке, в многодетной семье рабочего. Мой отец, Василий Александрович, рос в приёмной, бездетной семье. Он работал мастером на овчинно-шубном заводе. В 1921 году отец умер от холеры. Мама - Анисья Васильевна, после смерти мужа осталась с пятью детьми и беременная мною. Мама была женщиной безграмотной, поэтому устроиться на высокооплачиваемую работу не могла. Чтобы прокормить семью, она работала уборщицей. Жить нам было очень тяжело. Семья из семи человек ютилась в двухкомнатной квартирке.

Учиться я очень любила, в школе занималась хорошо, великолепно рисовала, всегда оформляла настенную газету. Помню, что ко мне в Кузнецк даже приезжали из газеты «Пионерская правда» из Москвы. После окончания школы нужно было куда-то поступать, и тут я задумалась над выбором профессии. Сама очень хотела пойти учиться на художника, но мои подружки считали, что на художника и артиста учиться совсем не нужно. Влияние подруг было настолько велико, что я подала документы в Политехнический институт Ленинграда. Я поступила на энергомашиностроительный факультет.

Шёл 1941 год. В воскресение 22 июня я была в библиотеке, готовилась к экзаменам, как вдруг наш секретарь комсомольской организации забирается на библиотечный стол

и говорит: «Сегодня началась война!» А мы сидим, готовимся к экзаменам. Что такое война? Мы знали это только по кино, по журналам, фотографиям. Гражданская война, Первая мировая война, а тут…

Все переполошились, начали собираться. Мальчишки все ушли в ополчение. Некоторые девочки стали поступать на медицинские курсы, а мне так хотелось быть скорее полезной. Нас посылали копать рвы, я взяла лопату и помню, ко мне подошёл мальчишка, и пытался вырвать её у меня, а я в белом шёлковом платье 42 размера, дохленькая, но с лопатой, он отнял и говорит: «Что ты, дай!» Так что я даже не копала. Было мне 19. Копать рвы везли нас в Ориенбаум (под Ленинградом). Наш поезд попал под обстрел, нас быстро выгрузили подальше от железной дороги, чтобы мы уцелели. После того как бомбёжка кончилась, нас отвезли в общежитие.

Я должна была иметь рабочую карточку и поэтому пошла работать токарем. Я обтачивала болванки для болтов, необходимых для сборки танков, выпуск которых налаживался в то время в Ленинграде. При норме 25 деталей я вытачивала 45. Токарному делу меня учил обрусевший немец. Так вот однажды, когда я складывала болванку, у меня рукав попал в токарный станок и закрутился, хорошо, что это было не железное крепление привода, а ремённое и оттого, что я дернула руку на себя, у меня порвался халат, и на болванку намотался рукав. Руку я спасла, токарный станок остановился.

Наверно я закричала, не помню, так как испуг был большой. В дверях появились специалисты, которые работали в этом же зале, но в другом конце. Они услышали крики и отвели меня в мастерскую на диван - спать. Я после такого стресса выдохлась и сразу уснула.

В августе 1941 года мы собрались эвакуироваться из Ленинграда. С большим трудом мы добились пропуска из города, достали билеты, сели в поезд. Из семи вагонов собрали людей в четыре вагона, а три освободили для военных, сделав это всё в одну ночь, а поезд не пошёл! Кто лежит, кто сидит в купе, в котором в два раза больше людей, а с нами ещё вещи. Потом по радио объявляют: «Поезд не пойдёт - расходитесь по домам». Это было 28 августа 1941 года. Почему мы не поехали? Потому что поезда, шедшие из Ленинграда в

Москву, шли через Мгу, где подвергались ожесточённым бомбёжкам.

Так мы вернулись домой. И в ночь с 8 на 9 сентября 1941 года кольцо блокады замкнулось на 900 дней.

Спешно был организован госпиталь. Я пошла работать санитаркой в эвакогоспиталь на Лесном проспекте, 65. Это было студенческое общежитие, ставшее госпиталем. Мы проходили каждую комнату с комендантом, собирали вещи и всё складывали в мешок. Комендант его пломбировал и относил на склад. Так мы очищали каждую комнату в общежитии, организовывали койки, застилали новым бельём. Вот туда-то мы и принимали прямо с машины, окровавленных солдат. Нас они считали сёстрами и звали «сестричками». Спрашивали: «Буду жить?» «Конечно, будешь!» - подбадривали мы их. Мы кормили, поили раненых. Днем мы мыли солдат, а по ночам, когда солдаты спали, мыли полы. Еще мы давали им папиросы и прикурить, потому что спичек было очень мало. Один раненый лежит и говорит: «Аня, а ведь ты не куришь». Я говорю: «Нет, мама мне не велела. А как ты догадался, что я не курю, я же дымлю?» А он мне и говорит: «Ты не затягиваешься».

Всю блокаду мы, 19-ти летние девчонки, мало что умевшие в жизни, с заботой и любовью ухаживали за ранеными бойцами, помогали хирургу Степанову в проведении операций, работали под огнём и во время воздушных тревог. Помню, часто объявляли по радио: «Во-о-здушная тревога! Во-о-здушная тревога!» Это означало, что нужно спускаться в бомбоубежище. Мы присутствовали во время операций, несмотря на обстрелы, под огнём носили раненых, боролись с холодом, голодом, с самой смертью. Несмотря ни на что - верили в победу!

Условия жизни были ужасными. Мальчишки умирали. Идёт, бывало, парень, облокотится на перила... и нет его более с нами – умер.

Общежитие наше сгорело. Мы жили в здании химической лаборатории, спали на чём-то, накрывались матрасами. Ночью согревали друг дружку. Зимы в 1941-м и в 1942-м годах были лютыми, холодными.

Как-то раз смотрю - на полу валяется ложка чайная, я её пытаюсь поднять, а она подо льдом. Трубы отопления

лопнули, и водой залило всю комнату. Мало того, что холодно, так ещё и разбомбили хлебозавод - нет хлеба. Получали мы по 150 граммов на человека в сутки по рабочей карточке, а иждивенец получал 125 граммов хлеба в эту холодную зиму. Да и хлебом это назвать было сложно.

Жила я вместе с подругами. Однажды нам сказали, что на улице Раевского открыли булочную. Мои подружки дали мне карточки, и я с группой девочек (5-6 человек, по одной мы не ходили) пошла. И когда я получала хлеб, а хлеб я получала на 3 дня, себе и двум подружкам, в итоге получалась буханка и ещё немножко, вдруг у меня сзади сдёргивают шапку, я повернулась, и у меня в это время украли верхнюю часть пойка (меньшую часть). Оставшийся хлеб я засунула за пазуху и берегла, как только могла.

По дороге на нас нападали голодные мальчишки, и чтобы уберечь паёк, мне приходилось быть очень внимательной и осторожной. Ходили мы за хлебом вечером, и вот когда мы пришли, я увидела, что подруга моя, Муся, сидит в ужасе, боясь, что меня больше не увидит, ведь когда люди отставали и падали, кого-то поднимут, а кто-то так и останется лежать на холодной земле. Оставшийся хлеб поделили поровну, а Муська съела от радости, что я жива, весь паёк, но я, от стресса, кусочек спрятала под подушку. Мы сложились одной пайкой, все 10 человек, живущие в комнате, и купили времянку, отвели трубу в форточку, и с помощью этого мы грели кусочки хлеба, варили суп из воды и корочки хлеба.

В январе 1942 года я уставшая пришла с дежурства, и в это время объявили «Воздушная тревога!» Я думаю, авось она вот-вот закончится, подошла к окошку и вижу, что самолёты со свастикой прямо над нами летают. На тот момент у меня не было сил спускаться, и я решила остаться в комнате. Кто-то нас научил во время таких тревог койки отодвигать от стены к центру, так наши постели с Мусей и стояли посреди комнаты. Окна я приоткрыла, чтобы воздушной волной не разбило стекло. Я только задремала, как вдруг мне на лицо посыпалась штукатурка. Это над моей головой пролетел осколок разрывной бомбы, и «чижик» воткнулся в стену. Тогда я была в миллиметрах от смерти. Я очень испугалась, вскочила и чуть ли не на четвереньках начала спускаться в бомбоубежище.

Составили списки и нас по ним эвакуировали через Ладожское озеро. Везли прямо по льду на машинах, которые постоянно обстреливались. Привезли нас в Борисову гриву - это небольшое местечко около города Тихвин.

В Тихвине нас накормили и повезли дальше от Ленинградского фронта. В феврале 1942 года мы уже оказались в городе Тутаево.

Оказывается, нашему Политехническому институту было предписание об эвакуации в декабре 1941 года, но ректор отказался и на этой правительственной телеграмме написал: «Не считаю нужным, т.к. институт промышленного значения». Поэтому мы все остались. А уж когда в городе стало совсем плохо - нас эвакуировали.

На пути от Тихвина до Тутаева поезд останавливался ночью через каждые несколько часов на станциях, и весь состав кормили манной кашей. В поезде к каждому подходили и тарелку каши манной давали, но видно её не доваривали немножко. А мальчишки, более голодные, вставали второй раз и третий в очередь. Когда мы ещё ехали, то всё время чесалась голова. Поэтому, по приезде в Тутаево, первым делом для нас устраивали питание и мытьё голов. Кормили через каждые 4 часа, 6 раз в сутки, только для того, чтобы нас спасти. Кто-то выжил, кто-то нет.

А когда мы уже окрепли, к концу февраля, нас решили отпустить домой, к родным. У меня были родные в Кузнецке, за Пензой, и я решила уехать. На дорогу всем нам выдали по 100 рублей, каждому, в чистую наволочку положили по 10 булочек, 10 комочков сахару, кусочек сыру и талон, по которому выдавали бесплатный железнодорожный билет туда, куда нам нужно было.

Едем мы в поезде, на станции я захотела налить во флягу кипятку, но пока ходила, поезд уехал. И я с этой флягой села на рельсы. Но люди меня подняли и привели в медицинский пункт, где медсестра принесла мне полулитровую банку тёплого чая. Она все не могла понять, почему я пить хочу, а не пью. А я не могу, у меня ассоциация - это не чай, а мужская моча, т.к. совсем недавно я была санитаркой. Она позвонила начальнику станции и сказала, что тут у неё Ленинградская блокадница. В итоге мне дали сопровождающего, посадили на поезд и отправили в Пензу.

Когда я приехала, то я была очень голодна и поэтому подняла картошку, которая лежала на платформе и съела, воды попила и нашла в себе силы под 14 составов подныривать, чтобы дойти до 15-го пути. Нашла я вагон, меня радостно приняли, и через 3 часа я приехала в Кузнецк. Сбросила в камеру хранения свой чемодан и рюкзак, нашла свой дом, своих родных. У меня старшая сестра была врач, она мне делала переливание крови. На меня приходили смотреть местные жители и спрашивали об уцелевших в Ленинграде.

Здоровье моё стало налаживаться, я приходила постепенно в себя. Устроили меня работать счетоводом. Моя трудовая книжка начинается с должности счетовода, потом я бухгалтер, а после художник. Когда я училась в 1940 году в Политехническом институте, я не платила за обучение, благодаря тому, что я «дитё» пенсионера, а многим приходилось платить. А стипендию мне оставили, потому что я отлично училась. Из экзаменов нужно было сдавать два экзамена на «хорошо», а четыре на «отлично», а у нас в 1941 году на первой сессии нужно было сдавать пять экзаменов, поэтому мне можно было сдать только один экзамен на 4, а остальные на 5, и только в таком случае стипендия сохранялась. Я даже по самому нелюбимому предмету - химии получила 4. Даже «висела», среди одних мальчишек, на Доске почёта.

И вот к концу 1943 года я ожила настолько, что когда моих подружек брали радистками на фронт, а меня повторно не взяли, то я захотела учиться. Тогда я пошла работать и вместо денег заработала мешочек пшена и мне выделили бутылку с подсолнечным маслом, и ещё дали валенки. Сестра за меня очень переживала, боялась, что я буду снова голодать, и не отпускала учиться. Но все-таки, сжалившись, отпустила. Когда я приехала в 1943 году поступать в Московский текстильный институт на факультет прикладного искусства, то у меня была зачётка с одними пятерками. На первый курс меня приняли без вступительных экзаменов, за исключением экзамена по рисунку. Я жила в общежитии на Донской.

9 мая 1495 года, в 6 часов утра, по радио мы услышали, что война закончилась, мы, кто в чём был, выскочили на улицу, танцевали, кричали, веселились.

Во время учёбы в МТИ меня посылали то в Среднюю Азию, то в Архангельск, то во Владимир, то в Кишинёв. Я была участником многих ответственных международных выставок в Париже, Токио, Монреале. Училась живописи я у профессора Ф.Д. Пашкова, у доцентов Шугаева и Милютина, окончила курсы усовершенствования художников лёгкой промышленности. В 1964 году была принята в Союз художников.

За участие в боевых действиях во время Великой Отечественной войны и героической обороны Ленинграда была награждена орденом Великой Отечественной войны и медалью «За оборону Ленинграда».

Из всей нашей большой семьи сейчас остались только мы с братом, ему 92 года, а мне 87. Он уцелел только потому, что строил подземные аэропорты в Сибири.

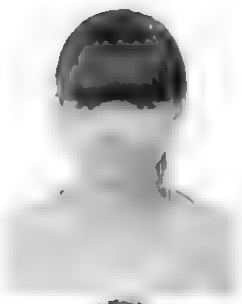
Мои награды:

- медаль «За служение Отечеству (2008);
- медаль Жукова;
- медаль «В память 300-летия Петербурга»;
- медаль «В честь 60-летия освобождения Ленинграда от фашистской блокады»;
- медаль «За оборону Ленинграда»;
- медаль «В память 850-летия Москвы»;
- медаль «Ветеран труда»
- медали «50 лет победы в Великой Отечественной войне», «60 лет победы в Великой Отечественной войне», «60 лет прорыву блокады Ленинграда».

Обо мне печатали статьи в журналах и газетах:

- «Люди эпохи XX века. События, факты, мысли, анализ». Биографически-публицистический юбилейный сборник, выпуск - №5. Иванюк. Москва 2000 год;
- газета «Москвичка», выпуск №26. Сентябрь 2007 года;
- «Жизнь. На другой край поля». Н. Черепенникова. 2007 год;
- проходили выставки моих работ и других художников, которые организовал мэр Москвы Ю.Лужков на Ходынке и Кузнецком мосту, 20.

Апрель 2009 года



В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса ФЭМ, кафедры истории, Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Кузёменская Дарья Игоревна и Долженко Мария Витальевна***

Котлов Михаил Михайлович

Неужели прорвутся?

Я родился 10 декабря 1920 года в деревне Богаевка Саратовского района Саратовской области. В своей деревне рос до 11 лет, где окончил 3 класса школы. В 1931 году родители вышли из колхоза, и моя семья переехала на постоянное место жительства в Саратов. Отец стал работать плотником на лесоперерабатывающем комбинате, мать – разнорабочей. В Саратове я окончил 9 классов средней школы, затем поступил на 3 курс рабочего факультета Саратовского института механизации сельского хозяйства имени М.И. Калинина, окончив который в 1938 году, поступил в этот же институт для дальнейшего обучения.

О наступлении войны узнал по радио после сдачи летней сессии в 1941 году в городе Саратове. Военную подготовку проходил в комсомольском отряде. Затем был направлен на курсы усовершенствования военно-технического состава в Казани. Там я принял присягу и занимался еще около двух месяцев, но курсы расформировали, и я был переведен в Саратовское танковое училище, где учился еще четыре месяца и получил звание техник-лейтенант. После чего был направлен в резерв Главного бронетанкового управления (ГБТУ) в Челябинск, а затем в Нижний Тагил. Там я помогал штатным военным представителям.

Война продолжалась. В марте 1942 года я был направлен командованием в маршевую роту, учебно-запасной

полк, где формировались маршевые танковые роты. В одну из них я был назначен заместителем командира роты по технической части. В полку около месяца проводилось обучение и «сколачивание» экипажей.

В октябре 1942 года наша рота и еще одна из сформированных рот была откомандирована на танковый завод получать танки, и после проверки небольшим пробегом погрузить на железнодорожные платформы и закрепить. Сформированный эшелон, включая вагоны для личного состава, боеприпасов и принадлежностей был направлен в Москву и далее в Сталинград. Этот путь был длительный – в течение 34 суток. Наш эшелон курсировал между Москвой и Сталинградом, и только в середине декабря мы выгрузились на станции Калач и влились в 17-й танковый корпус, который вел наступление на Кантемировку – важный узел дорог. После освобождения этого населенного пункта корпус получил название 4-й гвардейский танковый Кантемировский корпус. В дальнейшем корпус с другими соединениями принял активное участие в боях против крупных сил гитлеровских войск в Донбассе. За период 2 января – 27 февраля 1943 года корпус прошел с боями более 500 км, освободив от оккупантов много населенных пунктов и городов, в том числе, Старобельск и Красноармейск.

В этот период я получил «боевое крещение» и некоторые навыки фронтовика. Серьезные ранения меня миновали, но однажды, в феврале, при разведке пути для переправы танков через небольшую речку, лед не выдержал моего веса, и я провалился, промокнув по грудь.

После вывода из боев корпус формировался под Воронежем до июня 1943 года, с 4 по 23 августа принял участие в Белгородско-Харьковской наступательной операции (Курская дуга). Корпус, действуя в качестве подвижной группы 27-й армии, освободил город Грайворон, село Великая Писаревка и ряд других населенных пунктов, сковывая в тылу Ахтырской группировки противника значительные силы, чем способствовал войскам фронта разгромить эту группировку и освободить Харьков.

В ходе боев за Грайворон я был контужен во время ремонта танка, поврежденного в ночном бою за мост через реку Ворскла. Мост бомбили, и взрывной волной меня

отбросило к танку. В результате на несколько дней я был выведен из строя (ушиб головы, правого плеча).

После завершения Курской битвы наш корпус бы выведен в резерв Ставки Верхового командования и сосредоточен в районе Готни, где мы приступили к подготовке к новым боям.

В конце ноября корпус был передислоцирован по железной дороге на Правобережную Украину и сосредоточен в районе Малина. 12-й танковой бригаде корпуса была поставлена задача выдвинуться в район Потиевка – Заньки и организовать оборону, обеспечив срыв контрнаступления Житомирской группировки противника на Киев. 7 декабря танкисты в сжатые сроки подготовили основные и запасные огневые позиции для каждого танка и самоходно-артиллерийской установки.

На рассвете 12-я гвардейская танковая бригада вступила в бой. В бою у села Заньки (Житомирская область, Украина) экипаж танка 12-й танковой бригады 4-го гвардейского танкового корпуса младшего лейтенанта Василия Антоновича Ермолаева (механик-водитель Андрей Александрович Тимофеев, стрелок-радист Н.И. Сорокин) таранил вражеский танк.

Вот как это было. Враг упорно сопротивлялся, предпринимал контратаки при поддержке танков. Умелым маневрированием, метким огнем, экипаж уничтожил шесть вражеских танков. Бронебойные снаряды были израсходованы, а осколочные не причиняли особого вреда очередному «тигру», который продолжал движение, и, развернув башню, после нескольких выстрелов, поджег танк Ермолаева. В это же время южнее Заньки развернулась еще одна рота танков с пехотой, нацеливаясь для удара по флангу главных сил батальона.

Неужели прорвутся? Нет, этому не бывать. «На таран!» - скомандовал командир танка. Грозная «тридцатьчетверка», объятая пламенем, рванулась вперед, сметая на своем пути пехоту. Расстояние между танками сокращалось. Сильный удар. От столкновения оба танка взорвались. Так, в этом бою, подбив семь танков, героический экипаж младшего лейтенанта Ермолаева погиб смертью храбрых.

Родина достойно оценила героический подвиг экипажа. В.А. Ермолаев и А.А. Тимофеев удостоены звания Героя Советского Союза и навечно зачислены в списки воинской части. Н.И. Сорокин, награжден орденом Отечественной войны I-й степени.

В дальнейшем 4-й гвардейский танковый корпус действовал в качестве подвижной группы 60-й армии. 28 декабря 1943 года наш полк совместно с другими соединениями прорвали оборону противника юго-западнее Малина и стали развивать наступление в направлении Червоноармейска, село Высокая Печь. 29 декабря с боями был освобожден Червоноармейск, а к исходу 31 декабря - село Высокая Печь - перекресток шоссейных дорог, связывающих главные силы житомирской группировки противника с городами Новгород-Волынский, Шепетовка и Старо-Константиново. 31 декабря мы освободили город Житомир. 8 января наш танковый корпус совместно с другими соединениями начал наступление на Любар. В результате ожесточенных уличных боев Любар был освобожден 9 января 1944 года. 15 января 1944 года Житомирско-Бердичевская операция была завершена.

27 января 1944 года наш 4-й гвардейский танковый корпус приступил к проведению Ровно-Луцкой операции, с целью разгрома основных сил 4-й танковой армии немецко-фашистских войск, и овладеть районами Ровно, Луцк, Шепетовка. 11 февраля 1944 года Шепетовка - крупный железнодорожный узел правобережной Украины - был освобожден от фашистских оккупантов.

4 января 1944 года наш полк получил приказ о начале проведения Проскуровско-Черновицкой операции. Мы действовали в направлении Ямполь, Збараж. В ходе тяжелых двухдневных боев Збараж был освобожден. Активные и решительные атаки нашего корпуса в районе Збаража создали благоприятные условия для дальнейшего наступления на Тернополь. К этому времени средствами корпуса и бригад была проведена тщательная разведка местности и обороны противника в районе Тернополя. Более месяца наша танковая гвардия совместно с общевойсковыми соединениями вели тяжелые бои за Тернополь – один из крупных городов.

9 марта наш корпус начал наступление на город. Удары наносились одновременно с трех направлений, с учетом данных проведенной разведки. Завязались упорные бои. Мы совместно с другими соединениями упорно обороняли Тернополь. В течение двух с половиной суток велись ожесточенные кровопролитные бои. И только когда вражеские войска обошли город с двух сторон, наши части по приказу командующего 60-й армии отошли и закрепились северо-восточнее Тернополя.

14 апреля для окруженных гитлеровцев наступил критический момент. Наши танки при поддержке артиллерийского и минометного огня и ударов авиации 5-го штурмового авиационного корпуса прорвались к центру города. Вражеский гарнизон был расчленен на мелкие группы, комендант гарнизона был убит, управление и связь нарушились. Остатки немецко-фашистских войск в городе и его предместьях капитулировали.

В эти дни завершилась Проскуровско-Черновицкая операция. Наши войска продвинулись в глубь до 350 километров, освободили огромную территория Правобережной Украины, выдвинулись на подступы к южной Польше и Чехословакии.

После завершения боев на Правобережной Украине наш Кантемировский корпус был выведен в резерв фронта и располагался в районе Струсува, в 25 км от Тернополя. В этом районе он находился около двух с половиной месяцев: доукомплектовывалась боевая техника и вооружение, пополнялся личный состав, корпус готовился к новым боям.

13 июля 1944 года наш корпус получил приказ к проведению Львовско-Сандомирской операции. На Львовском направлении особенно сильное сопротивление оказал противник в районе Зборова. Решением командующего фронтом туда были направлены 107-й стрелковый и наш 4-й гвардейский танковый корпус – ударная группа 1-й гвардейской армии. К утру следующего дня сопротивление оборонявшихся войск было сломлено.

Противник пытался вырваться из огненного кольца окружения, но на его пути в полосу 60-й армии был выдвинут наш танковый корпус. В течение двух суток шли тяжелые бои в районе населенных пунктов Хельчица, Почапы, Золочев,

удаленных до 70 километров от Львова. Немецко-фашистские части с бешеным остервенением лезли напролом. Гвардейцы косили их огнем автоматов и пулеметов, минометов и орудий, сметали броней, гусеницами танков. Понеся огромные потери, гитлеровцы капитулировали.

В достижении успеха важную роль сыграл наш 4-й гвардейский танковый корпус. Он прикрывал коммуникации танковых армий – подвижной группы фронта – во время прохода их через Колтовский коридор, участвовал в ликвидации окруженной Бродской группировки немецко-фашистских войск.

В конце июля наш Кантемировский корпус, совершив 150-километровый марш, вышел на подступы к Жешуву – крупному узлу железных и шоссейных дорог. Его обороняли части 24-й танковой дивизии. Бои за Жешув начались 1 августа.

3 августа наш корпус приступил к выполнению возложенной на него новой задачи – развивать наступление в направлении Дембицы. Удержанию Дембицы, как района испытаний ракет и крупного узла шоссейных и железных дорог, гитлеровское командование уделяло особое внимание, так как через Дембицкий узел дорог оно перебрасывало войска с южного участка фронта к Сандомиру. 20 августа мы взломали оборону и продвинулись на Дембицком направлении до 8 километров. На следующий день была захвачена переправа через реку Вислок севернее Дембицы и плацдарм на ее левом берегу, что обеспечивало развертывание главных сил корпуса. Бои за город шли несколько дней. 23 августа город Дембица был освобожден от врага.

В сентябре-октябре 1944 года 4-й гвардейский танковый корпус участвовал в разгроме войск противника в Восточных Карпатах и оказывал помощь Словацкому Национальному восстанию. В тяжелейших условиях, обусловленных горным характером местности, 4-й гвардейский танковый корпус вышел на плато Главного Карпатского хребта и приступил к разгрому Дуклинской группировки противника. Создавались штурмовые группы, усиленные танками, и атаковали противника. Действуя таким образом мы продвинулись на 18 км и 20 сентября ворвались в Дуклю. В направлении Дукли спешили и части 1-го Чехословацкого армейского корпуса под

командованием Л. Свободы. В числе первых из состава этого корпуса в Дуклю ворвался Чехословацкий танковый батальон. Боевые действия нашего корпуса завершились наступлением через Главный Карпатский хребет, которое в ночь на 6 октября окончательно сокрушило вражескую оборону и открыло ворота в Чехословакию, - наступлению войскам 1-го Чехословацкого армейского корпуса. 6 октября советские и чехословацкие воины овладели Дуклинским перевалом.

После окончания боев в Карпатах я был направлен на учебу в Бронетанковую академию имени И.В. Сталина в Москве, где и встретил окончание войны.

24 июня 1945 года участвовал в Параде Победы.

После окончания академии продолжил службу в армии, занимая инженерно-технические должности.

В январе 1976 года я был уволен в запас, но продолжал работать в гражданских организациях.

Мои награды:

- орден Отечественной войны II-й степени. За участие в освобождении Шепетовки;
- орден Красной Звезды. За участие в освобождении Тернополя;
- медаль «За боевые заслуги»;
- медаль «За воинскую доблесть»;
- медаль «За победу над Германией»;
- медаль «За безупречную службу»;
- медаль «20 лет освобождения Словакии», вручал президент Словакии;
- медаль «За вольность», дана за участие в освобождении Польши;
- медаль Жукова, дана за участие в освобождении Украины;
- медали: 20 лет, 30 лет, 40 лет, 50 лет, 60 лет, 70 лет победы в Великой Отечественной войне, «60 лет Сталинградской битве», «25 лет Курской битве».

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студентки 2-го курса факультета технологий и производственного менеджмента Московского государственного текстильного университета имени А. Н. Косыгина

Ляшкова Маргарита Николаевна

и

Дормидонтова Евгения Олеговна

Кочегаров Петр Павлович

С осколком у сердца

Я родился 13 сентября 1923 года в селе Топилы Чернавского района Рязанской области.

Мне хочется рассказать, как я стал танкистом. Большая война, какой была Великая Отечественная, ломает мирные планы как в масштабе всей страны, так и в жизни отдельного человека.

Я не планировал быть военным человеком, тем более танкистом. В 1940 году после окончания девятилетки я поступил в Загорский педагогический институт на физико-математический факультет. В 1941 году успешно окончил первый курс института и был переведен на второй курс. Впереди были каникулы и отдых. На воскресенье я приехал домой к родителям, которые к тому времени переехали из деревни и жили в городе Пушкино под Москвой.

Рано утром к нам зашел сосед и объявил: «Война началась, а вы все спите». Быстро одевшись и позавтракав, я выехал в институт, где начинались митинги. Люди взбудоражены, осуждали фашистов, заявляли о своей готовности защищать Родину. Патриотизм был исключительно высоким.

В августе я был призван в армию и направлен вместе с группой московских студентов в Чебоксарскую летную школу. Мне шел 18-й год. Прошел медицинскую комиссию и был зачислен в курсанты летной школы. Начались занятия. А

война набирала темпы. Немцы наступали, несмотря на героическое сопротивление Красной Армии. Мы были уверены в непобедимости нашей армии. И грешным делом я думал тогда, что Красная Армия специально заманивает немцев, чтобы потом их окружить и уничтожить. Такое мнение у меня существовало до захвата немцами города Киева. Только после этого стал задумываться, что происходит что-то страшное.

Занятия в школе шли полным ходом. Мы заканчивали изучение теории и постепенно приступали к практическим полетам на учебных самолетах У-2. К сожалению, нашему отделению не хватило самолетов, и мы брали их в других отделениях. В связи с этим налет часов курсантами нашего отделения был небольшим. В частности, я летал с инструктором один раз. Этот полет запомнился мне на всю жизнь, так как самолет попал в штопор, и если бы не инструктор, то этот полет мог быть для меня последним.

К началу зимы немцы близко подошли к Москве, и наши учебные самолеты были направлены на защиту столицы. Мы остались без самолетов. На наш аэродром стали садиться и взлетать боевые самолеты, в частности, бомбардировщики ТУ, СБ и другие. Занятия в школе прекратились, а мы стали через день ходить в караул и охранять на аэродроме боевые самолеты.

Вскоре курсантов погрузили в товарные вагоны и оправили в город Астрахань учиться на авиамотористов. Таким образом, летчик из меня не получился. И не по моей вине. Не все курсанты спокойно отнеслись к такому изменению профессии, некоторые проявляли недовольство. Одно дело учиться на летчика – эта профессия была престижной, и другое дело быть мотористом, при этом сказывался и такой факт, что среди нас курсантов, были студенты 3-го и 4-го курсов московских авиационных институтов, т.е. без малого инженеры.

В Астрахани мы проучились недолго. Ранней весной 1942 года занятия были прерваны, курсантов погрузили на пароход и по Волге доставили в Сталинград. Таким образом, и авиамоторист из меня не вышел.

В это время в донских степях формировалась истребительная противотанковая артиллерийская бригада,

куда нас и направили. Я был назначен наводчиком 120-мм миномета. Так постепенно произошло опускание с небес на грешную землю. Жили в палатках, кормили два раза в день, на ужин - чай. Целыми днями, а иногда и ночами, шли занятия, учения. Часто объявляли тревогу. Минометы должны были перевозить на машинах, но их не было. Носили все на себе. Как наводчик я носил прицел.

Обучение минометному делу было недолгим. Скоро нас погрузили в вагоны, и состав отправили в восточном направлении. На одной из железнодорожных станций мы выгрузились. Прошел слух, что на этой станции будем получать автомашины для минометов. Через некоторое время после выгрузки прошла команда: всем, кто имеет высшее или неполное высшее образование прибыть в штаб.

В штабе я увидел людей, большинство из которых были призваны в августе 1941 года в Чебоксарскую летную школу. Нам объявили, что нас направляют в Сталинградское танковое училище. Через несколько дней мы были в училище, которое готовилось к эвакуации.

Таким образом, воевать минометчиком, мне не было суждено. Анализируя предыдущие перемещения, я предполагал, что и танкистом мне быть недолго. Но этого не произошло. Став неожиданно для себя танкистом, я остался им на всю жизнь. Для себя я сделал вывод, что во время войны человек должен быть готов к любым превратностям судьбы.

Сталинградское танковое училище было эвакуировано в Сибирь, в город Курган, где я проучился до весны 1943 года. Примерно в марте-апреле 1943 года был выпуск курсантов. Мне было присвоено воинское звание «лейтенант» и меня поставили на должность командира танкового взвода.

По дороге на фронт.

И вот мы - офицеры. В училище нас долго не держали, а направили в Челябинск получать танки. Там же формировались маршевые роты. Так получилось, что на заводе не было необходимого для нас количества танков. Их надо было еще сделать.

Завод испытывал потребность в рабочей силе, в связи с этим заводское руководство обратилось к нашему командованию за помощью. Нам предложили поработать на

заводе. Это предложение было поддержано. Раньше на таком заводе я не работал. Бросилось в глаза большое количество в цехах женщин и подростков. Завод работал с большим напряжением.

Меня приставили к большому карусельному станку, на котором фрезеровали поверхности блоков двигателя В-2. Такой станок я увидел впервые. Мастер рассказал, что я должен делать, показал как включать и выключать станок, устанавливать на стол блоки. Постепенно я освоился, и работа пошла. Работали бесплатно. Но давали два талона на обед. Поскольку работа на карусельном станке считалась тяжелой, то мне дополнительно давали еще два талона. Со временем я стал перевыполнять норму, и в качестве поощрения мне дополнительно давали еще два талона. Итого у меня было 6 талонов на обед.

Столовая работала с 11 до 14 часов. Первый раз я шел в столовую к ее открытию, брал три обеда и съедал их. Второй раз я шел в столовую за несколько минут до закрытия. Съедал еще три обеда. И ничего. Но это еще не все. После работы мы шли в военторговскую столовую, где на нас был оставлен расход на обед. В этой столовой мы разом съедали обед и ужин. Единственное что оставалось - это хлеб, который постепенно накапливался и который на рынке очень дорого стоил. Я решил подкопить деньжат в дорогу, продав лишний хлеб на рынке. Накопил очередную сумму, положил деньги в карман гимнастерки, карман зашил.

Жили мы в каком-то клубе, где были изготовлены 3-х ярусные кровати. Моя постель была на третьем ярусе. Однажды утром, возвратившись после умывания к себе на кровать, я обнаружил, что карман гимнастерки распорот, и денег в нем нет. Операция по накоплению капитала провалилась.

Через некоторое время танки были сделаны, укомплектованы экипажи, погружены на железнодорожные платформы, и состав тронулся на запад. Погрузка танков на платформы осуществлялась зампотехом роты и заводскими механиками-водителями. Мы, естественно, не знали, в какой район нас везут. Знали только, что едем на фронт.

Поезд шел несколько суток. В одну из ночей он остановился на станции Павелец-2, которая находилась в 8-10

км от деревни, в которой я родился и жил до 1940 года. Так захотелось побывать дома, встретиться с родителями и друзьями! Но нельзя было отставать от эшелона.

Наконец, прибыли в назначенный район. Была ночь. Приступили к разгрузке. С платформ танки разгружали зампотехи рот. Хорошо помню как танк, разгруженный зампотехом и поставленный недалеко от платформы, необходимо было развернуть примерно на 180 градусов, чтобы выехать на дорогу. Для специалистов - это минутное дело. Мы же с механиком-водителем долго мучились, чтобы выполнить этот незамысловатый маневр. Я не умел как следует командовать, а он - управлять. Не было необходимого опыта.

После разгрузки совершили небольшой ночной марш и прибыли в район дислокации. Поскольку все происходило ночью и расположились мы в лесу, то я не мог сориентироваться: куда же мы прибыли. Предположительно в район Мценска.

Началась фронтовая жизнь. Все это происходило накануне Орловско-Курской операции 1943 года. Постепенно благоустраивались и занимались боевой подготовкой, сколачиванием экипажей и подразделений. При первом выводе на занятия обнаружилась серьезная неисправность двигателя танка - значительный расход масла. Сначала думали, что где-то оно течет. Тщательным осмотром, однако, течь нигде не обнаружили. Пришли к выводу, что масло сгорает. Устранять неисправность никому не хотелось. Мне было предложено в один из бачков, в которых возилось запасное топливо, залить масло. Я так и сделал. Естественно, время заправки танка топливом и маслом существенно возросло. Так мы продолжали учебные занятия и учения до начала наступления немцев на Курской дуге.

От Курской дуги до Праги.

5 июля 1943 года немцы перешли в наступление на двух направлениях Курской дуги. Гитлер возлагал большие надежды на это наступление. Планировалось устроить для наших войск «Сталинград». Но ничего не вышло. Отбив наступление, наши войска 12 июля сами перешли в наступление. В оборонительных боях на Курской дуге наша бригада не участвовала. Судя по всему, мы находились в

резерве и готовились к наступлению. Я хорошо помню, что с началом немецкого наступления у нас появились листовки, на которых был нарисован силуэт немецкого танка, в борт которого бил наш снаряд и надпись «Тигры горят».

С началом нашего наступления была введена в бой и наша бригада. Нужно прямо сказать, что о первых боях у меня осталось самое неопределенное представление. Мы совершили много маршей, как правило, ночью, ходили в атаки, в целом, продвигались вперед. Однако решающего поражения противнику в первые дни наступления мы не нанесли. В атаках я пытался определить, где проходит передний край обороны, обнаружить опасные огневые точки, чтобы их поразить. Но не всегда это получалось.

Приехавший к нам крупный танковый начальник, выступая на митинге перед личным составом, охарактеризовал нашу деятельность так: «Вы словно слепые щенки - ползете, а вас бьют». Для того времени это была достаточно объективная оценка. Обзорность из танка Т-34 должна быть лучше. Положение осложнялось и тем, что на танках Т-34-76 экипаж состоял из 4-х человек. Мне, как командиру взвода, приходилось выполнять обязанности командира взвода, командира танка и наводчика, что было очень трудно.

На всю жизнь запомнился случай, когда, совершая очередной марш, мы подошли к небольшой речке с заболоченными берегами. Попытка с ходу его преодолеть не увенчалась успехом. Танки остановились, и тут появились немецкие самолеты «Юнкерс». Обнаружив стоящие танки, они начали один за другим пикировать на них и бросать бомбы. Средств борьбы с ними у нас не было. Страшное это дело. Бывало приоткроешь люк, а самолеты висят над машиной или заходят на бомбежку. Ну, думаешь, пришел конец. Ан, нет. Немцы много сбросили бомб, и только одна из них попала в танк. У этого танка взрывом сорвало и отбросило в сторону башню. И что удивительно - механик-водитель и стрелок-радист, находившиеся в передней части корпуса танка, остались живы.

Нам же пришлось искать новое место для переправы. Обобщая результаты первых боев, можно сделать вывод, что если в училище нас учили теории ведения боя, то на Курской дуге мы получали и осваивали тактику побеждать в бою.

Разгромив немецко-фашистские войска на Орловско-Курской дуге, наши войска продолжали наступление в направлении Днепра. Впереди наступающих войск шли, как правило, танкисты. Немцы, отступая, делали засады, оставляли заслоны из танков и артиллерии, которые под прикрытием естественных и искусственных укрытий пытались остановить наше наступление.

Несколько дней и ночей мы совершали перемещения, сближаясь с отступающим противником и занимая выгодные позиции. Наконец вышли в заданный район и разместились в кустарнике, который рос вдоль ручья в конце огородов. Время шло к вечеру, хотя было еще светло. Вдруг неожиданно для всех нас появился наш самолет штурмовик ИЛ-2 и обстрелял наши танки. В моем экипаже был ранен заряжающий, а во взводе, кроме того, командир второго танка. Видимо, летчик по ошибке принял наши танки за немецкие. Заменить заряжающего было некем. Вместо него пришлось посадить стрелка-радиста этого же экипажа.

На второй день рано утром выдвинулись на исходный рубеж. Танки построили в боевую линию для атаки. Поступила команда: «Командирам танков - к командиру батальона». Когда все собрались, командир батальона отдал приказ на наступление. Кроме всего прочего, он сказал примерно следующее: «Видите впереди макушки деревьев, там находится деревня. Эту деревню мы должны взять». Потом, развернув карту, стал по ней показывать и называть другие населенные пункты, которые мы должны были освободить. Командир предупреждал, что впереди залегла наша пехота, ожидая танки, и просил быть осторожными, чтобы не подавить ее.

Через некоторое время последовала команда: «По машинам». Некоторые еще не успели добежать до своих танков, как раздалась другая команда: «Вперед!» Я занял в танке место командира и приказал механику-водителю завести двигатель, что он и сделал. Команда «вперед» повторялась несколько раз. Я вел наблюдение за танком командира роты, который тоже стоял пока на месте.

Все же великое дело в бою личный пример командира. Наконец, танк командира тронулся, двинулись и другие. Я опустился на свое сидение и дал команду механику-водителю:

«Вперед!» Танк двинулся вперед. Прильнув к прицелу ТШ-16, я искал на местности нашу пехоту, чтобы не подавить ее. Заряжающий доложил, что правый танк справа ведет огонь. Я подумал, что пехота осталась где-то позади, и дал команду заряжающему. Мы сделали несколько выстрелов, когда на мою команду «заряжай» я услышал голос заряжающего: «Не лезет». Я оторвался от прицела и повернул голову в сторону пушки - из отверстия торчала часть снаряда. А танк продолжал двигаться. Все это происходило на ходу машины. Заряжающий, вероятно, быстро ликвидировал бы эту неисправность. Однако стрелок-радист растерялся и не знал что делать. Пришлось заняться устранением неисправности. С помощью ручного экстрактора я вытащил застрявший снаряд и его заменили другим. Стрельбу можно было продолжать.

Пока устраняли неисправность, танк продолжал двигаться и приблизился к деревне, которую мы должны были занять. Справа от нас в деревню шла дорога, которая не была раскатана. По обе стороны дороги, в месте подхода к ней нашего танка, были видны кучи земли. В прицел я увидел, как из-за кучи земли с правой стороны дороги выскочил немецкий солдат и перебежал на левую сторону. Ничего не подозревая, механик направил танк на дорогу и, продолжая двигаться по ней, въехал в деревню, которой мы должны были овладеть. Через некоторое время механик-водитель остановил танк и спросил: «Командир, куда дальше?» Я приоткрыл крышку люка и осмотрелся.

Танк стоял на перекрестке - одна дорога шла вправо, другая - влево. Признаюсь, что я и сам не знал куда дальше. Но я знал, что долго стоять на одном месте нельзя - могут быстро подстрелить и, кроме того, я вспомнил, что когда командир батальона ставил перед нами задачу, то он, или мне так казалось, на карте помечал населенные пункты, расположенные справа. Поэтому, немного поразмыслив, я сказал механику-водителю: «Давай вправо». Водитель включил передачу, и танк помчался по правой улице. Из домов выбегали перепуганные немцы и бежали в лес. Мы открыли по ним огонь из спаренного с пушкой пулемета. Промчавшись с огнем по всей улице, мы остановились в конце

противоположной окраины деревни. Заглушив двигатель, стали прислушиваться.

Стояла загадочная тишина. По земле стелился туман. Поблизости не было ни одного нашего танка. Где же они? Что делать дальше? Эх, если бы была рация! Увы, в танке ее не было. Где-то недалеко разорвался снаряд. «Так что же делать?» - раздумывал я. Продолжать в одиночку движение вперед - можно угодить противнику в лапы. Неужели мы заблудились? Какие только не возникали в голове варианты. В то же время стоять долго на одном месте опасно. Все больше склонялся к тому, что после остановки на перекрестке при въезде в деревню нужно было двигаться не по правой дороге, а по левой. Вероятно, другие танки пошли по левой дороге.

Так что же делать? Самое плохое - не принять никакого решения. И я решил. Решил вернуться назад, выйти на левую дорогу и присоединиться к другим танкам, которые, по моему мнению, ушли по этой дороге. Не могли же они бесследно пропасть? Со дня описываемых событий прошло больше 60 лет. А я по сегодняшний день не могу однозначно сказать, насколько было правильным принятое решение. Я дал указание водителю развернуть танк и двигаться по деревне в обратном направлении. На высокой скорости мы спокойно промчались вдоль деревни.

При подходе к перекрестку танк потряс сильнейший удар. Перед глазами возник факел огня, колени ног почему-то прижало к лицу, с головы слетел шлем. Танк остановился. Неужели погибли? Почему-то эта мысль первой пришла в голову. Дальнейшие мои действия происходили в большей степени инстинктивно. Я начал вылезать из башни, но сделать это не успел, так как по танку последовал другой удар, под воздействием которого я свалился с танка на землю. Удар был настолько сильным, что, не взглянув на танк, я пошел от него. Но прошел немного. Стало тяжело дышать. Изо рта пошла кровь. В сапогах также почувствовал кровь. У меня осталось впечатление, что в первые минуты я ничего не соображал. Пройдя еще несколько метров, я упал. Отдышавшись, поднялся и пополз по кювету вдоль дороги, по которой мы въехали в деревню. Я напряг последние силы, чтобы уйти из деревни, в которой оставались еще немцы.

Когда еще немного прополз и приподнялся над землей, то увидел наши танки, которые стояли в линию перед противотанковым рвом. По внешнему их виду можно было предполагать, что они были подбиты. Оказывается перед деревней, которую мы должны были занять, находился противотанковый ров. А в деревне стояли немецкие танки. Наши танки, дойдя до противотанкового рва, начали искать обходы, подставляя борта под вражеские снаряды. Возникал, естественно, вопрос: как не заметили противотанковый ров и почему не сказали о нем при постановке боевой задачи на наступление?

Выходит, что только один наш танк прорвался в деревню и навел страх на немцев. Долго лежать в кювете было нельзя, потому что немцы, отступая, пошли бы по кювету. Надо было найти другое место. И тут я увидел кучу сена, которая лежала в огороде. Возникла мысль подползти к куче и замаскироваться до прихода своих. Стал осуществлять эту идею. Через некоторое время, однако, увидел, как с сена поднялись два немца и пошли к дому. «А может быть у немцев там наблюдательный пункт или установлена радиостанция? - подумал я, - Приползешь к ним в лапы. Нет, никуда больше ползти нельзя».

Я распластался вдоль земли, покрытой травой, и стал ждать наши наступающие войска. И тут неожиданно для себя увидел командира второй роты нашего батальона, я очень обрадовался ему. Заметив меня, он, как мне показалось, вздрогнул и быстро спрятался за стог сена. Оттуда он, размахивая пистолетом, призывал ползти к нему. Когда я подполз ближе к стогу, он вышел и, наставив на меня пистолет, что-то кричал. Я ничего не мог понять, потому что взрывом меня оглушило, и я стал плохо слышать. Наконец понял, что командир роты приказывает мне поднять руки вверх. Тут я струхнул, неужели он перебежал к немцам? Если нет, то почему приказывает поднять руки вверх? Лежа на животе, я уперся локтями в землю и проговорил: «Смотри, в руках нет ничего». И в этот момент командир увидел гвардейский значок на моей груди, узнал меня и очень обрадовался. Я был рад вдвойне. И это было немудрено. Пока я ползал по земле, всю одежду измазал грязью, лицо было

частично обгоревшим, личного оружия у нас не было. И вообще, он мог подумать, как я здесь оказался.

Как он потом рассказывал своим друзьям, он понял, что перед ним русский человек, когда увидел гвардейский значок. Он думал, что перед ним немец, которого он был готов пристрелить или взять в плен.

«Пойдем со мной, я приведу тебя к нашим», - сказал командир. Я думал, что где-то недалеко стоит его рота. Каково же было мое удивление, когда увидел, что он привел меня к одному танку, который стоял в карьере, в воде по башню. Возле танка был его экипаж. Можно предположить, что противотанковый ров одним концом упирался в торфяное болото, в которое и попал танк, обходя ров.

Танкисты уложили меня на траву недалеко от танка и с помощью индивидуальных пакетов перевязали многочисленные мои раны, которые располагались по всему телу. Это были раны от осколков брони.

«Ты лежи, а мы пойдем в деревню, гонять немцев, скоро придем» - сказал кто-то из них. Они ушли, я остался лежать на земле один. Через какое-то время я услышал разговор на нерусском языке. Решил посмотреть.

Приподнявшись на локтях, взглянул вправо. Боже мой! Прямо к танку по дорожке из деревни шли, разговаривая между собой, немцы. Ну, все. Пришел, видимо, мой конец. В танке не убили, так убьют здесь.

Я опять опрокинулся на спину, сложил руки на груди, жду исхода. Судя по всему, немцы были возбуждены и торопились. Им было, видимо, не до меня. Возможно, они приняли меня за мертвого. Они прошли мимо, и никто не выстрелил. Я немного еще полежал и решил переползти в другое место - подальше от дорожки. Поднялся на локтях, чтобы посмотреть, не идут ли еще немцы. И нужно такому случиться, что один немец отстал от группы, и он увидел меня. Мне показалось, что он даже вздрогнул от неожиданности. Я занял прежнюю позу и лежал не дыша. Ну, думаю, этот добьет. Ан, нет! До сих пор не могу ответить на вопрос, по какой причине немцы не покончили со мной. Я полежал еще немного, собрал последние силы и отполз подальше от дорожки. Нашел большую торфяную клеть, лег около нее, обложил себя торфом и стал ждать прихода наших.

Через некоторое время я увидел, как в сторону болота прямо на меня мчится наш танк Т-34. Что это за танк и откуда он взялся, я не знаю. Но, не доходя метров 200-300 до болота, он подорвался на мине или фугасе, башня у него сорвалась и улетела вверх и в сторону, а остальное стало гореть.

К вечеру к затонувшему в болоте танку возвратился экипаж и другие участники боя. Меня положили на уцелевший танк и на нем отправили в медицинский пункт.

Шел третий год войны, а мне 20-й год. После лечения я прибыл снова в свою бригаду и участвовал в боях за Днепр, в Польшу, принимал участие в Берлинской и Пражской операциях.

Войну закончил 9 мая 1945 года под Прагой.

Прошло много лет после войны. Однажды, играя в волейбол на площадке, я почувствовал сильнейшую боль в районе сердца. От боли я даже присел. Срочно был направлен в Нарофоминский госпиталь. Там сделали рентген и обнаружили поблизости от сердца несколько металлических осколков. Это результат ранения в 1943 году на Курской дуге.

После всесторонних обследований и советов было принято решение осколки не удалять, так как можно повредить сердце. Вот с тех пор и ношу у сердца «Память войны».

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - ***Суравикин Юрий Александрович***

Кочурин Анатолий Михайлович

Нас в расчёте осталось 3 человека

Я родился 1 декабря 1923 года на хуторе Ленинский Зимовниковского района Ростовской области. В этом же хуторе окончил четыре класса начальной школы. Продолжил обучение в Зимовниковской средней школе №1, где окончил девять классов. Во время летних школьных каникул выполнял подсобные работы на полях колхоза, который носил имя Штейнгардта. Мой отец, Кочурин Михаил Прохорович, родился в 1900 года Мать, Кочурина Мария Кондратьевна, родилась в 1903 г. В семье было семеро детей, я старший. Отца призвали в армию в июле 1941 года, он воевал зенитчиком. Мать осталась с шестью детьми

22 июня (воскресение) 1941 года объявили по радио о начале войны, о вероломном вторжении немецких войск на территорию СССР.

17 октября 1941 года я был призван в ряды Красной Армии. Сбор призывников Зимовниковского, Орловского, Ремонтненского, Заветенского районов состоялся на аэродроме в Зимовниках. От Зимовников до Сталинграда мы практически шли пешком, для сопровождения до Сталинграда были выделены подводы (бричка и пара лошадей с ездовым) из фонда РКК. В течение 5-6 дней мы прибыли в Сталинград. Фактически шли пешим строем, а вещи наши были погружены

на подводы. Уставали идти, но никто не садился. Мы, молодёжь, не думали об усталости, шли быстро, шутили.

Пришли в Сталинград, я был первый раз в этом городе, город красивый, светлый. Несколько дней мы были в городе, потом нас посадили на пароходы и отправили по назначению в Куйбышев. Началась выгрузка, но вскоре поступила команда вернуться на пароходы, так как в городе уже находилось Советское правительство. Маршрут наш продлился до г. Ульяновска.

На рассвете нас высадили и когда мы шли по одной из улиц, нам показали дом, в котором жил В.И. Ленин. Пришли на вокзал, погрузились в теплушки и продолжили маршрут до станции Анненская Челябинской области. Затем нас переправили в Свердловскую область, где мы прошли сорокадневный карантин. Там же, в Свердловской области, формировалась 167-я стрелковая дивизия. Я попал в 520-й стрелковый полк, 3-й батальон, пулемётная рота станковых пулемётов. Командир батальона – Прокопенко, командир пулемётной роты – старший лейтенант Полянский, политрук роты – старший политрук Данилов. В этой же дивизии проходила военная подготовка: тактика, строевая, огневая и т.д. Военного оружия у нас не было. Обучение проходило на макетах. А в феврале нам вручили полковое знамя. В конце зимы 1942 года нас погрузили в эшелоны. В городе Маршанске Тамбовской области мы выгрузились. Поселились в казармах, получили боевое оружие, прошли на практике полную боевую подготовку. Пулемётная рота состояла из трех взводов, в каждом взводе три расчёта, в каждом расчёте один станковый пулемёт. Состав расчёта – командир, наводчик, заряжающий и 3 подносчика патронов.

В мае 1942 года дивизия заняла оборону на Дону в Воронежской области. Затем, в начале июля 1942 года, нас походным маршем отправили в состав Воронежского фронта. Было объявлено, что немецкая армия в составе 18-ти дивизий, в том числе и танковые, прорвала фронт и ведет наступление на Воронеж. Нам поставили задачу остановить наступление врага, занять деревню Большая Верейка. Задачу мы выполнили: фактически с ходу вступили в бой, деревню освободили, но понесли большие потери. Нас поддерживала

танковая дивизия, танки Т-34 и полк «Катюш» (гвардейский миномёт).

На подступах к деревне мы заняли исходные позиции для наступления. Наступление началось в 4 часа утра, сигнал для наступления - красная и белая ракета. Поступила команда «встать, вперёд». Пехота (стрелковой роты) пошла в атаку. Танки начали маневрировать, несколько загорелось: один слева, прямо - ещё один. Мы с пулемётами передвигались вслед за пехотой, где перебежками, где по-пластунски. Вели огонь по деревне, которая горела в клубах дыма. Все ребята молодые, энергичные, целеустремлённые, отважные, постарше мало кто был. Всё происходило очень быстро, некогда было думать о чем-то. Всех офицеров распределили по расчетам. Старший политрук Данилов был закреплён за нашим расчётом, он с собой нёс 2 коробки с пулемётными лентами.

В этом бою был тяжело ранен второй номер пулемётного расчёта Карелин, погиб старший политрук роты Данилов и другие бойцы. Деревню, мы отвоевали. Дома все сгорели или развалились, остались только две кирпичные трубы. После боя остатки нашей пулемётной роты собрались в овраге, среди собравшихся не оказалось ни одного командира взвода. Из командиров только командир роты – старший лейтенант Полянский и его заместитель (фамилию не помню). Нас в расчёте осталось 3 человека. На плащ-палатке принесли политрука, выкопали яму и похоронили его, документы взял командир роты Полянский. Я и не знаю даже, знает ли кто из его родных, где политрук наш лежит. Попасть бы туда и посмотреть, что сейчас в этой деревне (в 1977 года я был на курсах переподготовки в Москве и встретил ребят, тоже фронтовиков, они говорили, что стоит там обелиск, и область эта теперь Липецкая).

После освобождения деревни Большая Верейка окопались, заняли позиции рядом с маленькой речкой, воды в ней - чуть меньше колена. Немцы в это время имели превосходство над нами, ежедневно вели ожесточённые бои, переходили в атаки. Силы были неравные. Нас мало, почти никого не осталось, но атаки отбивали, долго у них не получалось сломить наше сопротивление. И 27 июля 1942 года мы отступили. Меня в этот день контузило, почти у самого пулемёта разорвался артиллерийский снаряд, пулемёт был

изуродован. Засекли немцы наш пулемёт, разорвался снаряд, и меня отбросило в сторону. Очнулся я, пошёл вдоль речки, увидел, что стоит наша подвода с пулемётом (Уральцы нам дали их), там же наш командир роты Полянский. Он и отправил меня в полевой госпиталь, который находился в лесу 3-я у деревни Кочетовка в Тамбовской области.

Не знаю, остался ли кто в живых из нашей роты. Да и о 167-й дивизии после госпиталя ничего не слышал, и после войны нигде не прочитал, не нашёл. Может просто не описывали.

Когда был в госпитале, пришёл приказ №227 "Ни шагу назад", который нам зачитывали под расписку. Значение приказа – остановить наступление немецкой армии. В соответствии с этим приказом были созданы заградотряды, штрафные роты, штрафные батальоны. После Сталинградской битвы об этом приказе не вспоминали, т.к. наша армия перешла в решительное наступление.

После госпиталя я попал курсантом в 181-й запасный стрелковый полк (ЗСП), который находился на станции Хоботово в Тамбовской области. Учился я на миномётчика. По окончании учёбы мне присвоили звание сержанта. Затем мы прибыли на фронт в Орловскую область. Приходили офицеры из штабов и забирали бывших курсантов, младших командиров, а миномётчики, видимо, не требовались. И меня взяли в стрелковую роту. Стояли мы в обороне. Было это на реке Зуша. Сформировали нас в отряд, нам необходимо было произвести разведку боем (ни полковой, ни дивизионной разведке не удавалось взять языка, так нам сказали).

7 марта, вечером, мы перешли по мостику через речку. Было холодно, и всю ночь шёл снег. Кто-то был в белых халатах, а я - в шинели. На рассвете подползли к немецкой обороне, сильно укреплённой колючей проволокой и минами. Уже рассветать начало, когда нас обнаружили немцы и встретили шквальным огнём. Меня ранило в руку и плечо. Речушка 3-4 метра, быстро течёт, по берегам лёд. Перебрались через речку вброд, всё замёрзло: шинель, одежда. Пошли по оврагу, добрались до полевого медсанбата, много раненых, все мокрые, обледенелые. Нас быстро переодели, положили на нары, застеленные соломой.

Отправили нас в госпиталь, вначале в Тулу, потом в Орехово-Зуево, а затем в Ликино-Дулёво Московской области. После ранения пребывал в выздоравливающем батальоне. Потом я попал по назначению миномётчиком в 1270-й полк 385-й дивизии (у миномёта диаметр ствола 82 мм, опорная плита, лафет и ствол, дальность стрельбы 3 тысячи 106 метров). У миномётного расчёта был командир расчёта, 1 и 2 номер – наводчик и заряжающий, соответственно, и три человека мины носят с подвод. Мы на определённом расстоянии от пехоты - в зависимости от боевой обстановки (500-700 м.). Все цели противника записываются каждым командиром расчёта в блокнот, где указываются данные дистанции и угломера. Командир роты даёт команды по телефону. Это был 2-й Белорусский фронт, в 1944 им командовал генерал Захаров, а в 1945 маршал Рокоссовский.

Я прошёл всю Белоруссию, брал города: Борисов, Слоним, а также станции и сёла. Форсировал реки Неман и Березина. Затем, в августе 1944 года, мы вошли в Польшу, освободили город Ломжу, около реки Нарев. До13 января 1945 г. держали глухую оборону и нашему полку присвоили звание 1270-й Ломжинский полк. В конце января намечалось наступление, но началось оно 13 января.

Наши союзники попросили помощи у Верховной ставки главнокомандующего, так как союзникам тяжело было выдерживать наступление немцев. Мы прорвали оборону Мазурских озёр и вышли к Данцигу. Затем вошли в Восточную Пруссию, подошли к Кенигсбергу, начали штурмовать его. Я был награжден медалью «За взятие Кенигсберга». Потом поступила команда передислоцировать нас на форсирование реки Одер.

В середине апреля весь Белорусский фронт перебросили на форсирование Одера. Одер разлился, на другой стороне города Шведт; нам была поставлена задача взять этот город. Началась артиллерийская подготовка. Городок был небольшой. Бои шли два дня. От Шведта не осталось ни кирпича, немцы отступили, мы взяли город. При форсировании реки погиб командир 1270-го полка товарищ Халин (после его гибели полк принял полковник Охотин), начальник артиллерии полка и два лейтенанта. Мы потеряли командира третьего взвода, лейтенант наступил на пехотную

мину после выгрузки из катеров, его сразу унесли санитары и отправили в госпиталь.

Немцы сосредоточились в роще, правее города и должны были организовать контрнаступление. Поступила команда: израсходовать весь боезапас по немцам в этой роще, так было и сделано. Немцев погибло очень много, их наступление сорвалось, так как они были уничтожены артиллерийским и миномётным огнём.

После города Шведта немцы бежали, особого сопротивления практически не оказывали. С нами воевал Донской казачий или Кубанский казачий корпус, мы за ними не успевали, воевали они отчаянно. Корпус вступил в преследование противника, мы с ними дошли до Эльбы. Перейдя Эльбу мы встретились с американцами. Мы стояли в деревне Кунрау, вблизи городов Зальцведель и Оринзей. Туда мы отправляли гражданских немцев, бежавших от наших войск к англо-американцам. Немецкая пропаганда одурманивала немецкий народ, и они боялись нашей армии, но позже поняли, что мы им помогаем. После войны, когда сформировалась оккупационная группа советских войск в Германии, наша 385-я дивизия объединилась с 150-й Идрицко-Берлинской дивизией, штурмовавшей Рейхстаг. Наш 1270-й полк объединился с 756-м полком 150-й дивизии. Полком командовал полковник Фёдор Матвеевич Зинченко.

Именно этот полк штурмовал Рейхстаг, и его разведчики Егоров и Кантария под руководством лейтенанта Алексея Береста, водрузили знамя победы над Рейхстагом.

Алексей Берест после войны работал на заводе «Россельмаш» в Ростове-на-Дону. Однажды после смены, вечером, возвращался с работы домой через железнодорожный переход, и в это же время домой шли дети. Проходил товарный состав, одному ребёнку грозила опасность – попасть под поезд. Алексей Берест спас этого ребёнка ценою своей жизни. Президент В. Ющенко присвоил ему звание героя Украины, посмертно.

В декабре 1946 года, те, кто родился в 1923 и 1924 годах подлежали демобилизации. Нас погрузили в эшелон и отправили в Калининградскую область в город Гвардейск, там я прослужил до мая 1947 года. А в мае демобилизовался, и уже 9 мая был дома в Зимовниковском районе.

После войны я окончил Новочеркасский техникум по специальности «агроном», работал в райсельхозотделе агрономом. В 1952 году, в мае, меня направили в совхоз Первомайский на должность секретаря партийной организации. А в 1953 году был направлен на работу в Восточную МТС – секретарём партийной организации, там проработал 4 года. Затем 13 лет работал директором совхоза Первомайский. Затем почти 7 лет, до августа 1979 года, проработал главным инспектором от Министерства заготовок по закупкам и качеству сельхозпродуктов по Зимовниковскому району. А позже я приехал в Волгодонск на строительство. Меня назначили начальником отдела кадров УПТК (управление производственной технологической комплектации) и вскоре избрали секретарём партийной организации на общественных началах. Затем я работал главным диспетчером УПТК (Волгодонскэнергострой). С 1 декабря 1983 года я оформился на пенсию, но продолжал работать мастером.

Мы с женой Екатериной Герасимовной воспитали двоих детей: дочь Людмилу и сына Геннадия. А теперь у нас взрослые внуки.

Александр учится в Политехническом институте на четвертом курсе.

Екатерина учится в Донском сельскохозяйственном институте на втором курсе, Денис служил в московском военном округе.

Нынешнему поколению хотелось пожелать здоровья. Любить свою Родину, служить нашему великому русскому народу. Хотелось бы, чтобы таких испытаний и горя наши люди больше не видели, за это мы заплатили дорогую цену. Молодому поколению быть достойным нашей Победы и передать все лучшее своим детям и внукам.

Сейчас другое время, другая политическая и экономическая ситуация, но основные человеческие ценности: долг, честь, любовь к Родине не меняются.

Мои награды:
- орден Красной звезды, №1228201;
- орден Славы III-й степени, №320563;
- орден Отечественной войны II-й степени, №701873;

- орден «Знак почёта», №921972. Указ 7.12.1972 г.;
- орден Отечественной войны I-й степени, №696309;
- медаль «За боевые заслуги», №175/873;
- медаль «За победу над Германией». Указ президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года;
- медаль «За штурм и взятие Кенигсберга». Указ 06.1945 г.;
- медаль «За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР»;
- бронзовая медаль Главного комитета ВДНХ СССР, №29464;
- медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И.Ленина», 22.04.1970 г.;
- медаль «За трудовую доблесть», Ж №494330, 20.06.1967 г.;
- медаль «За трудовую доблесть», З №640712, 23.12.1976 г.;
- медаль Жукова, Б №0330671. Указ от 19.01.1996 г.;
- юбилейная медаль «60 год вызволения Республики Беларусь ад нямецка-фашысуких захопникау» (по белоруски);
- восемь медалей юбилейных, посвящённых Советской армии и ВМФ.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент третьего курса факультета машиностроения и управления качества Московского государственного текстильного университета им. Косыгина – ***Календарев Артем Вадимович***

Красильников Лев Львович

Пятнадцать Северят

Я родился в 1923 году на Украине в военном городе Винница. Христианин. Член ВЛКСМ, член КПСС с 1942 года.

Страшную весть о том, что началась война, я узнал будучи школьником, потому что в это время заканчивал девятый класс. Война это, безусловно, страшное время.

Уже примерно с 22 июня началась бомбежка военного городка. В это время я со своей семьей находился в центре города, где располагался госпиталь и артиллерия. Отец мой – Лев Андреевич – был военный, работал заместителем начальника госпиталя.

После начала Великой Отечественной войны тысячи винничан ушли на фронт. Для борьбы с вражескими диверсантами и охраны промышленных объектов был создан истребительный батальон. Тысячи жителей города сооружали укрепления и несли службу в отрядах противовоздушной обороны.

Уже в первые дни войны в госпиталь поступило огромное количество раненых, поэтому было принято решение его эвакуировать. Помогая грузить в эшелоны раненых, мой отец отбыл вместе с ними в числе первых эшелонов. А мне с матерью пришлось остаться в Виннице, так как для нас не хватило места.

Самое страшное в этой истории оказалось то, что нам не удалось узнать, куда идут эшелоны. А в это время немецко-фашистские войска с боем заняли Винницу и начали в городе организацию двух лагерей для военнопленных, в которых, как потом стало известно, погибло свыше двенадцати тысяч человек и двадцать пять тысяч горожан при проведении массовых облав. Нам ничего не оставалось делать, как бежать, и нам сильно повезло - нас взяли последний эшелон, и мы уехали.

Каждый начинающийся день проживаешь как последний. Каждый день войны - это отдельный эпизод моей жизни. Особенно запомнившимся для меня стал день, когда я с матерью покидал родной и любимый город Винницу. Перед глазами встает окровавленный госпиталь, люди на носилках и главный врач. Фашисты уже заняли Винницу, и ничего не оставалось, как бежать. Очень много семей еще находилось в городе, также было много раненых. Но эшелон был последний. В эшелон посадили всех женщин и детей, но вместить всех раненых не удалось. В моей памяти, тогда юного школьника, на всю жизнь остались лица безнадежно раненых больных, которые по распоряжению главного врача госпиталя не были взяты в эшелон.

Долгий и трудный путь предстоял передо мной и матерью, чтобы отыскать отца под огнем немецких бомбардировщиков. Итак, мы двинулись в путь. Именно в это время я начинаю увлекаться поэзией. Все происходящие со мной события оказывают влияние на мое сознание, и строки начинают сами литься рекой. Одно из первых стихотворений, написанных мною в годы войны:

Победа будет за нами

Досада, грусть одолевает
На чуждой, дальней стороне
Страдает сердце, изнывает
И не дает покоя мне.

Отца не видел, уж полгода,
Расстался в Виннице родной,
Где была жизнь, мечтам свобода,

Там век провел свой молодой.
Под сенью жизни украинской
В цветении наших городов,
Купаясь в зелени садов
И щедрой ласки материнской.

Но вот раздался взрыв войны
И прогремел с огромной силой,
Весь всколыхнул народ страны,
К ружью примкнул, и против вшивых.

Кровью запятнанных народной
Убийц фашистских, шайки сбродной
Пошел сразиться я в бою
За честь, за родину свою.

Разжечь победы, мести пламя,
За города, за весь народ
Победы месть не за горами,
Час не далек, и он придет!

1942 год.

Приезжая на очередную станцию, мы пытались что-нибудь узнать о первом эшелоне. Так мы добрались до самого Иркутска. Нашли здесь отца и остались жить в этом, довольно красивом, городке.

В Иркутске я снова пошел в школу, так как надо было закончить десятый класс. Но обстоятельства сложились так, что, не успев в очередной раз сдать экзамены и окончить школу, я должен был уезжать в Ульяновск. Здесь в 1941 году я поступил в Ульяновское гвардейское танковое училище, так как уже с началом войны резко возросла потребность в командных кадрах. Тогда общая численность курсантов достигала около четырех тысяч человек, а срок обучения составлял примерно шесть-девять месяцев. Но и здесь мне не удалось окончить училище. Вскоре из-за тяжелой обстановки на фронте по приказу министра обороны Ворошилова училище расформировывают, и курсантов отправляют на фронт, мне тогда было восемнадцать лет.

Это было, безусловно, тяжелое время. События происходили ежечасно, а может и ежеминутно. Но, не доехав до фронта, в Куйбышеве курсантов училища снимают с эшелона и направляют на ускоренные курсы радистов. За это очень короткое время мы должны были четко научиться выполнять свои обязанности, так как от четкости работы радиста на войне зависят тысячи жизней. Ведь каждая ошибка - это смерть или для себя, или для товарища. В Куйбышеве есть красивое дачное место для правительственных семей, которое называется Поляна имени М.В. Фрунзе. Здесь происходил жесткий отбор – из целой роты радистов выбирали лучших, тех, кто более подготовлен по курсу радистов тяжелой бомбардировочной авиации.

Меня выделяют среди огромного количества курсантов, и я с группой курсантов попадаю в штаб фронта. Здесь проходит последний отбор в группу, которая в последствии получила название «15 Северят».

На фронт мы прибыли 1 декабря 1942 года. Это был Прибалтийский фронт. Я был в составе группы «15 Северят», как нас тогда называли, это была секретная специальная группа. Работали мы на новой секретной станции, которая называлась «Северок». Она действовала на расстоянии 1,5 тысячи километров. Это была новейшая станция, которой в то время не было у немцев. Наша группа состояла из двенадцати молодых людей и трех девушек. Все мы были совсем молодые, вчерашние выпускники. Девушки были на вес золота, мы очень дорожили ими.

В 1943 году я, как радист, находился при штабе 3-го Прибалтийского фронта. Вся моя дальнейшая служба проходила в составе разведческого радиоузла, вплоть до 1946 года. Работая на этом радиоузле, находясь далеко от родимой Украины, тоска по ней не покидала меня.

В блиндаже

Еще один из запомнившихся эпизодов военной жизни произошел со мной в то время, когда я находился при штабе 3-го Прибалтийского фронта как радист. В блиндаж при командном пункте попал фашистский снаряд, и меня завалило. Можно сказать, что я чудом остался жив, но был сильно контужен (частично потерял слух и зрение). Так,

контуженный, я трое суток пролежал в завале. Бои шли ожесточенные с переменным успехом. Территория неоднократно переходила из рук в руки, как я узнал потом. Со страхом я сейчас вспоминаю этот случай. Представляя эту картину перед глазами, я понимаю, что мне тогда чудом удалось уцелеть. Я чудом выжил и не был захвачен в плен немецко-фашистскими войсками. В сознание мне удалось прийти только в медицинском санитарном батальоне. Затем меня направили в Полевой военный госпиталь в Порохове, где назначили лечение. Обычно из госпиталя, после выздоровления, направляют в самые разные места, не советуясь с тем человеком, о котором идет речь, а мне очень хотелось вернуться к своим. Находясь в госпитале и раздумывая обо всем произошедшем, мне приходит в голову мысль – бежать и искать своих. Итак, я, не долечившись, сбежал без документов. Приблизительно неделю под бомбежками и обстрелами, вздрагивая от шелеста деревьев, между криками и стонами я искал своих. Вспоминаю, как я голодный, истощенный, еле державшийся на ногах, шел через лес. Вдалеке показалась антенна радиостанция. Обрадовавшись, стараясь из последних сил, я дошел до нее. Там я рассказал о себе: кто я, что со мной произошло, и как я здесь оказался. Не имея с собой документов, меня могли принять или за немецкого разведчика, или за советского дезертира, но все обошлось. В связи с тем, что я учился на связиста-разведчика, меня оставляют при штабе 20-й армии на полевом радиоузле. И вся моя дальнейшая служба проходит в составе этого разведывательного радиоузла. Здесь я выполнял боевые задания в составе разведгруппы, которая ходила на спецзадания в тыл к немцам, принимая сведения от разведчиков, находящихся в тылу врага. Представители этой разведгруппы находились на различных заданиях при всех фронтах.

Я был радист-разведчик одиночка. Помню, как командование провело со мной беседу о том, чтобы я никогда за время службы ни с кем не входил в контакт, никогда не делился информацией, которая поступает ко мне. Помню, как однажды меня посадили в самолет и дали в руки письмо, которое можно было раскрыть только в штабе и узнать какое

мне поручено задание. Там уже разведотдел делал анализ и расшифровывал.

Комичный эпизод

Конечно, война – это бездонная копилка горечи, слез, разочарований, но нужно отметить, что и на войне были комические эпизоды. И со мной приключился такой случай. Это было в Псковской области. Я служил здесь радистом. Мне было поручено задание передать телеграмму в другой штаб. Я прибыл на место, передал телеграмму, тут же мне дали ответ. И мне уже ночью надо было преодолеть около пяти километров, чтобы принести его обратно. Помню, как я иду ночью через лес и слышу недалеко от себя шорох за кустами. Я начинаю идти быстрее. Через какое-то расстояние эти шорохи возобновляются. И тогда я, проявив бдительность, бросил две гранаты в то место, откуда доносились какие-то звуки, а сам побежал на разведывательный радиоузел, чтобы передать ответную телеграмму. А утром я узнал, что это были две коровы местных жителей.

День Победы

На всю жизнь я запомнил день победы. Это было в Риге. Во всеуслышание объявили по радио. В голове крутились разные мысли, сейчас это практически невозможно передать. Невозможно было поверить в то, что война окончена, и что удалось выжить, и что вновь все будет как раньше, что мы будем жить спокойной жизнью. Все плакали, но это были слезы счастья, которые не забудутся никогда. Гремел салют.

Демобилизовался я в Риге в 1947 году в звании старшины.

После войны

После войны я приехал на родину отца в город Горький. В 1947 году поступил в Горьковское театральное училище, где в это время училась известная сейчас народная артистка Людмила Хитяева и любимый всеми актер Евгений Евстигнеев.

После войны меня поставили на специальный учет в Министерстве внутренних дел как радиста. И в это время,

когда я учился в Горьковском театральном училище, мне позвонили и предложили ехать за Полярный круг. Итак, я в 1949 году уезжаю в город Салехард, где работаю радистом на пароходе «В. Котельников». Мне удавалось совмещать работу с учебой. Я оканчивал партийную школу. Немного позднее я буду вести курсы истории Коммунистической партии Советского Союза.

В 1952 году я привез в Салехард свою будущую жену. До осени 1953 года работал на судоремонтной базе начальником отдела кадров. Но в этом же году это предприятие закрывается, и меня направляют в Москву. Здесь мне предлагают три места моей будущей работы. Обдумывая некоторое время происходящие события, я принимаю решение ехать в Горьковскую область, где с 1953 по 1955 год работаю на секретном строительном объекте начальником отдела кадров воинской части 41408.

В мае 1955 года я с семьей приезжаю в Чеховский район Московской области, на место расположения сегодняшнего города Чехов-2. Здесь жил с молодой женой сначала в палатке, затем в бараке. Начинали молодую семейную жизнь, как говориться, с нуля. До 1976 года я работал куратором по строительству в городе Чехов-2. Здесь же я окончил филиал Московского строительного техникума и получаю диплом.

В 1976 году ушел на заслуженный отдых. Теперь у меня появилось достаточно времени, чтобы заниматься своим любимым делом – писать стихи. В эти годы было написано много стихов и о войне, и о мирной жизни.

Имею семнадцать правительственных наград. Первая моя награда – это медаль «За победу над Германией», которая была мне вручена в 1946 году. Вторая – орден Отечественной войны, врученный в 1958 году. Эти две награды являются самыми дорогими для меня и имеют особое значение в моей жизни. Также имею множество грамот за хорошую работу и за умение хранить служебные тайны.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1-курса факультета экономики и менеджмента Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Столярова Ольга Александровна***

Кузина (Рязанцева) Александра Ивановна

Когда рассвело, мы с ужасом увидели, что спали на трупах

Я родилась 16 февраля 1919 года в городе Калуге, русская, православная, с июня месяца 1952 года по июнь 1990 года состояла в КПСС.

В 1938 году окончила 10 классов средней школы %5 в городе Калуге. А в 1939 году поступила в Планово-экономический институт в Саратове.

О начале Отечественной войны узнала в институте при сдаче экзамена, как раз, по немецкому языку в июне 1941 года.

В октябре месяце 1941 года была вызвана в райком комсомола, где предложили мне идти в армию с такими словами: «Не возражаете, если мы направим Вас в армию?» Ну кто же откажется служить родине! Я согласилась. Саратовский горвоенком направил меня сначала в военкомат, а затем на курсы радистов в город Куйбышев.

На октябрьские праздники была на демонстрации, где видела членов правительства, особенно выделялась белая борода Михаила Ивановича Калинина. По окончании курсов радистов в апреле 1942 года была направлена в Краснодарский военный округ. Прослужила при штабе военного округа до июня 1942 года, потом меня распределили с другими девушками-радистками в 143-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион на 4 батарею.

В то время дивизионом командовал майор Дружинин (имя, отчество не помню). Дивизион располагался на берегу Черного моря у города Туапсе. Сил и средств, чтобы сдержать натиск врага не было, и наше командование продолжало направлять большую часть формируемых подразделений, стрелкового и артиллерийского вооружения, не в Новороссийск, а в Туапсе.

Одновременно с отражением натиска противника на Новороссийск и Туапсе велись напряженные бои за перевалы Главного Кавказского хребта. Наш дивизион отражал налеты вражеских самолетов на Туапсе и пытался предотвратить бомбардировку Новороссийска.

В сентябре 1943 года дивизион базировался в городе Полтава, откуда через Черное море (из Одессы) в апреле 1944 года был переправлен в Румынию, город Тимишоары, а затем, в конце апреля 1945 года, дивизион был дислоцирован в Чехословакию (город Братислава), где я и встретила окончание войны.

27 июня 1945 года я демобилизовалась из города Братислава и поехала к постоянному месту проживания в город Калугу. Домой ехала с воинским эшелоном прямым рейсом из Братиславы до Москвы.

25 августа 1945 года поступила работать в Плановый отдел Управления Московско-Киевской железной дороги на должность инженера. В 1952 году поступила на заочное отделение Московского института инженеров железнодорожного транспорта по специальности инженер-плановик железнодорожного транспорта и в 1958 году его окончила.

Мои награды:

- орден Отечественной войны, № 2506834;
- медаль «За оборону Кавказа», т№18623;
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- юбилейная медаль «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», медаль вручал московский военком города Калуги, полковник Храмченко, 9 мая 1985 года;

- медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» подписана указом Президента Российской Федерации Ельциным Борисом Николаевичем 22 марта 1995г Ф№1678899;

- медаль «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» А№2962995, указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2004 года. Вручал Городской голова города Калуги Акимов, 25 марта 2005;

- медаль Жукова, Ф№0019972. Указ Президента Ельцина Бориса Николаевича от 19 февраля 1996 года. Вручал представитель Калужского горвоенкомата.

После окончания войны прошло очень много времени. Мы скоро будем отмечать 64-ю годовщину Победы. Многое забылось, да и годы немаленькие. С моим небольшим дивизионом мы были во многих местах.

В начале войны родители мои были в оккупации в Калуге, и они не знали о том, что я иду на войну. Из Саратова я посылала им телеграммы, но ответов не приходило. Потом все телеграммы стали возвращаться. О том, что Калуга оккупирована, я узнала уже в школе радистов. Только в конце 1942 года я написала очередное письмо, которое все же прочитали мои родители. Пришел ответ, и тогда я узнала, что мой отец умер. Это был для меня такой удар! У меня перехватило дыхание, я почувствовала горькое одиночество. Как раз в это время проходил командир нашей роты: «Что такое с Рязанцевой». Ему говорят: «Она получила известие, что отец умер». И командир сказал мне: «Собирайтесь, идите прогуляйтесь». И я пошла, воздухом дышать, шла, шла, не знала куда иду. И потом я узнала, что за мной все время шел командир. Он увидел в каком я состоянии и шел за мной. Успокоился только тогда, когда я уже повернула к своему отделению.

Помнится, как охраняли порт в Одессе. Кажется, было холодное лето. Налеты фашистских самолетов были очень сильные и частые, после которых говорили коротко, с болью вспоминали страшные пожарища и погибших товарищей. После освобождения Одессы мой дивизион переправлялся в Румынию. Немцы заминировали почти всю акваторию Чёрного моря, порты Крыма, Новороссийск и Одессу. На всем пути плавали мины, и чего уж таить, все дрожали от ужаса

каждый раз, увидев этот огромный устрашающий шар неподалеку. Однажды мина всплыла совсем близко к кораблю. «Мина по правому борту!» - закричал кто-то из членов экипажа. Мы видели, как вдали от нас подрывались корабли. Всех охватил чудовищный страх и мысль о неминуемой гибели. На корабле наступила гробовая тишина. Мы прислушивались к каждому всплеску воды, к каждому вздоху товарища, и слыша скрежет мины о борт корабля, мы обливались холодным потом. Невозможно описать эмоции, когда смерть находится в паре сантиметров от тебя и твоих товарищей. Благодаря умению экипажа, мы прошли эту мину. Нам казалось, что мы будто заново родились. Далее благополучно прибыли в порт Констанцу.

Когда мы проходили через Польшу, часто останавливались в некоторых деревнях, возле домов мирных жителей. Некоторые девушки просили у хозяев продать молока, а в ответ получали злобный отказ: «Нет молока, русские все выпили!» Если честно, тогда хотелось застрелить их, но нельзя.

Когда наша батарея стояла в одной маленькой румынской деревушке, грязной, неухоженной, пока не было налетов - нас приглашали в гости. Хорошие люди жили в этой деревне. Со многими подружились. Помнится, как одна девочка, дочка хозяйки, учила нас румынскому счету и некоторым фразам. Большинство румын тогда хорошо знали русский язык, поэтому было легко общаться.

Очень сложно забыть те дни, когда я была в горах под Туапсе. Я находилась на наблюдательном пункте в горах, откуда прекрасно было видно наступление противника на Новороссийск. Шли ожесточенные бои на Малой Земле. Над головой летали истребители, противники скидывали бомбы на все близлежащие территории вокруг Новороссийска. Никакими словами не передать то, что мы тогда видели. Город пылал в огне смерти. В течение примерно тридцати шести последующих суток еще продолжалась страшная битва. Все переживали за исход боев, болели за погибших товарищей.

Не забыть мне место под Керчью, когда наш дивизион дислоцировался на косе Чушка (так, кажется, называлась эта полоса), где из-за недостатка питьевой воды нам приходилось процеживать морскую воду через индивидуальный пакет.

Кашевар также варил супы в обед из той же процеженной морской воды.

Однажды зимой дивизион в очередной раз менял место дислокации. Засветло мы не успели добраться до нужного места. На ночлег устраивались уже в кромешной темноте. Расположились кто где, закутавшись в плащ-палатки. Той ночью мы решили, что добрались до места, где валяется много бревен и многие радовались, что спать придется не на голой земле. А когда рассвело, мы с ужасом увидели, что спали на трупах.

Страшных боев было немало. Много было на нас налетов вражеской авиации. Особенно мне помнится бой у Полтавы, когда налет был очень мощный. Батарея №2, которой командовал старший лейтенант Вискорка, была сильно повреждена. Он был тяжело ранен. Была ранена дальномерщица Тоня. Они были награждены: Тоня - медалью «За отвагу», старший лейтенант - орденом «За боевые заслуги».

В Братиславе был обстрелян бомбардировщиками наш наряд, но, слава Богу, никто не пострадал. Один из наряда был белорус, а другой украинец по фамилии Емельяненко. Нам удалось убить одного бандита.

Когда не было налетов фашистов, мы могли заниматься ремонтом одежды, либо все дружно пели песни. Особенно любимыми песнями были «Синий платочек» и «Катюша», так же пели много других песен, включая русские народные. Были у нас хорошие певцы. Вот Людочка, мой боевой товарищ, украинка, прекрасно пела «Ой, казала менэ маты ще и приказувала, щоб я хлопцев у садочек не приваживала». Нашу Людочку впоследствии я невольно сравнивала с певицей Зыкиной. Зыкина приезжала тогда в некоторые части, с концертом. Все считали за праздник день, когда она пела у костра. А у нас была своя Зыкина.

Но концерты приезжих артистов были редко. Помню приезд Клавдии Шульженко, и как она пела русские песни. Это были самые счастливые часы нашего времени.

Когда война закончилась, и мы собирались ехать домой, я заказала себе туфли и юбку (воевали мы в брюках). И на парад вышла в туфельках. Богатые местные жители продавали

нам одежду, и я купила себе креп-сатиновое платье и костюмчик.

Приехала в Калугу, а там ничего нет: продуктов нет, хозяйства нет. У мамы была корова. А её нужно кормить сеном. Настали трудные мирные времена. После войны нам выплатили по 2 тысячи рублей. Первое время после войны все очень дорого было. Четвертинка хлеба стоила 100 рублей, а стог сена — 1000 рублей. Я все деньги отдала маме, и сразу же пошла искать работу. Устроилась в планово-экономический отдел управления Московской железной дороги. Не представляла я, как можно прожить в это время, не умерев от голода.

К нам часто приходили гости в дом, и однажды пришел сын друзей семьи, и он пригласил меня на встречу. После мы стали часто ходить в кино, гулять. И решили пожениться. В нашем доме жило 6 человек, а квартира двухкомнатная. Мы с Колей не уместились бы. Тогда я написала заявление, и мне выделили комнату. Там мы и стали жить.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка Московского государственного текстильного университета имени А. Н. Косыгина - ***Белова Александра Сергеевна***

Лантратов Алексей Павлович

Иначе плыть по реке было бы невозможно

Я родился 6 августа 1925 года в деревне Васильевка Прохоровского района Белгородской области. Национальность - русский, выходец из крестьян. Член ВЛКСМ с 1943 года, член КПСС с 1953 года. С 1943 по 1970 год служил в Вооруженных Силах СССР. Во время войны состоял в рядах 2-го и 3-го Украинских фронтов; принимал участие в боевых действиях в Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии, Болгарии, а также при форсировании рек Днепр и Дунай.

Васильевка – глухая деревня, в которой до 1971 года не было электричества. Колхоз в селе появился в 1929 году. Отсутствие электричества – это не единственная проблема, которая «нависла» в то время над моим родным населенным пунктом. Вторая проблема – непроходимые дороги, препятствовавшие связи нашего села с райцентром. Третья проблема - отсутствие моста, необходимого для переправы через речку. Чтобы попасть в школу вовремя, мы постоянно устанавливали доски на другой берег, обеспечивая тем самым своё своевременное появление в образовательном учреждении. Но не всегда нам это удавалось, если было половодье, то мы не ходили в школу. Вот такая вот грустная история.

Мой отец был председателем ревизионной комиссии правления колхоза. Он умер, когда мне было всего 10 лет. В 24 года я потерял и своего последнего самого близкого человека -

маму. Мама моя - рядовая гражданка, колхозница, труженица, умела шить, ткать холсты.

Наша семья состояла из пяти человек, мы постоянно жили в нужде. Для меня представляла большой интерес учеба в школе. Средняя школа находилась в 2,5-3 километрах от Васильевки. Моим любимым предметом была математика. Учеба мне давалась легко, с трудом шла лишь физика и химия, но я не сдавался и старался всеми правдами-неправдами улучшить свои результаты. По всем дисциплинам в течение учебы я всегда получал только хорошие оценки.

Расскажу интересный случай, который произошел у меня в школе и впоследствии стимулировал мое рвение к учебе. За 2 недели до войны в 1941 году у нас проходил вечер, посвященный столетней годовщине со дня смерти великого русского поэта и прозаика Михаила Юрьевича Лермонтова, на котором и была представлена тематическая литературно-художественная композиция. Мне выдалась возможность прочитать отрывок из поэмы «Мцыри». На нашего классного руководителя, который преподавал у нас зоологию, мои артистические данные произвели сильное впечатление. Разумеется, это отразилось на моей успеваемости. По зоологии я потом стал получать только пятерки.

Волею судеб мне не удалось окончить среднюю школу в связи с начавшейся войной. С 1941 года мужчины, основной преподавательский состав, стали уходить на фронт, что привело к закрытию школы в 1942 году. Таким образом, среднее образование мне удалось получить лишь в 1956 году.

В 1941 году начала строиться дорога между селом Прохоровка, что находилось неподалеку от Васильевки, и райцентром, в чем я и принимал активное участие. Я развозил воду на лошадях. Машин тогда в нашем селе не было. Если необходимо было воспользоваться транспортом для перевозки каких-либо стройматериалов, обращались в машинно-тракторную станцию (МТС). В то время, когда началась война, я учился в восьмом классе. По советским законам юношей в армию забирали по достижении двадцатилетнего возраста. Если б не было войны, то в армию я должен был бы призваться в 1945 году, но Великая Отечественная война кардинально изменила мою жизнь - в 1945 году в

Вооруженных силах СССР я отслужил уже три с половиной года.

В 1941 году все мужское население, способное держать в руках автомат, начали отправлять на фронт. Несмотря на то, что мне было 15 лет, я тоже был причислен к ряду военнообязанных во избежание взятия в плен немцами, которые угоняли молодых русских ребят в Германию.

В начале 1943 года меня и остальное множество таких же «зеленых» ребят направили в запасной полк в город Выкса Горьковской области (ныне - Владимирская область) для получения начальных военных навыков. Нас учили бросать гранаты, стрелять из карабинов (в то время еще не было автоматов) и т.п. Обучение проходило три месяца. Оттуда нас отправили в Подмосковье для формирования 1730-го зенитно-артиллерийского полка: одели в военную форму третьей степени б/у и в путь. Там же мы приняли присягу, и я вступил в комсомол. В школе я вступить в комсомол не успел, так как уж очень трудные были условия жизни. Тогда даже никто не мог подумать, что именно в такой страшный для великой страны период мне придется восполнять свои незавершенные дела.

Когда сформировали полк в 1943 году, нам предстояло пройти немаловажную «процедуру» - знакомство с боевыми товарищами и руководством. В то время, к сведению, существовали такие должности как: командир батареи, командир пулеметной роты и т.д. Я был счастлив, что попал именно в зенитно-артиллерийский полк, а не в пехоту, так как пехота более уязвима в войне…

К тому времени в Васильевке был уже построен мост, которому мы сильно радовались, как сегодня, к примеру, можно радоваться атомной станции в Сибири. Но простоял мост недолго, так как потом был взорван в силу сложившихся обстоятельств. Во время войны все подобные сооружения считались стратегическими объектами и сознательно уничтожались.

С 1943 года фактически и начался мой боевой путь. До войны нам говорили: «Врага надо бить на его земле». А сложилось так, что почти на протяжении всей войны мы воевали на своей земле - до самого Сталинграда. От границы

до Сталинграда – две тысячи километров – вот сколько прошли немцы по просторам нашей необъятной страны.

На фронте я был назначен наводчиком зенитной артиллерийской пушки. Основной задачей нашего полка во время переломной для войны Курской битвы было истребление вражеских самолетов. Такую же цель преследовала и пулеметная рота. В боях мы действовали следующим образом: первый наводчик крутил прицел по вертикали, а второй – по горизонтали. Я крутил прицел по горизонтали до тех пор, пока не наведу его с высокой точностью на цель. Получив доклад от наводчиков «1-й готов» и «2-й готов», командир орудия давал команду «Огонь», после чего она незамедлительно была приведена в исполнение. Немецкие летчики после активной защиты зенитной артиллерии беспорядочно сбрасывали бомбы и уходили в сторону своих аэродромов. В 1944 году за сбитые самолеты я получил награду «За боевые заслуги».

После Курской битвы наш полк наступал в направлении Полтавы, от Полтавы к Кировограду, а затем и на Кишинев.

Также я участвовал в форсировании реки Днепр - большой водной преграды. Военную технику (пушки, пулеметы и другие боеприпасы) необходимо было использовать в большом количестве, так как стрельба по воздушным целям требует большого расхода боеприпасов. При атаке воздушных немецких сил нужно учесть их вынос и скорость, ветер, который тоже значительно влияет на отклонение от заданной цели. Передвижение по фронту нашего полка было тоже непростым: надо было собрать всю технику, загрузить её на тягу и только потом отправиться на новое место для участия в дальнейших боевых действиях.

Во время форсирования Днепра мы пустили платформы, сделанные строителями, на которых установили и разместили пушки, снаряды и прочие боевые принадлежности. Затем действовали следующим образом: натягивали трос вдоль парома и плыли. Нашей задачей было не пропустить дальше немцев, рвавшихся вперед на другом берегу. Немцы находились в предпочтительном положении, чего не скажешь о нас. Мы наступали и оборонялись открыто, часто не соблюдая технику маскировки и не видя опасности.

Расскажу о том, как пришлось мне нелегко в октябре 1943 года. Я находился в резиновой лодке на середине реки, и вдруг тишину нарушила попавшая в лодку пуля. Все, что было в лодке, немедленно пошло ко дну. Мне надо было срочно выбираться. В наличии у меня были: противогаз, автомат с двумя магазинами, лопатка и шинель, а с ними передвигаться по реке чрезвычайно тяжело. Взвесив и оценив ситуацию, я пришел к решению потопить противогаз, иначе плыть по реке было бы невозможно.

Во время боевых действий наш зенитно-артиллерийский полк всегда находился дальше от переднего края фронта, где располагалась обычно пехота. В боях в большей опасности находился командир, так как он всегда впереди. Командира сразу же брал на прицел немецкий снайпер. Вот такая тяжелая ноша ложится на плечи нашего руководства.

Когда мы сидели в обороне, любое наше движение без крайней необходимости было категорически запрещено. Передвигаться разрешалось только по окопам, соблюдая все меры предосторожности. Так что война – это тяжелая работа…

На рубеже 1944-1945 годов вблизи города Байя (Венгрия) на Дунае я получил контузию, о чем и свидетельствует выданная мне справка из госпиталя в городе Суботица (Сербия): «Справка №39/1 дана ефрейтору Лантратову Алексею Павловичу в том, что он с 23 декабря 1944 года по 19 января 1945 года находился в 118-м армейском госпитале на излечении в результате контузии. Диагноз: временная потеря слуха, торможение речи и общее психическое расстройство. Выписан 19 января 1945 года в удовлетворительном состоянии и направлен в резервную команду для последующей отправки в часть». Из госпиталя в свой полк я не попал в связи с тем, что он был в то время расформирован. Согласно моему запросу, полк, в котором я служил с января 1945 года, ушел на передислокацию, чтобы потом снова вступить в бой, чего не случилось из-за окончания войны.

После контузии я служил в пехоте бронебойщиком в 7-й роте 786-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта (27 армия).

Расскажу еще один интересный случай, который произошел со мной на завершающем этапе войны, в апреле

1945 года. Во время боевых действий в Альпах (Австрия) наш полк остановился на привал в кювете в связи с тем, что устал петлять по горам (так как идти по прямой в горах нельзя). Неожиданно пошел дождь, под его успокаивающие музыкальные тона я уснул, не услышав команды идти дальше. Проснулся только тогда, когда по мне потекла вода, но было уже поздно – мой полк исчез из поля зрения. Я, учитывая то, что знал в каком направлении надо идти, ринулся искать своих боевых товарищей. В итоге смог догнать только свой полк, но не седьмую роту. Вот как можно уснуть и даже не услышать отчетливо и громко сказанной команды! Я был счастлив, что нашел свою часть, а затем и подразделение, иначе бы считался либо дезертиром, либо захваченным в плен. Во время боевых операций в горах был такой период, когда ни наши войска, ни немцы не знали, кто кого окружил: то ли мы их, то ли они нас. В связи с этим можно было легко попасть в плен. Слушая репродукторы, мы узнавали всю необходимую информацию о продвижении наших войск. В апреле 1945 года мы уже понимали, что немцы находятся в сложном положении. Приближалось завершение войны и от этого на душе становилось радостно.

Войну я закончил в городе Грац (Австрия).

От оставшихся боеприпасов мы избавлялись сами. Расскажу, как это было. Мы находились в горах, с высоты внизу видна сосна. Увидев ее, мы озадачились целью срубить верхушку этого могучего дерева. Бросает гранату первый кандидат на роль меткого бойца – мимо, граната даже не долетает до цели. У второго она вообще пролетела и не коснулась выбранного объекта. У третьего наконец-то получилось попасть, и он автоматически стал примером для подражания среди нас. Меньше всего повезло четвертому кандидату: он так долго целился, что граната разорвалась у него прямо в руке, он ее лишился. Командиры, узнав о том, как мы развлекаемся, приняли решение изъять все боеприпасы, кроме патронов и автоматов, которые пригодятся на случай обороны от выживших и как-то пытающихся компенсировать свое поражение в ходе войны, немцев. Даже знаменательный и победоносный день 9 мая 1945 года не остановил гибель наших солдат. Солдаты продолжали гибнуть 13, 16, 23 мая в связи с тем, что немцы по-прежнему

оказывали сопротивление нашим войскам, даже не смотря на то, что многие знали о завершении военных действий.

По окончании войны нас погрузили в поезд и повезли на восток: сначала мы очутились в городе Харькове, из Харькова поехали в Донбасс, из Донбасса в Ростов, из Ростова по югу в Тихорецк, а затем по черноморскому побережью через Адлер, Батуми. Конечным пунктом был город Тбилиси, где нам и задали вопрос: кто хочет поехать служить в Иран? В силу того, что я не испытывал желания ехать в столь отдаленные для службы места, мне пришлось направиться в конце июня 1945 года в город Баку. На месте началась сортировка военнослужащих по показателям общего состояния здоровья. Я к тому времени уже практически полностью восстановился после контузии, полученной в ходе войны. Основной задачей военного училища было принятие в свои ряды как минимум 15-20 % фронтовиков от общего количества желающих обучаться. В результате, 1 сентября 1945 года я оказался в числе поступивших в военное училище. Осенью 1948 года я окончил училище.

В то время проводилась в стране денежная реформа, в связи с чем нам никак не могли присвоить воинское звание «лейтенант». Только лишь в январе 1949 года, получив долгожданное офицерское звание, мы смогли в полной мере почувствовать себя офицерами.

В 1949 году, через четыре года после войны, уже будучи в офицерском звании офицера, мне удалось побывать в Берлине на экскурсии, от которой я получил массу впечатлений, оставшихся на всю жизнь.

По окончании военного училища меня направили в город Коттбус (Германия) для прохождения дальнейшей службы в штабе дивизии. С 1949 по 1951 год я служил в Германии.

В ноябре 1951 года, в связи с окончанием службы за границей, я был откомандирован в Московский военный округ, в военную часть «Военная база №77», находящуюся в городе Люберцы, на должность командира взвода.

В 1952 году я продолжил учебу, поступив в восьмой класс средней вечерней школы города Люберцы, десять классов которой окончил в 1956 году. С 1956 по 1959 гг. служил в батальоне охраны главного аэродрома военно-воздушных сил СССР в должности командира взвода, а затем

был переведен на должность начальника 1-го отдела штаба дивизии, которая размещалась на этом аэродроме (военная часть п/п 15565), в настоящее время – Шереметьево.

В 1960 году после расформирования главного аэродрома и дивизии, которая дислоцировалась на нем, я был направлен на окружной полигон и назначен адъютантом (военная часть п/п 18390), где прослужил до ноября 1962 года. В ноябре 1962 года был переведен на должность адъютанта – начальника командного пункта военной части 18656 Северной группы войск (Польша). А с ноября 1968 года по декабрь 1970 года продолжал военную службу в должности начальника административно-хозяйственного отделения военной части 18350 Северной группы войск (Польша). С этой должности в декабре 1970 года я был уволен в запас.

Молодому поколению, которому впоследствии придется отдавать долг своей стране, хочу пожелать: честно служить Родине и быть настоящими патриотами России, хранить и развивать лучшие традиции русского народа, всемерно защищать интересы Российского государства, а молодым воинам – соблюдать и развивать традиции и массовый героизм, свойственный только русскому народу!

Мои награды:

- орден Отечественной войны II-й степени;
- медаль «За отвагу»;
- медаль «За боевые заслуги»;
- медаль «100 лет со дня рождения В.И. Ленина»;
- медаль «За победу над Германией»;
- медали «20 лет победы в Великой Отечественной войне», «30 лет победы в Великой Отечественной войне», «40 лет победы в Великой Отечественной войне», «50 лет победы в Великой Отечественной войне», «60 лет победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран Вооруженных сил СССР», «40 лет Вооруженных сил СССР», «50 лет Вооруженных сил СССР», «60 лет Вооруженных сил СССР», «70 лет Вооруженных сил СССР»;
- медали «За безупречную службу в Вооруженных Силах 1-й степени», «За безупречную службу в Вооруженных Силах 2-й степени»;
- медаль Жукова.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 2-го курса факультета информационных технологий, автоматики и энергетики Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина – ***Толстов Александр Викторович***

Листков Михаил Иванович

«Под носом» у немцев обошли Прохоровку

Я родился 20 ноября 1922 года в деревне Шпалёво в обычной русской крестьянской семье.

Окончил школу в 1940 году, а в январе 1941 года был призван в армию. На момент начала войны я был уже курсантом и проходил службу в Приволжском военном округе. Так что войну я встретил уже военным человеком. Мы хорошо знали сложившуюся обстановку. Когда в октябре 1941 года мы прибыли в Москву, немцы были уже на подступах к столице.

Наша армия называлась 10-й армией генерала Голикова, а одновременно с нашей была также сформирована еще одна новая 1-я Ударная армия генерала Кузнецова, которая выдвигалась на боевые позиции со стороны Дмитрова - Яхромы.

Согласно сложившейся обстановке, наша армия формировалась в строжайшей секретности, чтобы немцы не узнали об этом формировании. Поэтому скрыть от противника создание новой армии было задачей не из легких. Но нашему командованию это удалось.

9 октября 1941 года мы прибыли в Люберцы, и там начала формироваться 10-я армия, а чтобы запутать вражескую разведку наша армия формировалась, можно сказать, на колесах. Мы ездили в разных направлениях, до

Куйбышева и обратно к Москве. Так и проходило формирование нашей 10-й армии. Когда задача по формированию армии была выполнена, нам было приказано в ночь на 5 декабря начать контрнаступление по освобождению города Михайлова.

Нас направили на самый тяжелый и ответственный участок. Немцы уже заняли Михайлов, это в 30-ти километрах от Рязани. В районе 120-ти километров от Рязани, Коломны, Зарайска и Загорска на тот момент еще не было наших полевых войск. И эту брешь было поручено закрыть именно нашей армии. Немцы не подозревали о нашем направлении наступления, а если бы узнали, то сложились бы не очень выгодные для нас условия.

29 ноября 1941 года мы незаметно разгрузились ночью под Рязанью и начали группами выдвигаться на огневые позиции в сторону Михайлова. На улице было темно, только звезды горели, мы сидели недалеко от леса, и никто не знал, что нас ждет впереди. Все бойцы были ужасно голодными. Только ближе к вечеру приехала кухня и привезла нам по котелку горохового супа, по куску мяса и по полбуханки хлеба. Пока мы кушали, уже стемнело, было часов 7 или 8 вечера. Помню, я тогда еще сказал своим товарищам после того, как мы наелись все: «Ну, ребята, теперь уже и не страшно ничего, все сыты».

А 5 декабря 1941 года подразделения приняли боевой порядок и передвигались по лесу. У меня было двенадцать разведчиков, а вот огневых средств для прикрытия наступления не было практически никаких. В нашей армии не было ни одного танка, все пушки были старого образца, на один километр приходилось в среднем десять-двенадцать пушек. И к ним не хватало снарядов. Но, по большому счету, даже если бы снарядов и хватало, то все равно пользы было от них мало, потому что это были малокалиберные пушки.

Наша армия внесла очень большой вклад в этот разгром фашистов. И если учесть это, то можно без преувеличений сказать, что лишь ценой крайнего напряжения всех физических и нравственных сил солдат и офицеров наших, наступавших тогда на этом направлении. 330-й дивизии, удавалось днём и ночью, в мороз, в метель, пешком по снегам без передышки, ежесуточно по пятнадцать и по двадцать

километров передвигаться вперед в направлении отступавших немцев, заставляя их бросать на дорогах технику, вооружение, снаряжение, все то, что еще недавно составляло основу их материального перевеса над нами.

В основном работала разведка. И, следовательно, перед нами стояла задача обозначить немецкие огневые точки. То есть определить, где у них стоят пушки, где пулеметы, чтобы именно по ним в первую очередь вести прицельный огонь для уничтожения. Это было жизненно необходимо, потому что при наступлении именно из-за них первые ряды несли очень большие потери. По этой же причине было принято решение о том, что наступления мы проводим только ночью.

На рассвете 6 декабря, когда мы вышли из леса, то неожиданно, чуть ли не вплотную мы столкнулись с немцами. Можно сказать лицом к лицу. И первый наш бой был практически рукопашным. Так как автоматов у нас не было, приходилось стрелять из винтовок. В этом бою мною было уничтожено три первых немца. Двоих я заколол штыком, а третьего прикладом винтовки ударил в висок, как оказалось - сразу же насмерть. После того как он упал, я хотел его доколоть, но потом понял, что это уже не нужно. Это был, как говорится, мой первый настоящий фронтовой день, когда я встретился с фашистами лицом к лицу.

Часа в три мы уже выбили немцев из пригорода Михайлова - Серебряные Пруды. Немцы отступили на десять километров, и как только стемнело, мы пошли снова в наступление, а к утру 7 декабря 330-й дивизией 1109-го полка нашей армии был освобожден сам город Михайлов, а мы, взяв очень внушительные трофеи, продолжали развивать наступление на Венёв, Сталиногорск, Епифань и Богородицк.

Вообще на этом участке Тульской операции было три армии. А именно, кроме нас еще была 50-я армия, находившаяся под командованием генерала Болдина, она стояла со стороны Тулы, и 49-я армия со стороны Калуги под командованием генерала Захаркина.

После освобождения Михайлова наша армия проходила по пятнадцать-двадцать километров в сутки, и дорога представляла собой незабываемое зрелище: она была буквально загружена брошенными немецкими машинами, орудиями, танками, броневиками. Особенно много было

транспортных машин, на которых ездила немецкая мотопехота. Стояли сильные холода, у немцев замерзала вода, и они бросали машины посреди дороги. Жители, которые были этому свидетелями, рассказывали какие свалки устраивали немцы на дороге из-за мест в машинах. Немецкие пехотинцы заставляли танкистов переливать бензин из танков в транспортные машины, чтобы на них могло уехать как можно больше людей. В плен мы брали неохотно. Наши части шли через деревни, сплошь, дотла сожженные немцами. По сторонам от дорог была обгоревшая, черная пустыня, только трубы да печи, да изредка одинокие полуразрушенные дома. В деревнях стояли виселицы, с которых иногда только что, несколько часов назад сняли повешенных немцами людей.

Хотя сами по себе те немцы, которых все же брали в плен, имели в этот день жалкий вид и лично во мне не вызывали чувства ненависти, но они воспринимались в сочетании со всем окружающим, с этими пепелищами, которые они оставили на нашем пути. И все это вместе взятое вызывало жгучую ненависть к фашистам у всех нас.

Прошло совсем немного времени с начала моей фронтовой жизни, а в 13-15 числах декабря мы уже освобождали город Богородицк, находится он примерно в семидесяти километрах от Тулы.

В ста километрах от Москвы, если я не ошибаюсь, находится город, который назывался Сталиногорск, сейчас он уже Новомосковск. Его мы освободили на следующий день после Богородицка. Во время боев за город совершили героический подвиг 12 местных жителей - молодые рабочие. Они произвели смелый налет на штаб немецкой дивизии, дислоцировавшейся в городе. Фашисты решили, что советские части обошли их. Началась паника и бегство. Нападение отважных патриотов на штаб вражеской дивизии ускорило освобождение Сталиногорска.

Далее, следуя приказу, мы повернули на город Сухиничи и пошли в сторону Калуги, и буквально перед самым Новым Годом, а точнее - 30 декабря 1941 года, город Калуга был освобожден от немецких войск. Преследуя отступающие немецкие войска далее, 31 декабря освободили от них город Козельск, который находится под Калугой, Белев и Минев.

Во всех этих операциях участвовала наша 330-я дивизия 1109-го полка, которая впоследствии дошла до самого Берлина. Я уже говорил, что в освобождении Калуги также участвовала 49-я армия, так вот наша дивизия потом перешла в ее подчинение по ходу боевых действий.

Когда фашисты подошли к Москве, была захвачена территория из 17-ти районов Московской области, полностью и частично оккупировано 10 районов. За период контрнаступления под Москвой фашистские войска были отброшены на расстояние 250-ти километров, от противника было освобождено более 11-ти тысяч населенных пунктов, в том числе 60 городов, среди которых были областные центры города Калинин и города Калуги. За этот период Родиной за отвагу и мужество, проявленные в боях под Москвой, 36 тысяч советских воинов были награждены орденами и медалями СССР, 110 воинов и партизан удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе партизанка Зоя Космодемьянская.

В ознаменование исторической победы под Москвой учреждена медаль за оборону Москвы, которой награждены более миллиона участников этой великой битвы, в том числе и я, Листков Михаил Иванович.

Целых двести дней продолжались тяжелые кровопролитные бои в Сталинграде. И только три армии (64-я, 7-я гвардейская и 62-я) и 13-я дивизия Родимцева стояли в самом Сталинграде, не давая немцам захватить город.

Захват Сталинграда был очень важен Гитлеру по нескольким причинам. Это был главный индустриальный город на берегах Волги (жизненно важный транспортный маршрут между Каспийским морем и северной Россией). Захват Сталинграда обеспечил бы безопасность на левом фланге немецких армий, наступающих на Кавказ. Наконец, сам факт, что город носил имя Сталина — главного врага Гитлера, делал захват города выигрышным идеологическим и пропагандистским ходом. У Сталина также могли быть идеологические и пропагандистские интересы в защите города, который носил его имя. Именно к этим событиям относится известный лозунг Сталина «Ни шагу назад!».

Немцы всеми силами старались оттеснить нас в Волгу, до которой нам оставалось не больше четырехсот метров.

Берег был высокий, так что, как говорится, велика наша родина, а отступать было некуда. И мы стояли насмерть. Но мы не только оборонялись. Город нужно было взять любыми способами, и наше командование в это время разрабатывало план контрнаступления по окружению фашистских войск в самом городе Сталинграде.

И вот, 19 ноября 1942 года наши войска начали контрнаступление. Бои с немецкими войсками шли в течение шести недель. 23 ноября 1942 года в ходе спланированной операции 4-й танковый корпус генерала Кравченко и 4-й механизированный корпус генерала Вольского встретились в районе хутора Советского, замкнув кольцо окружения Сталинградской группировки немцев в междуречье Дона и Волги, завершив окружение войск противника. В результате в окружение попала 330-тысячная группировка, включавшая 22 вражеские дивизии и более 160 отдельных частей.

Да, мы окружили немцев, но и сами находились в очень непростой обстановке, поскольку у фашистов была очень большая группировка, были большие людские резервы, а также много боевой техники.

Мы не знали, что делать дальше: как нужно поступить в сложившейся ситуации, с кем вести переговоры, чтобы немцы сдались и прекратили всякое сопротивление.

Только позже, в районе привокзальной площади, наши разведчики взяли в плен семь немецких офицеров, которых доставили в нашу армию и начали допрашивать. Необходимо было узнать место расположения штаба, и где находился небезызвестный фельдмаршал Паулюс (командующий шестой немецкой армией, которая была окружена). Наши пленники дали всю необходимую на тот момент информацию, а именно: кто командует гарнизоном и с кем нужно вести переговоры, чтобы немцы могли произвести капитуляцию. Вести допрос, как оказалось, было не очень сложно - среди немцев было много тех, кто знал русский язык, среди этих семи офицеров, попавших в плен, тоже был один, который очень хорошо разговаривал на нашем языке. Было принято решение вести дела через него. Его-то и отправили к немецкому генералу Раски, дав определенные указания. Он должен был передать наши условия и предложение сдаться в плен. Фриц оказался смышленый, всё понял и направился в свой штаб, в штаб

немецкой армии передавать то, что ему было сказано, а нам оставалось пока лишь ждать.

Его долгое время не было, но мы не переживали из-за этого, ведь деться ему всё равно было некуда, потому что все немецкие войска, как вам уже известно, были в окружении наших военных. Побег был исключен.

И мы не ошиблись, поскольку какое-то время спустя он вернулся и доложил, что говорил с генералом Раски и передал ему наше предложение о капитуляции и наши условия, на что Раски ответил согласием. Он сказал, что готов вести переговоры о капитуляции, но только с тем, кто будет равен ему по званию. Следовательно, нам нужно было посылать к их генералу тоже нашего генерала. Но это было бы слишком большой честью для немцев. Наше командование проявило большую находчивость в этой ситуации.

В то время, погоны не носили, носили мы только лычки на рукаве и петлички. Капитан раньше носил одну «шпалу», и считался он старшим офицером, а сейчас, кстати, уже считается старшим майором, в наше время. Мы прицепили капитану нашей армии еще три «шпалы» и отправили его к немцам. Откуда Раски мог знать, какое звание принадлежит нашему офицеру? Новоиспеченного «генерала» отправили с пленным немецким офицером для ведения переговоров о капитуляции. Прошло время, и вернулись они живые и здоровые, Раски безоговорочно принял все наши требования и дал команду о прекращении всех боевых действий, сложить оружие и сдаться в плен. И вот немцы группами начали капитулировать, сдаваться. В том числе среди немецких войск было двадцать четыре генерала, в их числе и сам Паулюс.

Их штаб находился в подвалах универмага. Оттуда они и выходили с поднятыми руками. Если вы посмотрите документальный фильм, как сдавались в плен немцы и выходили из подвала, то обратите внимание на человека в белом полушубке, стоявшего рядом с универмагом, Вы можете увидеть нашего начальника штаба генерала Ласкина. Именно он получил приказ провести конечную стадию капитуляции, взяв немецкий штаб.

Кстати, после войны Ласкин был председателем совета ветеранов нашей 7-й гвардейской армии, мы встречались с ним в музее Вооруженных сил.

Но вернемся к рассказу об освобождении Сталинграда. И вот немцы нам сдались, среди них было много раненых, больных и голодных, поскольку продукты, которые им присылал Гитлер, когда они были в окружении, перехватывали наши части. Провизию им сбрасывали с самолетов, но до них она просто не долетала, а попадала в наши руки, потому что «кольцо» было замкнуто. Находясь в таком безвыходном положении, им пришлось съесть всех Сталинградских кошек и собак. Забавно, но когда они искали кошек, то называли их, почему-то, «маленькие Му-Му». Пожалуй, на этом можно и закончить рассказ об операции по освобождению Сталинграда.

Победа советских войск в Сталинградской битве является крупнейшим военно-политическим событием в ходе Второй мировой войны. Великая битва, закончившаяся окружением, разгромом и пленением отборной вражеской группировки, внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и оказала определяющее влияние на дальнейший ход всей Второй мировой войны.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом в последующих наступательных операциях зимой 1942-1943 годов была освобождена значительная часть территории Советского Союза. Наши войска овладели районами севернее, западнее и южнее Курска, был освобожден и сам Курск. Образовавшийся в ходе зимне-весеннего наступления советских войск и глубоко вдававшийся в расположение немецко-фашистских армий так называемый Курский выступ протяженностью по фронту около 550 км давал советским войскам возможность нанести удар по флангам и тылам группировок противника, сосредоточенных в районах Орла и Белгорода. По мнению же немецко-фашистского командования, выдвинувшийся далеко на запад Курский выступ создавал благоприятные условия для окружения и последующего разгрома оборонявшихся здесь советских войск Центрального и Воронежского фронтов.

Наши части перегруппировали и весной тоже отправили на Курскую дугу под Прохоровку. Разгрузились мы около Старого Оскола на станции Чернянка, поскольку проехать дальше не представлялось возможным, так как повсюду были фашисты и вели постоянную бомбардировку.

Нам приходилось передвигаться пешком. Из Прохоровки мы шли группами по проселочным дорогам, потому что спокойно передвигаться не позволяли немецкие самолеты. Разведка у немцев, надо сказать, работала очень хорошо, и как только они видели наши эшелоны, не важно, с людьми или техникой – налетали самолеты и открывали по ним огонь.

Сумев пройти по проселочным дорогам незамеченными, мы заняли оборону в деревне Холодная. Нами было сделано восемь оборонительных полос, идущих от Прохоровки в тыл. Предстояла очень серьезная битва, и наши люди занимали огневые точки на протяжении 250 километров в тыл, на случай отступления. Была проведена подготовка, были вырыты окопы. Но отступать нам так и не пришлось.

Когда 5 июля фашистские войска начали атаковать, мы по тревоге маршем пошли прямо к Прохоровке. Как только мы приблизились к месту назначения, на нас налетела группа немецких самолетов. Я считал, их было сто пятьдесят семь штук. Шли мы для того, чтобы занять оборону, но до точки сбора мы еще не дошли, а наши войска уже отступили. Немцы продолжали бомбить нас вплоть до наступления темноты. Было потеряно много солдат, в основном это были молодые ребята совсем немного младше меня, приблизительно двадцать четвертого года рождения, некоторые двадцать пятого. Наступила темнота, меня вызывает к себе командир полка и говорит: «Товарищ, старший лейтенант! Вы должны за время темноты поднять наш полк, вывести его на огневые позиции и окопаться рядом с немцами в полном профиле, разумеется, чтобы они об этом не знали». А так как было лето, ночи короткие, и времени на всю операцию было немного.

В то время я возглавлял целый батальон, у меня была рота пулеметчиков, взвод разведчиков, а также в моём распоряжении находилось противотанковое оружие. Мы, можно сказать, «под носом» у немцев обошли Прохоровку и дошли до станции Сажная, и оттуда по склону на расстоянии в 1 километр было проведено рытьё окопов в полный профиль, как и было приказано. Немцами замечены не были. Задание было выполнено, все прошло успешно, в строжайшей секретности.

12 июля 1943 года в районе Прохоровки произошел крупнейший в истории встречный танковый бой. После

нанесения массированного авиаудара сражение с обеих сторон перешло в активную его фазу и продолжалось до конца дня. К исходу 12 июля сражение завершилось с неясными результатами, чтобы возобновиться днём 13 и 14 июля. После сражения немецкие войска не смогли продвинуться вперед сколь-нибудь значительно, несмотря на то, что потери советской танковой армии были намного больше. Продвинувшись за 5-12 июля на 35 километров, немецкие войска были вынуждены, протоптавшись на достигнутых рубежах три дня в тщетных попытках взломать советскую оборону, начать отвод войск с захваченного «плацдарма». В ходе сражения наступил перелом. Перешедшие 23 июля в наступление советские войска отбросили немецкие армии на юге Курской дуги на исходные позиции. Бой закончился, можно сказать ничьей, - изрядно потрепанные армады вернулись на свои позиции. Но главная задача немцев - попытка встречными ударами отделить и блокировать Курский выступ, была нашими танкистами сорвана. Дальше фашисты только отступали.

Примечательно, что события на юге Курской дуги не получили в то время особой известности - мало ли боев велось в то жаркое лето. Лишь потом этот эпизод стали выделять отдельно – из-за его масштаба и грандиозности.

С этого рубежа и было начато общее наступление наших войск. С этих самих позиций мы наступали на деревню Смородино. Она как раз находится на шоссе Прохоровка - Белгород. Шли очень тяжелые бои. Я тогда командовал стрелковой ротой, в моем распоряжении было сто пятьдесят мальчишек, практически такого же возраста как я сам. Бои шли жестокие.

5 августа 1943 года мы освободили город Белгород, а спустя чуть больше двух недель, а именно, с 22 по 23 августа, был освобожден Харьков.

Курская битва занимает в Великой Отечественной войне особое место. Она продолжалась 50 дней и ночей, с 5 июля по 23 августа 1943 г. По своему ожесточению и упорству борьбы эта битва не имеет себе равных. Победа под Курском ознаменовала переход стратегической инициативы к Красной Армии. К моменту стабилизации фронта советские войска вышли на исходные позиции для наступления на Днепр. После

окончания сражения на Курской дуге германское командование утратило возможность проводить стратегические наступательные операции. Локальные массированные наступления также успеха не имели.

5 августа 1943 года впервые в истории Великой Отечественной войны Москва салютовала воинам-освободителям двух древних русских городов - Орла и Белгорода.

Кстати, раз уж вспомнили о Харькове, хочу сказать, что после окончания войны я был в Харькове еще два раза. Первый раз в 1988 году и второй раз в 1994 году в честь пятидесятилетия со дня освобождения Харькова. Мы проезжали по тем местам, где полвека назад шли бои, в которых мы принимали непосредственное участие. Сейчас там всё благоустроено, всё красиво, а тогда, во время сражений, мы не могли там ничего увидеть.

Еще один интересный момент хочу вспомнить. Во время войны мы выкапывали противотанковые рвы в шахматном порядке на этой местности, но время прошло, они сравнялись с землей, а на местах рвов вырос бурьян. Но можно было без труда понять, где именно они когда-то находились.

Однако вернемся к военному времени. Зимой 1943 года, когда мы освобождали город Кировоград, шли тяжелейшие сражения, и нашей 93-й Харьковской дивизии пришлось понести колоссальные потери, было ранено и убито очень много наших солдат. Бои за Кировоград - один из крупных промышленных центров Украины – отличались ожесточенный упорством, бесчисленными контратаками и коварными ухищрениями врага.

Личный состав дивизий и здесь проявил чудеса мужества, стойкости и героизма. Воспитанный на подвигах героев-панфиловцев, на героике Гражданской и Отечественной войны, он показал многочисленные примеры беззаветной преданности и самоотверженности в деле служения народу.

До сих пор в местечке под названием Новая Прага ухаживают за братской могилой, в которой похоронено 626 наших солдат и офицеров, в том числе там захоронен командир нашей 93-й гвардейской дивизии генерал Тихомиров.

В ходе Кировоградской операции советские войска продвинулись на 40-50 километров и не только овладели Кировоградом, но и поставили под угрозу как корсунь-шевченковскую, так и криворожскую группировку немецко-фашистских войск.

Ну что еще сказать? За время войны я был ранен пять раз: три тяжелых ранения и два легких. В руку, поясницу, ногу и лицо. Когда меня привезли с раненой ногой в полевой госпиталь, то медсестра мне сказала, что ногу придется ампутировать. Ну а я сначала не понял, спрашиваю ее: «А что это такое?». И она мне объяснила, что это значит, что ногу отрезать будут. Я как услышал это, так сразу с кровати вскочил и начал кричать, что не позволю, отказывался, как мог. Потом в письменной форме писал отказ от операции и меня направили на лечение в госпиталь в Тамбов.

Вот так я и пережил войну. И не только я. Война коснулась всей моей семьи. Нас было четыре мальчика и три девочки в семье, семь человек, а если посчитать еще моих двоюродных и родных братьев и сестер, то получается итого - тринадцать человек. И все мы воевали.

Брат у меня, он участвовал в боевых действиях в Корее, был танкистом. А после завершения боевых действий, он поселился в городе Краснотулинске, работал на заводе, на котором было вредное производство.

Но не только на войне было сложно. После войны я получил назначение на службу в Арктику, где прослужил 6 лет, с 1954 по 1960 год. От Баренцева моря до Японского, служба была сложная и ответственная - закрывали границу, через Беренгов пролив - Аляска. За всю жизнь прошел восемь морей и два океана. Вся жизнь у меня тоже была не простая, даже в мирное время были такие случаи, когда мне приходилось рисковать своей жизнью, много трудных решений нужно было принять.

С 1961 года я проходил службу в ракетных войсках на Урале. Мы служили в шахтах на глубине сорока метров, но при этом я очень часто находился на свежем воздухе. А воздух там чистейший - леса вокруг. Если вы, может быть, читали книжку «Демидовские рудники», то как раз там рассказывается про те места, где я служил, где находилась

наша ракетная база - сотни километров дремучего леса, куда не ступала нога человека.

Помню, только приехал я туда, зашел на контрольно-пропускной пункт, а там разговоры идут, виден ажиотаж. И мне тоже стало интересно, мы разговорились и мне сказали, что советский человек полетел в открытый космос, обсудили мы это, а я спрашиваю: «А кого отправили то? Кто полетел?». И мне сказали, что Юрий Гагарин это тот человек, первый человек, полетевший в космос. Вот такой момент мне с тех времен запомнился.

Наверное, я был ценным сотрудником, потому что во многом хорошо разбирался, много знаний было полезных для нашего дела, и люди ценили меня. И даже когда я уже собирался демобилизоваться, то ребята не хотели меня отпускать, предлагали остаться, говорили, буду в штабе сидеть и руководить. Но, если вы можете представить, то я за все это время, которое провел там, ни разу, можно сказать, в ванной не мылся. И потому я, особо не думая, сказал: «Нет, ребята, вы меня извините, но мне, если честно, надоело». И, в общем, уволился я. Даже не думая.

Потом, когда я приехал в военкомат, меня отправили в систему Госснаба Союза. Туда я пришёл старшим инженером в отдел оборудования. Госснаб - это главное управление материально-технического снабжения всей страны, всех предприятий. Все эти предприятия обеспечивали жизнь всему государству. Лет двадцать я проработал на одном месте, в одном кабинете. Потом стал начальником отдела, а когда Советский Союз развалился, я стал заместителем генерального директора внешнеэкономического акционерного общества, но так как задача у нас была та же, работа и оставалась той же, только теперь мы были самостоятельные. У меня было управление, состоящее из 147 человек, и за исключением нескольких водителей-мужчин, остальные были женщины. Работа была очень важная: мы давали точные сведения, контролировали поставку заводам. Очень важно - это же обеспечивало работу предприятий. Я курировал многие предприятия, всё было строго. Там я проработал до 72 лет. В деньгах я особо не нуждался, и ушёл я только потому, что надоело, но работа была очень интересной. Уволился я в 1994 году.

Я - ветеран четырех армий и соединений, в которых принимал непосредственное участие в боевых действиях. Это 330-я дивизия 10-й армии, 49-я армия и 64-7 гвардейская армия, 69-35 корпус. Ветеран трёх фронтов: двух Украинских и Забайкальского.

Победа нашего народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. вошла в мировую историю победы над фашизмом.

Сила нашего народа и армии заключается в нашем единстве, сплоченности, организованности и преданности своей Родине.

Тыл и фронт были неразрывно связаны, труженики тыла обеспечивали своим самоотверженным трудом победу на фронтах, давали всё необходимое для Победы.

Такое единство и сплоченность непобедимо.

В честь Победы в Великой Отечественной войне каждый год 9 мая на Красной площади в торжественном военном параде проходят строем войска и боевая техника. Я трижды был участником юбилейных парадов на Красной площади! В 1995, 2000 и 2005 годах.

В настоящее время, уже в течение 15-ти лет, я регулярно встречаюсь с учениками 996-й школы и провожу беседы по военно-патриотическому воспитанию молодежи. В школе создан музей Боевой Славы, где собрано много интересных экспозиций.

Мои награды:

- орден Отечественной войны I степени;
- орден Красной Звезды;
- медаль «За боевые заслуги»;
- медаль «За оборону Москвы»;
- медаль «За оборону Сталинграда»;
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- медаль «30 лет вооружённых Сил СССР»;
- медали «25 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет победы в Великой

Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- медали: «40 лет Вооружённых Сил СССР», «50 лет Вооружённых Сил СССР», «60 лет Вооружённых Сил СССР», «Пятнадцать лет безупречной службы», «70 лет Вооружённых Сил СССР»;
- медаль Жукова;
- медаль «Ветеран труда»;
- медаль «В память 850-летия Москвы»;
- медаль «За доблестный труд (за воинскую доблесть). В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»;
- медаль «60 лет освобождения Белоруссии».

Июнь 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2-го курса ФИТАЭ Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - ***Красова Лилия Вячеславовна.***

Малиновский Глеб Владимирович

Мы решили нагрудники на спину не надевать

Я родился в Москве в 1925 году. В 1941 году окончил 8-й класс школы. Началась Великая Отечественная война. Время было тяжёлое, сложное. Пошел работать электриком в художественные мастерские Большого театра. С августа по ноябрь 1942 года был мобилизован на трудовой фронт - на лесозаготовки для Москвы. Провожали нас с оркестром от Речного вокзала на пароходе далее по каналу и высадили на берег Конаковского залива Московского моря. Сначала работали на лесоповале, затем нас поставили на сплотку плотов, а основное время в составе комсомольско-молодежного отряда были на вывозке леса от делянок до залива. Там плотогоны сплачивали их в плоты и затем сплавляли по Московскому морю и каналу в Москву. Приближалась осень. Начались морозы. Условия жизни там были близки к фронтовым: ночевали в холодном сарае, спали и грелись зарывшись в солому, сушили одежду на себе. Все это стойко приходилось переносить. Работали в две смены по 12 часов днем и ночью. Сплав леса закончился. И теперь возвращаться в Москву пришлось трое суток своим ходом. О тех трудных днях сегодня напоминает медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В январе 1943 года призван по мобилизации в Красную Армию. Службу начал в 853-м запасном саперно-подрывном

батальоне. Через полгода на базе нашего и других батальонов была сформирована 5-я запасная инженерно-саперная бригада. Я был определён в роту «водников» (так именовались формирования легких водолазов). Началась водолазная подготовка для выполнения соответствующих специальных заданий, и поэтому командир нашей бригады не включал нас в маршевые команды для пополнения фронтовых инженерных частей.

Однажды зимой 1944 года роту повели на погрузку для отправки на фронт. По пути на станцию навстречу нашему строю едет на «Виллисе» командир бригады. Он спросил, какое это подразделение, и узнав, что это рота водников, развернул весь строй обратно. Таким образом наша рота не попала на погрузку для отправки на фронт.

Особый отбор

На фронт постоянно требовалось пополнение, особенно в связи с предстоящими наступательными операциями. Особый отбор солдат шел в гвардейские штурмовые инженерно-саперные бригады. На их укомплектование командир нашей бригады теперь был вынужден выделять и группы водников. Я был направлен во 2-ю гвардейскую моторизованную штурмовую инженерно-саперную бригаду.

3-й Белорусский фронт. В это время шла напряженная подготовка к Белорусской наступательной операции «Багратион». Основные силы бригады были брошены на разминирование сначала путей движения и районов сосредоточения войск, а затем переднего края нашей обороны, где работа велась только ночью. Многие мины были зимней установки и за прошедшее время капсулы-детонаторы приржавели к взрывателям и не отвинчивались. И в таком состоянии вопреки существующим инструкциям мы их клали в сумки из-под гранат. Обошлось без несчастных случаев.

Первое задание

За три дня до начала наступления мы стали проделывать для пехоты и танков проходы в минных полях на нейтральной полосе. Группу от взвода из трёх человек поручили возглавить мне. Сейчас некоторые авторы порой пишут, как командиры

не жалели молодых солдат и бросали их под вражеский огонь. Но это неправда. Командир нашей бригады предпринимал все возможные меры, чтобы уберечь нас от необоснованных потерь. И посылая нас впервые на такое задание, командир батальона гвардии майор Н.С. Поляков решил подстраховать нас от огня, который непрерывно вели дежурные средства противника, и с этой целью приказал надеть на спину стальные нагрудники – панцири, применявшиеся при штурме укреплённых позиций фашистов. В лежачем положении (а действовать приходилось именно так) задний край каски упирался в стоячий воротник (воротник-стойку) нагрудника, который оказался на спине. И каска надвигалась на глаза, закрывая весь передний обзор. Поэтому мы решили нагрудники на спину не надевать. Построив нас перед выходом на задание и обнаружив, что под маскировочными костюмами на спине нагрудников нет, комбат приказал их надеть. На «нейтралке» (нейтральная полоса) мы продвигались с компасом по азимуту. Чтобы смотреть вперёд, где была немецкая траншея, приходилось приподниматься на руках. А это демаскировало нас, так как «нейтралка» то и дело освещалась ракетами, к тому же ночи были светлыми. Так что пришлось работать нам, не имея переднего обзора и постоянно ожидая возможного появления противника, который периодически устраивал вылазки к нашей траншее. Сейчас это может вызывать улыбку, а тогда было не до этого. И в последующие выходы на нейтральную полосу мы категорически отказались надевать на спину нагрудники, хотя вражеские пули все же могли попасть в нас.

Ранение

Началось наступление. И опять разминирование и разминирование. Однажды попали под артналёт. Был ранен Иван Липин, с которым мы вместе служили в саперно-подрывном батальоне, роте водников, а теперь в одной роте инженерно-саперного батальона. Перевязал ему рану на бедре ноги, оттащил к нашим санитарам. И далее вперёд. Вновь артналёт, теперь я был ранен в руку. Ивана с тяжёлым ранением сразу отправили в тыловой госпиталь, а через несколько дней и меня.

Радостная встреча

Из сортировочного госпиталя в Смоленске меня, в составе группы ходячих раненых, направили в госпиталь, расположенный где-то в округе города. Шли полем, строй растянулся. Нагоняет нас грузовая машина. «Куда едешь?» - спросили мы водителя. «В госпиталь», - ответил он. «Подвези». - «Залезайте». Привез нас в госпиталь, там спросили, где наши документы. Отвечаем, мол, за нами идут. Прошли санобработку, оформление и глубокой ночью привели нас в какую-ту палату. Утром просыпаюсь и слышу голос Ивана. Конечно, обрадовались встрече. Описываю я эти подробности потому, что машина доставила нас не в тот госпиталь, в который была направлена наша группа. Ведь госпиталей вокруг Смоленска тогда были десятки. Ну а документы наши вскоре нашлись.

Учеба с отличием

Пролетел месяц, меня перевели в батальон выздоравливающих, а Иван еще ходил на костылях. Потом я был в разных запасных полках. Много раз вербовали меня в военное училище. Долго думал, куда пойти учиться. Дал согласие в танковое училище, а попал в Куйбышевское пехотное. Уже после поступления пару раз писал в батальон, где меня представили к награждению медалью «За отвагу». Но ответов не было.

Учился, можно сказать, с упоением, порой преподаватели даже поручали мне что-то объяснять курсантам. Однажды стою дневальным по роте. Открывается дверь и входит Иван в форме курсанта – опять радостная встреча. Он из-под Смоленска был переведён в госпиталь в Москву, а по выписке из него направлен в училище. Так мы с ним вторично встретились, так бывает, пожалуй, обычно только в кино.

Летом 1946 года начались выпускные экзамены. И вдруг приказ: училище расформировать, а курсантов - на доучивание в другие училища округа. Только 40 успевающих курсантов завершили сдачу экзаменов. Я окончил училище только на все «пятерки» (тогда красных дипломов и медалей не давали) и

мне предоставили выбор места для продолжения дальнейшей службы в округе. Я выбрал город Саратов, где в пехотном училище был фронтовой друг Иван. И опять неожиданная для него встреча, но она и последующая были уже планируемыми. В дальнейшем я служил командиром взвода, комсоргом части, помощником начальника политотдела по комсомольской работе, парторгом части.

Награда

Однажды меня вызвали в райвоенкомат. Его работник стал осторожно расспрашивать меня, где, в какой части я воевал, представлялся ли к награде. Получив ответы на свои вопросы, он сказал, что меня нашла моя медаль «За отвагу», и в 1954 году мне её вручили. И с тех пор эта награда, а также осколок в руке напоминают мне о фронтовых буднях.

После войны

С 1953 по 1958 год учился в Военно-политической академии имени В.И. Ленина, после окончания которой был пропагандистом политотдела, а с 1963 года занимался педагогической работой. С 1966 по 1971 учился в адъюнктуре, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современные локальные войны и национально-освободительное движение», кандидат философских наук (1973), доцент (1975). Последние 16 лет службы в Военной академии химзащиты имени маршала Советского Союза Тимошенко и Военной академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, где возглавлял предметно-методическую комиссию. Вместе с коллегами успешно разрабатывали и внедряли новые методы обучения слушателей, которые подхватывали другие кафедры.

С 1985 года в отставке. На протяжении 6 лет работал доцентом в Военном Краснознаменном институте. А в последующие годы – принимал участие в работе Объединенного совета ветеранов инженерных войск, Московского комитета ветеранов войны и Военно-научном обществе при Центральном Доме Российской армии, где возглавлял военно-историческую секцию, продолжая научно-

исследовательскую работу по локальным войнам, истории инженерных войск и другим темам.

Именно активное участие в общественной работе дало возможность проявить себя как организатора, лектора и ученого-историка. Несмотря на огромную загруженность, я сумел создать фонд личных документов и материалов ветеранов инженерных войск в Российском государственном военном архиве, для которого лично передал 700 единиц хранения, а также 55 единиц хранения в фонд инженерных войск Ленинградского Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Мною изданы книги:

- Современные локальные войны империализма против народов, борющихся за национальную независимость. Изд. М., Военная академия химической защиты, 1972 г.;

- Соотношение войны и революции в зоне национально-освободительного движения. Изд. М., Военная академия бронетанковых войск, 1976 г.;

- 2-я гвардейская моторизованная штурмовая инженерно-саперная бригада Резерва Верховного Главнокомандования. Краткая история боевого пути. Изд. М., 1993г., переиздана в Могилеве, 1999 г., где дислоцируется наследница нашей бригады: 188-я инженерная бригада;

- Саперные армии в годы Великой Отечественной войны. Это первое послевоенное опубликованное исследование об этих малоизвестных армиях, созданных в 1941 г. для обороны стратегических оборонительных рубежей. Изд. М., Центральное организационно-плановое управление капитального строительства Министерства обороны РФ, 2001 г.;

- Славный героический путь (к 60-летию 57-й инженерно-саперной Ясской орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады). Изд. М., 2002 г.;

- Бригады инженерных войск Красной Армии 1942-1945 гг. Подробной книги еще не было в отечественной военной историографии, и по своему содержанию она уникальна. В ней даны основные сведения о каждом соединении рода войск – 238 бригадах: место и время формирования, боевой состав и его изменение, последующие переформирования бригад вплоть до наших дней. Изд. М., «Патриот», 2005 г.;

- Гвардейцы верны боевым традициям фронтовиков (к 65-летию 317-й гвардейской инженерной Кенигсбергско-Городокской Краснознаменной бригады). Изд. М., 2007 г.

Также было опубликовано более 180 статей, в том числе 71 статья об инженерных войсках, 34 – о локальных войнах, по учебным дисциплинам и методике их преподавания и на другие темы.

Авторские статьи публиковались: в Советской военной энциклопедии – 4 статьи, в Военной энциклопедии 1994-2004 гг. – 19 статей, в Спецбюллетенях и сборниках материалов научных конференций Института востоковедения АН СССР и Института Африки АН СССР, Института военной истории МО СССР – 6 статей. Также публиковались в сборниках Главного Политуправления МО СССР, «Слово солдата Победы» (выпуск 1 и 5), в журналах «Коммунист Вооруженных Сил», «Военно-исторический журнал», «Армейский сборник», «Военный вестник», «Боевое братство», «Театр» (статьи о малоизвестных страницах жизни Ф.И.Шаляпина и М.Н.Ермоловой). В газетах «Красная Звезда», военных округов и групп войск «Советский солдат», «Знамя победы», «На боевом посту», в «Российской исторической газете». Пресс-бюллетенях «Красной Звезды», «Танкист», «Куйбышевец» («Бастион»), «Фрунзевец», бюллетенях «Агентство печати «Новости» (АНП СССР)» а также в сборнике «Память ушедшего века». Стоит отметить цикл статей в газете Военно-инженерной академии «Куйбышевец» («Бастион») – «Наследники бригад инженерных войск Красной Армии 1941-1945 гг.» - всего опубликовано 29 статей в 1995-2005 гг.

Мои награды:

- орден Отечественной войны I-й степени. 11.03.1985 г.;
- орден Трудового Красного Знамени – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.12.1982 г.;- медаль «За отвагу» (27.06.1944 г.);
- медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» (9.05.1945 г.);
- медаль «За боевые заслуги» (3.11.1953 г.);
- медаль «За ратную доблесть» – за исследование локальных войн, участие в них военнослужащих СССР. Всероссийская

организация участников локальных войн и вооруженных конфликтов «Боевое братство» (19.02.2004 г.);
- медаль «За веру и Отечество», вручена Начальником инженерных войск Вооруженных Сил РФ, (6.10.2005 г.) за исследование истории инженерных войск;
- наградные знаки «За заслуги» (за военно-историческую работу и помощь в увековечении памяти защитников Отечества. Начальник Военно-мемориального центра Вооруженных Сил РФ – 4.07.2006 г.), «300 лет инженерным войскам России» (Начальник инженерных войск Вооруженных Сил РФ – февраль 2001 г.), «Почётный знак Советского комитета ветеранов войны» (9.04.1993 г.), «Почетный знак Российского комитета ветеранов войны» (3.10.1996 г.).

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 1 курса факультета химической технологии и экологии Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Самойленко Алексей Александрович***

Манаенков Тимофей Сергеевич

Морякам-гвардейцам от благодарных жителей Вены

Я родился 27 августа 1924 года в поселке Малая Семеновка Тамбовской области. Жил в деревне, учился в местной школе до 9-го класса, служил в Военно-морском флоте (ВМФ). Служба продолжалась 42 года. Русский, православный.

Могу сказать, что служба у меня прошла хорошо. Я, во всяком случае, доволен. Я кое-чего добился на военной службе.

Как получилось, что паренёк, никогда не видевший моря, боевого и другого корабля нашёл свое место в жизни, оказавшись в ВМФ?

Учась в 6-ом классе, я однажды получил награду – книгу «В бухте Отрада». Там я прочитал, как один моряк, кочегар с парохода, доставлявшего груз белогвардейцам, организовал аварию на пароходе и таким образом помешал доставке груза Белой гвардии - нашим противникам. Я увидел в его поступке нечто необыкновенное в жизни – подвиг, достойный высокой оценки. Почему тот матрос с парохода так поступил, каков был мотив его поступков? Этот вопрос остался тогда без объяснения. Только потом я понял, что мотивом поступка матроса было стремление что-либо сделать для своей страны. На примере матроса я видел, что надо было иметь особое

качество – высокую ответственность и готовность пожертвовать собой ради Родины. Вот что нужно человеку, чтобы служить своей стране.

Ещё один эпизод сыграл определённую роль в моей жизни. Я прочитал в одной книжке (это было во время учёбы), как однажды один мальчик резко изменил свою цель в жизни. Мама вела его в большое село, чтобы определить в религиозное учебное заведение. Им повстречался матрос, после разговора с которым мальчик сказал, что хочет не в религиозную школу, а хочет стать моряком. Мама мальчика сокрушалась, недобро высказывалась в адрес матроса: «Что же ты (матрос) наделал?»

Я, прочитав об этом в книге, почему-то вспомнил матроса, который, подвергаясь смертельной опасности, создал аварийную обстановку на пароходе и сорвал доставку груза белогвардейцам. И я подумал, что раз мальчик решил идти в моряки, значит он увидел в рассказе матроса пример поведения, он захотел совершить подвиг во имя Родины. Так решил несостоявшийся служитель церкви.

Мне тот случай тоже запомнился, и я начал читать литературу о моряках. Постепенно крепло стремление связать свою жизнь с флотом. В десятом классе я подавал заявление в высшее военно-морское учебное заведение. Правда, поступление в учебное заведение ВМФ не состоялось. Но стремление попасть на службу – осталось.

Помешал возраст

В июне 1941 года я окончил в Тамбове десятилетку, получил аттестат. Как только узнал о нападении фашистов, сразу же пошел с ребятами в военкомат, чтобы нас приняли в Красную Армию, в ВМФ, в ряды добровольцев. Нас там встретили довольно грубо, сказав: «Что ещё? Не мешайте! Не до вас!» Действительно, работникам военкомата было не до нас. Шло формирование групп из тех, кто был призван на военную службу. Потом мы пошли в училище, там нам тоже сказали, что не могут нам ничем помочь. Везде сказали - нет, поступайте в училище, когда будет 18 лет – приходите, а мне-то было всего 17.

Не помогла мне и просьба принять в авиационное училище через аэроклуб, где я посещал занятия, учась в 10

классе, опять «помешал» возраст (туда брали с 18 лет и старше).

Пришлось смириться и ждать чего-то другого. А стремление пойти в армию и прямо сразу на фронт было тогда у многих моих сверстников: пришлось ждать своей очереди.

Я вернулся в посёлок и стал работать в колхозе. Надо сказать, что работа в колхозе считалась самой обычной. Я уже в 12 лет имел свою трудовую книжку, где учитывались мои заработанные трудодни, и на основании которых мне выдавали заработанные пуды хлеба. Было чем подтвердить, что и я внес вклад в общее дело семьи.

Во время работы в колхозе, после окончания десятилетки, я долго работал (до января 42-го года) на сооружении оборонительных укреплений в Тамбовской области.

А летом 42-го года активно участвовал в уборке хлеба, очень результативно работал на жатке и удостоился хорошей оценки в газете «Голос колхозника». Не раз просился в военкомате на фронт, а там говорили - давай больше хлеба стране, вот твой фронт.

Так было до сентября 1942 года. Потом пришла долгожданная повестка, я стал моряком Северного флота. Уже 1 октября 1942 я был на базе Северного флота.

Зачисление в морскую пехоту

Зачисление в морскую пехоту я считал удачей. Это был прямой и короткий путь на фронт, в боевые действия, к чему стремились люди моего поколения.

Старослужащие встретили нас как друзей, естественно, мы интересовались больше их боевыми делами, порой видели себя уже в боях. Конечно, это была фантазия. Мы были расписаны по подразделениям и упорно, много занимались изучением материальной части своего оружия, и учились обращаться с ним.

Конечно, особое внимание мы уделяли рукопашному бою. Участники боёв выступали перед нами и рассказывали о боевых делах морских пехотинцев. Нас привлекали к прочёсыванию территории, где могли быть диверсанты. Всю ночь мы проводили на ногах, а утром усталые, часто в промокшей одежде, возвращались в расположение своей части

и снова за занятия. Понимали, что наши товарищи на передовой испытывают большие лишения, и мы не сетовали на трудности. Мы также охраняли ангары, что тоже было выполнением боевой задачи.

Шли дни. Однажды последовала команда: «После ужина с вещами собраться у штаба части».

В течение ночи мы пешком шли до Мурманска. После короткого отдыха нас собрали на беседу, где объявили, что мы пройдём тестирование на предмет годности к специальности радиста. Проверяли слух, выявляли способность воспринимать азбуку Морзе. У меня был отличный результат.

Несколько дней мы готовились к поездке. Как оказалось после, мы отправились в Баку, где располагалась объединённая школа Каспийской военной флотилии: школа готовила кадры для ВМФ по нескольким специальностям.

Я оказался в подразделении (смене) радистов. Учился я хорошо, даже очень хорошо. И к занятиям относился добросовестно. Вскоре меня назначили командиром отделения. А к празднику 23 февраля 1943 года начальник училища написал письмо моей маме, в котором дал мне хорошую характеристику. Мама, конечно, была рада, что служба у меня шла хорошо (как она и напутствовала меня на проводах в Красную Армию). Письмо было зачитано перед строем роты.

Приказ есть приказ

Где-то в конце апреля - начале мая 1943 года нам объявили, что мы досрочно заканчиваем учёбу, и нас разошлют по флотам. Так оно и получилось. Я был отправлен на Волжскую военную флотилию. Конечно, все мы стремились на действующие флоты, но приказ есть приказ.

Я был назначен в часть связи флотилии. Меня высадили на берег Волги, где уже был оборудован пост. Теперь радист с радиостанцией на посту был постоянно. Мои товарищи по учёбе в объединенной школе с такими же задачами были высажены на других постах.

Что мы делали? Вели наблюдения, записывали все в вахтенный журнал, а радисты ещё по расписанию держали связь с командным пунктом и докладывали, как идут дела. Так продолжалось до конца навигации на Волге. По Волге тогда

ходили танкеры с нефтью вверх по реке. С ними мы поддерживали связь флажным семафором. А для этого надо было научиться передавать слова с помощью флажков. Так я освоил специальность сигнальщика. Получалось это у меня очень хорошо, давалось без всякого напряжения.

Помню, как-то через месяц-полтора посты посещал начальник участка капитан-лейтенант Чумаченко. От него последовала команда: «Доложить обстановку!» Я всё передал быстро, без ошибок. Он запросил, кто на вахте. Я ответил, что Манаенков. Он на это: «Объявляю благодарность за хорошее знание флажного семафора». А когда начальник прибыл на пост, он ещё добавил: «Молодец, быстро освоил флажный семафор». Я, конечно, был рад, что так ценили моё стремление освоить вторую специальность.

После завершения навигации на Волге нас стали формировать по группам, затем зимой на поездах переправили в Запорожье, там мы узнали, что мы включаемся в состав Дунайской флотилии.

На Волжской флотилии

Должен сделать некоторое отступление. Служба на Волжской флотилии прошла хорошо. Но было тогда некоторое чувство неудовлетворенности. Мы тогда стремились попасть в части, которые участвовали в боевых действиях, а тут мы за сотни километров от фронта. И только после войны, после того, как я прочитал книгу адмирала флота Кузнецова Николая Герасимовича «Курсом к победе», я понял, что в действительности делала Волжская флотилия в 1943 году. Известно, что фашисты стремились перерезать Волгу – важнейшую транспортную артерию страны. Они считали, что этим нанесут Советскому Союзу непоправимый удар. Специалисты считают, что Волга по транспортировке грузов равнозначна десяти железнодорожным линиям. По Волге с юга шла нефть, другие грузы, имевшие огромное хозяйственное и военное назначение. Обеспечить безопасность судоходства на Волге - такую задачу решал ВМФ, Государственный комитет обороны (ГКО) в 1943 году контролировал это.

Враг усиленно минировал Волгу и бомбил суда. Наши тральщики обезвредили 600 мин врага.

Командование ВМФ и Волжской флотилии предприняли меры, чтобы выполнить требования ГКО. На флотилии было развёрнуто 429 постов противоминного наблюдения, на которых находились и мои друзья, бывшие курсанты объединенной школы, усилена противовоздушная оборона, суда Волжского пароходства переоборудовались в военные. Было создано 200 взводов ПВО и несколько артбатарей. Все эти и другие меры обезопасили Волгу от вражеской авиации. Фашистские самолеты совершали налеты, но часто не наносили вреда. Мины и бомбы не попадали в цель. А о состоянии перевозок по Волге докладывалось в ГКО, в Вставку Верховного Главнокомандования. Н.Г Кузнецов не один раз ездил на флотилию и помогал лучше организовывать работу.

За навигацию 1943 года по Волге было проведено восемь тысяч судов с грузами. Только нефтепродуктов было перевезено свыше 6 миллионов тонн. Наши потери были минимальными. Ни одна баржа не подорвалась.

Кузнецов вспоминает такой факт. Как-то в середине августа 1943 года Верховный Главнокомандующий Сталин спросил Кузнецова: «Ну как с перевозкой на Волге?» Кузнецов: «Неплохо». Сталин: «В победе под Курском есть ваш вклад, передайте это вашим товарищам». Похвала Верховного - это значило много для нас.

Радист бронекатера №3

Я был зачислен в группу радистов бригады речных кораблей. Работали много – мы несли радиовахту в две смены, занимались боевой подготовкой. По 12 часов в сутки сидеть с наушниками на голове было нелегко, но надо было. Я тогда получил хорошую практику как оператор, это пригодилось мне в последующей работе. Флагманский связист давал мне хорошую оценку.

А я стремился на бронекатер в качестве радиста. Мои требования флаг-связист удовлетворил. В августе 1944 года, за двое суток до выхода на боевое задание, я был назначен радистом бронекатера №3.

Служил в этой должности до конца войны. Это был очень интересный отрезок времени. Я обеспечивал связь, потом овладел специальностью пулемётчика и участвовал в

боевых действиях в двух ролях. Довольно успешно. В сентябре 1944 года я получил первую боевую награду.

В декабре 1944 года бронекатер №3 в кромешной тьме сел на мель на Дунае. Все попытки снять катер с мели не увенчались успехом, не смотря на то, что перезагрузили боезапас (200 снарядов), затопили кормовой отсек, кроме командира и одного матроса сошли в воду и толкали катер. Удалось столкнуть на метр-полтора. А уже брезжил рассвет, мы видели дома, нас, правда, не обнаружили пока. Обстановка создалась критическая, в такой ситуации гибель катера была неизбежна и экипажа тоже. Командир вызвал меня, объяснил серьёзность ситуации и приказал передать на флагманский катер просьбу о помощи, а всем не паниковать и держаться.

Я взялся за дело. К сроку все получилось, хотя я заметил, что передатчик на флагманском катере работает на частоте, которая больше назначенной. Тогда я стал ходить по шкале частот по полтора деления, и мне удалось связаться с катером и передать просьбу о помощи. Я чувствовал ответственность за весь экипаж. Когда я доложил командиру, что сигнал передан, он сказал: «Молодец». А потом раздалось: «Наш радист соображает». Это мне было лучшей наградой. Вскоре нам на помощь вышли два катера №4 и №7. Мы наблюдали, как они проходили под огнем мимо деревни, как их обстреливали. «4» осталась у этой деревушки, отвлекала огонь на себя, а «7» шла к нам. В считанные минуты она сняла нас с мели, и мы, теперь уже 3 катера, шли к своим. Нас, конечно, враг обстреливал, мы тоже вели интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь из орудий и пулеметов. Я по команде командира стрелял из крупнокалиберного пулемета, слышал, как по броне стучат вражеские пули. Но все прошло без потерь, и вскоре мы включились в состав дивизиона. Было много разговоров, но больше говорили о том, что вернулись без потерь, и что радист БК-3 оказался на высоте.

Вскоре мне было поручено держать связь с корпусом, по данным которого врагу был нанесен ощутимый урон. Благодаря отличной связи, дивизион имел такие результаты. За это я был награжден орденом Красной Звезды.

В марте 1945 года дивизион высаживался десант в селе Дуна Радвань (Словакия). Мне было тогда поручено вести огонь из крупнокалиберного пулемета. Я получил высокую

оценку. В наградном листе было сказано, что я обеспечил командира связью, а во время высадки десанта из своего пулемета уничтожил пулеметную точку противника, чем содействовал успеху десанта.

А в самом конце войны, 11 апреля 1945 года, БК-3 участвовал в высадке десанта в районе Венского моста. Бой шёл около 13 часов, участвовало 5 бронекатеров, (2 с десантом, а 3 подавляли огневые точки и отвлекали огонь на себя). Шел бой в центре Вены. Это была исключительно дерзкая акция, но бой завершился для нас успешно. Десант был высажен, около двух суток он отражал атаки противника. Противник восемь раз атаковал десантников, но гвардейцы отбили все атаки, уничтожили более двухсот фашистов, 16 пулемётов, 3 миномёта, захватили 40 пленных. Мост был спасен. Он был использован нашими войсками, а потом и жителями Вены, для сообщения между берегами Дуная. В дальнейшем мост отслужил свое и обрушился. Жители Вены соорудили на его месте другой и назвали его мостом Красной Армии. В 1985 году я был в Вене в составе туристической группы. Наш теплоход стоял около моста. Я видел на мосту табличку со словами «Морякам-гвардейцам от благодарных жителей Вены».

Не знаю, цела ли табличка теперь, но она вызывала у нас чувство гордости за подвиг наших моряков и солдат.

В бой до конца!

В бою, во время высадки десанта, я был ранен и контужен, но боевой пост не оставил, помогал тушить пожар – в катер попали два снаряда, которые вызвали пожар. Никто не дрогнул в бою, артиллеристы вели бой до конца.

Командир бронекатера лейтенант Глазунов В.Г. был смертельно ранен, пулемётчик Махортов был убит, ещё пять человек были ранены. Катер не потерял ход, рулевой Ковальчук, видя, что командир изувечен, самостоятельно вывел катер из-под обстрела.

Некоторое время я находился в госпитале, но упросил отпустить меня в часть, которая, как я убедил медиков, была недалеко.

Мы очень жалели погибших товарищей – Колю Махортова и командира Глазунова Вадима Георгиевича.

Обоих было жалко. Очень было больно смотреть на раненого командира, он был ещё в сознании, но через некоторое время, уже в госпитале, потерял сознание и скончался. Для нас он был примером, никогда не грубил, никого ни разу не оскорбил. Он обслуживал себя всегда сам, первым выходил на стирку белья, кушал всегда с нами.

Новая жизнь

Бой в Вене был последним у нас. Вскоре фашисты подписали акт о безоговорочной капитуляции, и наступила новая жизнь.

В 1946 году я поступил в военно-морское училище в Ленинграде, окончил его в 1949 году с одними пятерками. После этого служил на Камчатской флотилии в качестве политработника, в 1954 году поступил в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. В 1958 году окончил её с отличием, затем служил на Балтийском флоте в качестве заместителя командира подводной лодки по политическим вопросам. Я сдал экзамены и зачеты на право управления подводной лодки и приказом командующего флотилии был допущен к несению вахты и управлению кораблем в качестве вахтенного офицера.

Плавая на подводной лодке, я окончательно выбрал тему диссертации и стал над ней работать. В то время мечтал о преподавательской работе, и когда диссертация была обсуждена на кафедре и рекомендована к защите, я был назначен на преподавательскую работу. В этой должности я проработал вплоть до увольнения в запас по болезни в 1984 году. И затем 8 лет работал на той же кафедре, в качестве доцента.

Я читал лекции по курсу, вёл семинарские занятия, осуществлял научное руководство. Шесть моих студентов успешно защитили кандидатские диссертации.

На кафедре в те годы активно велась научно-исследовательская работа. Мы много внимания уделяли подготовке учебных пособий для советских и иностранных слушателей. Был руководителем авторских коллективов и редактором учебных пособий объёмом около 30 печатных листов. Был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» 3-й степени.

В 1992 году я уволился с работы. С тех пор активно работаю в ветеранских организациях, более 14 лет непрерывно являюсь председателем Объединенного совета ВМФ Московского комитета ветеранов войны.

Размышляя над тем, как проходила моя жизнь, я вправе сказать, что без ошибки выбрал в качестве основного занятия военную службу. Прослужил я 42 года. Участвовал в боях, получил боевые награды. Когда мы отмечаем очередную годовщину нашей Великой Победы над фашистом, я вправе сказать, что в этом есть доля и моего труда и капля моей крови. Я выполнил свой долг перед Родиной.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского государственного текстильного университета имени А.Н.Косыгина

- Ключко Мария Александровна

и

- Мищенко Ирина Николаевна

Мангушев Виктор Андреевич

Ремонт «Пантеры»

Родился я в 1922 году в Москве. Окончил школу с отличием и в 1940 году поступил на танковый факультет Московского высшего технического училища имени Баумана (МВТУ). Выбор был не случайным. Хотя в армии служить не собирался, я всегда с большим интересом наблюдал за прохождением танков на парадах на Красной площади, отмечая каждый раз новые конструкции и все изменения, повышающие боевую мощь танков.

Когда настало время выбирать профессию, решил стать конструктором танков и поступил на танковый факультет. Война круто изменила планы и жизнь. Сразу после окончания первого курса МВТУ меня призвали в армию и как студента танкового факультета отправили в 1-е Ульяновское танковое училище.

После окончания училища в ожидании распределения работал сборщиком танков на заводе в Нижнем Тагиле. В начале 1943 года я прибыл на формирование 4-й танковой армии, которое проходило в Кубинке под Москвой. Здесь я был назначен на должность заместителя командира роты по технической части отдельного танкоремонтного батальона.

Мое участие в Великой Отечественной войне началось в июле 1943 года, когда наша 4-я танковая армия вступила в тяжелые бои с танковыми армиями фашистской Германии на

Курской Дуге. В состав танкотехнической службы, кроме нашего батальона входили две эвакороты и два сборных пункта аварийных машин (СПАМ). Перед службой стояли задачи: в перерывах между боями восстанавливать вышедшие из строя танки своими силами, подготавливать и отправлять в тыл танки, требующие капитального ремонта, проводить техническое обслуживание, регулировочные и другие работы, добиваясь возвращения в строй максимально возможного количества танков, при ведении боевых действий эвакуировать подбитые танки с поля боя в укрытия или на СПАМы, а также восстанавливать их боеспособность на месте, по мере возможности.

Эвакуация танков под огнем противника была исключительно трудной задачей из-за того, что обычные эвакуационные средства подвести к подбитому танку было невозможно, а откладывать вытаскивание танка было нельзя, так как надо было спасать оставшихся в живых танкистов. Поэтому вместо тракторов применялись бронированные тягачи, представлявшие собой танки без башен, которые подходили к поврежденному танку, прикрывая экипаж тягача при закреплении буксирных тросов.

В боях за освобождение Украины и Польши мы приобретали все больший боевой опыт. Увеличивалось число спасенных танкистов и возвращенных в строй танков. За мужество и отвагу всему личному составу батальона было присвоено звание «Гвардеец», многие награждены орденами и медалями.

Однажды, в Польше произошел не совсем обычный случай. В одном из боев на поле боя появился новый по тому времени немецкий танк «Пантера», который внезапно остановился, а через некоторое время экипаж стремительно покинул танк и скрытно бежал в расположение немцев. Бой закончился отступлением немцев, которые бросили свой танк.

От командования мы получили задание завести двигатель и обеспечить движение трофейного танка своим ходом, поскольку видимых повреждений на нем не было. Однако, наши попытки успехом не увенчались. Слишком не похоже было устройство механизмов на устройства на советских танках. Бросалось в глаза большое количество гидравлических устройств.

Поэтому меня, как знающего немецкий язык, послали в лагерь военнопленных возле города Изяславль на Украине с тем, чтобы найти среди пленных знающих этот танк и привезти их в батальон. Через двое суток я вернулся оттуда с унтер-офицером, который был водителем танка «Пантера», и солдатом, ранее работавшим на сборке танков.

Водитель, осмотрев танк, сообщил, что неисправность, видимо в гидроприводе механизма пуска. Но в таких случаях в немецкой армии экипажу категорически запрещено разбирать и собирать гидравлические устройства и производить другие работы с ними. Солдат же сказал, что на заводе, где он работал, такие танки не собирали. Теперь все стали смотреть на меня, как на заместителя командира по технической части.

Чтобы выполнить задание командования, оставалась рискованная, но единственная возможность – разобрать и проверить техническое состояние центрального распределительного устройства. Такое решение я и принял.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что мы нашли в гидросистеме сломанную пружину клапана, что одновременно нарушало работу системы пуска и системы управления коробкой передач. После устранения этой неисправности гидросистема была успешно собрана, и танк своим ходом был направлен в тыл под красным флагом, чтобы никого не смущали черные кресты на башне.

4-я танковая армия, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, двигалась в составе 1-го Украинского фронта в направлении на Берлин. Бои за взятие столицы Германии начались 21 апреля 1945 года. Немцы отчаянно сражались за каждый квартал, каждую улицу, каждый дом. 30 апреля было водружено Знамя Победы над Рейхстагом, но бои в отдельных районах города продолжались вплоть до 2 мая, когда уничтожались отдельные очаги сопротивления. В этот день мы уже находились в центре Берлина, недалеко от Рейхстага, обеспечивая помощь танкистам, хотя следует отметить, что необходимости в такой помощи становилось все меньше и меньше.

На улицах Берлина прямо на тротуарах сидели тысячи, если не десятки тысяч, безоружных немецких солдат, прекративших сопротивление и ожидавших решения своей судьбы. Они сидели под сохранившимися лозунгами

гитлеровцев «Берлин был и останется немецким», «Немецкая армия непобедима», «Фюрер с нами» и многими другими, подобными этим. А из каждого без исключения окна свисали белые полосы, полотенца, куски материи, которые означали, что жители Германской столицы признали капитуляцию.

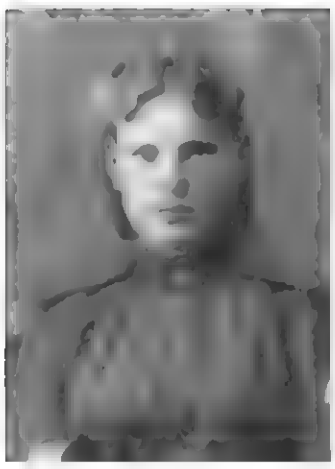
Сразу после взятия Берлина 4-я танковая получила приказ совершить бросок через Рудные горы на южной границе Германии и принять участие вместе с другими частями и соединениями нескольких фронтов в разгроме группы армий «Центр», дислоцировавшейся в Чехословакии в районе Праги, которая вела бои и уклонялась от капитуляции советским войскам.

Наш батальон обеспечивал бросок частей армии с задачей не допустить ни одной остановки, ни одного танка по техническим причинам. Наши подвижные посты полностью выполнили эту задачу и 9 мая 1945 года мы вступили в Прагу, где немецкие войска, поняли бесперспективность сопротивления и капитулировали. Жители Праги восторженно встречали наши войска, дарили цветы, угощали и просили подарить что-нибудь «на памятку»: очки, звездочку со шлема, знаки различия или нашивки – словом все, что могло бы напомнить об этом историческом дне. Так мы встретили День Победы, о котором официально было сообщено несколько позже.

Эти дни и годы все дальше уходят в прошлое, но навсегда останутся в памяти и горечь потерь, и радость побед, и сознание того, что наше поколение честно выполнило свой долг.

После окончания Великой Отечественной войны я окончил Бронетанковую академию имени Малиновского и работал здесь же на должностях преподавателя, старшего преподавателя и начальника кафедры двигателей.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь студент 3 курса Московского авиационного института - ***Синявский Вячеслав Александрович***



Назарова Пелагея Андреевна

Я, мой расчет и ДШК

Я родилась 19 апреля 1924 года в городе Ряжске Рязанской области.

В 1931 году поступила в Марчуковскую среднюю школу. За время учебы в школе я состояла сначала в пионерской, а затем и в комсомольской организации. Школу я закончила в 1939 году. В этом же году поехала учиться в Москву, где поступила в Железнодорожный техникум №34 на специальность «Дежурный тяговой подстанции».

О войне узнала во время занятий. В нашей группе было много девочек, но мы не испугались, мы просто не могли поверить. Ведь еще совсем недавно говорили по радио и писали в газетах о том, что Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией. В тот момент мы еще не осознали весь ужас случившегося, не осознавали весь смысл этого страшного слова - война. После передачи этого сообщения занятия были прекращены и нас отправили по домам. Мы с подругами отправились в общежитие, по дороге обсуждая услышанное сообщение. Мы яростно спорили о том, что же такое война. Ведь о ней мы знали только из учебников. Наутро следующего дня началась срочная эвакуация.

В то время я заболела малярией и была вынуждена уехать на родину в Рязанскую область, где меня поместили в городскую больницу. Находясь в больнице, я постепенно стала осознавать весь ужас случившегося, мне очень хотелось поскорее вылечиться и отправиться на фронт, чтобы внести

свой вклад в дело разгрома фашистов. Но врачи меня не отпускали, потому что болезнь моя была не до конца побеждена, да и возраст мне тогда не позволял. Мне было всего лишь 17 лет. По радио каждый день передавали, что наши войска отступают и несут огромные потери в людях и технике. Перед моими глазами проплывали картины страшных событий, я представляла, как отступают наши солдаты, как они цепляются за каждый клочок родной земли, как они борются за родные дома, села, города и как беспощаден враг, как он уничтожает все, что нам так дорого, убивает наших солдат, женщин и детей. И от этих страшных мыслей мне хотелось вскочить, взять винтовку и идти на подмогу нашим войскам, хотелось встать с ними в один строй.

Осенью 1941 года ещё в больнице я узнала страшную новость о том, что фашисты приблизились к Рязани и находились в 30 километрах от нее. Это чувствовалось и в постоянных бомбежках города. К счастью ни один снаряд не попал в здание больницы. Ближе к концу осени, когда я выписалась из больницы, я узнала, что 26 октября 1941 года городским комитетом обороны под председательством 1-го секретаря обкома ВКП(б) С.Н. Тарасова из добровольцев был сформирован рабочий полк. Я вступила добровольцем в ряды рабочего полка, ведь на фронт мне было еще рано, хотя и очень хотелось.

Полк занимался оборудованием оборонительных сооружений, рытьём траншей и установкой противотанковых ежей. Очень часто во время работ были налеты вражеской авиации, при которых мы старались скорее укрыться, чтобы сохранить наши жизни, ведь они были так важны фронту. Не все успевали. На моих глазах от вражеских снарядов гибли люди, которых я хорошо знала. Мне было очень больно видеть это, в моем сердце все больше росла ненависть к врагу и желание бить и уничтожать его, освобождая родную землю. И несмотря на то, что работать приходилось по 16-18 часов в сутки, на дворе стоял месяц ноябрь, и погода была очень холодной, настроение у всех было боевое, хотелось взяться за винтовки и отомстить врагу за погибших товарищей. Нам очень хотелось помочь фронту. И было очень больно и обидно слышать по радио о том, что наши войска продолжают отступать и нести большие потери.

Но вот в начале декабря 1941 года по радио прозвучала первая радостная новость за последние месяцы о том, что на подступах к Москве, сердцу нашей Родины, понеся огромные потери, враг остановлен! Это была долгожданная новость, которой нельзя было не радоваться. Все искренне надеялись, что враг будет остановлен и это произошло. Через некоторое время поступили еще более радостные новости о том, что наши войска перешли в контрнаступление. И это придало нам новых сил для работы и поселило в наших сердцах веру в победу нашего народа в этой войне. Вскоре враг был отброшен и от нашего родного города.

Весь 1942 год я провела на трудовом фронте в составе рабочего полка. Мы помогали восстанавливать разрушенные сооружения, разбирали завалы и делали многое другое, при этом всегда внимательно слушая радио.

В начале 1943 года, когда мне исполнилось 19 лет, меня призвали в армию в родном городе Ряжске в качестве рядового солдата. Оттуда нас, посадив на эшелон, который состоял из товарных вагонов, отправили в город Белгород. По дороге мы пели песни, шутили, иногда даже устраивали танцы, в общем, ехали как на праздник. Ведь было много сообщений о том, что враг отступает, продолжая нести большие потери. Совсем недавно наши войска отстояли город Сталинград, и теперь враг постоянно отступал на всех фронтах. От этих сообщений на душе становилось так радостно, что хотелось вступить в бой прямо сейчас, чтобы видеть собственными глазами как освобождается каждый сантиметр родной земли и как враг, отступая, несет невосполнимые потери. Но никто даже и не догадывался о том, как это будет страшно: как страшно и тяжело будет участвовать в боевых действиях.

По распределению я попала в войска ПВО. В 34-й отдельный зенитно-пулеметный батальон. Командиром батальона был майор Гришин. Наш расчет состоял из шести человек: командир расчета, наводчик, помощник наводчика, заряжающий и подносящий боеприпасы. В нашем расчете были одни девушки, и лишь командир - мужчина. Командир нам достался хороший, заботился о нас, в обиду не давал, да и сам не обижал. Жаль только фамилии я его не запомнила, а звали Николаем. Звание у него было старший сержант. Девушки у нас собрались из разных краев нашей необъятной

родины. И с Украины, и с Белоруссии, и из Узбекистана. Была у нас даже одна москвичка. Моих землячек ни в расчете, ни даже в батальоне не было. Меня назначили наводчицей.

Орудие, которое мне доверили, называлось ДШК (крупнокалиберный пулемет, калибра 12,7 мм). Поначалу меня испугал вид и размер оружия, но вскоре после нескольких занятий я привыкла к нему, а в последствие даже и представить не могла себя без него. Сидя за этим орудием, взяв вражеский самолет на прицел и нажав гашетку, я считала, что наши войска не доступны для вражеских самолетов. И когда было видно, как пули веером улетали в небо, становилось немного обидно, что они не попадали в предназначенную для них цель.

В наши задачи входила оборона таких стратегически важных объектов, как железнодорожные мосты и железнодорожные станции от налетов воздушной авиации противника. Также мы создавали прикрытие при переправах войск. За время войны наш расчет сбил 38 самолетов. Это был наш небольшой вклад в дело разгрома фашистских войск, в дело освобождения нашей Великой Отчизны.

Шел очень сложный период войны: нехватка продовольствия отнимала так нужные в то время силы, иногда приходилось голодать по нескольку дней. Все, что приходилось видеть на столе – это сухари и сухие пайки, очень редко приходилось нам перекусить горячим бульоном.

В день могло состояться несколько боев, так что даже отдохнуть было некогда. А когда все же появлялась минутка на отдых, кому-то доставался важный пост по охране орудий. Часто этот пост доставался и мне, и по отзыву командира нашего расчета я лучше всех справлялась с этой задачей. Да и без лишней скромности скажу, что расчет наш был лучшим во всем батальоне. Так нам говорили очень часто при подведении итогов по окончании боя.

В 1944 году в одном из боев я получила легкое ранение в ногу. Лечение проходила в госпитале №42 в городе Минске, где я пробыла 1,5 недели, после чего вернулась на фронт. Дорога эта на фронт выдалась тяжелой, но мне повезло, и я вернулась в свой батальон и даже в свой расчет. Расчет наш за время моего отсутствия сильно изменился, половину девушек я не знала. Но вскоре мы познакомились и подружились. Со

многими из них я стала переписываться после окончания войны. Многих из них уже нет в живых к моему глубочайшему сожалению.

В те дни мы шли по новой незнакомой для нас земле. Видели незнакомые нам города, но долго мы в них не задерживались, продолжая наступать. Враг в это время постоянно отступал и мы чувствовали, что победа уже не за горами.

Войну окончила под Берлином в составе 34-го отдельного зенитно-пулеметного батальона, в звании ефрейтора. Мы отвечали за прикрытие тылов. За время войны состав нашего расчета сильно изменился. Командир наш остался жив, а вот многие мои подруги погибли. Вечная им память!!!

Домой вернулась в июне 1945 года на поезде. Доехав до родного Ряжска, сошла на станции. На станции мою соседку по вагону ждал её жених на машине. Она попросила его довести меня до деревни. Но юноша в деревню заезжать не стал, а высадил меня чуть раньше, так что до дома я добиралась пешком. Когда я вошла во двор, меня поначалу никто не заметил, я стояла некоторое время и озиралась вокруг, так много времени прошло, что я узнавала столь родной мне пейзаж. В душе я была очень рада тому, что я вернулась, что осталась жива, что сумела пройти все невзгоды войны и не сломиться, не потерять веру в соотечественников, стоявших рядом, и в саму себя, что помогла своему великому Советскому народу одержать победу в этой страшной войне.

Мой боевой путь проходил через города: Брянск, Смоленск, Орша, Минск, Кобрин, Брест, Варшава, Лодзь.

Мои награды:

- орден Отечественной войны II-й степени, №3020282 (Указ от 11 марта 1985 года);
- знак «Фронтовик 1941-1945», к 55-й годовщине победы в Великой Отечественной войне;
- медаль «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», указ от 12 апреля 1985г, выдана 5 мая 1985года;
- медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР» (указ от 26 декабря 1967 г., выдана 4 ноября 1968 г.);
- медаль Жукова (указ от 20 февраля 1997 г);

- медаль «70 лет Вооруженным Силам СССР» (указ от 28 февраля 1988 г., выдана 16 февраля 1988 г.);

- медаль «В память 850-летия Москвы» (указ от 26 февраля 1997 г.);

- медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (указ от 22 марта 1995 г., выдана 19 февраля 1996г.).

Май 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь, курсант 4–го курса факультета военного обучения Московского государственного агроинженерного университета имени В.П. Горячкина - ***Севостьянов Алексей Владимирович***

Наумкина (Бутылочкина) Елизавета Петровна

Боевая дорога «сестрички» - от Подмосковья до Карпат

Я родилась 1 марта 1925 года в селе Гальяново, которое находилось в 7 км от Москвы.

Детство у меня было тяжелое. Росла я без матери, которая умерла, когда мне было 2 года. Жила с отцом, мачехой и братьями: моим родным – Валентином и двумя сводными: Павлом и Сергеем. Мачеха относилась ко мне хуже, чем к своим детям, часто ругала и наказывала.

В школу с 7 лет, как всех детей, меня не отдали, а отправили к папиной сестре Марии Петровне – сидеть с ее 2-летними детьми, хотя я сама была еще ребенком. У тети Мани прожила около года.

Когда я пошла в школу, мне было 9 лет. Пошла как Филиппок, по собственному желанию. 17 сентября 1934 года мы с братом рыли картошку на участке. Мы были одни дома, так как папа работал, а мачеха уехала к своей матери в Щитников. В моей детской головке появилась идея. Я побежала в дом, нашла в сундуке старенькое мамино платье, надела его, закрепила рукава, подпоясалась веревочкой и вышла на улицу. Подошла к брату и говорю: «Я пойду в школу!» И пошла.

Зайдя в школу, я встретила техничку, которая спросила: «Ты зачем, девочка, пришла?» Я говорю: «Учиться!» «Как

твоя фамилия, и почему ты без родителей?» Я сказала, что меня не хотят отдавать в школу учиться, так как надо сидеть с младшими братьями. Техничка попросила меня посидеть на лавочке и подождать учительницу Елизавету Мефодьевну, которая поговорит со мной. Я подождала, когда закончится урок. Через несколько минут ко мне подошла учительница и спросила мою фамилию и имена родителей. Я назвала имя папы, а про маму ничего не сказала. Учительница всё поняла и сказала: «Приходи завтра после обеда учиться».

Елизавета Мефодьевна стала моей первой учительницей и самой любимой из всех учителей. Она знала мою маму, и в молодости они были подругами. Это еще больше сближало нас.

В то время в школах давали все самое необходимое для обучения детей, и наша не была исключением. В первый же день мне дали учебники, тетради, ручки, карандаши и другие школьные принадлежности.

Потом я училась в Щитниковской школе. Но в 1941 году, когда я была в 8 классе, учеба моя прервалась – началась война.

Недалеко от нашего дома проложили асфальтированную дорогу, которая тянулась до Чкаловского аэродрома. По этой дороге любила прогуливаться молодежь.

Вечером устраивались танцы под гармошку, а утром мы любили обсуждать вчерашние гулянья и просто гулять на свежем воздухе. Одним таким июньским утром, 22 числа, мы решили с подругой прогуляться. Шли по дороге и вдруг услышали какие-то непонятные звуки, гудки сирены. Эти звуки доносились с заводов. Поблизости находился военный городок, в котором объявили воздушную тревогу. Со стороны военного городка началась стрельба, полетели осколки в разные стороны. Мы побежали. Нам встретился солдат, который сказал, что началась война, а стрельба идет от зениток. Тут мы услышали свист в небе, подняли головы – самолеты, фашистские. Они начали обстрел. Впереди мы увидели мостик и спрятались под ним, пока все не утихло.

В августе 1941 года всю молодежь отправили в Измайлово рыть противотанковые рвы. Рвы были шириной и глубиной 1,5 м. За такую тяжелую работу нам давали

маленькую горбушку хлеба. Все время хотелось есть, а есть было нечего. В стране был голод.

В начале 1942 года я устроилась на работу – на хлебозавод. Отработав полгода, поехала на все лето на лесозаготовки в Софрино. А когда вернулась на производство, всю молодежь отправили на шахты в Тульский подмосковный угольный бассейн. Условия были тяжелые. Жили мы в бараках, отапливались они очень плохо, поскольку топчан был из сырых досок. А на улице уже стоял декабрь 1942 года.

Утром, на следующий день после приезда, мы спустились в шахту. Это был настоящий ад. Кругом темно, все черное, пространство маленькое. Труд был неимоверно тяжелый, тем более для нас – молодых девчонок и мальчишек. Но проработала я там недолго, рванула на фронт.

На фронте меня определили в Донбасский район, город Мелитополь, в эвакогоспиталь 29-49 работать медсестрой. Работать начала 15 января 1943 года. Среди раненых, за которыми я ухаживала, был лейтенант Наумкин Семен Прокофьевич. Он лежал в госпитале уже несколько месяцев с тяжелой контузией головы, не мог ничего слышать и говорить, поэтому свои просьбы мог только писать на листке бумаги. Уже в первые дни нашей встречи между двумя стали пробегать искорки, подобные удару электрического тока. Я поняла, что влюбилась. Мне было 18 лет, ему 35, но разница в возрасте не помешала вспыхнуть жаркому огоньку в наших сердцах. Семен Прокофьевич не мог говорить, но мог писать. Он писал мне красивые слова на листке бумаги, и я по достоинству оценивала их. Но наша переписка длилась недолго. Вскоре Семен Прокофьевич пошел на поправку, и надо было выписываться из госпиталя. Но мы не расстались. Я пошла вместе с Семеном на фронт.

Нас отправили на 3-й Украинский фронт. На подступах к Киеву, в поселке Белая церковь началась бомбежка. Я была медсестрой, поэтому сразу надо было оказывать помощь раненым. Но судьба – вещь непредсказуемая. Через несколько дней после начала боя я сама получила ранение. Когда я на поле боя перебинтовывала руку раненому, около нас упала мина. Я получила многочисленные осколочные ранения и сильную контузию. Лежала в госпитале недолго. Хоть раны

зажили не все, нужно было выписываться, чтобы продолжать воевать.

После освобождения Киева мы освобождали Одессу, затем Молдавию (Кишинев). Когда дошли до Румынии, она уже была освобождена нашими войсками.

Добирались до Румынии через Днепр на танке. Когда вышли на берег в городе Галац, нас окружили со всех сторон торговцы и начали кричать: «Орус рубль – орус рубль!» Среди румынских торговцев очень ценился русский рубль. За 1 банкноту русского рубля торговцы могли продать все, что угодно – от фруктов, до обуви. В Румынии мы долго не задержались. Отправились освобождать Венгрию.

Это была весна 1944 года. Река Дунай вышла из берегов, и в стране началось наводнение. По воде плыло буквально все: постройки, скотина, даже дома.

В городе Секешфехервар на озере Балатон мы наткнулись на немецкую дивизию, которая рвалась к Дунаю, чтобы добраться до Будапешта. Мы помешали прорваться немцам к реке. Батеньку (так я называла Семена Прокофьевича) к тому времени перевели в УОС (усовершенствование офицерского состава).

Когда развернулся боевой плацдарм, недалеко от завода Шиманторий, мне, как медицинскому работнику, надо было сделать приемный медицинский пункт. Понятно, что в таких походных условиях невозможно было сделать что-то стоящее, но времени не было, а количество раненых увеличивалось. Вместо крыши положили брезент, вместо окон повесили простыни. Стали поступать раненые. Более-менее становилось тише. Вдруг раздался взрыв. В наш медицинский пункт попала зажигательная бомба, она загорелась, начался пожар. Раненых приходилось вытаскивать на себе. Вскоре немцам пришлось отступить, наши солдаты не дали им долго стрелять.

В Венгрии мы освободили Толну, Будакечи, где я лежала в госпитале, Будапешт и другие города.

30 апреля 1945 года мы вошли в Вену (Австрия).

1 мая состоялся парад войск, в котором участвовал и наш взвод. Когда мы шли строем под духовой оркестр, нас обстреляли с крыш близстоящих домов. Расслабляться нельзя было ни на минуту. В Вене долго не задержались. Чтобы немного развеяться и отдохнуть от боев, решили сходить в

зоопарк. Но веселья наш поход не принес. В клетках сидели истощенные и голодные животные, которые умирали у нас на глазах. Каждый из нас вытащил всю еду, что была в полевых сумках, и отдал бедным животным. Война не щадила никого.

8 мая мы форсировали небольшую речку, недалеко от Карпатских гор. Шли ночью. Нашу артиллерию везли на лошадях, поскольку техники не было. Шли по проселочной дороге через луг. Шли так ночь и день. Вскоре подошли к минному полю. Командир взвода Семен Прокофьевич приказал: «Идти друг за другом! 2 шага налево, 2 шага направо – мины!» Слава Богу, обошлось.

Наступил вечер. Стали подниматься в Карпаты. Начался проливной дождь, кругом слякоть, грязь. Идти было очень опасно. Дорога была шириной не более двух метров, с одной стороны – скала, с другой – обрыв. Кони боялись, пришлось их брать за узды. А мы своими плечами поддерживали повозки, в которых лежали снаряды. Так мы шли всю ночь. А когда поднялись, нас встретило яркое весеннее солнце. Мы шли по дороге, вокруг стояли, как русские девицы, березки. И так мне захотелось на Родину! Всем сердцем я почувствовала ностальгию по России. Но мечтать мне пришлось недолго. Из поселений, которые мы проходили, начался обстрел. Из нашего взвода ранили двух человек. Захватили 12 немцев, которых взяли в плен. Поехали дальше. На улице стемнело, наступила ночь. Мы заехали в лес, раскинулись лагерем. Было 9 мая, и мы знали, что война закончилась. Когда мы все расположились, надо было найти воду, чтобы умыться и постирать одежду, так как все были очень грязные. Мы стояли с Семеном. Я ему сказала, что пойду искать ручеек. К нам подошли два офицера. Один из них говорит: «Сестричка, не ходите, место непроверенное». И только он это сказал, как тут же раздался выстрел. По части – тревога. Все – за ружье. Наши солдаты стали прочищать округу. Около ручейка наш солдат нашел убитым помощника повара из нашего взвода, который пошел за водой для кухни. Так Господь уберег меня от смерти, потому что на месте повара могла быть и я.

Наши солдаты выловили много немцев, которые скрывались в лесу. Выйдя из леса с пленными, мы остановились на дороге. Наш командир распорядился, чтобы по правую сторону дороги немцы складывали оружие, а на

левой стороне мы постелили плащ-палатку и стали спрашивать у пленных по-немецки: «Ур–Ур!» («Часы есть?»). Набрали у них много трофейных часов. Наши солдаты навешали на руки часы, от запястья до плеча, и начали меняться друг с другом. «Махнем?» - говорил один другому. В итоге так «домахались», что часов ни у кого не осталось.

Я и сейчас вспоминаю их «махнем» с улыбкой на лице. Настолько это было весело, непринужденно, как дети играли. Мне тогда подарили, как «сестричке», швейцарские часы «Доха». Они у меня до сих пор хранятся, как память.

На этом наши военные дороги закончились.

Вернулись на Родину мы только в феврале 1946 года.

Демобилизовались 28 апреля 1946 года.

А 1 мая 1946 года мы с Семеном Прокофьевичем сыграли свадьбу.

Из нашей семьи в войне участвовали еще 2 человека – это мой отец Петр Петрович (родился в 1902 г.) и брат Валентин Петрович (май 1923 - 5 июня 1995 гг.). Брат вернулся с фронта весь искалеченный, с обезображенной рукой. Работал слесарем-лекальщиком на заводе в Москве.

Отец трагически погиб в битве под Москвой в 1943 году, в возрасте 41 года.

У меня пятеро детей: три дочери – Нина, Галина, Светлана и двое сыновей – Сергей и Игорь. Я очень счастливая бабушка, у меня семеро внуков и два правнука.

Семьи Нины, Галины и Игоря живут в Санкт-Петербурге. Семья Светланы живет в Бостоне, США. Семья Сергея живет в Киржаче, Владимирской области, где живу и я. Жизнь разбросала нас по свету, но несмотря на это мы не забываем друг о друге, ведь мы – одна семья, любящая и дружная.

Я бы хотела пожелать всем людям на Земле, чтобы они всегда помнили о своих родных и близких, заботились о них, уважали друг друга, меньше ссорились. Люди никогда не должны забывать про Господа Бога, почаще молиться и вспоминать о нем не только тогда, когда нам плохо, но и тогда, когда нам хорошо, благодарить за помощь.

И самое главное, чтобы не было войн, а был мир во всем мире, и солнце ярко светило над нашей Землей!

Мои награды:
- орден Отечественной войны II-й степени, Д № 625461;
- медаль «За взятие Вены», за участие в героическом штурме 13 апреля 1945 года. Медаль вручена 14 марта 1950 года. А № 258868.
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.». 20 июня 1950 года.
- медаль Жукова 19.02. 1996 г., Д № 0155672.
- медаль Материнства II-й степени. 15 июня 1960 г., Д № 378517.
- медали «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (28 июня 1966 г.), «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (28 октября 1975 г.), «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (22 апреля 1985 г.), «50 лет Вооруженных Сил СССР» (26 декабря 1967 г.), «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (22 марта 1995 г., Ц № 18143608), «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (24 апреля 2005 г., А № 2280918).

Занесена в книгу «Ветераны Великой Отечественной войны»

Февраль 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 3 курса, факультета машиноведения и управления качеством Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Наумкина Дарья Сергеевна***

Никитенко Ольга Григорьевна

После войны поменяла санитарную сумку на рюкзак…

Родилась я 28 декабря 1923 года в селе Красиловка Броварского района Киевской области. По национальности я украинка. Православная. Член КПСС.

До войны в 1939 году окончила 8 классов школы, а в 1941 окончила Киевский медицинский техникум. Когда началась война, я работала медицинской сестрой в детском саду. О войне я узнала сразу, причем, когда бомбили Киев, мы думали что это какая-то учебная тревога, но по радио сказали, что началась война.

3 сентября 1941 года была призвана в армию. Попала я в пехотную часть, служила в 92-й стрелковой бригаде. Отступали мы от Киева до хутора Михайловского (Сталинград), после прибытия в Михайловский нас расформировали и отправили в Уфу, после Уфы я уже попала на Северо-Западный фронт.

На Северо-Западном фронте я находилась в 53-й конно-санитарной роте, вывозила раненых с поля боя в медсанбаты, эвакоприёмники. Там начальник узнал, что я операционная сестра и перевел меня в эвакоприёмник № 132 на Северном, потом на 2-м Украинском фронте, где я работала операционной сестрой. Проработала я там с 1942 до 1944 года.

Со 2-м Украинским фронтом прошла я до города Брно (Чехословакия). Потом из Брно поехали воевать с японцами, это было в 1944 году. С 1944 по 1945 год воевала я в 54-й инженерно-саперной бригаде. Прошла от Украины до Праги через Молдавию, Румынию, Венгрию. Войну я закончила в 1945 году, в ноябре.

Мои награды:

- орденом Отечественной войны 2-й степени (№1067730);
- медалью «За боевые заслуги» (№651679, вручена в ноябре 1943 года начальником ЭП Антоневич);
- медалью «За взятие Будапешта»;
- медалью «За освобождение Праги» (№010944, вручена 1 ноября 1979 года);
- медалью «За победу над Германией» (№0423881, вручена 9 мая 1945 года);
- медалью «За победу над Японией» (№011544);
- юбилейными медалями.

Итак, 3 сентября 1941 года, когда меня мобилизовали, нас отвезли в Перятино. Ехали мы под бомбежкой. В Перятино нас расформировали и распределили по частям. Я попала в 92-ю стрелковую бригаду медсестрой. И вместе с этой бригадой я отступала (с пехотой) до Сталинграда, до хутора Михайловского. Это было в 1941 году. Попадали мы там и в окружение, и во всякие неприятности, и бомбило нас.

Был случай, с нами шел подросток и всю дорог периодически играл на дудочке. А как только мы садились отдохнуть, налетал самолет-«рама», и начиналась бомбежка. Оказалось, нас сопровождал мальчик-шпион, который передавал информацию о том, где останавливалась часть. И как только мы останавливались, нас начинали бомбить.

Так мы доехали до хутора Михайловский, бомбили нас, очень много было раненых, и очень плохое было обмундирование. Меня обмундировали примерно так: кто-то дал сапоги, кто-то дал гимнастерку, кто-то дал штаны. Подстригли меня. Вот так я и шла!

Когда мы уже приехали на хутор Михайловский, нас отослали в Уфу на формирование. Сначала мы попали в Рузаевку, с Рузаевки нас отправили в Уфу, а из Уфы мы уехали на Северо-Западный фронт. Я ехала в 54-ую конно-

санитарную роту. Ехали на северо-запад под Демьянск, Старую Русу, оттуда мы вывозили раненых. Были там бои очень страшные, местность была, конечно, лесистая, болотистая, дороги были – лежнёвки, и вот я эвакуировала раненых в ЭП-132, в медсанбаты.

Однажды был такой случай. Везла я «черепников» (больные с травмой головы) по лежнёвке, дорога очень плохая, я ехала на последней подводе. А немцы прикрепляли мины даже к деревьям. И вот закричал раненый на первой подводе, обоз остановился, и я пошла к первой подводе, села на неё, положила голову раненого себе на колени. Он попросил закурить, я сделала ему «козью ножку» (самодельная папироса), прикурила, отдала ему, и мы поехали. И вот когда мы поехали, та, последняя подвода, на которой я ехала до остановки, подорвалась на мине. Так что можно сказать, что этот раненый меня спас.

Я довезла этих раненых в ЭП-132. Начальник ЭП-132 узнал, что я операционная сестра и меня перевел к себе. Я стала работать в ЭП-132 операционной сестрой. Это были 1941-1942 годы.

На Северо-Западном фронте было много чего нехорошего: я, когда была в конно-санитарной роте, заболела, у меня начался аппендицит, температура была под сорок, меня прооперировали там же в медсанчасти, положили меня с «черепниками», начался обстрел, бомбежка. Все, кто мог, выскочили из этой палатки, я тоже побежала, у меня разошлись швы, потом все зашивали второй раз.

После ЭП-132 мы уехали на 2-й Украинский фронт. На 2-м Украинском фронте освобождали два раза Харьков, и дальше пошли по Украине.

Освобождали Украину, Румынию, Бессарабию, Молдову, Венгрию, Чехию, дошли до Праги. Под городом Брно я была ранена, контужена.

Под Брно, по моей просьбе меня перевели на передовую и откомандировали в 54-ю инженерно-саперную бригаду. Вот с инженерно-саперной бригадой я дошла до Брно.

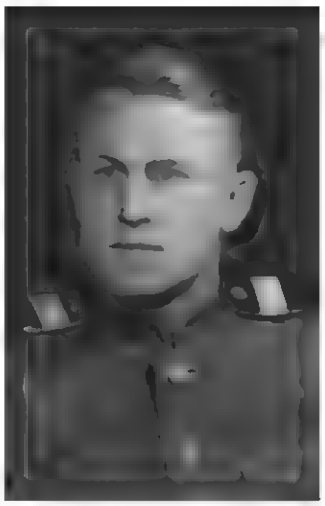
Война закончилась 9 мая, из под Брно нас посадили в вагоны и отправили воевать с Японией. Мы приехали в Чойбалсан, из которого мы шли через Хинган в Маньчжурию. Свою войну я закончила в Кайлу.

Вот такой мой боевой путь. Воевала я с 3 сентября 1941 года по 25 ноября 1945 года. И все время была в действующей армии. Во время войны было все. Было, что при отступлении попадали в окружение, и различные неприятности были, все было. Было очень тяжело, но дослужила.

Кончилась война, я вышла замуж. Приехала, поступила в медицинский институт. Муж мой был геологом, и он мне сказал, что врач ему не нужен, ему нужно, чтобы жена ездила с ним. Тогда я окончила Геологоразведочный техникум и Московский автодорожный институт. С того времени поменяла санитарную сумку на рюкзак.

Июнь 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2-курса факультета информационных технологий автоматики и энергетики Московского государственного текстильного университета имени Алексея Николаевича Косыгина - ***Луткина Юлия Михайловна***



Овчинников Иван Александрович

Раскаленный докрасна, ствол орудия разорвался от собственного снаряда

Я родился я 5 июня 1926 году в хуторе Пробуждённый Мартыновского района Ростовской области, здесь же окончил 4 класса, а затем учился в хуторе Рубашкино до 7 класса. Дальше учиться не пришлось, началась война.

В 1941 году мне исполнилось всего пятнадцать лет, и на фронт меня, конечно, не призвали. Воевать ушел мой отец, а мы вместе с бабушкой, матерью и сестренкой остались работать в колхозе – выращивали хлеб для Красной Армии, ухаживали за колхозным стадом. По ночам вместе с хуторскими комсомольцами несли дежурство – следили, не высадился ли фашистский десант.

А в июле 1942 года через Пробуждённый и окрестные хутора отступала наша кавалерия. Бабушка посоветовала матери с нами идти в ближний хутор – авось, обойдёт война стороной. Но и там немцы появились через два часа. А когда сгоняли наших пленных – с ними случайно оказался и я. Дело в том, что после отхода наших частей я нашел среди повсюду валявшихся вещей еще добрую гимнастерку, красноармейскую фуражку и нацепил на себя. Понимал, что рискую, но так хотелось ощутить себя солдатом. Меня приняли за красноармейца и отправили в общем строю рыть окопы. Дернулся было бежать – солдат так стеганул плетью,

что еле устоял на ногах. Один из фрицев выдернул меня из толпы, обвешал пулемётными лентами, дал в руки какой-то ящик и приказал: «Ком!» В саду, в метрах за 700 от хутора, велел рыть окоп. Когда было готово – накормил и послал за сеном: устлать дно. Дал еще еды и скомандовал: «Домой!» В этой переделке родные натерпелись такого страха, что весь следующий день я просидел в заброшенном сарае.

В 1942 году началась оккупация Ростовской области. Пять месяцев мы жили на оккупированной территории. Хлеба тем горьким летом сильно перестояли: убирать было некому и не на чем. Селяне, как могли, делали запасы. На перетертом зерне, приправленном лебедой да бурьяном, и выживали.

А в январе 1943 года в хутор вошла наша разведка. Вкуснее солдатской каши, которой бойцы угощали в этот день, я, кажется, ничего не ел.

Мне шёл семнадцатый год, я рвался на фронт. Вскоре меня и еще семь хуторян вызвали в военкомат. Как велико было огорчение, когда меня отправили обратно домой – ростом, видите ли, не вышел! Я был ростом 1 м 40 см. И полковник Семисошенко – комиссар военкомата Мартыновского района велел мне подрасти. Я возвращался домой и чувствовал себя самым несчастным – остальных-то взяли. Но, как оказалось, это несчастье обернулось для меня удачей. Все семеро земляков погибли под Таганрогом: их необученных, необстрелянных, сразу отправили на передовую.

14 мая 1943 года я был призван в ряды Красной Армии. Пешком дошли до Белой Калитвы, и в угольных вагонах нас привезли на станцию Варапоново, что в трех километрах от Сталинграда. Я видел этот город в руинах и до сих пор уверен, что его осада – не меньшая трагедия, чем ленинградская блокада. Новобранцев обязательно возили на экскурсию в дом Павлова и в подвал, где взяли в плен фельдмаршала Паулюса. А потом нам велели хоронить фашистов. Не знаю, была ли необходимость предавать противников земле таким жестоким способом? Из балок, из-под завалов мы извлекали тела с помощью специальных крючьев, стаскивали их в блиндажи, которые потом засыпал землей бульдозер. Солдатскими медальонами с фамилиями никто не интересовался. Возможно, в то время по-другому и быть не могло? Накопилось слишком много горя, ненависти, жажды мести.

Здесь же под Сталинградом в составе 46-го запасного стрелкового полка в течение полутора месяцев я проходил обучение. Затем на пароходе ростовчан (их был целый полк) переправили в Казань в зенитно-артиллерийский полк №1874. А в августе полк направили в действующую армию, в город Бахмач Сумской области. Здесь вели бой 1-й, 2-й и 4-й Украинские фронты. Зенитно-артиллерийский полк №1874 воевал в составе 2-го, а потом 4-го Украинского фронта.

Очень тяжелое впечатление о войне было на украинской станции Бахмач. Наших солдат привели к городскому саду. Там лежали сотни тел мирных жителей, которых расстреляли фашисты перед отступлением. Молодая женщина навечно застыла с малышкой на руках. Шею женщины обмотали её роскошной черной косой и затянули как удавкой. Мы не могли сдержать слез. А какие чувства испытывали к врагам ребята, чьи семьи погибли или перенесли оккупацию?!

Вплоть до марта 1943 года охраняли мы станцию Бахмач, которая действительно была важным стратегическим объектом. Немцы просто спали и видели, что уничтожили станцию, где, готовясь к освобождению Киева, сосредотачивались наши войска. Необходимо было отражать постоянные бомбежки и регулярные налеты вражеской авиации.

Самый страшный бой мне пришлось пережить у Конотопа. Главной задачей, поставленной перед нашим дивизионом, была охрана стратегически важного моста через реку Сейм и расположенного неподалеку аэродрома. В полночь с 10 на 11 мая 1944 года начался налет. Я был в 1-м взводе, 1-я батарея, 1-е орудие, командир взвода Пустовид, командир орудия Копачёв.

Фашистам во что бы то ни стало надо было уничтожить мост, и они подняли в небо одновременно пятьдесят бомбардировщиков. В ночи раздавался страшный гул от рева их моторов. Затем они сбросили осветительные бомбы. Немцам-то все видно, а их самолеты в темном небе неразличимы, нам пришлось вслепую вести заградительный огонь. Прежде всего, конечно, старались сбить осветительные бомбы. Что творилось, какой грохот стоял, какого нечеловеческого напряжения сил потребовало это сражение, но мы выстояли. Мост сохранили. Как потом оказалось, за три

часа только нашим орудием было выпущено 375 снарядов! Я передал, что откат орудия 180 – стрелять нельзя, а через 3-5 минут, раскаленный докрасна, ствол орудия разорвался от собственного снаряда. Я стоял рядом, почему-то все осколки полетели вперёд, меня выбросило на выездную парель. Первый номер был ранен, я (заряжающий) - контужен, а у командира орудия оторвало рукав шинели, не задев руки: он отдавал команды, накинув шинель на плечи. Второй номер убит.

Этот жестокий бой я запомнил, как самую великую битву, в которой мне довелось участвовать в годы Великой Отечественной войны. За этот бой мы были представлены к наградам. Правда, свою медаль «За боевые заслуги» я получил уже в Польше, в городе Сухо. В том жестоком бою я был контужен. Подлечившись в госпитале, вернулся в родной полк и прошел с ним Польшу, Румынию, дошел до Чехословакии. Победу встретил в городе Сухо в Польше.

После жестокого боя за мост через Сейм наш полк охранял большой госпиталь 4-го Украинского фронта, который немцы во что бы то ни стало старались уничтожить, фашистские самолеты налетали группами – от трех до семи. Зенитки отразили все их атаки и спасли госпиталь 4-го Украинского фронта.

Трудным был фронтовой быт. Зенитчики жили в землянках по семь человек. Спали на земляных нарах, не раздевались и не разувались. Шинель служила и «матрасом», и «одеялом».

Свою землянку и орудие охраняли по очереди. Когда не было обстрелов, читали книги, письма из дома, и свои, и товарищей, перечитывали по нескольку раз. Командир взвода проводил с бойцами занятия по изучению материальной части орудия. Редко удавалось посушить портянки у «буржуйки».

Портянки сушатся, а ноги-то - в ботинках с обмотками: ведь в любую минуту можно было услышать команду «к бою». Самолеты летели с большой скоростью, и дело решали секунды.

Я два с половиной года понятия не имел, что такое матрац, подушка.

После Конотопа мои военные пути-дороги проходили через Киев, Дарницу, Черновцы, Румынию и Польшу, где и

встретило меня долгожданное известие о Победе. Радости было много, все стреляли, не жалея патронов.

Поразила Европа меня, тогда я впервые понял, что такое частный крестьянский уклад. Как-то мчались мы на «Студебекере» мимо садовых наделов польских крестьян. Зрела вишня. И до того всем захотелось ягод – чуть не завалили дерево, чтоб увести с собой. Но водитель от такой вольности удержал. Тогда вскарабкались мы, цепляясь за гибкие ветви сапогами, в ароматную гущу и стали рвать вишни. Откуда-то со стороны послышалось отчаянное: «Пане, пане, не надо так!» Подбежавший хозяин разулся, полез на дерево босиком, стал рвать ягоды сам.

В 1945 году начали борьбу с бандеровцами.

После войны я еще пять с половиной лет служил в Советской Армии. Наш полк расформировали, а меня направили в учебный батальон 416-го зенитно-артиллерийского полка, который располагался в нынешнем Ивано-Франковске. Через полгода мне было присвоено звание старшины. Затем направили в Карпаты, в город Мукачево. 796-й минометный полк, в котором я проходил службу старшиной 11-й батареи, называли горно-вьючным: 120-миллиметровые миномёты были заменены на 160-миллиметровые, которые были прикреплены к «Студебекерам».

Я принимал новобранцев 1928, 1929 и 1930 годов рождения. Вместе с ними служили и те, кто прошел суровую школу войны. Комбат у нас был очень строгий. Командиры взводов и отделений добросовестно обучали солдат.

Структура в армии была другая, не такая как сейчас. Все задачи выполнялись безупречно. Конечно, нарушение дисциплины имелось, но виновников наказывали несколькими нарядами вне очереди, не унижая человеческого достоинства.

14 октября 1950 года я демобилизовался, а 20 октября, через семь с половиной лет, вернулся на родину, в хутор Пробуждённый. В армии окончил партийную школу. Гражданской специальности, как и у многих фронтовиков, ушедших на войну мальчишками, у меня не было. После войны окончил вначале техникум, а потом институт.

Как раз началось строительство оросительной системы. Меня приняли на работу в «Донтоннельстрой» инспектором

отдела кадров. Проработал я на этом месте месяц и понял, что это не моё дело. Добрый человек, начальник отдела снабжения, направил меня в Красноармейск на полугодовые строительные курсы. После окончания курсов работал в «Донтоннельстрое» мастером, старшим мастером, прорабом и старшим прорабом.

Оросительный канал преобразовал донские степи: с 1954 года на Дону начало развиваться виноградарство. С 1958 года я перешел на работу в «Донвино». На заводе железобетонных изделий начал трудовую деятельность мастером, а закончил директором завода. В 1986 году ушел на пенсию, имея трудовой стаж 44 года 8 месяцев и 7 дней. Со своей женой, Марией Григорьевной, я познакомился в хуторе Пробуждённый в 1951 году. В этом году 58-летие совместной жизни. В нашей семье три дочери, три внучки и один внук Денис. Он служил в рядах Вооружённых Сил России, тоже в зенитных войсках.

Считается, что человек должен за свою жизнь построить дом, вырастить ребенка и посадить дерево. Дома я строил, деревья сажал, детей вырастил – так что с основной своей жизненной задачей я справился.

Награжден я двумя боевыми наградами: орденом Великой Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги» и всеми юбилейными медалями. В Волгодонске есть Совет ветеранов зенитно-артиллерийского полка №1874. Председателем совета ветеранов полка является Сергей Петрович Ковалев, а его заместитель я. Кроме Волгодонска, ветераны полка живут в Сальске, Большой Мартыновке, Цимлянске.

Ещё кипит в жилах горячая кровушка, ещё блестят молодецки глаза. И, Бог даст, не одну годовщину Победы встретим доброй чаркой. Поминая павших. Любя живых.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 3-го курса факультета машиностроения и управления качества Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина – ***Календарев Артем Вадимович***

Орлов Николай Григорьевич

Зубами вырывала из меня злосчастную пулю

Я родился 18 марта 1922 года в деревне Сапегино Гагаринского района Смоленской области.

Родители мои, отец Григорий Константинович и мать Анна Дмитриевна были крестьянами. Деревенька наша в двадцать домов располагалась вдалеке от райцентра Карманова и в 30-ти км от ближайшего городка Гжатска (ныне город Гагарин).

В начальную школу приходилось ходить за пять верст через болота и дремучий лес. Школа находилась в хуторе Вельмеж, что на Великой меже Московской и Смоленской губерний, и соседствовала с необыкновенно высокой и красивой церковью. Сейчас нет ни родной деревни Сапегино, ни Вельмежа. Все сгорело в топке минувшей войны. В апреле 1942 года, после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, линия фронта установилась в том районе как раз по Великой меже. Вот почему и нет многих деревушек в лесах Смоленщины.

Средней школы поблизости не было, поэтому меня отправили за 15 верст от родного дома в ШКМ (школа колхозной молодежи), где я продолжил учебу. Это была школа-интернат, которая располагалась в бывшем дворце Голицыных. Большой и прекрасный дворец Голицыных

поразил мое воображение. Перед дворцом - пять каскадных прудов. Вокруг дубовые рощи и поля, на которых трудились мы, школята. Жили и учились прямо во дворце.

Самообеспечение - основа нашей интернатской жизни. Пахали, сеяли, сажали, растили, убирали урожай своими руками. Из учащихся были созданы хозяйственные бригады по выращиванию той или иной сельскохозяйственной культуры. Время от времени происходила смена занятий. Скажем, в этом сезоне бригада учеников отвечала за производство ржи, на следующий год или раньше - за выращивание овощей. В интернате была и своя живность: лошади, коровы, свиньи и овцы. Учеба и работа - это то, что выпало на долю нашего поколения.

В ШКМ я с удовольствием проучился около трех лет. Доучиться до последнего, восьмого класса не получилось, случилась беда. Пожар уничтожил дворец-интернат. Освещение тогда было керосиновое. Одна из бригад оплошала при заправке ламп. Вспыхнул чердак, а за ним и весь дворец. Остатки дворца в Самуйлове до сих пор хранят память о событиях тех далеких тридцатых годов.

Тяжелое, непростое время коллективизации повлияло на жизнь нашей семьи. Отец мой, Григорий Константинович, коллективизацию не принял, хотя сражался в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) и с Гражданской войны вернулся с разрубленным белогвардейской шашкой плечом. Он покинул деревню и уехал в Подмосковье на заработки. Мастер на все руки, даже валял валенки, устроился плотником на ныне Чкаловский аэродром.

Мать приняла новый уклад жизни. Имея четыре класса образования, была избрана председателем первого в районе колхоза (ей было тогда 32 года), а вскоре возглавила сельский совет.

В 1937 году семья переехала к отцу в Подмосковье. Нас было пятеро в «десятиметровке» в бараке с кухней на 50 семей. Эх, как весело жили! Единой дружной семьей. «Один за всех, и все за одного» - девиз той нелегкой нашей жизни.

Учебу я продолжил в поселке Чкаловском, в школе №6 имени Ворошилова. Приняли меня в 7-й класс. Трудно, очень трудно было учиться в этой школе, где, в основном, учились дети летчиков. Кое-как справлялся, пригодился опыт

интерната. Обязательная самоподготовка под руководством ведущего учителя еще осталась в крови. Как сейчас вижу: в огромном зале за партами до двухсот учеников. По очереди парами крутим динамо-машину и при тусклом свете «грызем гранит» знаний. Попробуй, уклонись.

В это же время всем классом поступили в Щелковский аэроклуб. По окончании 8-го класса многие решили идти в военные училища, большинство, и я в том числе, - в лётное. Аэроклуб давал путевку. Мечта многих сбылась, но не моя: перед допуском к самостоятельным полетам я не прошел медкомиссию.

Горевал недолго. Щелковский военкомат направил меня в Орловское бронетанковое училище имени М.В. Фрунзе. С комсомольским билетом, букетом значков на груди: «Готов к труду и обороне» всех степеней, «Ворошиловский стрелок» и холщовой сумкой с учебниками прибыл в августе 1939 года в город Орел.

На птичьих правах

Моя история, связанная с поступлением в бронетанковое училище, кажется невероятной. Первые незабываемые впечатления от училища память хранит и сейчас. Во дворе училища смотр строя, таких как я. Старшина ведет в огромную столовую, дает 20 минут на завтрак. Через два часа первый экзамен. Так нас встретило училище. За два дня экзамены приняты: диктант, физика, математика, геометрия.

Между экзаменами - медкомиссия. Меня уже допустили на мандатную комиссию, и я обрадовался, что поступил, но не тут-то было. Вопрос о приеме в училище можно будет рассматривать только после лечения воспаления правого уха. Так меня и отфутболили. Но какую-то бумагу все же на руки дали.

Вернулся домой. Меня жалели, мол, провалился. Я обратился к врачам. Оказалось, у меня глубоко в ухе сидит пистон от пугача. Подлечился и снова отправился в училище.

К 1 сентября съехались со всей страны зачисленные в училище курсанты. У всех на руках документы о приеме, а у меня «филькина грамота». Но мне повезло, документы принимал капитан-кадровик. Взял он мою бумажку и, не разворачивая, направил меня в 1-й взвод лейтенанта Чухно, 2-

й роты капитана Каменева. Вместе с ребятами нашли и роту, и Чухно. Нас одели, обули, место в казарме дали. Учусь себе, в ус не дую. Вдруг получаю из дома письмо: «Как же ты, сынок, нас обманул? Пишешь, что находишься в училище, а мы получили все твои документы с припиской: возвращаем в связи с незачислением в училище по состоянию здоровья. Эх, Коля, Коля. Храни тебя Бог». Что делать? Молчу как рыба. Учусь неплохо. Лейтенант Чухно выдвинул меня на командира отделения. Два треугольника на петлицах.

Но вот как-то вызывают меня к начальнику училища, полковнику Чернявскому. Со мной командир роты капитан Каменев и лейтенант Чухно. Дрожу, весь в поту. Что-то будет? Пришлось держать ответ. На вопрос начальника училища, как я оказался в училище, мне же было отказано в приеме, я объяснил все, не таясь. Кадровик настаивал на отчислении, ибо я не зачислен приказом, а, следовательно - лишний едок. Но за меня вступились Каменев и Чухно: мол, Орлов хорошо осваивает программу, планируем определить его на помощника командира взвода.

Полковник Чернявский распорядился отдать приказ о зачислении меня в училище. А вскоре пришло письмо из дома: «По требованию училища возвратили военкоматовские документы. Учись, сынок, человеком будешь».

И в самом деле, училище готовило из нас настоящих специалистов военного дела. Два года напряженной работы. Техника, тактика, политучеба, физическая подготовка, вождение транспортных средств, «образоваловка» за десятый класс. Немало! Овладевали танками ряда марок: Т-27, Т-26, БТ-5 и БТ-7. Весной 1941-го стали изучать самый мощный и самый красивый танк в мире Т-34. На нем мне пришлось громить немецко-фашистскую нечисть во многих операциях на фронтах Великой Отечественной войны. А пока выезжали на учения.

Ошибка вышла

Вспоминается курьезный случай во время учений перед самой войной. Месяца за два до выпуска из училища нас вывезли на учения в район Понырей, что под Курском. Заняли позицию на окраине одного села. Вдруг одна бабуля как завопит:

- Ах вы, проклятые, откуда только взялись, нехристи? - и пошла креститься. Растолковали ей, что и как. А она:

- А я подумала, что война началась.

Успокоили бабулю, заверив ее, что мы будем бить врага только на их территории, своей вершка не отдадим. Промахнулись мы тогда по молодости. Вершки не отдали, а полстраны, хотя и временно, потеряли. У Понырей в июле 1943 года горело пламя величайшего сражения. Бывает же так.

В мае 1941 года мы не обсуждали вслух, но чутьем понимали: война на носу, вот-вот грянет. И точно, в начале июня состоялся досрочный выпуск всех училищ.

Буквально за неделю до войны я прибыл в Минское танковое училище Западного особого военного округа, где принял взвод только что набранных курсантов. Здесь я, лейтенант Николай Орлов, начал самостоятельную воинскую жизнь. И не простую, боевую. Мне было девятнадцать лет, немало. И не было со мной отца-воспитателя, лейтенанта Чухно, дорогого мне человека, сложившего свою толковую голову за наше Отечество вскоре после начала войны.

Начало войны 22 июня 1941 года встретил на рассвете, внезапным ударом с воздуха в летнем лагере училища под Минском.

Курсантов училища не бросили в сражение за Минск. Город был взят немцами на седьмой-восьмой день войны. А мы марш-бросками по 40-50 км в сутки уходило на восток через Могилев на Смоленск. Отступали не сплошной колонной, а взводами и ротами по проселкам и лесным просекам. Конечно, без карт. Винтовки учебные, боевое оружие получить не удалось, склад с оружием был взорван. Харч подножный. Жарища невероятная. И все бегом, бегом.

За Березиной мой взвод вышел на хорошую дорогу, но был остановлен полковником Медведевым из генерального штаба, к которому мы и попали во временное распоряжение.

Руководил полковник на удивление очень грамотно, и вскоре мы уже с успехом выполняли поставленную им задачу: задерживать всех бегущих на восток по этой дороге военных; проверять машины, оружие и боеприпасы складировать. За одни сутки набралось столько красноармейцев и командиров, а также разного стрелкового оружия, что начали сколачивать

из них отделения, взводы и роты. Скопилась уйма машин, на них и отправляли бойцов на восточный берег Березины.

Позднее полковник Медведев поблагодарил меня за оказанную помощь. С оправдательной запиской для начальника училища (чтобы, не дай бог, не посчитали меня дезертиром), я со своими ребятами продолжил путь. Училище уже было на Смоленщине под Рославлем. Опять марш-броски по 40-50 км. Догнали училище, когда оно уже готовилось для погрузки в эшелон.

Долгий путь через центр России в город Ленина - Ульяновск. Так мы оказались на берегу великой русской реки Волги. Здесь мы стали 2-м Ульяновским танковым училищем.

Готовили нас к войне, которая набирала обороты. С затаенным дыханием следили мы за битвой под Москвой. Стыдились за свое сидение в глубоком и тихом тылу. Учили курсантов и много работали. Давали норму! Разгружали эшелоны со станками Московского автозавода ЗИС. Заготавливали горы дров для города. За десятки верст тащили на своих плечах пудовые покрышки из вмерзших в Волгу огромных барж. И много других работ взваливали на плечи юных курсантов в то тяжелое время.

Сводки с фронтов приходили неутешительные. Задевало: там сражаются, а мы, молодые, крепкие, в стороне от битвы с фашистами.

Вместе с другом Леней Северовым начали писать в Москву самому Сталину. Просьба одна - отправить на фронт. Каждую субботу отправляли письмо-прошение. Ответы приходили из штаба генерала Федоренко, в то время главного по танковым войскам, к сожалению, отрицательные, со словами утешения. Мол, готовить командиров-танкистов тоже фронт, придет время, отправим воевать и вас.

Наконец, в июне 1942 года пришло распоряжение, откомандировать меня в Сталинградский автобронетанковый центр. Видимо, в Москве учли, что в мае под Харьковом погиб мой старший брат - пулеметчик Михаил Орлов. Об этом я указал в последнем письме-прошении.

Сборы были недолги. Пароходом - в Сталинград. На подступах к Сталинграду нас пару раз бомбили немцы. В первых числах июля я был в Сталинграде. А фронт был за Доном, всего в 200 км от Сталинграда.

Получил в свое распоряжение маршевую роту экипажей из 10 танков Т-34 в 21-м учебном танковом батальоне под командованием майора Гирды.

При танковом заводе готовил танкистов. Вместе с рабочими завода сами собирали танки, учились вождению, стрельбе, тактике, обслуживанию танков. По 10-12 часов занятий, плюс участие в строительстве оборонительных рубежей. В середине августа моя и еще две роты были готовы к отправке на фронт.

24 августа моя рота должна была своим ходом на собранных лично машинах выдвинуться в район Калача-на-Дону и войти в состав одной из танковых бригад. Но случилось все по-другому. Из-за прорыва фашистских танков к Сталинградскому тракторному заводу моя рота получила другую задачу: совместно с отрядами рабочих и истребительными батальонами задержать немецкие войска, прорвавшиеся к Волге в районе поселка Рынок.

Попытка прорыва немцев в Сталинград отбита

Вот как это было. Стоял жаркий солнечный день 23 августа 1942 года. Воскресенье. Примерно в 15.30 на город обрушился мощнейший удар немцев с воздуха. Бомбежка за бомбежкой продолжались, казалось, бесконечно. Город в сплошном огне и черном дыму. В огне и Волга. В городе ни одной части регулярных войск. Только зенитчики, полк НКВД и учебные подразделения.

Вдруг совершенно внезапно у Волги, в 1,5 км от Танкового завода, появились немецкие танки. И немало. Они захватили населенные пункты: Орловку и Рынок. Как позже выяснилось, к Волге прорвалась 16-я танковая дивизия 14-го танкового корпуса 6-й армии Паулюса.

Этот корпус утром 23 августа, прорвав оборону наших войск на Дону, стремительно рванул к северной окраине Сталинграда и к 17.00 уже был у Волги. Город на грани катастрофы, ибо с утра 24 августа готовился удар по городу с севера на юг силами танковой дивизии.

Моя и еще две другие танковые роты, готовые к отправке на фронт, совместно с рабочими отрядами, с ополчением атаковали немецкие танки, остановили их на самых подступах к заводу. С каждым часом сопротивление

нарастало. Нам удалось отбить Рынок и отогнать немцев от Волги, да так, что до самого конца битвы именно в этом районе они не могли пробиться вновь к реке.

На второй день после боя чуть не загремел по своей глупости под трибунал: хотел проверить - уцелела ли после такой адской бомбежки знакомая дивчина, она проживала с родителями в центре Сталинграда. На танк - и туда. Какое там! Вместо дома - огромный котлован. По дороге обратно меня остановил комбат майор Гирда, который крепко отругал меня за самоволку, но все же спас меня от страшного суда - как дезертира, велев сослаться на его приказ. Как же я ему благодарен, моему славному командиру!

Ожесточенные бои продолжались несколько суток. В мою роту вскоре влилось семь «тридцатьчетверок» с экипажами из рабочих завода. Это были мастера-умельцы высшего класса. Подоспели моряки Волжской флотилии. Они шли в атаку вслед за танками в тельняшках и с пением "Интернационала". Мы понесли тяжелые потери, но намеченные рубежи отстояли и сорвали захват немецкой танковой дивизией тракторного завода и прорыв ее в Сталинград.

В этих боях я был тяжело ранен. Когда мой танк подбили, принял решение пересесть на ближайший ко мне танк Т-34. Первая пуля попала только в ребро шлемофона, вторая - в плечо, а третья - в грудь и насквозь. Затем был санитарный эшелон, эвакуация через Волгу, казахские степи.

Без документов

В связи с ранением вспоминается такой случай. Однажды, во время остановки санитарного поезда, выскочили из теплушек проветриться, но не рассчитали время. Паровоз вскоре «гуднул», и «был здоров» наш санитарный эшелон. В силу своей слабости после ранения, догнать поезд я не мог. Но один старший лейтенант-артиллерист, с перебитым плечом, не бросил меня.

Ночь, холодина. Один ковыль вокруг. А мы почти голые. Заскучали. На рассвете другого дня нас подобрали добрые люди из очередного эшелона. Последовал допрос: «Кто такие, откуда, ваши документы?» А у нас никаких документов. Одни бинты. Однако не бросили нас.

Разгрузились мы в городе Энгельсе. Госпиталь был развернут в школе. Врачи - хорошие люди, но еще без опыта. Вначале я пошел на поправку, а вскоре стал "отдавать концы". И отдал бы, если бы не подвернулся замечательный хирург, специалист по легким. Поставил он меня на ноги. Зажило все, "как на собаке". Еще бы! Мне двадцать лет.

Уговорил врачей досрочно выписать. Надо возвращаться к своим, в Сталинград. В Саратове, при отправке на фронт, майор-кадровик стал требовать документы. А их-то нет, они уехали с тем, бросившим нас, эшелоном. После дотошного допроса, майор все же смилостивился и вручил мне направление. Я вновь командир роты танков Т-34.

В Татищевском учебном центре под Саратовом, куда был направлен после ранения, я попал в распоряжение командира 21-го танкового полка подполковника Н.М. Бриженева. Был назначен командиром роты легких танков Т-70 танкового полка 60-й механизированной бригады, которая вошла в состав формировавшегося 4-го механизированного корпуса.

Пришлось мне осваивать танки Т-70, так как рота танков Т-34 была уже укомплектована. Иду знакомиться с будущей ротой. Танки так себе, невзрачные. Два автомобильных мотора на одной оси. Броня от пуль. Пушчонка слабенькая, 45 калибр. Экипаж - командир, да механик.

Перед танками стоят экипажи. Командиры танков - лейтенанты. Вглядываюсь в лица. И надо же: в строю мои бывшие курсанты 2-го Ульяновского, бывшего Минского танкового училища! Уже лейтенанты. Это их я вел через Белоруссию и Смоленщину. Это их я, как мог, готовил в Ульяновске всю зиму и весну 1942 года.

Началась напряженная боевая подготовка: вождение, огонь, тактика. Вскоре я освоил танк Т-70.

В конце октября 1942 года нас погрузили, перевезли через Волгу в район Эльтона, где мы разгрузились. И уже маршем, с востока на запад, двинулись к Волге. Запомнилось много, очень много эшелонов и много войск. Это наш 4-й механизированный корпус генерала В.Т. Вольского двинулся к переправам Волги. При передвижении соблюдалась жесточайшая дисциплина. Двигались только ночью. Не допускалось ни одного огонька, попробуй только закури...

Потеря

Запомнился такой случай. Переправлялись на огромных баржах, весь полк поместился на одной из них. Почти всю ночь шла баржа. Потом разгружались до самого рассвета. Позже хватились - одной «тридцатьчетверки» нет. Ну и ЧП! При выгрузке в результате разгильдяйства, танк скатился с баржи в воду. И такое случалось.

Наш корпус после переправы вышел в район немного южнее Сталинграда, где шли ожесточенные бои. Думалось, что вот-вот нас бросят на помощь сталинградцам. Однако у командования были другие планы.

После тщательной подготовки, войска нашего 4-го механизированного корпуса в ночь на 20 ноября 1942 года двинулись в исходный район. Повел и я свою танковую роту "семидесяток". Перед ротой была поставлена конкретная боевая задача, необычная: стремительно продвигаться в колонне, не ввязываясь в бой без приказа; обогнать пехоту, которая совершила прорыв обороны румын между озерами Цаца и Барманцак. Туда-то и устремились в колоннах части нашего корпуса.

За двое суток мы прорвались в тыл немцев на глубину около ста километров. Захватив хутор Советский, мы целые сутки отражали удары немецких танков.

23 ноября к нам подошли части 4-го танкового корпуса, наступавшие с северо-запада. В это время мы осознали, что свершилось чудо: окружена крупная группировка немецко-фашистских войск под Сталинградом.

В конце ноября 1942 года при отражении атаки немецких танков я был ранен в живот пулей, не сквозной, «излетной». Вот при каких обстоятельствах это произошло.

Она опять меня спасала

Немецкие танки стали обходить с левого фланга боевой порядок нашего танкового полка. Командир приказал выдвинуть взвод им навстречу. Темная ночь. Все пространство в трассах от пуль и снарядов. В наших легких танках Т-70 раций не было. Выскакиваю из своего танка и несусь к танку командира одного из взводов передать приказ. Только

поставил командиру задачу, как тут же был ранен, видимо, рикошетной пулей.

Врач полка Софья Цырульникова зубами вырывала из меня злосчастную пулю, поскольку, пока бежала к моему танку, у нее осколком снаряда оторвало медицинскую сумку. Спасибо Софье, она еще один раз вовремя придет мне на помощь.

А я снова в боевом строю. Перед нами новая задача: совершить марш-бросок в район хутора Верхне-Кумского, который 14 декабря был захвачен танковой группировкой Гота.

Хутор Верхне-Кумский

Танковая группировка Гота прорывалась из района Котельникова в Сталинград для спасения армии Паулюса. Шесть суток шло сражение нашего 4-го механизированного корпуса с многократно превосходившей группировкой немцев, в составе которой впервые действовал отдельный батальон тяжелых танков - "тигров".

В этих тяжелых боях я командовал ротой танков Т-34 под девизом: "Ни шагу назад! Стоять насмерть!"

Моя задача состояла в прикрытии брода на реке Аксай. Я удачно воспользовался обнаруженным рядом карьером и расставил свои танки так, что их корпуса оказались укрытыми, как в окопе. Только организовал огонь, а танковая колонна противника уже подходит к броду, удачно подставляя нам свои борта. Просто находка. Мы пропустили разведку и по команде «огонь!» стали методично отправлять снаряд за снарядом в борта фашистских танков и бронетранспортеров. В роте было семь «тридцатьчетверок», и мы подбили восемь немецких танков. У нас же был подбит только один, и то потому, что его командир, видимо, струсил: дал команду механику-водителю задним ходом выбраться из карьера. Разумеется, противник не промазал. За трусость и был наказан.

Хутор Верхне-Кумский, находясь в центре сражения, не раз переходил из рук в руки. Здесь же, на моих глазах, экипаж лейтенанта Саши Плугина совершил танковый таран. В атаке у них снарядом оторвало часть орудия, танк задымился. Несмотря на команду покинуть танк, экипаж пошел на таран.

Удар был страшной силы. Оба танка, охваченные пламенем, сгорели.

В этом бою немцы, убегая, бросили в хуторе более десяти танков, часть из них даже с работающими моторами. Я заскочил в один из таких танков, а там - бочонки с коньяком и ликерами, да сыры размером с автопокрышку. Потом прояснилось: танки были 6-й танковой дивизии, переброшенной из Франции.

18 декабря 1942 года - кризисный день сражения. Гот ввел в бой еще одну танковую дивизию. Фланги корпуса охвачены огнем. Боевые порядки немецких и наших частей перемешались. Зачастую не поймешь, где свои, а где немцы. Все вокруг простреливалось. Полное господство вражеской авиации. Нам объясняли - подходят наши войска.

В середине дня по всем боевым сетям пронеслась информация: наш 4-й механизированный корпус за массовый героизм, проявленный в сражении против деблокирующей группировки Гота, преобразован в 3-й гвардейский механизированный корпус. Это был единственный случай присвоения гвардейского звания непосредственно в ходе сражения.

Чуть позже нашему гвардейскому корпусу будет присвоено почетное наименование «Сталинградский».

Мое участие в боях под Верхне-Кумским отмечено орденом Красного Знамени и присвоением звания почетного гражданина этого хутора, а также третьим ранением.

После завершения Сталинградской битвы наш корпус направили через степи Калмыкии в направлении Ростова.

В июне 1943 года судьба забросила меня в штаб бронетанковых и механизированных войск Степного фронта. Здесь я служил помощником начальника оперативного отдела. Штабная работа не пришлась мне по душе, рутинная, не боевая: сбор информации, оформление оперативных карт, сводок и донесений в Генштаб, поездки и полеты в войска. Мои просьбы об отправке в боевые части отметались.

И только после Прохоровского сражения на Курской дуге в августе 1943 года мне посчастливилось вырваться в 27-ю гвардейскую танковую бригаду 2-го Украинского фронта. Комбригом здесь был полковник Н.М. Бриженев, тот самый, у которого под Сталинградом я был в подчинении.

В бригаде я принял 1-й танковый батальон, который особенно отличился в боях при уничтожении окруженных в Сталинграде немецко-фашистских войск. Танк Т-34 лейтенанта Канунникова, подбитый немцами на Мамаевом кургане, навечно установлен у подножия главной высоты России.

После освобождения Харькова началось преследование немцев через Полтаву на Кременчуг. Впереди был Днепр. Мой батальон принимал участие в форсировании Днепра южнее Кременчуга. Память сохранила мельчайшие подробности тех далеких событий при форсировании Днепра. Вот как это было.

Переправа, переправа! Берег левый, берег правый...

Командующий 7-й гвардейской армией генерал Шумилов лично поставил перед батальоном задачу: не ввязываясь в бои, обходя населенные пункты, выйти южнее Кременчуга к Днепру и захватить плацдарм на его западном берегу. Батальон, усиленный противотанковой батареей и взводом саперов, стал передовым отрядом 7-й армии.

Мы нашли всезнающего старичка, определили его на танк проводником и двинулись к цели. Не встретив никакого сопротивления, вышли к Днепру у небольшого хутора Орлик. Вышли, а как переправиться? Переправочных средств нет. Пара лодок, которые нашли, погоды не сыграют, как говорится. Нужного материала для плотов тоже недостаточно. Выручил местный житель, предложив разобрать его хату и постройки на плоты. Собрали в Орлике небольшую команду, поскольку пехоты почти не было. Общими усилиями связали плоты. И вот пошел первый рейс. Переправа состоялась без потерь. У немцев здесь не было обороны. Авиация, конечно, бомбила, но мимо. В этом рейсе особо отличился мой заместитель капитан Александр Конин.

Зато впереди нас ждали тяжелейшие бои на плацдарме. Целый октябрь отражали удары немцев, но плацдарм удержали. Отсюда 7-я армия перешла в наступление.

За бои на Днепре я был представлен к званию Героя Советского Союза, но удостоен был только ордена Ленина - высшей советской награды.

После освобождения Кировограда принимал участие в окружении и разгроме стотысячной Корсунь-Шевченковской

группировки немцев. Мой батальон в этой операции проявил особое мужество и героизм. Враг, пытаясь вырваться из котла, прорывался ночью, причем, не в развернутых боевых порядках, а тремя колоннами. Немцы шли «ва-банк». И попали под огонь и гусеницы наших танкистов. Страшная картина!

За успешные бои в этой операции я был отмечен орденом Красного Знамени.

В марте и апреле 1944 года мой батальон в составе 27-й гвардейской бригады вел бои на Первомайско-Кишиневском направлении, форсировал Южный Буг.

Был награжден орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды.

В мае 1944 года моя боевая жизнь закончилась. Почти под танковым напором комбрига, нашего "бати", был откомандирован на учебу в прославленную Военную академию бронетанковых войск имени И.В. Сталина.

К этому времени, имея звание майора, мне исполнилось 22 года. На руках справка об одиннадцати, лично подбитых, немецких танках, не считая ротных и батальонных побед.

Память цепко хранит первый фашистский танк, который мне удалось подбить на четвертый или пятый день войны на подступах к Минску. К сожалению, мой танк БТ-7 тоже сгорел.

Позади осталась боевая юность. Прощай фронт и несбывшаяся мечта добить гитлеровцев в Берлине. Мои танкисты добьют их в Праге, где до сих пор стоит на постаменте танк Т-34 «Челябинский колхозник» 1-го батальона 27-й гвардейской танковой бригады, как знак победы советского народа над фашизмом.

В академию прибыл обобранный в вагоне до последней нитки, словно какой-то рок меня преследовал, оказавшись в очередной раз без документов. Пришлось какое-то время посидеть в карантине, пока отдел СМЕРШ и начальник академии генерал Ковалев разбирались с ситуацией.

После тяжелых конкурсных экзаменов я был зачислен на первый курс академии.

Осенью 1947 года, после трех лет учебы, получил направление на Сахалин командиром танково-самоходного полка стрелковой дивизии. И вдруг за день до отъезда меня вызывают в академию и объявляют, что я остаюсь в

адъюнктуре, по кафедре тактики. Подумать только: семь золотых медалистов и среди них я, простой смертный, не имея этого титула!

Три года почти самостоятельной учебы дались нелегко: сдача уймы зачетов и экзаменов, разработка рефератов. Наконец, я кандидат военных наук. Уложился в срок.

С 1950 года началась моя педагогическая деятельность в бронетанковой академии, которая "ковала" офицеров и инженеров-танкистов. И надо отметить, практически вся моя служба прошла в стенах этой академии, которая стала мне вторым родным домом.

В 28 лет мне присвоили звание полковника.

Будучи преподавателем, в 1967 году защитил докторскую диссертацию. Затем был удостоен ученого звания профессора и почетного звания "Заслуженный деятель науки РСФСР". Мне было доверено сформировать и возглавить вначале кафедру управления войсками, а затем главную кафедру академии - кафедру оперативного искусства. 13 лет жизни я посвятил этой кафедре, где сложился необыкновенно талантливый коллектив военных педагогов.

Мне посчастливилось работать в академии под руководством одиннадцати талантливых начальников. Среди них такие прославленные полководцы, как дважды Герой Советского Союза Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров, Герой Советского Союза Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян, Герой Советского Союза маршал бронетанковых войск О.А. Лосик. Судьба мне даровала возможность четыре года быть заместителем Олега Александровича Лосика по научной работе.

В академии мне были присвоены четыре воинских звания: подполковник, полковник, генерал-майор и генерал-лейтенант. Здесь же был награжден пятью орденами, два из которых - Трудового Красного Знамени, чем особенно горжусь.

Горжусь и тем, что причастен к обучению таких крупных военачальников, как С.Ф. Ахромеев, С.К. Куркоткин, И.Н. Родионов, М.М. Зайцев, Н.И. Попов, В.И. Попов, С.П. Золотов и многих других.

Уволился из Вооруженных сил Советского Союза в ноябре 1988 года с должности заместителя начальника

Академии бронетанковых войск по научной работе, прослужив отечеству 49 календарных лет.

Много лет посвятил ветеранскому движению. Возглавлял Совет ветеранов 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса, в составе которого сражался под Сталинградом. Был председателем объединенного Совета бронетанковых войск и кавалерии при Московском Комитете ветеранов войны. Являюсь почетным его членом.

Женат, с супругой Тамарой Григорьевной Орловой вместе более 60 лет. Сын Игорь - танкист, полковник в запасе; дочь Галина - кандидат наук; три внука, один из них, Алексей, капитан, командир роты.

Являюсь почетным гражданином Октябрьского района и хутора Верхне-Кумского Волгоградской области, а также Сморгонь в Белоруссии.

Участник Парада Победы 24 июня 1945 года и всех последующих юбилейных парадов.

Декабрь 2008 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студентка 1-го курса факультета химической технологии и экологии Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - ***Землянская Дарья Владимировна***

Панов Михаил Григорьевич

Снаряд прошел подо мною, не задев меня

Я родился 21 января 1924 года в городе Москве, а точнее - на Хамовнической набережной. Православный, русский, ни в комсомоле, ни в партии не состоял.

Окончил в 1941 году школу (9 классов).

Затем училища: Авиационное - в Москве и Пушкинское танковое - в Ленинградской области.

Начало войны застало меня дома. Накануне, я летал с аэродрома, расположенном в Теплом стане. Мы летали в две смены. Мой полёт был утром, а к вечеру я вернулся домой. В воскресенье, 22 июня, в 4 часа утра зазвучала тревога, и над Москвой стали летать самолеты. Примерно за полгода до этого в Москве проводились учебные тревоги, поэтому сначала никто не придал этому большого значения. В субботу вечером к нам приехал двоюродный брат по линии отца - Николай Михайлович, который только что окончил транспортный железнодорожный институт и получил направление начальником станции Лихая под Сталинградом. Он приехал, переночевал, а на утро начали разносить повестки в военкомат. В 11 часов было выступление Молотова, в котором он объявил о начале войны. В этот день я провожал брата на поезд, но я даже не подозревал, что вижу его в последний раз.

Начал участвовать в боевых действиях в 1943 году. К этому времени, окончив танковое училище, я имел звание

младшего лейтенанта. Из Рыбинска, куда было эвакуировано наше училище, нас направили в Нижний Тагил. Там был укомплектован экипаж и получена новая боевая машина – танк Т-34. Марш 20 км до стрельбища, проверка пушки, 20 км обратно – это для разминки, а потом на платформу и вперед. Получили инструмент на машину, часы, зажигалку, перочинный нож. Сразу мы под Киев поехали, далее наш путь проходил через пункты: Шепетовка (зима 1943 года), Белая церковь (зима 1943 года).

Освобождал город Бунцлау, где умер Кутузов. Немцы были застигнуты врасплох. Когда город был взят, там был свет и работал газопровод. Затем, уже в качестве командира взвода управления, участвовал в форсировании Вислы. А 24 апреля 1945 года мы были в нескольких километрах от Рейхстага.

4 января 1944 года, в 4 часа вечера, наш танк подбили. Механика и заряжающего ранило, радиста убило. Только меня неприятность обошла стороной. Снаряд прошел подо мной, не задев меня самого. Так я потерял свою первую машину. Новый танк давался только после того, как все танки части выводились из строя. Оставшиеся в живых экипажи поехали за новыми машинами в тыл, а меня оставили в полку и назначили командиром взвода управления. На мои возражения о том, что я никогда не командовал, мне ответили: «Ты хоть училище нормально окончил, а остальное прочтешь в уставе». Сунули мне взвод управления, а там и разведчики, и связисты. Так я в том полку и остался. Это был 59-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк.

9 мая 1945 года застало меня в Праге. По радио сообщили об окончании войны и на улицах начали стрелять в воздух. Но война на самом деле закончилась 11 мая. Оставались «власовцы», с которыми велись боевые действия еще 2 дня. Затем в Праге проходило награждение армии Рыбалко. Награды вручал Бенеш. Затем наш полк направили в Австрию. Оттуда я ездил в отпуск домой. Когда вернулся, наш полк перевели в Германию в город Вюнсдорф, где я проходил дальнейшую службу. В 1947 году демобилизовался в звании лейтенанта. Я демобилизовался, подав рапорт.

Я имею два ордена Красной Звезды и три медали. Все награды были получены после войны, а сначала вручались справки. Вручение проходило в Австрии, в конце 1945 года.

Во время войны я потерял сестру. Она умерла в Витебске в 1944 году. Брат Николай пропал без вести. После того, как я посадил его на поезд до Сталинграда, от него ни письма, ни весточки больше не поступало.

Мой брат Борис закончил войну майором. Он был военным комендантом Курского вокзала в Москве. Старший двоюродный брат, Михаил Михайлович, к концу войны имел звание генерала. Он был в армии с 1932 года.

Самый запомнившийся эпизод войны для меня – это, конечно же, стрельба 9 мая. Думаю, этот момент запомнился больше всего не только мне, но и всем людям пережившим эту войну.

Ноябрь 2002 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь курсант 3-го курса факультета военного обучения Московского авиационного института (Технического Университета) - ***Воронин Александр Михайлович***

Поляков Николай Иванович

Ребята, если будете живы, поправьте холмик

Я родился 15 октября 1922 года в Москве в районе Ленинских (Воробьевых) гор. Окончил в 1941 году 10 классов 22-й школы Ленинского района. Здание нашей школы и сейчас существует и входит в городской комплекс Дома детского творчества. В этой школе я познакомился со своей будущей женой Поляковой (Гуковой) Лидией Александровной, с которой мы прошли по жизни вместе более 50 лет и воспитали двух детей.

Мы еще в школе осознавали приближение войны. Она уже шла на Западе в Испании, на нашей границе на Дальнем Востоке, была и финская война 1939-1940 годов.

Впервые мы почувствовали ее дыхание, когда встречали на Киевском вокзале испанских ребят, приехавших из Испании. Мы не знали испанского языка, но слова: «Но пасаран» («Они не пройдут») объединяли нас - это лозунг республиканской Испании. Мы подарили ребятам открытки и цветы, а они дали нам по апельсину (таких больших апельсинов в Москве почти не было). Тревожно было смотреть на этих притихших ребят, в пилотках с кисточками, которые приехали в нашу страну, спасаясь от войны. Многие из этих ребят остались здесь на долгие годы.

Запомнилась встреча в школе с участником боев на озере Хасан. Он учился в военно-политическом училище, имел звание старшины и был награжден медалью «За

отвагу». Он рассказал нам как воевал. Остались, запавшие в мою память его слова: «Мы ребята не пили воду, хотя было жарко, а экономили воду, чтобы заливать в пулемет «Максим» для охлаждения».

Эти слова вспомнились мне: «Наши механики экономили воду для двигателей боевых машин, когда мы двигались по перевалам Хинганского хребта во время разгрома японской Квантунской армии в августе 1945 года».

Остался в моей памяти такой неприятный случай, случившийся в нашем классе. Мы изучали немецкий язык. У нас долго не было учителя. Потом к нам прислали нового учителя, как говорили «настоящую немку». Звали ее Мина Савельевна. Она не очень хорошо говорила по-русски, но знала в совершенстве свой язык и делала все, чтобы мы научились говорить по-немецки.

И вот, на одном из ее уроков на классной доске появилась надпись: «Стране советской не нужен язык немецкий». Кто написал, не стоит об этом вспоминать, но нам казалось, что так мы выражали свое отношение к фашистской Германии. Увидев эту надпись, Мина Савельевна расплакалась и ушла из класса. Вскоре в классе появились директор и завуч школы, наш классный руководитель - состоялся серьезный разговор. Потом мы узнали, что Мина Савельевна, дочь члена коммунистической партии Германии и приехала в Москву, спасаясь от преследования со стороны фашистского правительства.

Так мы поняли, что немцы бывают разные: не только враги, но и друзья.

Мы взрослели, и со временем приходило сознание того, что для того, чтобы защищать Родину надо быть готовым к ее обороне. Надо уметь стрелять, плавать, бросать гранаты, оказывать первую помощь. Мы гордились, что сдавали нормы и имели значки «Готов к труду и обороне» (ГТО), «Ворошиловский стрелок», «Готов к санитарной обороне» (ГСО). А многие ребята, уже с 9 класса занимались в аэроклубах. Все это мы понимали, но только не знали одного, что все эти знания, так быстро понадобятся многим из нас уже в военной обстановке.

20 июня 1941 года у нас в школе был выпускной вечер. Потом мы встречали рассвет на Ленинских горах, гуляли,

признавались в любви, мечтали о мирном будущем. Но этим мечтам не суждено было сбыться. Дальнейшие наши судьбы и судьба нашей страны уложились в известные строчки: «22 июня, ровно в 4 часа, Киев бомбили, нам объявили: началась война...» Так кончилась наша юность и началась военная молодость. С первых дней войны многих наших ребят призвали в армию и направили в военные училища и аэроклубы. Многие работали на оборонных предприятиях, девчата учились в медицинских училищах и работали в госпиталях.

Я по путевке комсомола был направлен на завод «Станкоконструкция», где собирались автоматические линии по производству авиационных двигателей. На заводе я работал диспетчером сборочного цеха, а по ночам дежурил и тушил немецкие зажигательные бомбы («зажигалки»), которые сбрасывали немецкие самолеты на город.

В сентябре 1941 года я был призван в армию и направлен в Севастопольское зенитно-артиллерийское училище (СЗАУ), которое находилось в городе Уфе. Это был глубокий тыл, но и здесь чувствовалось дыхание войны. Днем мы учились, а по вечерам перевозили раненных, прибывавших на санитарных поездах, охраняли воинские эшелоны, сопровождали поезда с эвакуированными.

Среди курсантов училища было много ребят из Москвы и Подмосковья. Тревожные дни октября 1941 года переживала вся страна - враг стоял у стен столицы.

В наших горячих головах роились тревожные мысли: Москва в опасности, а мы здесь в тылу. На многие наши рапорта об отправке на фронт мы получали отказы. Трудно было совладать с отчаянными планами уехать на фронт с воинским эшелоном, идущим в Москву. Но эти попытки кончались плачевно: «беглецов» снимали с эшелонов и под угрозой суда за дезертирство возвращали в училище.

Запомнились слова нашего командира учебной батареи старшего лейтенанта Шевченко Н.И., обращенные к очередной группе «беглецов»: «Салаги, куда вы бежите. Сидите и учитесь. Немца голыми руками не возьмешь. Еще навоюетесь и победите». Не знаю, почему он так называл нас, наверное, за нашу молодость и неопытность. Мы знали, что он был боевым командиром и был тяжело ранен (перебито

правое плечо и рука висела плетью) и отдавал он честь левой рукой, и это вызывало у нас уважение к нему.

Когда мы окончили училище, провожая нас, он сказал: «Вот теперь ребята, вы довоюете и за меня».

Нам присвоили звание лейтенантов. Конечно, гордости было много, но мы, наверное, еще не осознавали ту меру ответственности, которая ложилась на наши плечи. Но она пришла с боевым опытом и возрастом.

Сталинград

Сталинградская битва не только вошла в историю Великой отечественной войны, но и в мою боевую биографию и многих моих друзей фронтовиков.

После окончания в 1942 году Севастопольского училища зенитной артиллерии в городе Уфе, мне было присвоено воинское звание лейтенанта, и я был направлен на формирование в город Москву. Через две-три недели, получив новую технику, мы готовились поехать на фронт, но были направлены в город Сталинград.

Сталинград нас встретил погожими летними днями и цветущей зеленью. Это был мирный город. Только большое количество людей, эвакуированных из южных районов, на улицах города и наличие раненых в госпиталях, а также напряженный ритм работы военных заводов, напоминали о войне. Мы не могли понять, почему зенитные части с новейшей техникой перебросили сюда, когда на многих фронтах шли тяжелые бои.

О необходимости нашего пребывания здесь я узнал уже после окончания войны, когда учился в Академии бронетанковых войск. Сталинград, в тот период, был одним из оставшихся городов, заводы которого продолжали выпускать военную технику (в основном артиллерийское вооружение и танки). Многие военные заводы были захвачены противником или эвакуированы на Восток и еще не поставляли военную технику на фронт.

Об этом также вспоминали мои боевые друзья однополчане: бывший командир роты Н.Г.Орлов (сейчас генерал-лейтенант, доктор военных наук) и механики-регулировщики танков сержанты С.Я. Шагаров и Н.С. Фадев.

Они находились в это время на тракторном заводе, получали танки и формировали маршевые роты для отправки на фронт.

Мне пришлось прикрывать город от налетов авиации и отражать прорыв немецких танков в пригородных районах Сталинграда, а также участвовать в уличных боях, поддерживая наши части зенитным огнем. На моих глазах этот цветущий город, который я успел полюбить, превращался в руины. Особенно запомнился сквер у городского вокзала. На нем стояла скульптурная группа с фонтанчиком. Сквер был любимым местом встреч горожан. 23 августа 1942 года этот замечательный уголок был превращен в груду обломков и разорванных человеческих тел. Так разрушали город немцы каждый день. Во время отражения одного из налетов на огневую позицию зенитной батареи я был ранен и засыпан землей от разорвавшейся бомбы.

Я не помню, как меня переправили через Волгу, в госпиталь в Капустин Яр. Очнулся я в палате и увидел склоненное надо мной лицо пожилой женщины-санитарки и попросил пить. Она дала мне попить и сказала «Вот и молодец, теперь будешь жить. Ты еще молодой». А мне тогда еще не было и двадцати лет. Как потом рассказали товарищи по палате, я был очень плох, и называли меня «дохляком». А более досужие ребята, которые переживали за меня, говорили, что подносили к моему носу кусочек ватки, чтобы узнать дышу я или нет.

Когда я пришел в сознание, в палате была маленькая радость: «дохляк ожил». И после извинились, что дали мне такое прозвище. Правда, еще долго у меня болел правый бок. Друзья смеялись, что в печенке у меня застряла Сталинградская земля, поэтому и болит.

После выписки из госпиталя, я был направлен в зенитный железнодорожный дивизион, который прикрывал воинские эшелоны с военной техникой от налетов немецких самолетов в зоне Сталинградского фронта. А делалось это так: на открытую железнодорожную платформу устанавливали зенитную пушку или пулемет. Одну или две платформы прицепляли к головной или хвостовой части эшелона с техникой или боеприпасами для его сопровождения.

Сейчас трудно вспомнить, сколько пришлось сопровождать эшелонов от Саратова до фронта. Но, как

правило, график движения составлялся так, чтобы разгрузка эшелонов в зоне действия авиации противника осуществлялась в ночное время для исключения потерь и скрытности переброски войск в район Сталинграда для проведения готовившейся операции по окружению.

В октябре мы узнали, что формируется новый корпус и часть личного состава и вооружения зенитного дивизиона будет передана. Так, еще не будучи в составе 4-го механизированного корпуса, была определена моя дальнейшая фронтовая биография. Меня назначили командиром взвода в зенитный дивизион 36-й механизированной бригады, которой командовал подполковник Родионов М.И.

Запомнился торжественный момент вручения бригаде боевого знамени, а также знамени от рабочих Вольского цементного завода, и слова представителя завода обращенные к нам: «Будьте стойки в бою, как Вольский цемент». Бойцы нашей бригады оправдали этот наказ в боях под Сталинградом.

Все предстоящие операции корпуса хранились в строжайшей тайне. Для проведения стремительных действий в оперативной глубине корпус имел много автотранспортных средств для перевозки личного состава, артиллерийского вооружения, запаса боеприпасов и горюче-смазочных материалов. Так в зенитном дивизионе для каждой 37-мм зенитной пушки была своя автомашина повышенной проходимости, а также несколько машин для перевозки дополнительного боекомплекта, запаса горюче-смазочных материалов и продовольствия. Все машины были, в основном, американского производства: «Студебеккер», «Форд» и другие. Спасибо союзникам за эту помощь. Мы с успехом использовали эти машины в боях, особенно в условиях бездорожья.

В ноябре месяце корпус сосредоточился для ввода в прорыв южнее Сталинграда в районе Сарпинских озер Цаца и Барманцак. Свою первую боевую задачу я получил, когда 19 ноября прибыл в расположение 55-го отдельного танкового полка, которым командовал подполковник А.А. Асланов (который в дальнейшем стал генерал-майором и дважды Героем Советского Союза, погиб в Прибалтике).

Мне понравился этот невысокий подтянутый подполковник. Когда я доложил ему, что прибыл для зенитного прикрытия полка перед началом прорыва, он выслушал меня и сказал: «Действуй лейтенант», и пожал руку. Это доверие и уважение надолго осталось в моей памяти. Об этом я неоднократно вспоминал, когда встречался с ним во время боевых действий совместно с 35-й танковой бригадой, которой он командовал. Это был боевой генерал - достойный сын азербайджанского народа.

Боевые действия начались утром 20 ноября 1942 года. После непродолжительной артподготовки части корпуса были введены в прорыв на участке обороны 57-й армии. Не ввязываясь в бои с крупными силами противника, и обходя опорные пункты румынских войск, части корпуса устремились в прорыв с целью обеспечить выход в оперативную глубину обороны противника на 60-70 километров и замкнуть кольцо окружения.

Задача, поставленная перед корпусом, была успешно выполнена. К концу 22 ноября наша 36-я механизированная бригада одной из первых в корпусе вышла со стороны Сталинградского фронта в район окружения, к населенному пункту хутор Советский.

Утром 23 ноября наши разведчики доложили, что в районе Калача уже находятся немецкие танки. Попытки противника прорваться к хутору Советский были успешно отбиты.

Мы знали, что со стороны Юго-Западного фронта в район Калача должны выйти наши танковые части, но сведений об их продвижении мы не имели.

И вот со стороны Калача появилась колонна танков. В синей дымке было трудно определить, чьи это танки. На серию зеленых ракет, которые обозначали «свои» - ответа мы не получили. Последовала команда: «К бою». Артиллеристы и танкисты изготовились к бою, но огня не открывали. Командир бригады подполковник Родионов М.И. решил навстречу танковой колонне направить офицера связи на бронемашине с красным флагом. Напряжение нарастало и вот долгожданный момент: с другой стороны мы увидели серию зеленых ракет. Это были наши танки. Так выдержка комбрига позволила избежать встречного боя со своими войсками и не

омрачить нашу историческую встречу двух фронтов. А виной этого были плохие метеорологические условия, так как из-за снежной поземки и низкой облачности танкисты 4-го танкового корпуса не видели наших ракет.

В 16 часов 23 ноября 1942 года состоялась историческая встреча 4-го танкового корпуса генерала Кравченко Юго-Западного фронта и 4-го механизированного корпуса генерала Вольского Сталинградского фронта. Так замкнулось кольцо оперативного окружения немецких войск под Сталинградом.

Дальше действия нашего корпуса были направлены на расширение внешнего кольца окружения. В оперативной глубине противника корпус действовал смело и решительно, освобождая многочисленные населенные пункты занятые румынскими войсками. Всюду на дорогах валялись разбитые и перевернутые конные повозки и орудия. Навстречу нашим частям шли длинные колонны пленных румынских солдат в больших овчинных папахах. Когда проезжали наши машины, они поднимали руки и кричали: «Антонеско предал. Гитлер капут». (Антонеско был премьер-министром Румынского Королевства). Для них война была окончена.

Вспоминается такой случай. Находясь в боевом охранении бригады, мы увидели, как из хутора выехала конная повозка. Повозка оказалась румынской полевой кухней. Когда повозка подъехала к нам, наши автоматчики ее остановили и стали осматривать, что везет румынский солдат. Видимо ему это не понравилось. Он слез с повозки и попытался вытащить из-под сиденья карабин. Наши ребята быстро его разоружили и разбили карабин об колесо повозки. Так закончилась война еще для одного румынского солдата, а мы познакомились с румынским национальным блюдом «мамалыгой» - жидкой кашей из кукурузных зерен.

Еще раз мы познакомились с разнообразием европейской кухни, когда захватили тыловые склады 6-й немецкой армии на станции Авганерово. Заботливые тыловики прислали, в преддверии победы немецких войск в Сталинграде, - французские коньяки, итальянские сардины, голландские сыры и многое другое, а сердобольные фрау подготовили новогодние подарки: письма, домашние соленья и варенья для своих солдат. Но этому празднику не суждено было состояться. Наши части разрушили эти планы, а европейские

деликатесы пришлись по вкусу нашим солдатам. Эта еда была намного вкуснее, чем суп-пюре гороховый и пшеничная каша с американской тушенкой.

Запомнились и армады транспортных немецких самолетов «Ю-52», которые днем и ночью доставляли окруженной армии Паулюса продукты, палатки, одеяла и многое другое. Этот воздушный мост, созданный по приказу Гитлера, вскоре развалился. Благодаря нашей зенитной артиллерии и авиации сотни транспортных самолетов были уничтожены, не долетев до Сталинграда.

Но особой строкой в моей памяти и памяти моих боевых друзей остались тяжелые бои под хутором Верхне-Кумским по отражению контрнаступления немецких войск под командованием Манштейна.

В ночь на 15 декабря части корпуса были сосредоточены в районе хутора Верхне-Кумский с целью нанесения контрудара по наступающим немецким частям. Силы были неравные. Немцы превосходили нас в танках и авиации. Имели на вооружении новые образцы техники, в том числе тяжелые танки «Тигр». Но мужество и стойкость солдат и офицеров проявлялись в каждом боевом эпизоде. Все стояли плечом к плечу на своих позициях, отражая бесчисленные атаки немецких танков и автоматчиков, и с честью выполнили поставленные задачи, остановив немецкие войска до подхода наших основных сил. Здесь родилась наша гвардейская слава и стойкость. Эти бои в какой-то мере были воспроизведены в кинокартине «Горячий снег». Многие наши боевые товарищи за эти бои были представлены к правительственным наградам, а командиру 55-го отдельного танкового полка А.А. Асланову было присвоено звание Героя Советского Союза и установлена памятная плита на Мамаевом кургане.

За участие в боях под Сталинградом приказом Верховного Главнокомандующего корпус был преобразован в «Гвардейский» и ему было присвоено почетное наименование «Сталинградский». Он стал именоваться 3-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус (3-й ГСМК). А 36-я механизированная бригада была преобразована в 7-ю гвардейскую механизированную бригаду.

В составе этой бригады я прошел боевой путь от Сталинграда до Прибалтики и закончил войну на Дальнем Востоке.

Всему личному составу корпуса было присвоено высокое звание гвардейцев, а участники боев были награждены медалью «За оборону Сталинграда». Это была моя первая боевая награда, которой я очень горжусь.

В память о погибших, с участием ветеранов корпуса, в хуторе Верхне-Кумский сооружен мемориальный комплекс «Стальное пламя», а нескольким ветеранам, участникам боев, было присвоено звание Почетных граждан Октябрьского района Волгоградской области. Этого почетного звания был удостоен и я.

В Волгограде находится средняя школа №16 имени 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса, которая одной из первых была восстановлена в городе на средства, собранные личным составом корпуса.

В настоящее время эта школа включена в состав мемориального комплекса на Мамаевом кургане.

Курская дуга

В составе 3-го гвардейского механизированного Сталинградского корпуса мне довелось участвовать в боях под Прохоровкой по отражению контрнаступления Ахтырской группировки немцев, а также в действиях корпуса в составе 47-й армии по освобождению Левобережной Украины.

Тяжелые бои продолжались, начиная с Прохоровского сражения до ввода корпуса в прорыв в районе станции Боромля, а также в боевых действиях по освобождению городов Сумской и Черкасской областей Украины.

Отступая, немцы жгли и уничтожали все на своем пути, минировали здания и взрывали мосты, железнодорожные станции, уничтожали подвижной состав, минировали дороги, с целью задержать продвижение наших войск к реке Днепр, чтобы использовать его для остановки нашего наступления. В этих условиях очень страдало местное население. На нашем пути встречались полностью сожженные села. Немцы поджигали соломенные крыши и бросали в хаты пачки патрон, чтобы селяне не могли спасти что-либо из домашних вещей.

На станции Пальмира под городом Золотоноша мы обнаружили закрытые товарные вагоны с местными жителями, которых готовили к отправке в Германию. Мы успели их освободить.

Немцы угоняли скот, жгли скирды с зерном. Двоих таких поджигателей на мотоцикле нам удалось ликвидировать, а вот гурт скота и свиней под городом Ираклиев не успели отбить, отступая, немцы их уничтожили. За время оккупации в Золотоношском районе Черкасской области было замучено и расстреляно более 20 тысяч мирных жителей.

Жители района свято чтят своих освободителей. В центре города Золотоноша на «Площади памяти» установлен памятник воинам гвардейцам 3-го ГМСК, погибшим в этом районе. В память командира корпуса генерала Обухова В.С. названа улица, установлен памятник - танк Т-34 в честь воинов освободителей. Многим нашим ветеранам корпуса присвоено звание «Почетный гражданин города Золотоноша». Этого почетного звания был удостоен и я.

Форсирование Днепра

Итогом боев на Курской Дуге явилось освобождение левобережья Украины и выход наших войск на широком фронте к берегам Днепра. Днепр являлся крупной водной преградой, на рубеже которого немцы рассчитывали задержать наше наступление. «Голубая линия» - линия обороны, на правом берегу Днепра, созданная по приказу Гитлера.

В конце сентября месяца части 47-й армии и нашего корпуса вышли к берегам реки Днепра в районе города Канев и начали подготовку к переправе частей на правый берег на участке деревни Селище, где была дача Тальберга. Ширина реки в этом районе вместе со «стариком» составляла от 250 до 400 метров. Правый берег был на много выше левого, а фарватер реки хорошо просматривался со стороны господствующей высоты у памятника Тарасу Шевченко (Тарасова гора). Переправлять пришлось на подручных средствах: на плотах, составленных из досок и четырех пустых бочек из-под горючего, или на плащ-палатках набитых соломой. Плоты привязывали к рыбацким лодкам и на веслах переправлялись на правый берег. Понтонных мостов у нас не было, поэтому в первые дни переправляли десантников с

легким стрелковым оружием. Позже на плотах переправляли зенитные пулеметы ДШК и 57-мм противотанковые пушки, а также 82-мм минометы. Мы закрепились на плацдарме шириной 5-6 км и глубиной 1,5-2 км.

Наш плацдарм и фарватер реки простреливался прицельным артиллерийским огнем, так как немецкие корректировщики находились на наблюдательных пунктах на Тарасовой Горе. Они появлялись там не маскируясь, подъезжали на автомашинах, как бы вызывая ответный огонь на себя. Вскоре мы узнали причину такого наглого поведения немецких солдат от бойцов партизанского отряда имени писателя Аркадия Гайдара, которые воевали в этом районе. Они сообщали, что немцы готовят провокацию. В случае обстрела нашей артиллерией и бомбового удара нашей авиации, они объявят, что русские варвары разрушают украинские святыни (памятники). Но ни один наш снаряд не упал на святую Тарасову Гору. Провокация не удалась.

Неоднократные попытки немцев сбросить нас с плацдарма в Днепр не удались. Мы держали крепкую оборону, но и мы не смогли развить успех на правом берегу. Однако, находясь здесь, мы заставляли немцев держать свои войска на нашем направлении. В боях на правом берегу погиб командир мотострелковой роты 8-й гвардейской механизированной бригады старший лейтенант Александр Степанов, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был младшим сыном семьи Степановой Е.П., матери схоронившей 9 сыновей, которых она потеряла в Гражданскую и Великую Отечественную войну. В 1973 году в станице Тимашевской Краснодарского края был открыт музей одной семьи - семьи Степановых, который мне довелось посетить вместе с ветеранами корпуса.

Но тяжелой болью остается в моей памяти гибель на правом берегу Днепра моего боевого друга и товарища командира взвода младшего лейтенанта Миши Шувалова и комсорга роты сержанта Смолякова. Они погибли в последний день нашего нахождения на плацдарме. Уже прибыли бойцы стрелковой роты, которой мы сдавали свои позиции. Когда мы покидали свои огневые точки и тащили пулеметы ДШК к берегу. Немцы открыли по нам минометный огонь. Одна из мин разорвалась прямо под ногами у Миши. Его разорвало на

части. Мы нашли только его очки и полевую сумку. Даже хоронить было нечего. Мы собрали его останки в воронку от взрыва и насыпали холмик, а на картонке от боеприпасов написали его имя и фамилию. Воткнули палочку с надписью в холмик. Я попросил остающихся солдат: «Ребята, если будете живы, поправьте холмик». Тело сержанта Смолякова мы забрали с собой на левый берег. Это были наши последние потери на берегах Днепра. Корпус уходил на формирование в Тульские танковые лагеря. Смерть выбивает из жизни лучших людей, а на фронте их гибло во много раз больше.

Вечная слава и память нашим погибшим товарищам на украинской земле.

На формировке

После боев на Днепре, корпус отвели на отдых и формировку. Часть транспортных машин и исправной техники мы передали в другие части для подготовки наступления на Киев с Богучанского плацдарма.

По железной дороге мы прибыли в Курск и разместились по ближайшим населенным пунктам. Тишина и беззаботная обстановка немного расхолаживала личный состав. Жили по домам. Ребята, соскучившись по домашней работе, помогали по хозяйству. Хозяйки были довольны и приветливы. В хуторе Голубицкий, где стояли подразделения нашей 7-й гвардейской механизированной бригады, наши механики починили трофейный трактор, наладили дизель-генератор, установили столбы и восстановили электросеть. В домах стало светлее и приветливее. По вечерам молодежь собиралась потанцевать под патефон, конечно только до вечерней проверки, но это была забота старшин подразделений, чтобы не было «самоволок».

С пребывающим пополнением проводили занятия по изучению материальной части. Занимались строевой подготовкой, но по снегу и на виду у хуторян, это не очень хорошо получалось.

Из этой почти мирной жизни вспоминается один эпизод. В хозяйственном взводе у нас служили два «старичка», как мы их звали, которым было лет под 40. Основной же личный состав составляли ребята в возрасте 19-23 лет, а мне в эту пору был 21 год. И вот старшина обратился ко мне и доложил, что

«старички» просят их отпустить в Курск, в церковь. Я доложил об этом замполиту бригады и спросил: «Что, мол, делать?» Он философски ответил: «Ты понимаешь, что у нас вероисповедание не запрещено. Можешь отпустить, но сам посмотри, куда они поедут». Старшина оформил им увольнительные, так как в городе были патрули. Сам я надел телогрейку без знаков различия и тоже поехал в город, и зашел в церковь. Среди прихожан в основном были женщины, мои солдаты были там же. Батюшка читал проповедь. Надо было видеть одухотворенные лица прихожан, когда он сказал: «Да поможет Господь нашему воинству победить супостата Гитлера. Поможем и мы нашей армии, чем можем».

Прихожане сдавали вязаные носки, варежки и другие вещи. Кто мог, сдавал деньги, а кто-то давал облигации госзайма. Люди выходили из церкви с чувством исполненного долга. Скоро глоток этой мирной жизни кончился. Наш корпус направляли в Тульские танковые лагеря для дальнейшего формирования.

Тульские танковые лагеря

Тульские танковые лагеря были центром по формированию и подготовке танковых и механизированных соединений.

В лагере все подразделения жили по строгому распорядку дня. Проводилась плановая боевая подготовка, учебные стрельбы, изучение новой материальной части.

В торжественной обстановке нам вручали боевые гвардейские знамена. Наши танкисты получили новые американские танки «Шерман». Мнения по их боевым качествам расходились. Танки «Т-34» имели более мощное вооружение и большую проходимость по бездорожью. «Американцы», как их прозвали, уступали по некоторым показателям, но оправдали себя в Прибалтике при движении по дорогам с твердым покрытием, так как имели резинометаллические гусеницы.

Пополнилась новым вооружением и наша зенитно-пулеметная рота (ЗПР). Мы получили 6 новых американских полугусеничных бронетранспортеров «М-17» с турельными установками, состоящими из четырех крупнокалиберных пулеметов «Кольт-Браунинг». Достоинством их было

применение трассирующих патронов. Это позволяло контролировать точность стрельбы, а трассирующие пули производили не только поражающее, но и моральное воздействие на противника.

Корпус пополнился новыми самоходными артиллерийскими установками. Значительным количеством автотранспорта. Все подразделения были «на колесах».

Корпус готовился для самостоятельных и маневренных действий во фронтовой операции.

Близость родного дома, побуждало желание побывать в Москве, повидаться с родными. Многие наши офицеры уже побывали в Москве и по моей просьбе заезжали к моей матери и рассказали, где я нахожусь.

И вдруг случилось неожиданное. По телефону из штаба бригады сообщили, что на КПП (контрольно пропускном пункте) ждет меня моя мать и жена. Относительно мамы было понятно и радостно (она собиралась приехать), а вот «жена». Мои друзья тоже удивились, а говорил, не женат. Надо было развязывать этот узел.

А случилось следующее. Мама собиралась ехать ко мне. Её провожала на вокзале моя школьная знакомая Лида Гукова, от которой я получал письма. В вагоне с мамой ехали ребята-курсанты. Они заинтересовались, куда едет мама и кого провожает девушка. Мама рассказала, что едет к сыну в Тулу, а вот провожает ее школьная знакомая сына. Ребята быстро оценили обстановку, и Лидочка с их помощью очутилась в том же вагоне на багажной полке, прикрытая курсантской шинелью без билета и документов. Мама потом часто вспоминала, как беспокоилась в пути и каждый раз вздрагивала, когда ходили контролеры и патрули. А теща, с улыбкой упрекала, что любовь такая была, что без документов и билета уехала без спроса, еще голодать нас заставила, так как с собой увезла хлебные карточки.

Так раскрылась тайна появления моей будущей жены, а день 25 мая 1944 года навсегда остался знаменательной датой в нашей совместной жизни, о которой знают наши дети и друзья. В этот день я всегда старался ей подарить букетик ландышей, как память о нашей первой весне.

Настало время расставаться. Три дня пролетели как один. Что мог сказать я этим дорогим для меня женщинам,

стоя на перроне вокзала. Маме обещал, что буду себя беречь и обязательно вернусь живым, а Лидочке, что не забуду, буду писать.

Я понимал, как призрачны эти обещания и как непредсказуема судьба каждого человека на фронте. За спиной у меня был Сталинград, где чудом остался жив, гибель товарищей на Днепре. Но я обязательно должен был утешить этих близких мне людей, вселить в их души надежду на будущее.

Простившись с ними на вокзале и пожелав счастливого пути, я поспешил на товарную станцию, где стояли наши воинские эшелоны для отправки на фронт. Куда едем - догадаемся в пути, а где воевать будем - узнаем при разгрузке.

Белоруссия. Операция «Багратион»

Летняя военная компания 1944 года определялась активными действиями наших войск на всем протяжении нашего фронта с фашистской Германией от Заполярья до Черного моря.

Одной такой операцией по освобождению Белоруссии и Прибалтики явилась операция «Багратион», в которой участвовал наш корпус. Операция готовилась в строжайшей тайне, что характеризовалось решающим фактором внезапности действий.

Наши воинские эшелоны прибывали и разгружались в ночное время и укрывались в лесных массивах. Для дезориентации противника проводились отвлекающие «операции». Для этих целей даже был создан, так называемый, демаскировочный батальон. В задачу этого батальона входило скрыть свежие следы от гусеничных машин, которые заметались с помощью спиленного дерева привязанного к автомашине, а также демонстрации погрузки техники в дневное время на железнодорожные платформы. Потом этот эшелон отправлялся в тыл до соседней станции и там разгружался, а днем эта операция повторялась снова.

Эти действия привлекли внимание немецкой авиации, которая совершала бомбовый налет по месту «ложной» отправки войск. Цель была достигнута, немцы поверили, что наши войска выводятся на другой участок фронта. Соблюдалась маскировка и при выездах на передний край

обороны наших войск при проведении рекогносцировки участков ввода наших частей перед наступлением. На рекогносцировку все офицеры выезжали в солдатской форме, небольшими группами. Наши офицеры видели на переднем крае обороны в «маскировочном» виде и самого командующего фронтом генерала Черняховского, который часто появлялся в передовых частях.

Корпус, перед началом операции, был включен в конно-механизированную группу под руководством генерала Осляковского, который командовал кавалерийским корпусом. На первых порах было логично: одни на конях, другие на танках автомашинах. Все были «верхом» и ни кого пешком. Но в ходе операции выяснилось, что «кони» оказались разными. Одним нужно овес да сено, а другим горючее и дороги им нужны разные. Поэтому в ходе операции наш корпус переподчинили непосредственно фронтовому командованию.

В наступлении корпус действовал решительно. После форсирования реки Березина, которая являлась основным рубежом обороны немцев, корпус быстро вышел на оперативный простор и, обходя оборонительные рубежи противника, глубоко вклинился на территорию, занятую противником, угрожая окружением большой группировки немцев в районе Минска.

За эти действия, в ходе боев командиру корпуса генералу Обухову В.Т. было присвоено звание Героя Советского Союза, а всему личному составу была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего товарища Сталина И.В.

Вот только некоторые даты действия корпуса указанные в грамотах, выданных мне от имени Верховного Главнокомандующего:

- за форсирование реки Березина и освобождение города Борисова 1 июля 1944 года;
- за освобождение городов Вилейка и Красное - 2 июля 1944 года;
- за освобождение столицы Советской Белоруссии города Минска 3 июля 1944 года;
- за освобождение города и крупного железнодорожного узла Молодечно 5 июля 1944 года;

- за освобождение столицы Советской Литвы города Вильнюса 13 июля 1944 года;
- за освобождение города Шауляй (Шавли) 27 июля 1944 года;
- за освобождение города Иелгава (Митава) 31 июля 1944 года;
- за прорыв обороны противника Юго-Восточнее города Риги - 19 сентября 1944 года.

Многие эпизоды боевых действий остались в моей памяти. Вот некоторые из них.

Наши передовые части вышли к городу Вильнюс. Вечерело. Над городом зарево, горели многие здания. Танкисты генерала Асланова сходу прорвались к вокзалу. Немцы пытались организовать оборону города. Но мы пресекли эти попытки артиллерией и пулеметным огнем. Действия наших танкистов затруднены. Узкие улицы: танком не развернешься, несли большие потери, нужна для прикрытия «матушка» пехота, а она все время отставала. К исходу следующего дня столица Литовской республики была освобождена.

И снова марш-бросок на город Шауляй (Шавли). Здесь отличилась наша 7-я гвардейская механизированная бригада. С ходу разгромили находящийся там гарнизон. Захватили железнодорожную станцию и стоявший там готовый к отправке эшелон с танками и военной техникой. Появление наших войск было столь неожиданным для немцев, что они выбегали из казарм без оружия и обмундирования, а на станцию подошел новый эшелон. За эти успешные действия бригаде приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено наименование: 7-я гвардейская механизированная Шауляйская (Шавлинская) механизированная бригада.

Стремительные действия наших войск немцы пытались сдерживать попытками нанесения встречных контрударов и активными действиями бомбардировочной авиации. Здесь оправдали себя «американцы». Танки «Шерман» хорошо показали себя на дорогах с твердым покрытием, развивали высокие скорости движения и управляемость, а зенитные установки «М-17» не раз срывали попытки немецких бомбардировщиков «Ю-87», которых за их конфигурацию крыла звали «горбылями», задержать наше продвижение.

Стремительные и успешные действия наших танковых и механизированных войск во многом снижались из-за

несвоевременного подхода и закрепления освобожденной территории общевойсковыми частями. Например, частями нашего корпуса, были освобождены города Елгава и Тукумс, а 8-я механизированная бригада вышла на берег Балтийского моря и отрезала Рижскую группировку немцев. Но из-за недостатка сил и не своевременного подхода пехотных частей, мы оставили этот участок.

Досадный эпизод, который упоминается в истории действий Прибалтийского фронта, это когда Маршал Баграмян приказал командиру 8-й бригады генералу Кремеру набрать три бутылки балтийской воды на берегу, куда вышла бригада, и отослать в штаб фронта для отправки Верховному Главнокомандующему, как доказательство успеха наших действий в Прибалтике.

И.В. Сталин, получив бутылки с балтийской водой и узнав, что немцы ликвидировали наш прорыв и восстановили свои позиции на фронте, сказал: «Пусть Баграмян теперь выльет эту воду, где наливал». Но он не обидел командира бригады и присвоил ему звание генерал-майора. Грустный урок, но факт. Стремительные действия механизированных частей не всегда подкреплялись достаточным количеством сил и средств для закрепления достигнутых результатов.

Действия корпуса по окружению города Риги и форсирование реки Огре, тоже не дали желательных результатов, т.к. на ограниченном плацдарме, особенно в лесистой местности, снижалась маневренность и ударная сила танковых подразделений корпуса. Мы понесли значительные потери в технике и личном составе, был ранен и я. И сейчас еще торчит осколок в ноге – «сувенир» из Прибалтики.

Особо следует отметить действие в операции «Багратион» белорусских партизан. Эти безвестные патриоты своей Родины, пережившие труднейшие испытания, по первой просьбе, а то и добровольно сопровождали наши колонны танков и машин, показывая переправы и обходные дороги.

Без содрогания нельзя было видеть дотла сожженные деревни, от которых остались одни кирпичные трубы от печей, да заросшие бурьяном огороды, где остались одни кошки, которые в отличие от собак жили у сожженных домов.

Не забыть бледные лица женщин и детей с благодарностью встречавших нас на обочинах дорог.

Вспоминается такой эпизод: к нашей кухне подошли женщины, принесли картошку и попросили у повара щепотку соли, а то мы уже долго живем без соли. Как есть картошку без соли? Когда я узнал об этом, приказал, чтобы старшина раздал всем, кто жил рядом в землянках по кружке соли. Эту соль женщины завязывали в платочки, как какую-то драгоценность. Вот как жил многострадальный народ Белоруссии в оккупации.

Вспоминается такой курьезный случай. В одном из лесов мы остановились для заправки, ждали подвоза горючего. И вот видим на дороге колонну из трех бензовозов. На подножке одного из них увидели нашего офицера, который стрелял вверх из пистолета, а сзади группу немецких солдат еле поспевающих за машинами.

В этом районе было много разгромленных немецких частей, солдаты которых маленькими группами прорывались на запад или сдавались в плен. Картина всего происшедшего скоро прояснилась. Об этом рассказал сам командир взвода снабжения ГСМ (горюче-смазочных материалов). «Еду, ищу вас, а из леса выходят на дорогу немцы. Думаю, подожгут цистерны, останется бригада без горючего. Остановил машины. Пистолет из кобуры и к ним. Кричу: «Хенде хох!» Они руки подняли. Собрал у них автоматы, гранаты, приказал побросать в кювет у дороги, а то думаю, еще подорвут бензовозы. Потом подумал, что их оставлять в лесу, могут других задержать и приказал им идти за машинами. По карте посмотрел, что недалеко до бригады, а там с ними разберутся». Об этом его поступке доложили командиру бригады. Позже за это его наградили орденом Красной Звезды. Он очень гордился и говорил, что за немцев получил. Но пристало к нему доброе прозвище «Саша хенде хох».

Как, много иногда зависели наши боевые действия от самоотверженности этих рядовых тружеников тыла. Не подвези Саша вовремя горючее - вся бригада превратилась бы в неподвижную машину не способную выполнить боевую задачу в срок. Такую же благородную службу выполняли наши медики, которые нас не только спасали, но и возвращали в строй. Доброе слово хочется сказать нашим ветеранам женщинам-врачам, которые и сейчас поддерживают нас ветеранов добрым словом и советом.

Среди них ветеран нашего корпуса, наш доктор Ольга Емельяновна Михеева, прошедшая боевой путь в составе 9-й гвардейской Молодеченской механизированной бригады от Сталинграда до Прибалтики. Жаль, что не помню фамилию Александра, командира взвода подвоза ГСМ.

Конец войне

Действия корпуса зимой и весной 1945 года не отличались былой активностью. Попытки ликвидировать Курляндскую группировку немцев не увенчались успехом. Немцы имели здесь долговременную и подготовленную оборону, состоящую из долговременных огневых точек (ДОТ) и окопы в полный профиль. В условиях лесисто-болотистой местности эта оборона представляла большие трудности. Неоднократные попытки ликвидировать группировку не давали результата.

Война ушла далеко на Запад. Основные боевые действия в Польше и на территории Германии. На повестке дня стоял Берлин. Про наши действия в Прибалтике ходила такая байка: «Едут из Берлина в Москву на парад Победы Жуков и Рокоссовский. Подъезжают к нашей границе и слышат стрельбу. Жуков спрашивает, кто стрелял, а ему отвечают: это Баграмян добивает Курляндскую группировку». Это послевоенная байка была похожа на правду.

8 мая мы поймали по рации на английском языке сообщение, что подписана капитуляция. 9 мая мы узнали о нашей Победе. Только во второй половине на нашем участке появились несколько немецких машин с офицерами парламентерами с белыми флагами, которые должны были согласовать порядок сдачи окруженных немецких войск. Но праздник уже шел по всему фронту. Все, что можно было пить – пилось, стреляли по поводу и без повода.

11 мая поступил приказ выделить несколько бронетранспортеров для охраны сборных пунктов для приема капитуляции немецких частей. На одном из сборных пунктов пришлось быть и мне. Приходилось испытывать смешенные чувства, стоя в кабине бронетранспортера и быть готовым к любым действиям, когда в 20 метрах проходят немецкие подразделения. Впереди колонны в пешем строю проходят офицеры, потом идут солдаты по четыре человека в ряду. Все

без оружия. Потом двигаются автомашины с белыми полосами на бортах, где сложено личное оружие. Потом машины с прицепленными орудиями и минометами, штабные машины, машины с боеприпасами и продовольствием.

Перед тобой твои враги, готовые недавно в тебя стрелять и убить, а теперь, шагающие в строю без оружия. Все ли смирились со своей участью. Что они думают? А думали все по-разному. Одни с позором прошли по столице нашей родины Москве, а другие и после капитуляции, смешавшись с «лесными братьями» (местными бандитами), и после войны творили свое черное дело. Поджигали лесопилки, взрывали мосты, нападали на отдельные машины, грабили местное население. Но мирная жизнь входила в свои права. Части находились в летних лагерях.

Поступил приказ: подготовить наградные материалы на весь личный состав, принимавший участие в боевых действиях. Дело благородное, но хлопотное. Надо было вспомнить о каждом боевом подвиге, а главное об этом умело написать. С благодарностью мы все вспоминали о нашем замполите, который занимался этой работой. Он был до войны учителем, был постарше нас и умел грамотно все изложить.

Подлежали демобилизации старшие возраста рядового и сержантского состава и женщины на должностях младшего медицинского персонала. Мы провожали нашего санинструктора Тоню Осипенко. Несмотря на свою молодость, ее уважали за самостоятельность и строгое поведение. Она была знакома с одним из офицеров нашей бригады, и все уважали их дружбу. Когда Тоню отправляли, все старались что-то подарить ей из трофейных вещей, кто чемодан, кто машинку, кто мясорубку, разное белье, одеяла. Она отнекивалась: «Ребята, все не довезу, мне далеко ехать до Ташкента». Отвечали: «Бери, бери. Будешь жить самостоятельно и нас вспоминать в Ташкенте».

Провожали мы и нашего наводчика зенитного пулемета Ивана Ивановича Шавинкова. Он был старше всех, отличался какой-то самостоятельностью, судил обо всем своим крестьянским и хозяйственным взглядом. На прощание он подарил мне немецкую бритву для бритья «Золинген» и коробку швейных игл. Бритву я думал подарить своему отцу, а вот насчет игл, засомневался. Когда я спросил об этом Ивана

Ивановича, он ответил: «Бери командир, иглы в хозяйстве дело нужное, теперь вся Россия разорена». Иглы я отдал маме, она была благодарна. Помнится, еще раньше, еще до начала операции, мы беспокоились о судьбе семьи Ивана Ивановича. Она пропала где-то в Смоленской области. Письма возвращались обратно. Жена ему не писала. Спасибо замполиту, разыскал его семью: он получил письмо от жены. Мы его стали расспрашивать, как жена, дети. Он ответил с крестьянской откровенностью: «Что жена, она баба, но молодец, главное корову сохранила». Мы были рады за него. Есть куда ехать солдату.

Но для остальных наших ребят война еще не кончилась. Наш корпус перебрасывался на Дальний Восток для выполнения союзнических обязательств по разгрому Японии. Жаль, что не удалось узнать судьбы многих своих сослуживцев, с кем пришлось воевать и знать, как сложились их судьбы в мирных условиях. А нужно бы помнить обо всех, они достойны этого.

Дальний Восток

В июне 1945 года части корпуса начали отправляться на Дальний Восток. Предстоял дальний путь, почти в 10 тысяч километров. Опыта по переброске такого количества войск мы не имели, особенно по перевозке тяжелой техники. Подвижной состав был изношен, на некоторых участках к эшелонам прицепляли по два паровоза. Но это все еще было впереди. А сейчас была только одна мысль: хоть несколько дней побывать дома в Москве. И мне удалось заехать домой на три дня. Радости не было конца. Но надо было уезжать и догонять свой корпус в пути, а это было не так просто.

Попытка достать билет на пассажирский поезд не увенчалась успехом. Но мне повезло. На Казанском вокзале я встретил командира 8-й бригады генерала Кремера, который тоже был в Москве. Я доложил о своем положении, и он принял командирское решение: «Поедешь со мной в купе без билета. На вокзале заносишь мои вещи и не выходишь из вагона до отправления. Спать будешь на багажной полке». Выход был найден. Главное он знал номера эшелонов нашего корпуса, и я в Новосибирске догнал свою бригаду.

Эшелоны двигались медленно, но ехали весело, как победители, особенно отличались части, перебрасываемые из Германии. У них было много всяких трофеев, которые они меняли на самогон, который являлся основной обменной валютой. Буйный характер нашего воинства иногда переходил допустимые границы. Один командир эшелона решил погулять. Остановил эшелон, снял легковую машину «Виллис» и поехал в город. Там его задержала местная комендатура. На выручку своего командира в комендатуру явился целый взвод автоматчиков во главе с его заместителем. И предъявил ультиматум: «Не отпустите командира - буду стрелять». После таких выходок последовали грозные приказы о порядке прохождения воинских эшелонов. Эшелоны старались не останавливать на узловых станциях и вокзалах городов. Паровозные бригады меняли теперь на промежуточных станциях, чтобы избегать подобных происшествий.

Вспоминается такой случай. Остановились мы на одном полустанке. Я вышел на станционную платформу. Ко мне подходит пожилая женщина и говорит: «Ты сынок командир?» Я отвечаю, что да, я офицер. Она показывает мне двухсот граммовую головую шашку и говорит, что вот ваш солдатик, такой молодой и кудрявый дал мне мыло, а оно не мылится. Что было делать, чтобы загладить неблаговидный поступок неизвестного мне сапера. Я вызвал старшину и сказал ему, чтобы он выдал ей два куска настоящего мыла. Она поблагодарила и сказала: «Хорошие вы ребята, дай бог здоровья... Дала бы вам самогоночки, но еще не нагнала». Старшина пошутил: «Бабуля не беспокойся, на обратном пути угостишь. А за шалость ребят, извини, ведь с войны на войну едут». А ехали мы действительно далеко. И никто не знал, какая судьба ждет каждого из нас. А кругом были обширные поля и леса. Неразрушенные войной города. Это замечательное озеро Байкал и вся сибирская природа. И только здесь многие из нас начали понимать, как велика и прекрасна наша страна, которую мы защитили. И снова ехали отстаивать интересы нашей страны на Дальнем Востоке.

В составе 1-го Дальневосточного фронта корпус действовал во втором эшелоне. Впереди действовали дальневосточные части, которые стояли на границе всю войну и имели свои счеты с японскими самураями. Бросался в глаза

низкий уровень японской военной техники по сравнению с нашей техникой и немецкими образцами вооружения, с которой мы встретились на западном театре военных действий. Здесь успешно действовали наши танки БТ-7, времен начала войны. А танкисты несли потери не от японцев, а от неисправностей и перегрева двигателей (техника была старой). И «самурайский дух», о котором много говорили, мы быстро выбили. Помню, как в одном боевом столкновении мы встретили ожесточенное сопротивление японцев. После залпа наших «Катюш», японцы разбежались во все стороны с обороняемой сопки.

Победа над Японией

3 сентября 1945 года Япония подписала капитуляцию. Война была окончена. По случаю Победы над Японией в Ворошилов-Уссурийске был устроен парад. Во главе парадного расчета стояли 16 бронетранспортеров с боевыми знаменами частей, а впереди на коне командир корпуса генерал-лейтенант Виктор Тимофеевич Обухов. Танкисты шутили: «Товарищ генерал, может что подрегулировать». «Не беспокойтесь. - отвечал генерал. - Я на коне полжизни проскакал, не подведет». Это был замечательный командир, настоящий русский патриот из казацкой станицы. Добрый и отзывчивый человек. С Виктором Тимофеевичем мне довелось пройти не только войну, но и неоднократно встречаться после войны, когда он был заместителем начальника Бронетанковых войск.

Парады и празднества кончились. Наступила мирная жизнь. По законам мирного времени, корпус преобразовали в дивизию, а бригады в полки. Наш 7-й гвардейский механизированный полк стоял в городе Хороле, штаб дивизии в городе Ворошилов-Усурийском.

По новым штатам я был назначен командиром Отдельной зенитно-пулеметной роты (ОЗПР). Подлежали демобилизации солдаты и сержанты средних возрастов. Уходили последние ребята, с кем пришлось пройти войну, оставались, как мы их звали «васильки». Это солдаты 1926-27 годов призыва, но уже успевшие немного повоевать. Мы старались наших «стариков» одеть поприличнее, за счет ребят, которые оставались служить. Ведь ехали наши победители, прошедшие две войны. А для

некоторых солдат военное обмундирование было единственной одеждой и после демобилизации.

Вспоминается, какое-то несуразное распоряжение: демобилизацию проводить в обмундировании второй категории. Но своих солдат, спасибо моему старшине Трошеву, мы отправили всех ребят в хорошем обмундировании. За что впоследствии я получил взыскание - за невыполнение распоряжения вещевой службы. Бюрократов и тогда хватало - проводить экономию за счет других.

Гвардии «пастух» - память о солдате

Была в моей фронтовой жизни такая история. Служил я в 3-м гвардейском Сталинградском механизированном корпусе. В 1943 году, перед началом Курской битвы. Корпус находился в резерве Степного фронта. Со мной в зенитном подразделении служил командиром пулеметного расчета старшина Иван Ильич Овчаров, у которого остались родители в городе Короча, Курской области. Корпус в это время находился недалеко от этого места. Иван Ильич был призван в армию еще до войны и давно не был дома.

Мы с разрешения командования на машине решили заехать к его родителям. Городок Короча был небольшим, весь утопал в зелени цветущих яблонь. Война обошла его, и разрушений было мало. Я познакомился с родителями, которые преподавали в местной школе, и его младшим братом Володей, учившимся в 9-м классе. Все были рады встрече. Володя быстро познакомился с нашим шофером, который дал ему немного порулить на машине. Потом они стреляли из карабина по банкам в огороде. Мы не сразу поняли его пристрастие к технике, а он, как оказалось после, проверял свою профессиональную пригодность к военному делу.

Вечером, когда все сидели за семейным столом, Володя заявил, что хочет ехать с нами на фронт, а если мы не возьмем его, он убежит сам. Мы стали приводить ему разные доводы: Иван сказал, что еще молодой и рано ему воевать; папа уговаривал его, что надо доучиться и окончить 10 классов; мама была в слезах: «За одного переживала, а теперь буду переживать за двоих. Не пущу». Но Володя был непреклонен и стоял на своем. Зная его решительный характер, можно было ожидать, что он поступит так и сбежит сам.

Посоветовавшись с отцом, мы решили взять его с собой. Володю предупредили, что если командир нашей бригады не разрешит служить - вернется домой. У нас была надежда, что командир бригады полковник Родионов, разрешит взять Володю в наше подразделение, так как сам переживал за своего сына, который сбежал из дома без разрешения, и полтора месяца добирался до места формирования нашей бригады под Саратовом. И отец вынужден был оставить его у себя, в санитарном взводе санитаром.

Утром мы собрались все вместе и поехали обратно в часть. Со слезами на глазах провожала нас мама, крепился отец, а на прощанье сказала: «Вот была радость встречи, а теперь сердце будет болеть за двоих». К счастью, война сохранила сыновей. Ваня после ранения возвратился домой из Прибалтики, а Володя уехал с нами на Дальний Восток и служил там до 1948 года. Был награжден медалями: «За отвагу», «За Победу над Германией» и «За Победу над Японией».

Володю зачислили в нашу зенитно-пулеметную роту. Понимая его молодость и ответственность за его судьбу, определили его в хозяйственное отделение. Там он помогал старшине получать продукты, повару готовить пищу, получал почту. В общем, старались как-то оберегать его, а он всегда спрашивал, как воюют ребята, и рвался в боевой расчет.

И вот однажды, когда я приехал в хозяйственное отделение и спросил его, как идут дела, он буркнул, что ничего. Потом, перейдя на официальный тон, сказал: «Товарищ командир разрешите обратиться». Я сказал, что его слушаю, и он с запалом заявил, что просит перевести его в пулеметный расчет и не хочет быть в хозяйственном отделении, потому что хочет служить по-настоящему, а не быть «гвардии пастухом».

Поводом к такому обращению послужил такой случай. Старшина для продовольственного обеспечения получил вместо мяса, трех овечек. Это часто практиковалось, и части получали местные заготовки в виде гурта скота. Пасти и охранять этих овечек старшина поручил Володе, что вызвало в нем такой протест. Я сказал Володе, что надо же кому-то варить обед, получать продукты, и нечего зазорного в этом нет. Вот наш повар Володя Половченя тоже просится в боевой

расчет, но выполняет свои обязанности. Звание гвардейца присвоили ему не за овец, а за то, что он находится в боевой части и каждый должен выполнять порученные обязанности.

Этот юношеский максимализм и неприятие той заботы, которую к нему проявили окружающие, как-то затрагивало его чувства - он хотел быть как все взрослые. Быть настоящим солдатом. А это иногда не всегда получалось. Как-то доложили, что Володя заболел и ему требуется медицинская помощь. Я взял машину, захватил нашего санинструктора Тоню Осипенко, и мы выехали в расположение хозяйственного отделения. Володю увидели лежащим в палатке. Он был бледен и жаловался на боли в животе. На вопрос, что случилось, он тихо сказал, что съел мед. Конечно, от меда плохого ничего не должно быть, но когда Тоня стала осматривать его, то на животе у него выступала какая-то липкая жидкость. Стали спрашивать, как это произошло. Он рассказал, что был в деревне у дедушки-пасечника, которому он помогал переставлять ульи, а тот дал ему полный котелок молодого меда. Дома он съел почти полкотелка и вот заболел. Хорошо, что вся болезнь закончилась принятием слабительного.

В Прибалтике, в одном из населенных пунктов, где мы должны были располагаться, пошли осматривать дом. С нами был Володя. Дом был большой, двухэтажный. Для входа на второй этаж была большая лестница, над которой висела картина «Три медведя». Мы поднялись наверх, а Володя остался внизу. И вдруг раздался выстрел. Мы сразу вниз и видим, стоит бледный Володька, а у его ног валяется картина. На вопрос: «Что случилось?» Он ответил: «Это я стрельнул в медведя». Так и прилипло к нему одно прозвище «медовик», а теперь второе - «медвежатник».

Владимир Ильич стал хорошим солдатом и замечательным преданным Родине человеком. Он, после демобилизации из армии, жил в Белгородской области, занимался сельхозтехникой. Приезжал на встречи ветеранов корпуса. Бывал часто у меня. Был знаком с моей женой и моими детьми. Часто привозил в подарок сельскохозяйственные дары, в том числе и мед, которым угощал всех, но сам не пробовал его. Смеясь, говорил, что на Курской Дуге наелся.

Я рад был помочь в его обиде, когда ему отказали во вручении нагрудного знака «Участник боевых действий». В местном военкомате он получил отписку, со ссылкой на то, что его участие в боевых действиях не соответствует призывному 18-летнему возрасту, установленному для службы в армии. Это была очередная глупость наших чиновников. Но, в итоге, правда восторжествовала. Жаль, что, будучи еще молодым человеком, он рано ушел из жизни.

Пусть память о братьях Овчаровых останется в истории войны. Они достойны этого.

Академия

Стал задумываться и я о своей будущей судьбе. Конечно, служить в высокой должности командира отдельной части со своей печатью и знаменем престижно. Но что дальше. Иметь общее среднее образование и училище военного времени для дальнейшей службы было мало. Надо было учиться или уходить из армии. И вот приходит письмо из Москвы от мамы. В нем запрос от предприятия, где я работал по путевке комсомола до ухода в армию. В нем просьба откомандировать меня в Москву, как опытного специалиста. Дорогая материнская душа, и здесь она позаботилась обо мне. Я не знаю, сколько ей стоило нервов, а может быть и унижений, чтобы получить такой документ. Дорогая мама, какой я опытный специалист? Я всего-то полтора месяца проработал на заводе диспетчером цеха. Правду говорят, что пока живы наши родители, мы всегда для них остаемся детьми, о которых надо заботиться.

Я написал рапорт о демобилизации из армии, сославшись на это письмо. Через два месяца меня вызвал командир корпуса. Ответ был один: «Ты молодой, коммунист нужен армии. Будешь служить. При возможности отпущу учиться в Академию».

Я стал ждать эту возможность. Засел за учебники. Сдал экстерном экзамены в средней школе, чтобы не ждать мой московский аттестат. И такая возможность представилась в 1947 году. Сдал предварительные экзамены по математике и русскому языку. Эти экзамены запомнились на всю жизнь.

На экзамен из Хороля, где стоял полк, до Ворошилов-Усурийского мы ехали на бензовозе, других машин не было. И

вот стоим мы в забрызганном грязью обмундировании - два кандидата на поступление - посередине аудитории Дома офицеров. Ребята пишут диктант - отрывок из рассказа «Челкаш» Максима Горького. Немая сцена - преподаватель не знает, что с нами делать. Потом говорит: «Садитесь, если приехали, и пишите вторую часть, а потом я продиктую Вам начало». И теперь, когда мы встречаемся с моим другом и однополчанином полковником Юрием Ивановичем Рудченко, мы произносим тост «За тот бензовоз, который нас в Академию привез». Даже наши близкие и знакомые, которые знают эту историю, шутливо замечают, когда будет тост за бензовоз.

Я успешно сдал вступительные экзамены на инженерный факультет Академии бронетанковых войск. А вот на вступительной комиссии, председатель комиссии задал мне неожиданный вопрос: «Товарищ Поляков, а почему Вы поступаете на инженерный факультет, если были на командной должности и имеете боевой опыт?» Этот вопрос озадачил меня и в корне менял мои планы. Во-первых, я не был танкистом, а окончил артиллерийское училище, во-вторых, при назначении на командную должность вспомнят об этом. На этот вопрос, с дрожью в голосе, я ответил: «Товарищ генерал, я хочу свой командный опыт пополнить инженерными знаниями». Повисла тревожная пауза. Когда меня снова пригласили в зал заседания, генерал с сарказмом сказал: «Ну, если не хотите быть командиром, идите в смазчики». Вопреки воле генерала (не хочу вспоминать его фамилию) я не стал «смазчиком», а на отлично защитил дипломный проект по танковому вооружению и был направлен на Научно-исследовательский бронетанковый полигон на должность старшего инженера-испытателя танкового и специального вооружения.

Еще и сейчас на вооружении нашей армии встречаются образцы танковых артиллерийских систем, в испытаниях которых пришлось участвовать. И я горжусь этим. А знания, полученные в Академии бронетанковых войск, пригодились мне и в дальнейшей службе в Ракетных войсках стратегического назначения (РВСН) и в Военно-космических силах.

Немного о себе

После окончания Великой Отечественной войны моя жизнь была связана с армией. В составе Вооруженных Сил я прослужил более 36 лет.

После службы на Дальнем востоке, в 1947 году я поступил на инженерный факультет Академии бронетанковых войск, который окончил в 1953 году и получил диплом инженера-механика по танковому вооружению.

По рекомендации научно-технического Комитета ГБТУ был направлен на Научно-исследовательский испытательный полигон (ныне НИИ-70 МО РФ), где занимался разработкой и испытанием новейших образцов танкового оружия, систем стабилизации, танкового огнеметного вооружения и самоходных зенитных установок. Проводил испытания в различных климатических зонах Советского Союза и за рубежом.

Дальнейшую службу проходил в составе Ракетных войск стратегического назначения в Главном ракетном и космическом управлениях, где занимался разработкой и контролем производства стратегических ракет среднего радиуса действия, ракет-носителей и летательных космических аппаратов. Участвовал в подготовке полетов обитаемых космических аппаратов и полетов первой группы космонавтов. Горжусь, что довелось служить под руководством Героя Советского Союза, космонавта Германа Степановича Титова в Главном космическом управлении.

Награжден нагрудными знаками за развитие космонавтики, именной медалью космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Ветеран Вооруженных Сил, Ветеран войск стратегического назначения и Военно-космических Сил.

За боевые действия и прохождение воинской службы награжден орденами Отечественной войны I-й и II-й степени, двумя орденами Красной Звезды и 22 медалями, в том числе «За оборону Сталинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За победу в войне над Германией», «За победу в войне над Японией», «60-летия вызволения Украины», «60-летия вызволения Белоруссии».

За участие в боях за освобождение городов и проведение военно-патриотической работы присвоено

звание Почетного гражданина Октябрьского района Волгоградской области, Почетного гражданина города Золотоноша (Украина), Почетного гражданина города Сморгонь (Белоруссия).

Я участник парадов на Красной площади в Москве в честь 50 и 55-летия Победы в Великой Отечественной войне. Член Совета ветеранов 3-го ГМСК, секции бронетанковых и механизированных войск Московского комитета ветеранов войны.

Май 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студенты 1-го курса факультета «Системы управления, информатики и электроэнергетики» Московского авиационного института (государственного технического университета)

Меньщиков Сергей Вячеславович

и

Николаев Глеб Андреевич

Протасова Валентина Александровна

Осколок прошел насквозь через грудь Марины

До войны

Я родилась 13 декабря 1923 года на Северном Кавказе в городе Моздок. Среднею школу окончила в 1941 году. 19 июня прошел выпускной бал, а 22 июня всех молодых людей, способных держать оружие, отправили на фронт.

Город опустел. В городе остались только старики и женщины. В тот момент я не понимала, какая беда к нам пришла. Я мечтала о вузе. Школу я окончила с отличием, и это давало мне право поступать в ВУЗ без вступительных экзаменов. Я хотела быть инженером-авиаконструктором и решила послать документы в авиационный институт. Но в июле мне вернули документы с резолюцией, что будет лучше, если я найду ВУЗ поближе к дому. Я была расстроена. Но мать решила, что будет лучше, если я буду учиться в одном вузе вместе со старшей сестрой. Галя училась на четвертом курсе в Институте железнодорожного транспорта в городе Ростове. Я отправила туда документы и была зачислена на первый курс.

1 сентября я приступила к занятиям. Занятия продолжались три недели, а потом начались налеты фашисткой авиации, и мы большую часть времени проводили в бомбоубежищах, а не на занятиях. В декабре 1941 года институт получил указание к эвакуации. Мы не знали, куда нас эвакуируют. Вскоре выяснилось, что нас эвакуировали в

Тбилиси в их институт железнодорожного транспорта. Студенты этого ВУЗа встретили нас радушно. Нас разместили в общежитии, а так как мест не было, нам приходилось спать на полу на матрасах, набитых соломой. Родители не знали, где мы находимся. У нас кончались деньги. И мы пошли работать. Днем мы работали, а вечером учились. Я работала на фабрике мотовщицей. Через 1,5 месяца я сильно заболела, и меня положили в больницу. После выписки я вернулась к родителям в Моздок.

Путь на фронт

В родном городе меня все чаще стали посещать мысли о фронте. И окончательное решение было принято, когда я шла по пустым улицам города и увидела фотографию Зои Космодемьянской. Я собрала девушек-единомышленниц, и мы решили пойти в райком.

В райкоме нас встретили и отправили в военкомат. Там нам сказали, что они не нуждаются в нашей помощи, и если мы понадобимся, то нас вызовут. Но не прошло и двух дней как мы получили повестки, где было сказано взять все необходимое и явиться к военкомату в указный срок.

Родители были против и не хотели отпускать, но я была настроена защищать родину от врага.

В апреле 1942 года нас собрали у военкомата, отвезли на станцию и отправили в Ростов. Там нас в течение месяца по 12 часов в сутки обучали телефонному делу. Ровно через месяц нас обмундировали и отправили на фронт.

Юго-Западный фронт

Меня определили в 46-й отдельный батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи (46 ОБ ВНОС). Нас разбили на посты, в каждом по пять человек - четыре бойца и пятый начальник поста, я была начальником поста. Наш пост находился на железнодорожном переезде под Ботайском. Между каждым постом было расстояние 15-18 километров. Мы дежурили круглосуточно по четыре часа каждая. Наша задача заключалось в том, чтобы отслеживать самолеты фашистов и передавать информацию о направлении, модели и высоте. Мы не должны были пропустить фашистов к

мосту, соединявшего Ботайск с Ростовом. В 1943 году как раз велись бои за Ростов, он то и дело переходил из рук в руки.

26 апреля 1943 года на Ростов шла туча немецких самолетов, и мы передавали информацию, как вдруг заметили, что от всех самолетов отделились два самолета модели Dornier Do-12 и направились в нашу сторону. Они открыли огонь по нашему посту и сбросили на нас восемнадцать бомб. И лишь одна бомба упала недалеко от нас и разорвалась. Я стояла между Мариной Кудряшовой и Лизой Никитиной. И видела, как осколок пронзил насквозь грудь Марины, а Лиза была контужена. Меня изрешетило осколками. Я, не чувствуя боли, бросилась к Марине, но она была мертва, я бросилась к Лизе, она была жива. После этого я Лизу больше не видела и не знаю, осталась ли она жива. Марина была похоронена с почестями.

Я, истекая кровью и ничего не понимая, пошла к железной дороге за помощью. Я шла и упала в яму. И увидела, как мне навстречу идут два бойца советской армии. Как я узнала потом, рядом с нами находился склад боеприпасов. Они отнесли меня к железной дороге, узнали, где находится госпиталь. Смотритель на переезде посмотрел на меня и сказал, что мне не жить. После этого я не помню, как попала в госпиталь. Когда я пришла в себя, в госпиталь приехал командир ВНОС Марченко и вручил мне медаль «За отвагу». Когда мне стало лучше, то меня стали посещать мысли о том, как же мой пост без меня. Я рвалась на пост, но меня не выписывали. И тогда я решила бежать. Я дошла до переезда, где увидела того самого смотрителя, и спросила как добраться до разъезда. Он сказал, что мне надо сесть на поезд и доехать до него, но поезд там не останавливается, а только замедляет ход, и надо прыгать. Потом он меня спросил, неужели я та самая девушка, которая собиралась умирать. Удивился, узнав, что это я, и сказал, что я родилась в рубашке. Доехав на поезде до разъезда, я спрыгнула, но неудачно, и чудом осталась жива. Я поранила лицо, руки, живот и ноги. Меня увидели мои девочки с поста и принесли на пост. Ночью у меня начался жар и сильные боли, и я снова попала в тот же самый госпиталь. После выздоровления я возвратилась на пост.

От Ростова до Каспийского моря

В августе 1943 года к нам на пост прибыл старшина с приказом об эвакуации. Наши войска отступали и направлялись в сторону Северного Кавказа. Лето было жарким, пыль стояла столбом от нашей армии. Солдат мучила жажда. Дойдя до небольшой речки, солдаты бросались в воду. Это было ужасное зрелище. Потом нас всех построили и нам был зачитан приказ №227 «Ни шагу назад!», а отступавшие без приказа, считались врагами народа и подлежали расстрелу.

Мы дошли до Каспийского моря. Нас переправили через залив и разбили на посты в пустыне. Там мы оставались недолго. Наша армия начала наступать, и мы снова были переброшены назад.

Потом меня перебросили под Харьков, где я была назначена командиром 15-го отдельного батальона воздушного наблюдения оповещения и связи (15 ОБ ВНОС).

День победы!

Свой боевой путь я закончила под Дрезденом. А день Победы я встречала под Берлином в городе Беутен. В Берлин я прибыла уже после того как над рейхстагом был водружен наш советский флаг. Я ходила по Берлину и любовалась его красотой.

Началась демобилизация. Я ждала этого дня, чтобы вернуться домой и поступить в ВУЗ. Но уже на дворе был август, а меня так и не демобилизовали. Я начала переживать, что не успею подать документы.

И все-таки я дождалась этого дня, в конце августа меня демобилизовали, и я вернулась домой.

Мои боевые награды.

1. Орден Отечественной войны I-й степени, №132129.
2. Медаль "За отвагу", №212747,УТ.1943 г.
3. Медаль "За оборону Кавказа", вручена 13 августа 1980 года, У.№015360
4. Медаль "За победу над Германией в 1941-1945 гг."
5. Медаль Жукова, 71У. 1996 г.

6. Медаль "20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", 1965 г.

7. Медаль "30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", 25/1У.1975 г.

8. Медаль "40 лет победы Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", 12/1У. 1985 г.

9. Медаль "50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", 22/Ш.1995 г. С.№13273880

10. Медаль "60 лет вооруженных сил СССР", 10/Х1. 1978г.

11. Медаль"70 лет вооруженных сил СССР", 28/I. 1988 г.

12. Медаль "850 лет г. Москвы"

Мои трудовые награды.

1.Медаль "За доблестный труд" в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, I/X.1970 года.

2.Медаль "Ветеран труда" за долголетний добросовестный труд, 13/У. 1985 года.

3. Нагрудный знак "За отличные успехи в работе" Высшая школа СССР, XI. 1972 года.

4. Нагрудный знак "Победитель Социалистического Соревнования" 1973 год (10/1. 1974 год).

5. Нагрудный знак "Победитель Социалистического Соревнования" 1978 год (П. 1979 год).

6. Нагрудный знак "Отличник Социалистического Соревнования легкой промышленности". I. 1970 год. Удостоверение № 9.816.

После войны

Вернувшись домой в августе 1945 года, я узнаю, что начало учебного года переносится на 17 сентября 1945 года.

Я отправила документы в Московский государственный текстильный университет. И меня зачислили на первый курс МГТУ на факультет машиностроения и управления качеством.

В 1950 году я заканчиваю ВУЗ по специальности инженер-технолог по прядению шерсти. Успешная учеба в институте послужила мне рекомендацией в аспирантуру. В 1953 году защитила кандидатскую диссертацию,

подготовленную под руководством основателя кафедры технологии шерсти профессора Н.Я. Канарского, а в 1973 году защитила докторскую диссертацию. Остаюсь работать в своем вузе.

В 1960 году мне было присвоено звание доцента, а в 1975 году звание профессора. С 1972 года по 1979 год я была деканом факультета машиностроения и управления качеством, а с 1979 года по 1993 год являлась заведующей кафедрой технологии шерсти. С 1981 года по 1988 год была членом экспертного Совета ВАК СССР при Совете Министров СССР.

Также являлась научным руководителем проблемы, выполняемой коллективом кафедры "Разработка новой, высокоэффективной технологии шерстяной пряжи", при разработке которой подготовлено 14 кандидатов технических наук и 2 доктора технических наук. Опубликовано 154 научных труда, в том числе пять учебников для ВУЗов.

Я разработала общую теорию процесса вытягивания для создания оптимального поля сил трения вытяжного прибора и получения продукта с заданными свойствами, на базе которой создан вытяжной прибор серийной прядильной машины. В это же время под моим руководством преподавателями кафедры написаны учебники "Прядение шерсти и химических волокон" (1 часть написана в 1987 году и 2 часть - в 1988 году). Также было написано учебное пособие "Шерстопрядильное оборудование" и монография "Замасливание и увлажнение волокон в шерстопрядении".

Также были созданы: учебно-производственный комплекс с объединением "Мосшерсть", филиалы кафедры на АО "Московское камвольное объединение "Октябрь" и на АО "Тонкосуконная фабрика имени Алексеева", вычислительная лаборатория кафедры. Также являлась членом специализированных Советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, председатель методической комиссии специализации, активный организатор творческих связей с родственными кафедрами и предприятиями отрасли.

Сейчас мне уже за 85, и я уже не так активно занимаюсь наукой. Но по природе я оказалась таким человеком, который не может сидеть без дела. Сейчас я пишу новый учебник для ВУЗа. Также продолжаю подготовку научных деятелей.

Оглядываясь назад, я понимаю, что прожила полноценную жизнь. Конечно, и в моей жизни были ошибки, это свойственно любому человеку. Но мой совет, как бы не было трудно, никогда не надо опускать руки, всегда надо добиваться поставленной цели, а добившись ее, ставить новую цель.

Январь 2009 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка первого курса факультета химической технологии и экологии Московского государственного текстильного университета - ***Слаутинская Анастасия Анатольевна***

Пстыго Иван Иванович

Нас тогда вернулось трое из тридцати шести ребят

Родился я 10 апреля 1918 года, в семье белорусов, в деревне Сухополь Инзерского сельсовета Архангельского района Башкортостана.

Сначала мы переехали в село Подгорское, а в 1928 году перебрались в село Шишканское. Детство мое было нелегким. Семья большая, восемь детей. Перебивались, что называется с хлеба на квас. Очень дружные были, в основном, в семье время уделяли трудовому воспитанию.

С семи лет я пошел учиться. В школьные годы мы познавали не только грамоту, но и получали уроки нравственности, учились распознавать добро и зло. В 1933 году я закончил 7 классов школы и пошел учиться на краткосрочные курсы учителей. Осенью 16-ти летним юношей работал учителем 2-го и 4-го классов в Асакинской начальной школе…

Поработав учителем, понял, что со знанием семилетки далеко не уйдешь. Посоветовавшись с отцом, решил: мне надо учиться дальше. Осенью 1934 года я уехал в Уфу, где два года учился в средней школе № 3.

Весной 1936 года горком комсомола стал собирать всех парней, не имеющих физических недостатков. Начался набор молодежи в летные училища. Я прошел обе комиссии и был

удивлен. Сдав экзамены, я приехал домой и рассказал родителям. Лишь на третий день отец дал согласие.

Повезли нас в Энгельское военное авиационное училище, что в Саратовской области. А 1 августа 1936 года меня зачислили курсантом.

Много было разных курьезов и событий. Мы делали первые шаги в авиацию. Весь 1939 год мы обучались полетам на самолете Р-5, потом переучивались на Р-6. Учеба в Энгельском училище сдружила меня со многими. С некоторыми и сейчас поддерживаю связь, но большинство друзей погибло за честь нашей Родины.

Окончив в 1940 году Энгельское училище, я получил назначение в 211-й бомбардировочный авиаполк. Когда мы прибыли в полк, все осваивали новый бомбардировщик Су-2.

В апреле 1941 года наш авиаполк вышел на полевой аэродром у реки Днестр. Жили в палатках.

22 июля 1941 года нас подняли по тревоге. Так как к этому мы привыкли, я не стал брать с собой чемодан с нужными вещами. Прогнали самолеты и ждем следующей команды. Через некоторое время приказали замаскировать самолеты. И опять заминка. Стало как-то не по себе. Объявили собрание у оврага, и командир полка как-то тяжело и непривычно сказал:

– Товарищи! Без объявления войны немцы начали боевые действия. Вражеская авиация бомбит Советские города.

Всё перестраивается на боевой лад.

Вскоре дают боевое задание. Успешно накрыв цель бомбами, разворачиваемся, и нас тут же начинают обстреливать зенитки, но зенитные снаряды рвутся довольно далеко.

– Иван, глянь какие фиалки цветут! – кричит Сашка о разрывах. Нашел о чем говорить!

– А ты попроси, может их тебе поближе поднесут! – сержусь я.

Этот первый боевой вылет нам сложностей не представил. Мы ежедневно летали на ту сторону Прута, разрушали переправы, станции, колонны противника.

Утром 21 июля в очередном боевом вылете мы получили приказ: уничтожить переправу. Из того пекла не вернулось

шестнадцать самолетов. Мы бомбили переправу в зенитном огне. Все небо было черным от разрывов зенитных снарядов. После артиллерии появились вражеские истребители. Началась такая карусель: где свой, где чужой - не разберешь. Я нырнул в облака, потом выскочил. Смотрю рядом только один самолет. Неужели всех? И этот ведет себя неуверенно. По номеру это был самолет Алексея Мальцева. Прилетели домой, я его пропустил на посадку первым, а сам сел следом за ним. Когда я подбежал, Алексей уже умер, в родном ему самолете. Нас тогда вернулось трое из тридцати шести ребят.

Только пообедали, снова вылет. Первое звено веду я, а второе звено - Широков. Вышли на цель, бомбим переправу, а на выходе нас встречают немецкие истребители. Вдруг жарко стало, смотрю, а правая консоль горит, но Сашка еще пожара не заметил. Деремся, дальше слышу радостный вопль Сашки, он сбил самолет, но и сам потом почувствовал удар. Как же Сашка? Ответа нет, а тут «мессеры» совсем заклевали. Сажусь на поле, пыль поднялась огромная. Сашку вытаскиваю из самолета и кладу поодаль. Помню, что при посадке видел деревню, я туда побежал. Хозяева дали хлеба и молока. Как я радовался, когда нес Сашке молоко и хлеб, а Сашка умер. Похоронил я его на рассвете…

Прощай, друг, мало мы с тобой повоевали. Все, ухожу! Пробиваюсь к своим.

В части меня похоронили. Ребята сказали, что самолет упал, и вряд ли кто-нибудь мог остаться в живых. Но я потребовал воскрешения! И вот я снова в строю!

После сдачи Киева и Харькова нас в Балашове переформировали и посадили на новый штурмовик Ил-2. Наш полк включили в ВВС Брянского фронта. К концу апреля 1942 года начались боевые действия. После июня мы понесли огромные потери. Мне приказали принимать эскадрилью. Юго-Западный фронт начал отступать.

Веру в свои силы вернула Сталинградская битва. В нашем 504-м ШАП происходили постоянные боевые вылеты, после Сталинградской битвы нас стали называть 1-й гвардейской штурмовой авиадивизией. В очередном боевом вылете, 4 августа, меня сбили.

Мы шли четверкой на разведку. Вдруг появились «мессеры». Мы встали в круг и стали отходить на свою

территорию. Кого-то сбили, мы остались трое. Не успели сменить тактику, как остались вдвоем, а потом я оказался один. Как не маневрировал, как не хитрил, а подбили и мой самолёт. «Ил» шел вниз с неудержимой быстротой. Удар о землю. Очнулся в машине – меня везли в санчасть.

23 ноября войска Сталинградского и Юго-Западного фронтов замкнули кольцо окружения и сошлись у города Калач-на-Дону. Мы очень радовались, что усилия наших войск не пропали даром. В 1943 год мы вступили с твердой верой в неминуемую нашу Победу. В феврале мне было присвоено звание майора.

Однажды, весной 1943 года приехал маршал авиации А.А. Новиков. После долгих с ним разговоров, он решил улучшить структуру тыла, а также подготовку кадров авиации.

От Орла войска Брянского фронта продвигались на город Карачев. 5 августа Орел и Белгород были очищены от оккупантов. Истребители противника были уже не те асы, что в 1941-м и 1942-м годах, но они огрызались, особенно активно действовали с аэродрома Карачев. Требовалось нанести мощный удар по этому аэродрому. Меня назначили тогда ведущим большой группы самолетов, около 40.

Мы построились в боевой порядок, так что следующая группа была несколько ниже. Получилась некая лесенка, и мы атаковали аэродром. Бомбили самолеты и склады. Противник, подлатав аэродром, с остатками ушел на Брянск. 15 августа фашисты оставили Карачев.

Действие авиации в этих боях получили высокую оценку, в нас вселилась уверенность, летать на задания стало веселее, особенно после боев за Орел. Германские войска отступали, потерпев крупнейшее поражение под Курском и Орлом.

Летая на боевые задания, посещая полки, я приобрел немалый опыт боевых действий и, посоветовавшись со своим штурманом А.В.Осиповым, мы решили приступить к написанию труда. Осипов сделал штурманские расчеты, порядок подхода на цель, поиска и т.д. И получился труд на 55-60 страниц. Показали его начальнику корпуса Горлаченко. Изучив рукопись, он поблагодарил нас, и утвердил работу в качестве учебного пособия.

Большое значение имело воздушное сражение в небе Кубани. Страна услышала многие имена героев. Прославились

подвигами: Покрышкин, Труд, Речкалов, братья Глинки и другие. На Курской дуге еще сопротивлялись немецкие истребители, но у противника уже таяли силы.

Александр Иванович Покрышкин – русский богатырь, рыцарь. Когда и где слыхано, чтобы один человек разбил и сокрушил целую дивизию. Он это сделал, он сбил 59 самолетов. Это был прирожденный летчик-истребитель. Известно, что над Кубанью наши летчики надломили хребет фашистской авиации.

Летом 1943 года в ходе Курской битвы мы завоевали стратегическое превосходство над немецкой авиацией. Не единожды мне приходилось водить большие группы штурмовиков на задание. Так было и 26 августа.

Накануне разведка сообщила, что в одном из районов скапливаются большие силы противника. И на их штурм выделили группу из 24-х самолётов Ил-2. Нас прикрывали 12 истребителей. Удар по врагу провели по всем правилам военного искусства. Сначала в пикировании сбросили бомбы, затем, снизившись до 300 метров, произвели штурм: 5 заходов по разным целям. Врагу был нанесен большой урон.

Но на фронте не обходилось без казусов, озорства и ухарства. Однажды в Львове, за обедом, зашел спор, можно ли самолетом сдуть соломенную крышу? Поводом была крыша, маячившая у нас на глазах. Начальник оперативного отдела штаба подполковник Захаренков сказал, что у нас нет таких летчиков. Меня это задело, и я оспорил его утверждение. Молодость, азарт, гонор. Мы со штурманом Осиповым рассчитали и провели тренировку. Я летал, а Осипов наблюдал с земли. Поняли, что спор можно выиграть. В самолёт на место стрелка сел Осипов. Обнаружить деревню и найти хату Захаренкова не составило большого труда. Я зашёл на неё и в нужный момент перевёл самолёт в кабрирование. Осипов кричит радостно: «Сдули крышу, сдули!» Набрав высоту, заложил глубокий вираж и сам убедился, что крыши нет. Спор выиграли, а вот вечером командир корпуса, генерал Горлаченко узнал о происшествии и «пробрал» нас с Захаренковым основательно. Получили по выговору.

В конце ноября 1943 года генерал Горлаченко вызвал меня к себе и предложил возглавить полк. Я смутился, молчу.

- Что испугался?

- Нет, не испугался!

Военный совет меня утвердил, и так в 1943 году я стал командиром 893-го штурмового авиаполка.

А время шло, продолжалась война, продолжалась и учёба.

Наилучшим образом прикрывали нас истребители корпуса Белецкого и дивизии Катаева, Ухова и Забалусова. Наши войска в результате напряжённых боёв освободили крупный город и узел железных дорог - Шауляй. Наши полёты на 3-м Белорусском фронте становились всё реже. Вскоре нам дали подготовку к перелёту полка на другой фронт. Горжусь, что мне довелось участвовать в освобождении Белоруссии, этой многострадальной земли, её героического народа. Маршрут перелёта пролегал через этот район. Я легко нашел деревни Хвалово и Кришницу и сделал почётный круг над ними.

Осенью 1944 года наш штурмовой авиакорпус перевели в состав 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза И.С. Конев.

1944 год был для нас очень удачным. Мы освободили свою землю и советских людей от дикого произвола и разгула фашизма и вступили в полосу освобождения народов Европы от гитлеровской тирании. За несколько дней до начала решающих сражений 1945 года наши авиационные части перешли ближе к линии фронта.

Утром 12 января 1945 года после двухчасовой артиллерийской подготовки половина советских войск пришла в движение. Она быстро прорвала вражескую оборону и стремительно двинулась дальше на запад. К сожалению, плохая погода в первый день нашего наступления не только не позволяла летать, но сделала невыполнимым даже передвижение по аэродрому. Всё: и поле, и самолёты покрылось тонкой коркой льда. И только во второй половине дня мы начали выпускать на задания пары штурмовиков. По частой смене аэродромов можно судить о темпах наступления наземных войск.

Когда в апреле 1945 года полк базировался на аэродроме Альт-Вартау, в 6-8 километрах восточнее города Бунцлау, мы узнали, что полтора века назад тут проходили русские войска, и здесь оборвалась жизнь М.И. Кутузова.

28 апреля 1945 года дом-музей М.И. Кутузова был открыт. Первыми посетителями стали маршал Советского Союза И.С. Конев и трижды герой Советского Союза А.И. Покрышкин. Они оставили свои записи в книге посетителей музея…

Война шла к концу, однако враг все еще сопротивлялся в Берлине. Наконец, 2 мая Берлин пал, взятый нашими войсками. Прагу освободили 9 мая.

Как мы ждали победы, окончания войны! Неописуема радость. Казалось, что из жизни исчезли навсегда печали и заботы, горе и слезы. Сразу стала заметна ярко цветущая весна. Вспомнилась и в мыслях стала ближе Родина, Отчий дом. Каждый думал: «Остался жив, скоро увидимся с родными».

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь студент 1-го курса МАИ - ***Увачёв Александр Николаевич***

Рапота Алексей Никифорович

В ту ночь на аэродром не вернулось двенадцать экипажей

Я родился 27 февраля 1922 года в Казахстане в совершенно молодом селе Апановка Тарановского района Кустанайской области. Вокруг нашего села была сплошная степь, на которой росли ковыль да колючки, никакого леса. Жители села почти все были из Рождественского, что на Украине, а значит и язык был преимущественно украинский, с примесью некоторых русских слов. Сохранялись и обычаи, свойственные харьковщине.

Наступил 1936 год. Это год, когда началась, так называемая, «ежовщина». Конечно, глубина и подробности этих событий нам были неведомы. Мы воспринимали все так, как нам говорили: «Берут и сажают тех, кто выступает против советской власти». Теперь все это хорошо известно, а тогда мы знали одно - враг народа! Появились плакаты: «Смерть врагам народа!», «Враг будет уничтожен». Мы распевали песни, призывающие к бдительности и защите родины. Начались боевые действия в Испании. В Германии набирал силу фашизм. Об этом очень много писали и говорили, но писали и о том, что чужой земли мы не хотим, но и своей вершка не отдадим; если свиное рыло сунется в наш огород, то получит по заслугам.... Чувствовалось приближение войны.

Нашими песнями были «Мы смело в бой пойдем…» А уже несколько позже мы стали петь и такие: «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой…» Читая газеты и распевая эти песни, мы были глубоко убеждены, что нет такой силы, которая смогла бы нас одолеть. Народ работал изо всех сил.

В 1937 году я получил семилетнее образование. И само собой встал вопрос что дальше, куда направить свои стопы. Оставаться работать или пойти учиться? Отец был за первое и не без основания говорил: «У меня образование всего четыре класса, а живу не хуже других». Мама же, несмотря на свою неграмотность, была категорически против. Она хотела видеть меня, как она выражалась, ученым, то есть хотела, чтобы я получил более высокое образование. Пределом ее мечты было видеть меня учителем. В ее понятии человек, который учит других, это самый грамотный, самый просвещенный. А что, если вдуматься, может, она и права. Но одно дело иметь мнение, а другое – власть. В нашей семье отец считался непререкаемым авторитетом. По крайней мере, последнее слово почти всегда оставалось за ним. Так случилось и в этот раз. Я остался работать на ферме.

Однажды меня вызвал директор и говорит: «Хочешь быть радистом?» Я без колебания дал согласие, хотя никакого понятия не имел ни о радио, ни о предстоящей работе. И я уехал в Сулукуль на месячные курсы, где меня научили самым элементарным вещам: как включать передатчик и приемник, как их настраивать, вести передачу, прием и т.д. Я немного поработал на станции радистом, но потом освободилось место в магазине, и отец предложил мне эту работу.

Так я в пятнадцать с половиною лет стал продавцом магазина, где продавалось все: начиная от спичек и соли до пальто и шапок. Теперь со мной раскланивались все, а многие называли только по имени и отчеству. Конечно, я почувствовал себя фигурой, не то что там друзья, которые не выходили из конюшен да коровников. Но все же, в 1938 году я уехал в город Кустанай для поступления в педагогическое училище. Очень волновался, конечно. Уж очень хотелось маме, чтобы я поступил и стал учителем. Ни о какой другой профессии она и слышать не хотела, особенно после того, как я рассчитался с магазином. Конечно же, наказывала, чтобы я

был очень осторожен и предупредителен, а главное, не ввязывался в драки.

Педучилище размещалось в старом одноэтажном здании, в котором до революции была школа прапорщиков. Здание было не очень большое, но сделано добротно из красного кирпича. Классов было не больше десятка и большой широкий холл, в котором проводились общие собрания и все наши вечера. Во время обучения я вступил в комсомол.

Шел 1940 год. Все больше и больше говорили о войне. Писали в газетах. Расклеивали плакаты с призывами готовиться к защите Отечества. В Европе война полыхала уже вовсю. Наши войска вошли в Прибалтику и западную Украину. У нас создавалась целая сеть новых военных училищ. Шли комсомольские наборы. Подал заявление и Андрей, мой брат. Он хотел стать артиллеристом или моряком. Но я его отговорил, сказал, что он еще молодой и всегда успеет.

Через какое-то время меня вызвали в горком комсомола и сказали, что надо показать пример комсомольцам – подать заявление с просьбой направить меня в военное училище. Как комсомольский вожак, я отказаться не мог. Это очень возмутило моего брата. Он обвинил меня в предательстве. Конечно, никакого предательства не было, а просто я иначе поступить не мог и тут же написал заявление. Через неделю или чуть больше я вместе с другими ребятами прошел все комиссии, мне объявили, что направляюсь в Ташкентское авиационное училище в город Чирчик. На второй или третий день было приказано явиться с вещами на сборный пункт в готовности убыть к месту назначения. Я написал домой. Там всполошились и тут же выехали в город, но меня не застали. И если многих ребят провожали родители, родственники, то меня только один брат. Было тяжело и горько на душе.

Я совершенно не представлял, что меня ждет, хотя и думал, что неплохо бы стать военным. Но когда это случилось, я понял, что это надолго! А тут еще такая обстановка. Об авиации я имел самое смутное представление. Перед отъездом я последний раз зашел в педучилище и почувствовал, как защемило сердце. Все казалось таким родным и близким.

Все ребята и преподаватели желали мне хорошей службы и успехов. Для всех мой отъезд (я уезжал первым из

педучилища) был большой неожиданностью. Кое-кто из учителей говорил: не лучше ли было бы это сделать после окончания педучилища. Но не только мне, но и другим ребятам не удалось его закончить – шли большие наборы, и с этим не считались. Надо было идти готовиться к защите Родины! И этим было сказано все.

В Ташкент я прибыл в начале ноября. Те, кто прибыл раньше меня, уже сдавали экзамены и проходили мандатную комиссию. Меня включили в группу прибывших вместе со мной, и мы тоже приступили к подготовке, а затем и к сдаче экзаменов.

После месячного карантина я уехал непосредственно в училище, располагавшееся в тридцати километрах от Ташкента, в городе Чирчике. Я был определен во вторую эскадрилью, в третий отряд. Командиром этого отряда был капитан Волков. К нам он относился по-отечески, умел нас заинтересовать, увлечь, подзадорить, и мы, в свою очередь, старались изо всех сил его не подводить. Старшиной нашего отряда был Заманский. Хороший, спокойный человек. Командиром отделения назначили Поршнева. Он не давал нам покоя ни днем, ни ночью. Без конца к чему-то придирался, поучал.

Занятия в училище велись с утра до вечера, с перерывом на обед. Под классы были приспособлены временно построенные помещения и все комнаты нашего клуба, и даже кинозал. Теоретический курс мы начали с 1 декабря 1940 года, а уже в июне 1941 года начали летать. Никогда не забуду, как я впервые сел в кабину самолета и первый свой полет. К выполнению задания готовился с особой тщательностью, суть которого сводилась к тому, что я должен был ориентироваться по местности и проложить фактический маршрут полета. Летел с опытным инструктором. В алюминиевом планшете - крупномасштабная карта. С карандашом в руке я смотрю за борт и сличаю ее с местностью. День стоял жаркий. В кабине чувствовался запах бензина. Самолет побалтывало. После нескольких минут полета я почувствовал, что меня начинает тошнить. Но продолжал мужественно выполнять поставленную задачу. Инструктор оглянулся на меня и, видимо, понял, что пора возвращаться, заложил крутой вираж и взял курс на аэродром.

В связи с тем, что наши занятия в 1940 году начались с некоторым опозданием, мы продолжали учиться в мае и в июне. Это диктовало еще и международная обстановка. Поэтому ни о каких каникулах не могло быть и речи. В июне мы уже начали летать на стрельбу. Бомбометание и другие сложные виды летной подготовки.

22 июня 1941 года мы узнали о войне. С этого дня наши занятия стали еще напряженней. В перерывах между занятиями мы собирались у репродукторов и слушали передачи из Москвы, которые тяжелым грузом ложились на наши сердца. В августе мы почувствовали первый холодок войны – пришел приказ сформировать авиационную эскадрилью, укомплектовав ее самолетами училища, летчиками-инструкторами и курсантами. Командиром эскадрильи был назначен наш командир отряда капитан Волков, которому присвоили звание майора.

После убытия этой эскадрильи поступил новый приказ: отобрать двадцать наиболее успевающих курсантов, дать дополнительную тренировку в полетах и направить в город Фергану, где было училище летчиков, и на его базе формировался полк ночных бомбардировщиков. На этот раз в их число попал и я. Я был выпущен из училища в звании старшего сержанта – с тремя треугольниками на петлицах.

В Фергане нам зачитали приказ о формировании полка, объявили его номер и руководящий состав. Командиром полка был назначен капитан Илларионов Иван Иванович, комиссаром – батальонный комиссар Чуб, а начальником штаба – капитан Железняк. Тут же началось формирование эскадрилий, звеньев и экипажей. Я был назначен штурманом звена, а моим командиром – Коля Котельников.

Пришел приказ об убытии на фронт. В указанный день был подан эшелон, и началась погрузка. Грузили все, начиная от самолетов и кончая канцелярскими принадлежностями. Часов в десять утра – последнее построение. В этот момент я вспомнил своих – мать, отца, братьев, сестру… Новый сигнал горниста – «Отправляемся!», затем протяжный гудок паровоза, и поезд медленно тронулся с места. Так закончилась моя мирная жизнь и учеба! Мы ехали на фронт. Теперь уже ни кого не вызывало сомнения. Всех ждала неизвестность. Для размышлений времени было достаточно, а сейчас мы были в

настроении, какое испытывает человек, идущие на что-то большое и важное. Мы запели «Тучи над городом встали…»

До места выгрузки мы ехали больше суток, хотя по мирному времени это расстояние было небольшим. По прибытии на фронт мы приступили к разгрузке. Все предстояло перетащить на руках - никаких тракторов и машин не было. Руководили командиры и инженеры эскадрилий. Работали все. Никого не надо было уговаривать или подгонять. После первых рейсов обозначилась дорога, к концу перетаскивания она была уже почти накатанной. Работали быстро. Пот катил градом, особенно у нас, летчиков, одетых в теплые комбинезоны. Самолеты сразу затаскивали в лес и маскировали, туда же заносили и все имущество. Какой-то инженерной частью для нас было построено три или четыре землянки. Но сидеть в них не пришлось – надо было сразу же приступать к сборке самолетов. По этому поводу я позже напишу:

Мы самолеты, собирали
Не как теперь: по чертежам,
И наши пальцы примерзали
К холодным гайкам и шплинтам.

И они действительно примерзали, потому что в рукавицах работать нельзя было, а значит, их снимали и все брали голыми руками. К установленному сроку все самолеты были собраны, самолеты – опробованы.

На фронт прибыл в конце декабря 1941 года. Нам было приказано перебазироваться на аэродром Максимово, что в тридцати километрах от линии Калининского фронта. Прибыв туда, мы приступили к боевым полетам. Было приказано нанести удар по живой силе немцев, находящихся в двадцати - двадцати пяти километрах юго-западнее Ржева. Я готовился очень тщательно: произвел необходимые расчеты, проложил маршрут, изучал характерные признаки и ориентиры по маршруту и в районе цели. Мы вылетели вторыми или третьими.

Ночь была очень темной, сплошная облачность, небольшой ветер и слабый снег. Мы шли под облаками, чуть касаясь нижней кромки. Прошло минут тридцать, и комиссар указал мне рукой, а затем сказал по переговорному

устройству: «Линия фронта». Немцы без конца запускали в воздух ракеты и вели минометный обстрел наших позиций. Снаряды, как огненные шары, катались по земле. С той и с другой стороны линии фронта то и дело вспыхивали разрывы снарядов. На горизонте я видел, как по небу тянутся трассы зенитных снарядов – по времени и направлению я понял, что противник открыл огонь по нашим экипажам, вылетевшим перед нами.

Я почувствовал, как у меня учащенно забилось сердце. «Вот она война, - подумал я. - Что она для меня приготовила?» Теперь я не отрываясь смотрел на землю, чтобы не проскочить цель и как можно точнее на нее выйти. Линия фронта осталась позади. Впереди беспросветная темнота. Только кое-где и на какие-то мгновения вспыхивали и тут же гасли огоньки. Теперь под нами враг! Мне показалось, что время затормозило свой бег. Хотелось быстрее выйти на цель, сбросить бомбы и вернуться на свою территорию. Еще несколько минут – и вот цель! Чтобы убедиться, что мы вышли правильно, я решил бомбы с первого захода не бросать. Противник молчал. Для меня это показалось странным. Мы зашли повторно. Я дал курс на цель. Она быстро приближалась, не подавая никаких признаков жизни. Но я был уверен, что это именно та деревня, на которую мы должны сбросить бомбы. И как только я это сделал, противник открыл ураганный огонь. Сразу стало светло. Трассы снарядов пролетали со всех сторон, и казалось, вот-вот наш самолет просто подожгут. Я и мой напарник Елькин направили самолет в сторону своей территории. Мы пересекли Волгу. Только теперь я почувствовал, как вспотел, несмотря на сорокаградусный мороз. Настроение было самое неопределенное. С одной стороны, удовлетворение от успешно выполненной задачи, а с другой – не проходило чувство только что пережитого страха. Но теперь это осталось на территории врага. Мы возвращались домой с победой! По нам стреляли, но из этого поединка победителями вышли мы.

Первое время мы делали по два-три, а потом по четыре-пять вылетов в ночь.

В начале января 1942 года войска 30-й армии, в полосе которой мы действовали, вышли к Волге в районе Ржева, охватив город с севера и запада. Таким образом, войска Калининского фронта к этому времени занимали рубеж

Селижарово, Ржев, Зубцово. Мы летали каждую ночь. Удары наносили главным образом по войскам, сосредоточившимся в Ржевском выступе. К этому времени уже стали заметны наши потери. Полк недосчитывал примерно одной третьей части экипажей.

В конце марта 1942 года войска Калининского фронта перешли в новое наступление, стремясь сломить сопротивление противника, но успеха не добились и перешли к обороне, которая длилась до апреля 1943 года. Немцы же упорно сопротивлялись, вынашивая план возобновления наступления на Москву.

Погода заметно ухудшилась. И несмотря на значительный опыт, который мы приобрели за время полетов на боевые задания, летать в таких условиях было очень трудно, а иной раз и просто невозможно. Ходили преимущественно под облаками. Самым трудным и неприятным было – перелететь линию фронта, где от вспышек немецких ракет и снарядов с обеих сторон нижняя часть облаков делалась довольно яркой, и на их фоне хорошо был виден силуэт самолета. В одну из таких ночей мы с Васей Семченко вылетели первыми. Метеорологи давали ухудшение погоды, но командир полка дал «добро», и мы взлетели. Расчет был такой: мы разведаем погоду и, если она очень плохая, возвращаемся. После взлета мы пролетели минут десять или пятнадцать и увидели впереди черную стену, которая опускалась до самой земли. В таких условиях продолжать полет было невозможно. Теперь надо было вернуться и предупредить экипажи, чтобы не вылетали. Но вернувшись, мы узнали, что все вылетели, не дождавшись нас. «Как же так, - подумали мы,- ведь командир намеревался задержать вылет экипажей до нашего доклада?» Но наводить справки и уточнять у нас времени не было, потому что комиссар выхватил пистолет и к нам со словами: «Струсили!?» Видя такое дело, Вася дал полный газ, почти на месте развернулся и, не выруливая на старт, пошел на взлет. Не прошло и пяти минут, как мы воткнулись в ту облачность. Лететь над облаками мы не могли – шел снег, и сильно болтало. В таких условиях выйти на цель и выполнить задачу было совершенно невозможно, и мы приняли решение – пробить облачность и идти над облаками. Ярко светила луна.

Казалось, мы плывем над белыми вспенившимися волнами. От вспышек снарядов и пожаров заметно тянулась светлая полоса. До цели оставалось не меньше двадцати километров, но ее мы уже не могли поразить. Что же делать? Продолжать дальше полет означало остаться без горючего, а значит садиться в поле, что было очень непросто в такую погоду. Но вот в облаках появились разрывы, и мы приняли решение снизиться. Скоро я увидел впереди небольшие огоньки, похожие на огонь подфарников автомашин. Я дал команду, и Вася быстро встал на боевой курс. Еще минута, другая и я сбросил бомбы. Теперь на аэродром. Ветер был попутный, и мы быстро проскочили линию фронта. Шел снег, видимость очень плохая, самолет швыряло как спичечную коробку. Я старался держать курс. Компас рыскал то в одну, то в другую сторону. По времени уже должен был быть аэродром, но его не было. Что делать? Бензин на исходе. Надо садиться. Мы сделали круг, выбрали снежную поляну, примыкавшую к хуторку, и пошли на посадку. Мы благополучно сели, так как наш самолет был оборудован лыжами. Не выключая мотор, мы вылезли из кабин и прыгнули на снег, тут же провалившись почти до самого пояса. С трудом добравшись до хутора, Вася восстановил ориентировку. Оказалось, что до аэродрома двенадцать километров. Выбора нет. Нужно лететь!

Только оторвались, как нас чуть не перевернуло ветром и начало бросать из стороны в сторону. Вася еле удерживал ручку, чтобы не дать самолету упасть. Такой болтанки я никогда не испытывал. Но пролетев несколько минут. Мы так и не обнаружили наш аэродром. Принимаем решение: произвести посадку. Со второго круга мы все-таки начали снижаться. Самолет лыжами коснулся снега, но все еще продолжал нестись. Быстро приближался лес, а мы все продолжали скользить и вдруг – береза! Удар! Самолет резко развернулся и встал на нос. Нам ничего не оставалось, как бросить его в таком положении. Мы были так близки к катастрофе, что у меня мурашки пробежали по спине.

На ночь нас приютили в ближайшей деревне. С утра пошли к самолету. Он лежал, как раненый солдат на поле боя. У него оказался треснут винт и помята кромка обтекания нижней плоскости. Надо поднимать и ставить на шасси, а потом уже определять остальные неисправности и принимать

решение на дальнейшие действия. Большими стараниями нас и жителей деревни самолет все-таки встал на «ноги». Надо было менять винт. «Снимайте – мы его вмиг исправим!» - сказал один шофер. Мы, не совсем веря в то, что он сказал, приняли решение: самолет на поле не оставлять. Пока мы возились у самолета, освобождая его от снега, шоферы мастерили нам винт. И вот уже, чуть ли не бегом, они тащили наш винт. «Пожалуйста!» - довольные своей работой, сказали они.

Мы с Васею посмотрели на их работу. Положив под пресс, они его выправили и наложили из жести бандаж. Мы посмотрели, насколько это прочно, не думая совершенно о том, как он будет себя вести, когда запустим мотор. Постановка винта много времени не заняла, и Вася сел в кабину. Мотор заработал и тут же весь задрожал, да с такой силой, что казалось – вот-вот рассыплется на части. Через какие-то секунды мотор остановился. Нарушилась центровка винта. Теперь у нас был один единственный выход: добираться до полка, брать новый винт, а с ним и механика привозить сюда. Вася поехал в полк, а меня на два дня приютила одна семья. На третий день возвратился Вася с механиком и новым винтом, который мы тут же поставили и подготовили самолет к вылету.

- Что нового в части? – спросил я командира.

- Новостей много, - ответил он. – Прежде всего, нас уже считали погибшими, а второе – в ту ночь на аэродром не вернулось двенадцать экипажей. О девяти уже знают - они живы. Самолеты почти все нуждаются в ремонте. А о трех пока никаких сведений…

Вот таким печальным результатом закончилась та памятная ночь.

По возвращении в полк мы в первую же ночь вылетели на задание. Теперь нам приходилось летать очень много – по пять-шесть, а то и по семь вылетов за ночь. Экипажей было мало, а задачи большие.

В мае мне присвоили звание «лейтенант». Таким образом, мне в старших сержантах пришлось походить не так долго – всего восемь месяцев.

Шло время. Наступило лето. Летние ночи очень короткие, поэтому мы летали не так много по сравнению с зимним периодом. В один из дней нам была поставлена

задача: нанести удар по скоплению боевой техники противника в лесу, севернее Ржева. Бомбить должны были зажигательными бомбами, чтобы не только нанести ему потери, но и вызвать пожар – это было главным! Все остальные экипажи, вылетевшие после нас, могли без труда выходить на цель и наносить удары уже фугасными и осколочными бомбами. Таким образом, перед нами стояла очень важная задача. Мы взлетели, как только стало темнеть, но видимость, как говорили в авиации, была еще «миллион на миллион». Самочувствие было не из приятных. Но бог миловал. Мы вышли к Ржеву и без труда отыскали то, что нам было надо. Фашисты открыли ураганный огонь, но они несколько опоздали – я успел сбросить бомбы, и мы на предельной скорости со снижением стали уходить на свою территорию. Я посмотрел в сторону леса и увидел, как поднимается над верхушками деревьев небольшой дымок.

По прибытии командир сразу объявил нам благодарность, а после представил нас к правительственным наградам. Так я получил орден Красного Знамени.

Этот год принес мне немало тяжелых минут и переживаний. Погибли мои хорошие друзья, среди них Вася Семченко, с которым я сделал около сотни боевых вылетов.

Конец войны я уже застал в южной части Польши в составе 4-го Украинского фронта в должности советника при штабе 2-й смешанной авиационной дивизии. Позже перебазировались под Прагу. В июле 1945 года отправился в Москву в управление кадров, откуда меня отправили в Болгарию.

В 1955 году окончил академию Военно-Воздушных Сил, а в 1963 году – академию Генерального штаба. Пятнадцать лет возглавлял кафедру Военно-воздушных сил и Воздушно-десантных войск в Академии бронетанковых войск. Я ушел в отставку в августе 1987 года в звании генерала, имея награды: орден Красного знамени, три ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II-й степени и орден «За службу Родине III-й степени». Кроме того, иностранные награды: чехословацкий «Боевой крест» и две медали – награжден Президентом Чехословацкой Республики Бенышем. Также у меня имеется семнадцать советских медалей.

Со службой я всегда старался совмещать и творческую деятельность. Я пишу картины. У меня было пять персональных выставок: первая - в городе Львове в сентябре 1963 года, вторая – в апреле 1972 года в Москве, в Академии Генерального штаба, еще две выставки – в Академии Бронетанковых войск в Москве, а последняя – в Доме московского военного округа.

Также я увлекаюсь литературой: пишу стихи и прозу. В 1999 году был опубликован мой сборник стихов «Голубые дали». Также в свет вышли две мои книги: в 2007 году «Две жизни – одна судьба» и в 2005 году - «Круги на воде».

Кроме того, я сотрудничаю с газетами. В газете «Ветеран» были опубликованы мои статьи: «Безродных солдат не бывает», «Звезда народного мстителя» в мае 2008 года, «Бородино» в июне 2007 года. В газете «Красная звезда» статья - «Профессия – Родину защищать» и один рассказ – «Судьба солдатская». Принимаю участие в патриотическом воспитании молодежи и пять лет возглавляю совет ветеранов Бронетанковой академии.

В 1943 году я женился. Моя жена Татьяна Степановна - участница Великой Отечественной войны. У нас двое сыновей, шесть внуков и семь правнуков.

Апрель 2009.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 3 курса ФМУК Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Ермаков Семен Юрьевич***

Романова Зинаида Алексеевна

Девочка, молодец, выполнила задание

Я родилась 16 октября 1924 года в селе Наспищи Заокского района Тульской области.

Школу я окончила в 1939 году в селе Наспищи. В этом же году поступила в Москву в механико-элеваторный техникум, окончить который я смогла лишь после войны в 1946 году. Одним из моих любимых предметов в техникуме было военное дело. Преподавал его полковник. Вместе с ним мы ходили в клуб «Ворошиловский стрелок» и сдавали зачётную норму. За стрельбу я получила значок «Ворошиловский стрелок». Ещё мы изучали санитарное дело, по окончанию курса я получила значок «Готов к санитарной обороне» и значок ГТО («Готов к труду и обороне»). Таким образом, перед войной я была подготовлена в санитарном деле и умела стрелять.

Перед самой войной семья переехала в Москву.

21 июня 1941 года у 4-го курса был выпускной, и нас, третьекурсников, пригласили участвовать в этом мероприятии. Помню, ставили пьесу «Платон Кречет». После спектакля были танцы до 3-х часов ночи. Метро не работало, и мы, группа студентов, пошли от Бауманского училища до Белорусского вокзала, а затем разбрелись по Москве в разные стороны. Войдя в дом, я на лестнице сняла туфельки, чтобы мама не услышала. Но я всё равно разбудила её, и она

проворчала: «Ну, гулёна, проходи, проходи… Иди, попей чаю, чайник на плите ещё не остыл».

Утром меня разбудил шум. Мама и брат собирались на дачу, они всегда выезжали летом. Только они уехали, я отправилась к Зое Крупинниковой, жившей в смежной квартире. Захожу, а она спит. Тогда я её разбудила, она мне сказала, что её мама уехала к бабушке. Мы остались одни и начали крутиться и беситься. Вдруг сильный стук в дверь (время было около 12-ти часов дня): «Что вы разбесновались!»

Мы открываем, а это Маня, её фамилия – Бесфамильная. Дело в том, что когда проводили перепись населения по Москве, спросили у её бабушки: «Как твоя фамилия?». Она отвечает: «Не помню». Так её и записали - Бесфамильная. «Маня, ты чего стучишь?» - возмущённо спросили мы. А она: «Вы чего беснуетесь? Включите радио – война!» По радио звучит голос Молотова. Мы замерли и затем выскочили на улицу. Из репродуктора раздавался его голос: «Враг бомбит наши города и села…»

Мы с Зоей побежали в техникум, а там мальчишки стоят на столах, обсуждая новую весть. Дима говорит: «Пошли все в военкомат!» Мы побежали по улице, военкомат был на Басманной, и там очередь тянулась на целый квартал. Все ребята писали заявления добровольно и у них их принимали.

Дошла до меня, Нины, Тоси и Гали, у нас приняли заявления и сказали придти позднее. Я подаю заявление. Хотя я училась уже в техникуме, но выглядела младше своих лет.

- Девочка, ты что здесь делаешь?

Я протягиваю ему заявление.

- Иди домой, малышка, а то «Пионерскую зорьку» проспишь.

Каждое утро в 9 утра передавали «Пионерскую зорьку» для младших школьников.

Я говорю, хорошо, но заявление возьмите. Он больше разговаривать не стал и выпроводил за дверь. Пришла на следующий день и опять потерпела неудачу. Где-то через месяц налетели самолёты и начали бомбить Москву. Когда по радио мы услышали: «Воздушная тревога, воздушная тревога!» - никто не придал этому особого значения, все решили, что это тренировочная тревога. Ведь никто из нас не мог поверить, что немцы будут бомбить Москву.

Мои родители не доехали до Можайска, начались тяжёлые бои. Дети снова стали ходить в детский садик. В то время, когда моя мама пошла в садик за племянником, начался налёт, а я тайком собирала вещи: складывала зубной порошок, штаны. Я была уверена, что обязательно попаду на фронт, однако очень переживала, как к моему решению отнесётся мама. Я очень беспокоилась за маму. Но во время налёта немецкой авиации, мама была в детском саду. Она погибла. Я бежала и кричала на всю улицу. Но с другой стороны, у меня было некоторое облегчение, ведь я могу пойти на фронт, уже не расстраивая своей мамы.

Начало настоящей службы

Я опять пошла в военкомат – заявление не приняли. Тогда я взяла свои вещи, которые приготовила ещё при жизни мамы, и на попутных машинах доехала до Заокска. Меня приняли за местную девочку и попросили сходить в Ждамерово узнать, где располагаются немцы. Я узнала, что немцы идут не на Тулу, а на Новомосковск в обход нашей обороны. Тем самым я дала ценные сведения нашей разведке. Наши войска переместились и заняли оборону. Практически в тоже время послали разведчиков в этом же направлении. Группа в маскхалатах дошла до Никулино, где протекает река Ока. Я возвращалась из разведки. Не переходя реку, я решила дождаться темноты. А шла я из Никулино, перешла овраг, иду по полю, слышу голос разведчиков: «Сюда, сюда!». Разведчики забрали меня и привели в штаб. Командир увидел их «добычу»: «Да вы что, ребята, мы же её в разведку отправили!». Я доложила, что немцы в Никулино и направляются в сторону Новомосковска. Когда немцы стали подходить к Наспищам, командир говорит: «Всё по машинам, уходим». А мне сказал: «Девочка, молодец, выполнила задание». А я говорю: «Что вы мне, молодец, на словах? Дайте мне хоть какую-нибудь записку, что выполнила задание - ходила в разведку, перевязывала раненых во время бомбёжки, а то кто мне поверит». И мне дали бумагу со штампом, что такая-то, такая-то ходила в разведку, принесла ценные сведения о противнике, оказывала первую помощь раненым.

Меня высадили на Волоколамском шоссе, и я на попутных машинах добралась до Москвы. Приехав в Москву, дома уже никого не было, я отправилась в военкомат. Там

говорят: «Товарищ майор, эта девочка опять пришла к нам!» А я им и отвечаю: «Я уже не девочка, я солдат!» - и подаю записку. Они посовещались между собой, и старшина говорит, что прибыла 78-я дивизия, командир дивизии Белобородов, они понесли большие потери. «Направим-ка, мы тебя туда». И военкомат отправил меня в 78-ю дивизию санитарным инструктором – это было 12 октября 1941 года, именно тогда началась моя служба в регулярной армии.

Надолго в памяти

Это был 1943 год, я находилась в 92-й разведроте 184-й стрелковой дивизии. Был сплошной тиф даже в медсанбате.

Хирург Ольга делала операцию и создание потеряла, температура 40, и у неё обнаружили тиф. Наложили карантин на медсанбат, затем в нашу разведроту пришёл приказ сделать всем прививки.

Я построила и отвела своих разведчиков в медсанбат. Лёня первый снял гимнастёрку, остальные жались у порога. Вошёл Григорьев, увидел шприц и выскочил из палатки. Я и ещё несколько разведчиков настигли Григорьева, он неистово отбивался: «Лучше под пулю, чем уколы!»

Этой ночью раздалась команда: «В ружьё!» Рота быстро построилась, тут же были поданы машины. Надо было уточнить передний край противника, у нас на карте нанесено, что передний край траншеи немцев проходит как раз по краю лощины. А в ходе разведки мы установили, что немцы перенесли свой передний край на самый бугор. Для того чтобы уточнить передний край немцев, нам надо было подползти к самой траншее, открыть автоматную очередь или бросить гранату, если в ответ нас обстреляют, следовательно, немцы находятся в этой траншее и не изменим место своего расположения.

Когда немцы начинали вести огонь, мы засекали его и смотрели, ведут ли они его из автоматов или из пулемётов, и наносили на карту огневые точки противника. Самое ценное было взять немца живым, но для этого надо было переходить через линию обороны.

С заданием мы справились, но когда вернулись в часть, то обнаружили, что Григорьева нет. Миша, командир роты, оглядел вернувшихся с задания разведчиков и сказал: «Назад, и не возвращайтесь, пока не доставите мне Григорьева живого

или мёртвого». Старшина Половинкин пытался что-то возразить, но тщетно. Нам всегда давали приказ вытаскивать раненых или мёртвых солдат из боя, так как были случаи, когда немцы фальсифицировали сведения и говорили, что погибшие разведчики предали нас.

Они вернулись и обнаружили тело Григорьева. Он лежал в густой траве, и были видны только его стриженый затылок и плечи.

Мы доставили его в часть. Увидев труп, все сразу помрачнели. Миша посмотрел на Половинкина и горестно сказал: «Хиба ж вы не бачили. Какая же бесова сила вас понесла в ту сторону! Я ж вам сказал, что тут минное поле», но видно было, что он говорит это только для того, чтобы отвести душу, а сам, конечно, понимает, что в суматохе ночного боя не так-то легко удержаться намеченного на карте направления.

Вскоре после выполненного задания меня послали на курсы прожектористов в Москву. Я училась один месяц, затем вернулась в полк.

После окончания войны, в 1945 году, я была демобилизована и вернулась в Москву по месту жительства. Окончила медицинский техникум, затем институт, работала врачом. Сразу пошла работать в больницу, а в 1980 году вышла на пенсию, но продолжала работать до 1992 года. После этого я уехала в свое родное село, в котором тихо и спокойно.

Мои награды:
- орден Отечественной войны II-й степени,
- медаль «За оборону Кавказа»;
- медаль «За Победу над Германией»;
- медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Несколько лет подряд я встречалась со школьниками, рассказывала им о войне. В их глазах я всегда видела внимание, уважение, удовольствие и интерес. Я считаю, что из поколения в поколение будет передаваться чувство гордости за русский народ.

Прошло более полувека после тех событий, а я не перестаю утверждать: «Победили потому, что верили в победу, что очень – очень любили Родину».

Итак, день Победы – великий праздник, который будут помнить всегда! Это единственный праздник, о котором не нужно забывать. Благодаря ветеранам Великой Отечественной войны мы сегодня можем видеть мирное голубое небо над своей головой и яркое солнце. Вечная память тем, кто не вернулся с поля боя, кто до последней капли крови сражался с врагом, кто без страха, с победоносным возгласом «За Родину!» шёл вперёд, под вражеские пули.

И сколько бы лет не прошло, сколько бы слов, наполненных любовью и уважением, не прозвучало, молодое поколение будет всегда благодарить ветеранов.

Март 2009 года

В подготовке текста воспоминаний ветерана, оказала помощь студентка 2-го курса факультета технологий и производственного менеджмента Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина – ***Гришина Марина Анатольевна***

Севостьянов Алексей Григорьевич

Никого в живых не осталось

Родился я 10 марта 1910 года в городе Клинцы Брянской области в семье рабочего. Потомственный текстильщик (в четвертом поколении). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор.

Первый раз я был призван на действительную службу из запаса в первых числах сентября 1939 года. Пропаганда называла это «походом за освобождение братьев–славян». Речь шла о присоединении к СССР территорий западной Белоруссии и западной Украины. Эти земли и население с 1918 года были в составе Белорусской и Украинской республик. А затем были захвачены Польшей и входили в нее после советско-польской войны 1920 года.

Но на фронт я не попал. В тот момент я был уже кандидатом наук и доцентом. Поэтому призывавший меня военком направил меня в Смоленск, в школу по подготовке младшего командирского состава. После сталинских «чисток» этой категории офицерского состава в армии остро не хватало. Уцелевших офицеров повышали, а нехватку лейтенантов и младших лейтенантов должны были в ускоренном темпе восполнить срочно созданные школы вроде той, куда попал и я с двумя-тремя товарищами из нашего института. Военная кампания быстро закончилась, приказ о нашей демобилизации уже пришел, но начальник школы нас все не отпускал. Так мы

ему понравились, и заменить нас ему было непросто. В конце концов, к празднику 7 ноября мы просто уехали домой, в Москву, безо всяких последствий.

На финскую войну я, Бог миловал, к счастью, не попал. О громадных, несоразмерных потерях в открытую говорить побаивались, но слухи о них были широко распространены.

Второй раз меня призвали в марте 1941 года. Уже все призываемые и военкомы знали, что это призыв на войну с Германией. В отличие от первого, в 1939 году, этот призыв проходил жестко и с полным охватом. Со мной в коридоре сидели на медкомиссию и оформление все с фамилиями на букву «С». В кабинете военкома за его спиной стояли ящики с картотекой по алфавиту. Похоже, что повестки рассылались всем поголовно из каждого ящика. Помню аспиранта Тимирязевской академии, который слезно умолял отпустить его на месяц. Ему нужно было дождаться первого всхода полученного им нового сорта пшеницы, на выведение которого он потратил три года. Замечу, что аспиранты и научные работники в то время были редкой и ценной для страны профессией. Он клялся, что через месяц сам придет в военкомат. Но военком был непреклонен. Кто в этой ситуации был прав, не мне судить.

Я попал в 1-ю Московскую Пролетарскую мотострелковую дивизию. Это была парадная дивизия, участвовавшая во всех парадах на Красной площади. Я тоже участвовал в таком параде 1 мая 1941 года. Батальонные квадраты шли в пешем строю с винтовками и примкнутыми штыками наперевес. Командовал дивизией в то время полковник Яков Крейзер. Это был хороший командир. Он получил звание Героя Советского Союза в 1941 году, что говорит о его незаурядных командирских способностях. В дивизии его любили. Располагалась дивизия в казармах на Даниловской площади, между Люсиновской улицей и Большой Серпуховской. Они и сейчас существуют, эти казармы. После парада дивизию перевели в летние лагеря на юг Московской области. Оттуда в ночь на 26 или 27 июня, поднятых по тревоге, нас отправили на фронт. По легенде, ходившей в тот момент в дивизии, Крейзера вызвал сам Сталин и приказал выдвинуться в район Борисова, оседлать Минское шоссе по нескольку километров на север и на юг и не

пропускать немцев на восток. Скорее всего, так звучал приказ, полученный Крейзером.

Поскольку дивизия была парадная, она была полностью укомплектована и имела новейшее по тем временам оружие. Офицеры были вооружены автоматами, все части и подразделения были полностью укомплектованы личным составом. Рядовые вооружены винтовками – трехлинейками Мосина образца 1899/30 года. Имелись все вспомогательные подразделения: связи, снабжения. Самое главное, в состав дивизии входил отдельный танковый полк из легких танков БТ и в его составе – батальон (или рота?) из тяжелых танков КВ. Вот пока эти танки КВ были живы, мы и могли держать оборону, потому что танки БТ с противопульной броней легко подбивались артиллерией и танками немцев и легко загорались от попаданий. Танки КВ были практически неприступны. Немцам приходилось вызывать авиацию, чтобы их разбомбить.

Эшелоном нас доставили на железнодорожный узел под Борисов. Выгружали ночью. В эти дни моя жена получила первое известие о моей гибели. Я был женат, и дочке было уже 6 лет. Мы жили в общежитии МТИ (Московский текстильный институт) на 2-м Донском переулке, в одной комнате вчетвером с тещей. Она присматривала за дочкой и домашним хозяйством, пока мы с женой были на работе: я – в МТИ, она – инженером во ВНИИЛтекмаше (Всесоюзный научно-исследовательский институт текстильного и легкого машиностроения). В ночь, когда разгружали эшелон, налетела немецкая авиация и разбомбила его. Один из моих товарищей по работе в МТИ, также служивший в дивизии, но в другой части, получил при этом тяжелое ранение и был отправлен в Москву. Там он и рассказал моей жене, что их часть эшелона, головная, была сильно разбита, и многих убило и ранило. А в хвостовой части, где был Алексей, т.е. я, и вовсе все вагоны сгорели, и никого в живых не осталось. Он не знал, что нас высадили до узловой станции, и вагоны к моменту бомбежки были пустые. Таких сообщений о моей гибели или пропаже без вести жена получила за войну два или три. Могу представить, сколько ей потребовалось мужества и жизненных сил перенести все это с маленькой дочкой и престарелой матерью на руках. В этом случае, к счастью, она довольно

скоро получила от меня письмо и поняла, что произошла ошибка.

В то время многих товарищей по работе убило на войне. Многие из них, старшие по возрасту, не были призваны, как я, военкоматом, а пошли в ополчение. Они были плохо вооружены и неподходящим образом обмундированы. Кроме того, они были практически необучены, да и попадали эти ополченцы зачастую в сложные ситуации. Поэтому многие из них не вернулись после войны. Бывали и другие случаи. Работник института был призван на службу в стрелковую часть. На фронте, находясь при штабе, узнал, что нужны работники в финансовое управление фронта. А у него было высшее экономическое образование. Хотя он ни дня не работал с финансами и бухгалтерией, рассудил, что как-нибудь разберется. Так всю войну и провоевал в бухгалтерии одного из фронтов, но в составе действующей армии, заслуженно получая награды за образцовое выполнение приказов командования. Подобных историй – пруд пруди. Недаром есть пословица «Кому – война, а кому – мать родная».

У меня был друг – Саша Чернышев. Мы учились вместе в институте, жили в одной комнате общежития, играли вместе в футбол за институт. Саша был практически глухой после болезни, перенесенной в детстве. Мог бы и уклониться от призыва. Но он пошел. Мы с ним попали служить в одну часть. Его убило немецкой миной в первые же дни на передовой. Он не услышал, когда немцы начали обстрел из минометов наших траншей, и высунулся из окопа. Привыкнуть к войне было не просто. Например, немцы ради экономии боеприпасов вместо бомб сбрасывали с самолетов пустые железные бочки из-под бензина с пробитыми в них дырками. При падении бочки жутко свистели и выли. Вдобавок – рев бомбардировщиков, пикирующих на наши окопы. Люди сходили с ума, выскакивали из окопов, чтобы убежать от этого ужаса, и их убивали осколки падающих мин.

В середине июля к нам на пополнение прислали подразделение, сформированное из московских милиционеров. Вооружены они были пистолетами. Им сказали, что оружие они получат на фронте. Перед отправкой на фронт их начальство расщедрилось и не пожалело выдать

им новенькую парадную форму из отличного сукна. Только вот цвета это обмундирование было синего. Его хорошо было видно на фоне летней листвы. Думаю, это – одна из причин, почему этих людей много погибло в первые же дни. Вдобавок в июльскую жару в суконной форме было тяжело. К счастью, командир полка приказал заменить им их парадную форму на х/б цвета хаки. Но убитых не вернешь. Еще про обмундирование. Офицерам Красной Армии в зимнее время года полагались отличные овчинные полушубки с меховыми воротниками, очень теплые. Их можно увидеть во многих фильмах про войну. Немецкие снайперы хорошо это знали и в первую очередь отстреливали людей в полушубках. Поэтому офицеры, прибывая на фронт, старались как можно быстрее избавиться от этих полушубков и заменить их на обычные серые шинели. Вместо положенных им в качестве оружия пистолетов вооружались автоматами по мере возможности и их появления на фронте.

В первой половине июля 1943 года в часть пришел приказ из Москвы: всех мобилизованных научных работников, в том числе преподавателей вузов и мастеров протезного дела срочно демобилизовать и вернуть к месту работы. Видно, военкомы постарались и забрали всех. И вдруг выяснилось, что надо кому-то управлять производством в тылу, а к тому же, стали поступать раненые, которые если не воевать, то работать в тылу вполне могут, были бы протезы. Насколько мне известно, единственный протезный институт и завод был в Москве, прямо напротив нашего общежития во 2-м Донском переулке. Ясно, делать протезы – профессия специфическая, за неделю не обучишь. Только вот по приказу вернуть было зачастую уже некого. Впрочем, практически все наши институтские кандидаты наук по этому приказу вернулись и работали в течение войны или в институте, или на текстильных предприятиях. Мне об этом приказе сказали в штабе полка. Я обратился к командиру полка, но тому нужен был человек для связи, в качестве которого я в тот момент был при нем, и он сделал вид, что ничего о приказе не знает. Потом пошли такие тяжелые бои в окружении или полуокружении, что о возвращении не могло быть и речи.

В начале июля я участвовал в работе КПП (Контрольно-пропускной пункт) в оцеплении на шоссе Минск-Москва.

Когда в 60-е годы вышла первая серия фильма по книге К. Симонова «Живые и мертвые», то эпизод на шоссе в этом фильме напомнил мне, как я был в подобной ситуации. Шел поток людей: беженцев, отставших военных, которых надо было проверить, рассортировать и направить на соответствующие пункты сбора. В фильме ситуация тех дней изображена весьма достоверно. На всю жизнь запомнил женщину, которая шла с маленьким ребенком на руках. Она шла из-под Шауляя. Она была женой офицера воинской части, расквартированной в военном городке под Шауляем и жила там вместе с другими офицерскими женами. На рассвете 22 июня мужа вместе со всей частью подняли по тревоге и отправили к границе. О подходе немцев еще не было и слышно. Но утром прибежала знакомая литовка и сказала, что если они все, т.е. офицерские жены с детьми, немедленно не уедут, то их всех к ночи вырежут. Похватав, что можно было поднять, и погрузившись в полуторку, женщины с детьми выехали на восток, в сторону Орши или Витебска. Пока был бензин, они ехали на машине. Потом бросили ее и пошли пешком.

Все лето и осень 1941 года прошли как в калейдоскопе множества событий, эпизодов, боев, переходов, теперь уже трудно отличимых, лишь некоторые вдруг всплывают в памяти.

Другая часть воспоминаний связана с окончанием войны, с 1945 годом. Осенью 1944 года было сформировано около двадцати специальных частей. Это были отдельные части, предназначенные для штурмовых действий в городах Европы, превращенных немцами в крепости. Численность этих частей намного превосходила численность обычного стрелкового батальона и составляла от тысячи до нескольких тысяч человек. Они были предназначены для уничтожения живой силы противника в городских кварталах городов, которые нельзя было подвергать массированному уничтожению артиллерией или авиацией. Соответственно, заведомо предполагались большие потери в личном составе батальонов. Кроме того, возможно, таким образом пытались ввести в заблуждение разведку противника. Половина этих частей, насколько мне известно, была направлена в конце 1944 года на Варшаву или, возможно, Кенигсберг или Бреслау.

Другая часть, в которую попал и я, была направлена на штурм Будапешта. Как известно, столица Венгрии, верной союзницы Германии, была превращена в мощнейший оборонительный центр. Гитлер рассчитывал прикрыть им путь на Вену и в Южную Германию.

По дороге в Венгрию наш эшелон проходил через только недавно очищенную от немцев Румынию. Ее король Михай перешел в наши союзники, за что получил высший военный орден СССР – орден Победы. Когда эшелон проходил через Плоешти, мы видели горящие нефтепромыслы. Черный дым от горящей нефти закрывал полнеба. В районе Плоешти находились единственные на оккупированной немцами территории залежи нефти. На бензине из этой нефти работали немецкие самолеты, танки, автомобили. Потеряв Румынию и Плоешти, немцы потеряли важнейший стратегический резерв. Как нам объяснили местные жители, нефтепромыслы разбомбили американские бомбардировщики уже после ухода немцев, перед самым приходом советских войск. Так это или не так, пусть разбираются историки. Во всяком случае, нам уничтожение промыслов было совершенно невыгодно. В то же время уже было известно, что Румыния и фактически будет занята нашими войсками, да и после войны, скорее всего, окажется в зоне влияния СССР.

Бои внутри Будапешта распадались на много локальных поединков в пределах квартала или дома. Дома в центральной части города были многоэтажные, из кирпича, облицованные камнем. Улицы узкие, со сложным рисунком пересечений. Хороших карт или планов города не было. Связь между подразделениями была по телефону или посыльными. Использовать легкую артиллерию было обычно трудно, так как ее снаряды не могли пробить стены домов, в которых забаррикадировались немцы. Стрельба прямой наводкой подставляла артиллеристов под огонь немецких снайперов. Тяжелую артиллерию затащить в городские кварталы было практически невозможно, а танки в узких извивающихся улицах становились легкой добычей немецких фаустников. Поэтому единственным способом оставался штурм каждого дома пехотой. Наше командование отдало строжайший приказ не трогать мирное население. В первые дни штурма немцы использовали такую тактику. Зная об этом приказе, они, когда

видели, что их дом окружен, и уйти нельзя, переодевались в гражданскую одежду, которой в квартирах было полно, убирали автоматы и гранаты в чемоданы, и под видом местных жителей переходили в соседние дома. В конце концов, командование через громкоговорители и листовки известило местных жителей, чтобы до конца боевых действий они перешли в убежища и не покидали их. Все подозрительные лица на улице могли быть уничтожены. Немцев приходилось выбивать чуть ли не из каждой квартиры. Помню перестрелку в большом помещении на одном из средних этажей. Скорее всего, это была фармакологическая лаборатория или учебная химическая лаборатория, потому что в ней было много стеллажей с пробирками, колбами и банками. Там наши солдаты получили много ранений лица, глаз, рук не столько от пуль, сколько от разлетавшихся во все стороны стеклянных осколков. Случай в бою – большое дело. Выбив немцев из одной квартиры, мы должны были перейти в квартиру напротив, через лестничную клетку. Бросив гранату, выбили дверь. Я первый проскочил в квартиру, а мой товарищ, не успел. Когда он перебегал, немец с лестничной клетки верхнего этажа бросил гранату, и его смертельно ранило. Особенно ожесточенное сопротивление оказывали власовцы, которых немцы оставили в городе для обороны. Они знали, что их не пощадят и оборонялись отчаянно. Но и наши бойцы были ожесточены, поэтому бои были очень тяжелыми.

После того, как Пешт, расположенный на низком берегу Дуная, был очищен от немцев, нужно было занять Буду. Нашу часть построили ночью в месте сбора и объявили приказ командования: через подземные коммуникации, проходящие под Дунаем и уже занятые нами, перейти на противоположный берег Дуная в Буду и штурмом взять Королевский дворец (или замок), расположенный на самой высокой части берега. А также объявили, что первые десять человек, кто ворвется во дворец, станут Героями Советского Союза. Кстати, слово командование сдержало. Когда я был в госпитале, в него приехал представитель командования фронта и объявил нескольким раненым бойцам о присвоении им этого звания за взятие Королевского дворца в Буде. Я был ранен примерно за один-два квартала до дворца при штурме одного из особняков. Мы заняли дом на одной стороне улицы. На другой был этот

особняк, отделенный от тротуара металлической решеткой забора и палисадником. На верхнем этаже особняка засел снайпер. Он пристрелял все пространство перед домом, и проскочить ближе к особняку не удавалось. К тому времени, когда пришел мой черед, перед решеткой уже лежало человек десять наших бойцов. Немцы внимательно следили за подстреленными нашими солдатами. Если кто из них начинал шевелиться, его тут же добивали. Меня спасло то, что я заметил, по какой траектории бежали мои предшественники, и сам стал перебегать по несколько измененному пути. Немец не успел точно прицелиться, и только ранил меня. Я упал и долго лежал неподвижно. В результате была очень большая потеря крови. Позже наши подтащили пушку и выбили немцев.

После перевязок я был направлен на долечивание в госпиталь в город Кечкемет. По дороге в госпиталь произошел оставшийся в памяти эпизод. На переправе через реку у понтонного моста скопилось множество бойцов, автомашины и подводы с грузами и ранеными бойцами, несколько танков. Команда, управлявшая переправой, не справлялась с организацией этого разношерстного потока. И в это время прошел слух, что немецкие танки движутся к переправе на прорыв кольца окружения вокруг Будапешта, чтобы вывести остатки немцев из котла. (Как потом стало известно, Гитлер приказал Гудериану любой ценой прорвать кольцо вокруг Будапешта). Ситуация у моста была близка к критической: могла начаться паника. Но появился посланный, видимо, штабом фронта, генерал с командой автоматчиков охраны. Вид у него был весьма внушительный. Генеральские погоны, высокий рост, громкий резкий голос. Он пробился к одной из подвод у въезда на мост и начал давать команды столпившимся здесь людям. Но его никто не слушал. Даже автоматные очереди в воздух не подействовали. Тогда этот генерал выхватил оглоблю из повозки и начал этим дрыном колотить по головам всех вокруг, чтобы они расступились и освободили проход для машин и танков. В конце концов, ему удалось привести людей в чувство и восстановить порядок на переправе.

Пока я находился в госпитале, война подошла к концу. Вдобавок, начальник госпиталя узнал, что я неплохо рисую, и поручил мне оформить госпиталь. Только поясных портретов

Сталина высотой в человеческий рост я изготовил не меньше десятка. Ясно, что портреты должны были быть качественными. Я перерисовывал их с почтовых открыток. Разлиновывал их на квадраты и так, по квадратам в увеличенном масштабе, переносил на холст.

Госпиталь размещался в длинном корпусе - бывших кавалерийских казармах, оставшихся еще со времен Первой мировой войны от Австро-Венгрии. И вот замполит госпиталя приказал вдоль всего корпуса вывесить лозунг: «Да здравствует генералиссимус товарищ Иосиф Виссарионович Сталин». Для этого дела мне выдали со склада рулон кумача. У меня такой длинный текст плохо размещался, и я его сократил: «Да здравствует генералиссимус тов. И.В. Сталин». Когда замполит увидел уже готовый, но еще не вывешенный лозунг, он пришел в ужас: как я мог исказить текст. «Ты что, хочешь, чтобы у нас с тобой были проблемы?» - кричал он. Текст лозунга был не его отсебятиной, а строго регламентировался политуправлением фронта. «Немедленно сверни рулон, отнеси на задний двор и сожги, пока никто не видел. Возьми на складе новый кумач, солдата в помощь, и чтоб к утру лозунг был готов», - скомандовал он. Пришлось все делать заново. Но обошлось.

В мае, когда война закончилась, мы ждали приказа на демобилизацию. Мой знакомый по госпиталю уговорил меня съездить на три дня в Вену. «Границ нет, документы у нас в порядке, съездим и вернемся, когда еще выпадет такая возможность (как оказалось, никогда)», - уговаривал он, и я согласился. До Вены было несколько часов пути. Так мне довелось увидеть этот красавец-город. В отличие от других столиц, в нем практически не было боев, и город был совершенно целый, не пострадавший от войны. Приятель уговаривал меня скатать таким же образом и в Прагу, но она была довольно далеко, и я не решился на такую долгую «самоволку».

И вот опять роль случая. Пока мы были в Вене, пришел приказ 2-му Украинскому фронту, включая и выздоровевших бойцов из госпиталей, погрузиться в эшелоны и – в Манчжурию, бить японцев. Слава Богу, эта война меня миновала. Начальник госпиталя оставил меня при госпитале. Сказал, что отпустит на демобилизацию, если я оформлю

госпиталь так, что он победит на конкурсе среди госпиталей фронта. К тому времени я получал письма от родных и коллег из института, которые надеялись на мое возвращение к началу учебного года. Я постарался, расписал всю офицерскую столовую березками, изготовил плакаты, лозунги и проч. В итоге госпиталь занял 2-е место, и начальник остался доволен. На прощание премировал, выдал по отрезу шерстяной ткани на костюмы жене и мне. (Пока мои родные были в эвакуации, все наши вещи в общежитии института, где мы жили, разворовали и продали. Жена сшила костюм из этой премиальной ткани и довольно долго после войны в нем ходила. После войны в Москве все это было дефицитом. Мой отрез ткани так и не был использован и до сих пор лежит в чемодане на антресолях. Я около года ходил в институт на занятия в военной форме – в гимнастерке и шинели. Такая была жизнь. Кроме того, я взял со склада госпиталя коробку с великолепными венгерскими акварельными красками на меду. Еще долго, несколько лет я в часы отдыха дома рисовал этими красками любимые пейзажи нашей средней полосы России.

Демобилизовали меня в Одессе, куда собрали много частей, подлежавших расформированию. Многие молодые офицеры, выросшие на войне до высоких чинов, мечтали остаться в армии. У них не было мирных профессий, а офицеры в те годы получали большие оклады и пользовались весьма существенными льготами. Я же, наоборот, торопился домой, в институт, к привычной и любимой работе. Приехал в Москву я к празднику, 6 ноября 1945 года. На этом, можно сказать, война для меня закончилась, хотя по сути, для тех, кто ее прошел, она не закончится никогда, постоянно напоминая разными отголосками в течение всей жизни.

Боевые награды: орден Отечественной войны II-й степени, медаль «За взятие Будапешта», медаль «За победу в Великой Отечественной войне».

Декабрь 2008 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 3-курса факультета машиноведения и управление качеством Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - ***Алексеев Андрей Николаевич***

Синадский Юрий Вениаминович

Латышская стрелковая

Я родился 10 октября 1924 года в городе Выкса Горьковской области (ныне Нижегородская область). Русский. Православный. Член КПСС. Был членом ВЛКСМ, ОСОАВИАХИМа, Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) и др. В 1942 году окончил среднюю школу №8 города Выксы. В 1945 году поступил в Высшее училище береговой обороны ВМФ в городе Риге. Ушёл из военного училища для поступления в гражданский ВУЗ.

О войне узнал в городе Выкса 22 июня 1941 года, утром. Объявляли по радио о возможности налетов авиации противника.

Учился в 9 классе. В школе была подготовка пулеметчиков, миномётчиков, шофёров, комбайнёров. Я поступил на курсы шофёров и получил водительские права.

По окончании 10 класса, сразу меня взяли на металлургический завод Лесоторфуправления, работал шофёром. Дали бронь. В армию не взяли, так как отец был репрессирован в 1937 году (он был царским офицером, имел Георгиевский крест, полученный во время Первой мировой войны).

В 1944 году пошёл по комсомольскому призыву в 1-й запасной латышский полк, дислоцировавшийся в Гороховецких лагерях под г. Горьким. В июне 1944 года был

зачислен рядовым водителем ГАЗ-АА в 170-ю отдельную автороту подвоза 308-й Латышской стрелковой дивизии. Командир автороты старший лейтенант А. Грабовский. Я был избран комсоргом автомобильной роты.

В июне 1944 году в Гороховецких военных лагерях под городом Горьким на базе 1-го отдельного запасного латышского полка была сформирована 308-я Латышская стрелковая дивизия. Почти половина её личного состава были рабочие, а колхозники - 34%. Русских было 52,2 %, латышей - 35%. Большинство в ней были призывники из Горьковской области.

12 июля 1944 года на железнодорожной станции Ильино нас с боевой техникой погрузили в эшелоны и направили в город Невель. Вечером на одном из полустанков перед Великими Луками наш эшелон остановили, а пропустили 2 эшелона с танками и с самоходками. Ночью мы видели, как в Великих Луках страшно все горело и взрывалось. Это был первый взгляд на настоящую войну.

После 270-ти километрового марш-броска 25 июля мы перешли границу с Латвией.

До сих пор остались в памяти бои на Латгальской земле в районе Дагды, Унгурмуйже и конечно бои за Крустпилс (немцы переименовали в Крейсбург). На подходах к городу мы доставляли снаряды, мины, гранаты и патроны 319-му и 323-му стрелковым полкам, бравшим этот город. Нам пришлось проезжать расстояние около 500 метров, пристрелянное немцами из пушек, минометов и пулемётов. Мы потеряли 3 автомашины. Как говорят, Бог меня миловал, и я успешно проскочил это жуткое место. Обратно наша группа доставляла десятки раненых в медсанбаты. В тяжелых боях здесь были похоронены сотни земляков-горьковчан и латышей.

Мне пришлось лично видеть отвагу и храбрость командира дивизии 308-й Латышской стрелковой дивизии В.Ф. Дамберга при взятии города Крустписла в августе 1944 года. Он вел боевые порядки наступавших подразделений дивизии, стоя в открытом люке танка с окровавленной и перевязанной бинтами головой. Комдив Дамберг, много лет прослужил в кавалерии, и приобрёл черты, характерные для кавалеристов. Он считал, что во время боя командир должен находиться исключительно впереди наступающих сил, хотя,

по правде говоря, это не всегда способствовало успеху боя. Командный пункт комдива Дамберга всегда был на переднем крае. Генерал Дамберг мне лично вручил медаль «За победу над фашистской Германией» (1945).

Особые страницы в истории дивизии, да и всего 130-го Латышского стрелкового корпуса - это взятие города Риги. Мы были в составе 2-го Прибалтийского фронта. Командующий фронтом поставил задачу овладеть левобережной частью Риги. Наступали в направлении Велдран-Блияс.

13 октября 1944 года войска 3-го Прибалтийского фронта освободили центр Риги. Это окрылило нас. Были созданы подвижные группы дивизии, которые ускоряли освобождение Риги. Верховный Главнокомандующий за содействие войскам, сражавшимся за Ригу на первом берегу Даугавы, объявил благодарность личному составу 130-го Латышского стрелкового корпуса.

В память об этих боях на Елговском шоссе поставлен мемориальный камень с надписью: «Здесь 14 октября 1944 года части 7-го гвардейского корпуса и 130-го Латышского стрелкового корпуса вышли в тыл фашистских войск, ускорив этим освобождение города Риги».

Хотелось бы особо отметить торжественное вхождение нашей дивизии в Ригу. В 10 часов утра 16 октября 1944 года части 130-го Латышского стрелкового корпуса восторженно встречали жители города Риги и стройными рядами с развернутыми знаменами и оркестром по Лубанскому шоссе вступили в город Ригу. На улице, в строю, девушки и пожилые женщины целовали солдат и офицеров, вручали цветы и подарки. Многие искали среди воинов корпуса своих родных, но не всем было суждено встретиться в родном городе. Многие сыны латышского, русского и других народов остались лежать на полях сражений под Москвой и Нарвой, под Старой Руссой и в Латвии.

Наша 170-я ОАРП тоже торжественно въехала на блестящих автомашинах, на бортах по-русски и по-латышски были написаны строки гимна Советского Союза.

За взятие города Риги наша дивизия была награждена орденом Боевого Красного Знамени, 43-й гвардейской стрелковой дивизии присвоили звание «Рижская», а корпус был награжден Орденом Кутузова II степени.

Наша дивизия после освобождения Риги несла охрану побережья, а 43-й гвардейский Латышский стрелковый корпус (ЛСК) обеспечивал гарнизонную службу в городе.

Меня временно перевели в 94-й гвардейский артполк 43-го гвардейского Латышского стрелкового корпуса.

13 ноября 1944 года 308-ю Латышскую стрелковую дивизию (ЛСД) направили в Курляндию, где мы добивали в знаменитом Курляндском котле фашистского зверя. Тяжелые бои были в районе Тукумса, Камбари, Сандука, Добеле и др.

Никогда не забуду мартовские бои, когда мы не видели ни дня ни ночи, находясь под непрерывными бомбежками, артобстрелами и прицельным огнем немецких автоматчиков. Вот и сейчас перед глазами лежит фотография, которая была напечатана во фронтовой газете «Удар по врагу» за март 1945 года с надписью: «Отважные водители 170 ОАРП 308 ЛКСД А. Коновалов, Ю. Синадский, В. Тращенко, О. Баллодыс успешно и в срок доставляли на передний край боевые грузы, а обратно – раненых в медсанбат». Командование дивизии нас всех представило к ордену Красной Звезды. Но в штабе 22-й армии сказали, что дивизия успеха не имела и нечего награждать.

29 марта 1945 года 130-й Латышский стрелковый корпус был выведен во второй эшелон для подготовки к новым боям. 2 мая 308-я ЛКСД была сосредоточена в районе Силини-Миезаи-Калныни в 10-ти километрах севернее Лиелблидене. Немцы начали готовиться к эвакуации своих войск в Германию.

8 мая в 21 час 59 минут генерал-лейтенант Бранткалн командир 130-го Латышского стрелкового корпуса (ЛСК) отдал приказ о прекращении огня. Немцы капитулировали 9 мая. В дивизиях 130-го ЛСК проходили массовые митинги.

Латышский корпус 9-12 мая разоружил и пленил солдат и офицеров 24-й пехотной дивизии СС (всего 5649 человек). Многие солдаты из числа латышских головорезов не сдавались в плен, а ушли в леса.

На этом в Курляндии (Курземе по-латышски) для меня закончилась Великая Отечественная война.

После этого нас передислоцировали из Курляндии в Ригу (Яунмилгравис), а затем в старую крепость города Даугавпилса.

Вот здесь уже была другая война - с «лесными братьями».

Как известно, определённую часть латышских формирований СС составляло националистическое отребье. Эти подонки стали самостоятельно вести против Советской власти преступную борьбу.

Объединившись в банды, они убивали советских партийных активистов, честных трудовых крестьян, грабили хутора, пытались сорвать кампании по займам, выборам в Верховный Совет республиканский и союзный. Вели с ними борьбу (и очень трудную) батальоны НКВД, сотрудники госбезопасности Даугавпилского УКОМУ КП Латвии, а порой и армейские подразделения. Мне пришлось участвовать в перевозке автоматчиков, в прочёсывании лесов. Руководил бандами генерал Курленис. Это было в районе Браславы, Краславы (Латвия, Литва). Это были страшные и тяжёлые дни. В этой борьбе принимали активное участие активисты-трудящиеся, партийные работники, местные работники НКВД.

Демобилизован я был 23 декабря 1946 года в городе Даугавпилсе Латвийской ССР, в должности водителя «Студебеккера», 170-й ОАРП. Командир роты старший лейтенант Грабовский был ранен в декабре в районе Добеле (Курляндия). Автомашина попала на мину. Получил и я лёгкое ранение и контузию. Из дивизионного медсанбата ушёл досрочно через 10 дней в часть. Хотелось быть только в этой части.

После демобилизации в 1947 году уехал на родину в город Выкса Нижегородской области. Был взят на металлургический завод в цех металлоконструкций заместителем начальника цеха по техническому контролю. Работал до сентября 1947 года. Далее поступил в Брянский лесохозяйственный институт. При конкурсе 18 человек на место, я сдал 5 экзаменов за два дня, и все на отлично.

Мои награды:

- орден Отечественной войны II-й степени (№1041604, указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта. Секретарь президиума Верховного совета СССР. Вручили в Ленинградском военкомате. Райвоенкомом. Май 1985 года, за участие в Великой Отечественной войне);

- медаль «За боевые заслуги» (№2489789. Вручил 14 мая 1946 года командир 170-й ОАРП старший лейтенант Грабовский. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года. Вручена 28 января 1946 года командиром 308-й ЛКСД генерал-майором Дамбергом, город Рига);
- медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». (Президиум Верховного Совета СССР. Вручила секретарь Кировского РК КПСС 1 апреля 1970 года);
- памятный знак 130-го ЛСК (в память о боевых делах Совета ветеранов 130-го ЛСК. Председатель полковник Л.А.Карвелис 17 марта 1983 года)
- медаль «60 лет победы в ВОВ 1941-1945 гг.» (по указу Президента РФ от 28 февраля 2004 года, вручена 15 февраля 2005 года главой управы Войковского района);
- медаль «В память 850-летия Москвы» (указ президента РФ от 26 февраля 1977 года);
- медаль участника парада на Красной площади в честь 60-летия Победы (9 мая 2005 года)
- знак «25 лет Победы в ВОВ» от министра обороны СССР маршала Гречко;
- медаль «100 лет со дня рождения маршала Советского Союза Жукова»;
медаль «80 лет Великой Октябрьской Социалистической революции»;
медали «50 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.», «60 лет Вооружённых Сил СССР», «70 лет Вооружённых Сил СССР», «80 лет Вооруженных Сил СССР», «50 лет Вооружённых Сил СССР», адмирала флота СССР Кузнецова, «55 лет Победы в ВОВ 1941-1945 г.г.»; «40 лет Победы в ВОВ 1941-1945 г.г.», «30 лет Победы в ВОВ 1941-1945 г.г.», «20 лет Победы в ВОВ 1941-1945 г.г.», «120 лет И.В. Сталину», «Фронтовик», «130 лет И.В.Сталину».

Среди погибших в войне мой дядя Юницкий В.И., 1898 года рождения, и его сын Юрий, 1924 года рождения. Оба были в пехоте на Украине.

В нашей семье воевала и родная сестра Нина Вениаминовна Синадская (1921 года рождения). Окончила с отличием Горьковский мединститут им. Кирова и была направлена врачом-хирургом в армию. Работала в Западной

Украине в госпитале войск МГБ СССР. Закончила войну майором медицинской службы. После демобилизации работала в городе Выкса Горьковской области главным врачом-педиатром города и района. Награждена орденом Красной Звезды и медалями. Умерла в 1970 году.

Отец до 1943 года находился на лесоразработках в Коми АССР, город Усть-Ухта, в лагере политзаключенных. Причем в заключении он был и как царский офицер с Георгиевским крестом, и как командир Красной Армии. Он встречался в пересыльных тюрьмах, до лагеря, с заключенным К. Рокоссовским, впоследствии маршалом Советского Союза. Отец принимал участие в 1919 году в войне с Польшей, нашими войсками руководил тогда Тухачевский.

Моя судьба после армии сложилась удачно. Поступил в Брянский лесохозяйственный институт в 1947 году, в 1949 году перешел (по месту жительства) в Московский Лесотехнический институт, который окончил с отличием в 1952 году. Был направлен в аспирантуру. Защитил кандидатскую, а в 1966 году – докторскую диссертацию. Работал в экспедициях Средней Азии и Казахстана.

Верховный Совет Каракалпакской АССР присвоил мне к 50-летию почетное звание «Заслуженный Деятель Науки КК АССР», а ЦК КП Узбекистана присвоил звание почетного гражданина Узбекской ССР.

С 1952 года преподавал в Московском лесотехническом институте. Работал до 1962 года в президиуме АН СССР.

С 1963 по 1990 год работал в Главном ботаническом саду АН СССР заведующим отделом, заместителем директора по науке. Участвовал в десятках международных конгрессов и симпозиумов. Побывал в ботанических садах на всех континентах земного шара (49 стран).

Жил в Швеции. Работал в научной разведке КГБ СССР. Получил почетные медали Академии наук Швеции, Польши, Италии, Франции, Ватикана. Лауреат государственной премии Госкомпечати СССР и В/о «Знание» (1-я премия).

Имею более 270 опубликованных работ, в том числе 21 монографии и учебники, изданные МГУ имени Ломоносова и АН СССР, некоторые из них:

Синадский Ю.В. Береза, ее вредители и болезни. -М: Наука. 1973. -216 с.;

Синадский Ю.В. Восьмой международный конгресс по защите растений // Бюллетень Главного ботанического сада АН СССР. Вып. 101. -М. 1976. С.117- 121;

Синадский Ю.В. Вредители и болезни тугаев Каракалпакии. -Нукус. Каракалпакстан, 1972. -64 с.;

Синадский Ю.В. Вредители тугайных лесов Средней Азии и меры борьбы с ними. -Л.: АН СССР, 1962. -151 с.;

Синадский Ю.В. Вредители и болезни пустынных лесов. -М.: Лесная промышленность, 1964 . -114 с.;

Синадский Ю.В. Вредная микрофлора древесно-кустарниковых пород аридной зоны Средней Азии, -Ашхабад: Ылым, 1967. -70 с.;

Синадский Ю.В. Курс лекций по лесной фитопатологии. -М.: МГУ. 1977. -212 с.;

Синадский Ю.В. Лесная наука в Австралии // Лесной журнал. 1973. № 5. С.168-171;

Синадский Ю.В. Парки Стокгольма // Городское хозяйство Москвы. - 1973.-Х» 7. С. 40-41;

Синадский Ю.В. Рожнов бор. Прошлое и настоящее // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Серия «Экология». Вып.2/ Под ред. проф. Б.П. Чуракова. -Ульяновск, 2001. С 20-24;

Синадский Ю.В. Сосна. Ее вредители и болезни. -М.: Наука, 1983. -340 с.4

Синадский Ю.В. Сосновая губка и зараженность насаждений Бузулукского бора // Лесное хозяйство. 1953. № 12. С. 60-62;

Синадский Ю.В. Целебное лукошко. -М.: Педагогика, 1989. -144 с.;

Синадский Ю.В., Корнеева И.Т. и др. Вредители и болезни цветочно-декоративных растений. -М.: Наука, 1982. - 591 с.;

Синадский Ю.В., Козаржевская Э.Ф., Мухина Л.И., Келдыш М.А., и др. Болезни и вредители растений интродуцентов. -М.: Наука, 1990. - 270 с.

Обо мне имеются публикации:

Видный ученый: К 60-летию со дня рождения Ю.В. Синадского // Зашита растений. 1984. № II. С. 55;

К 80-летию Ю.В. Синадского / Защита и карантин растений. 2004. № 10. -С.60;

К 50-летию Ю.В. Синадского // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1975. № 1

К 50-летию Ю.В. Синадского // Известия. АН Туркменской. ССР. Серия биологических наук. 1975 . № 5

К 50-летию Ю.В. Синадского // Узбекский биологический журнал. 1974. №6;

Корнеева И.Т., Ю.В. Синадский: К 60-летию со дня рождения // Микология и фитопатология. Т. 18. Вып. 5. -М.: АН СССР. 1984;

Ю.В. Синадский. К 80-летию со дня рождения // Проблемы экологии и охраны природы. Пути их решения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (9 ноября 2004 г.). -Ульяновск, 2002. -С. 19-20;

Ю.В. Синадский. К 70-летию со дня рождения // Ученые записки. Ульяновского государственного университета. Серия «Экология». Вып.2. / Под ред. проф. Б.П. Чуракова. - Ульяновск. 2001. С 3 - 4.

Мои публикации о войне:

- Отзовитесь, однополчане. Ветеран. Газета Социальной Защиты №15. 1997.;
- Наша дружба закалилась в боях. Ветеран. №33. 1996;
- Есть на свете станция Латышская. Вечерняя Москва №33 21 февраля 1995;
- Боевая и трудовая слава выксунцев. «Ветеран войны». №1, 2002;
- К 60-летию начала Великой Отечественной войны и 56-й годовщине Великой Победы. Информационный Бюллетень. СБС России, РН. Вып. 12, 2001.

Дружба фронтовиков - это настоящая мужская дружба. Пройдя боевой путь в национальном латышском формировании, озаренном славой легендарных латышских стрелков, хочется сказать, что наша главная сила в войну заключалась в крепкой дружбе народов, которую в наши дни всячески пытались растоптать. А мне как комсоргу отдельной роты, патриоту Родины всё это было на фронте близко сердцу.

Эта дружба проявлялась в дарах Монголии – в 308-й ЛКСД, были сотни мохнатых маленьких выносливых лошадей. Они очень помогали в деле транспортировки в стрелковых полках.

Интересно и то, что в нашу дивизию приходили продуктовые подарки от латышей с южной и северной Америки - это консервы, шоколад, вина, колбасы, сыр и др. Политотдел дивизии передавал все это отличившимся в боях, лучшим подразделениям.

Конечно, говоря о дружбе, нельзя не сказать и о друзьях.

Арнольд Мелит, 1923 года рождения, член союза художников РСФСР. С ним служил, стоял на постах. Он сделал много зарисовок меня и передал их мне. После войны часто с ним встречались. Он в последствие был работником клуба дивизии. Это настоящий фронтовой художник. Участвовал в боях под Москвой в 1943 году в ЛСД. Был ранен.

Георгий Титович Дементьев, 1923 года рождения. Был одним из руководителей Совета латышских стрелков при Комитете ветеранов войны Москвы. Член совета ветеранов 130-го ЛСК. Часто ездил в Латвию. Прекрасный организатор и настоящий фронтовой друг. Имел ордена Отечественной войны, Красной Звезды, Славы 3-й степени.

Никонов Александр Александрович, 1918 года рождения. На войне был с первых дней. Академик. Был в 43-й гвардейской ЛСД, партизаном в Латвии. Далее был секретарём ЦК Латвии, министром сельского хозяйства Латвии, директором Института зернового хозяйства (Ставрополь), а в последствии Президентом ВАСХНИЛ. У него на работе часто собирались московские латышские стрелки. Награжден пятью орденами Ленина, тремя Боевого и Трудового ордена Красного Знамени, Красной Звезды, и многими медалями.

Л.Тарвид. Авиатехник латышского авиаполка. Вспоминаю встречи и беседы с ним в санатории «Рижский залив».

Хочется вспомнить своих боевых командиров и рядовых – Габровского, Нацунса (парторга), Калниныша, Замбранса, Юрьева, Коновалова, Иванова, Пастухова (народного артиста РСФСР).

Сокращения:
ВАСХНИАЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. АН СССР – Академия наук СССР

РАН – Российская академия наук
СБС РФ – Совет ботанических садов Российской Федерации

Май 2006 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1-го курса 5-го факультета (ИНЖЕКИН) Московского авиационного института – **Лосева Наталья Алексеевна***

Татаринцев Федор Иванович

Китаец залез ко мне на машину и начал целовать портрет Сталина

Я родился 22 февраля 1923 года в селе Красное Московской области. В возрасте двух лет переехал с родителями в село Троицкое Московской области (ныне город Троицк), где проживаю по сей день. Русский, из семьи ткачей. Беспартийный.

После школы пришел работать на фабрику вместе с братом. Здесь застала война. В 1941 году встал на защиту Родины. Я воевал в составе 184-го танкового корпуса рядовым. Боевое крещение принял под Великими Луками, где шли жаркие бои. Был на двух войнах: сражался с гитлеровцами на Западе и с японскими самураями на Востоке. Тысячи километров военных дорог проехал, горы оружия, продовольствия перевез на машине от Калинина до Германии, от Читы до Китая, приближая победу.

На рассвете 22 июня 1941 года германская армия всей своей мощью обрушилась на советскую землю. Началась Великая Отечественная война, война советского народа с фашистскими оккупантами, продолжавшаяся 1418 дней и ночей. В тот же день к Германии присоединились Италия и Румыния, 23 июня – Словакия, 27 июня – Венгрия. В первую очередь нужно было обеспечить мобилизацию всех сил на отпор врага. В день нападения фашистов Президиум

Верховного Совета СССР издал указ о мобилизации военнообязанных 1905-1918 гг. рождения.

В конце сентября (25 числа) из военкомата нас на автобусе повезли в Москву в Пролетарские казармы. Там нас обмундировали и приказали патрулировать ночью Москву во время комендантского часа. Во время патрулирования мы попали под бомбежку - бросали фугасные бомбы. Взрывной волной покорежило все окна института МИСиС. По окончании бомбежки мы все вернулись в казармы. На следующий день нас отправили в г. Горький для перевозки военного архива. Когда мы приехали нас спросили: "Кто из вас умеет водить машину?" Ответил я, но у меня еще не было прав, но капитан посадил меня за руль, и мы поехали. Архив разгрузили в местном Кремле. После нас погрузили на баржу и отправили в г. Богородск в автомотобронеполк на обучение. Но в полку мне выписали права без обучения, т.к. я умел водить и меня снова отправили в Горький в комендатуру. В Горьком я пробыл до марта месяца, подхватил там воспаление легких и лечился в местном госпитале. В марте 1942 года меня направили в 184-ю танковую бригаду, и в конце месяца наша танковая бригада была полностью сформирована. Меня отправили с командиром бригады на завод им. Горького за машинами. Перевозили американские «Форды» и «Студебекеры». Товарищи мои перевозили танки. В конце апреля всю технику погрузили на эшелон и отправили на фронт под г. Клин, затем в Калинин. Город бомбили. К счастью никого не задело, и техника осталась цела.

После бомбежки я сел на выданный мне «форд» и поехал в г. Таранец Калининской области. И там нас тоже застала бомбежка. Взрывной волной меня отбросило в болото. Мне помогли выбраться ребята, все обошлось. Я продолжил свой путь, поехал под Великие Луки. Там наша бригада стояла в обороне. Только после освобождения Сталинграда нашу бригаду расформировали.

В 1943 году меня снова отправили в Калинин, там сформировался 28-й автополк. Нас погрузили в эшелон и повезли через Сталинград и Ростов в Минеральные Воды. В пути мы попали под бомбежку. В нашем поезде, в соседнем вагоне, ехали дети. Все солдаты, и я в том числе, стали спасать их. На наше счастье никто из детей не пострадал. Чуть позже

наши истребители отогнали противника, не дав взорвать эшелон.

Повезли нас дальше, в г. Нахичевань республики Азербайджан. Когда мы туда приехали, нас сразу отправили в баню. И после бани нам выдали американское обмундирование песочного цвета. Оттуда уже на машинах мы поехали на станцию Джульфа, на границе с Ираном. Там забрали все наше обмундирование и отправились в Иран получать новую технику. Мне выдали «форд», и погнали мы через весь Азербайджан, через всю Армению, через Семеновский перевал, через Грузию и Крестовый перевал (это был самый опасный перевал на пути) в город Орджоникидзе доставлять продовольственные товары, боеприпасы, запчасти для железных дорог и машин и многие другие грузы. Как только мы разгрузились, меня опять отправили в Джульфу. По дороге одна из наших машин, ехавшая передо мной, перевернулась. К счастью, все остались в живых. И так почти весь год мы перевозили всю технику, продукты и другие грузы в город Орджоникидзе.

В начале 1944 года нас отправили в Брестскую область на фронт. Оттуда меня отправили на кирпичный завод, чтобы мы там закопали огромное количество трупов в ямы. Там были сотни трупов, и стоял ужасный запах, от которого могло вырвать, но нам приходилось закапывать людей - по нескольку человек в одну яму. Это было очень неприятное зрелище, которое надолго оставило отпечаток в моей памяти. После этого меня послали в один из немецких лагерей, который раньше был школой. Там я тоже застал большое количество трупов, которых нам опять же пришлось хоронить. После полного освобождения Бреста нас направили в Польшу, на станцию Демблин, а в то время в Варшаве шли бои. По приезде в город, мы стали вывозить все подряд, вплоть до тряпок. Отвозили назад в Брест.

В начале 1945 года, после полного освобождения Польши, я отправился в Германию, в какой-то город на границе с Польшей. Когда я туда приехал, увидел наш полк в пятьсот машин, который стоял около механического завода. Завод вывезли весь, все до последнего гвоздя. По дороге назад мы попали под обстрел националистов (скорее всего это были

поляки). Но никого не убив, они убежали, испугавшись бронетранспортеров, сопровождавших нас.

Мы приехали в Киев на завод «Арсенал», это было за неделю до победы, на тот момент уже был взят Берлин. Мы разгрузились и нас направили в местный штаб. Откуда мы получили приказ об отъезде в Москву. По дороге домой война закончилась, обрадовались, я подумал: «Все, конец! Домой!» Сдали машины и отправились в палатку на станции Кубинка. Там мы прожили около двух недель. Потом пришел эшелон, нас погрузили на него и отправили на восток. Везли нас через Казахстан. Доехали до станции Арыси, расположенной в степи. Там мы пробыли недолго и оттуда через Алтай поехали в Новосибирск. От Новосибирска шла прямая дорога на восток (Новосибирск – Красноярск – Зима). Проехав через Красноярск, отправились на озеро Байкал.

Вдоль Байкала мы ехали через множество туннелей и, наконец, добрались до станции Кадала, что в двенадцати километрах от Читы. Там мы получили машины. В это время туда подошли солдаты, прибывшие с запада, и нас всех посадили на машины. Поехали мы через Бурятию к монгольской границе. Ехали долго, около 800 км проехали. Там, без особо долгих проверок, нас сразу пропустили. Через пустыню Гоби приехали на границу России с Японией. Там мы разгрузились, высадили солдат, разобрали технику. И меня оттуда опять посылают в Читу. От усталости я уснул за рулем, но мне повезло, это было в степи, и врезаться мне там было невочто. В Чите опять забрали эшелон и обратно на границу.

9 августа мы высадили солдат на границе. Чуть позже началась перестрелка в сопках на Хингане. Мы использовали все орудия. Стреляли через реку, разрушили мост и в итоге перебили японцев. Переехав реку, мы отправились дальше, в г. Харбин в Манчжурии. Там я встретил много наших, которые бежали во время Первой мировой войны. Долго нас там не задерживали и отправили в г. Хайлар в Китае. Местные нас встречали с объятиями, но нам нельзя было долго задерживаться, и мы отправились дальше. Только в городе Тайнань мы остановились на более длительное время. Тут китайцы нас также приняли очень тепло. Один оборванный китаец залез ко мне на машину и начал целовать портрет

Сталина. Мы помогли ему, чем могли. Как смогли, одели, обули и накормили его.

Следующий город, в который мы поехали – это Тайань, потом в город Чань-Чунь. Там я провел около месяца. После длительных переездов из города в город наших солдат стали отправлять домой, так как Китай мы освободили примерно за месяц, а наш полк еще оставался. Оттуда мы вывезли все торговые склады в Монголию. Всю зиму мы разгружали машины. Ближе к весне меня отправили в Читу. Там и расформировали наш полк. Я уже подумал, что все, домой. Но, к сожалению, меня записали в автобатальон, и я поехал в Хабаровск. Там нас поселили в казармах. Вскоре пришел приказ, и я опять в Читу. Там в военный комиссариат пришел указ о демобилизации солдат 1922-1923 года рождения. Нас построили, подошел командир и сказал, что демобилизация отменяется. Нас послали в алтайский край перевозить хлеб. Там же всех демобилизовали после того, как мы вывезли весь хлеб. Но меня единственного и не отпустили, потому что я был из Москвы. Меня оставили, чтобы я загонял машины на платформу. После погрузки машин мы поехали на запад. Привезли нас в Сталинград, там мы разгрузили все автомобили, и нас начали демобилизовывать. Долго меня упрашивали остаться служить дальше, но я наотрез отказался, стоял на своем. Очень я уже хотел домой. Ночью нас подняли, отправили в особый отдел. Там нам дали денег и на поезде отправили домой.

В 1947 году я демобилизовался и вернулся на Троицкую фабрику. Мой трудовой стаж - 51 год. Награжден боевыми и трудовыми орденами и медалями.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина – ***Казакевич Юрий Викторович***

Тесля Григорий Кузьмич

Снаряды, шипя, ползли по земле к танкам противника

По паспортным данным я родился 10 октября 1921 года, а фактически – в августе 1921 года, а дату не помнила даже мама. Место рождения: Алтайский край, Славгородский район, поселок Ново-Алексеевка. По национальности – украинец, хотя в свидетельстве о рождение указано – русский. Мои родители были православными, я же считаю себя атеистом.

Членство в общественных организациях: с 1939 года по 1941 год – член ВЛКСМ; с 1942 года - член КПСС. После расформирования КПСС, по–прежнему, храню партийный билет. Считаю себя коммунистом.

В 1937 году окончил 7 классов. Из-за переездов родителей, два года пропустил обучение в школе. В 1939 году окончил 1-й курс металлургического техникума. В 1939 году добровольно, по Комсомольскому призыву, поступил в Сумское артиллерийское училище имени М.В. Фрунзе (город Сумы, Украина) и окончил его 6 июня 1941 года.

За 16 дней до начала Великой Отечественной войны, в воинском звании лейтенанта, был направлен служить в воинскую часть 5473, которая находилась около Брестской крепости, в лесу, в 4-х километрах от самой крепости. Получил должность начальника взвода разведки и связи штаба

полка. В этом звании и должности и встретил войну в 4 часа утра 22 июня 1941 года.

Большинство из нас, участников Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, встретило эту трагедию человеческого разума и бытия в возрасте, когда мечтают о цветах, об интересном будущем, о любимой, которой назначено решающее свидание на воскресенье.

Война! Все смешалось, перепуталось, потеряно, почернело. У всех на душе горесть и слезы на глазах при расставании с уходившими на фронт. Только вчера пели песни: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой…», а сегодня шли в солдатских шинелях и гимнастерках и разучивали новые песни, нужные для мобилизации духа по защите Родины.

22 июня 1941 года, вспоминаются первые часы этого дня. Закончено мое дежурство подвижного патруля в деревне, что в 3 километрах северо–западнее города Бреста. В комендатуру Брестской крепости привели задержанного немецкого провокатора, который угрожал жителям деревни, что скоро «всем будет конец». Отправились в артиллерийский полк отдыхать, было 2 часа ночи, наступил крепкий солдатский сон. И вдруг, проснувшись, слышим взрывы снарядов и бомб; летели стекла в окнах: дзинь, дзинь!.. Пахнет порохом и гарью.

«Война!» - кричим мы, молодые офицеры, прибывшие в полк из военных училищ 6-12 дней тому назад. Все бежим к солдатам, у всех стресс от внезапного начала войны. Потом приходим в себя и организованно всем артиллерийским полком отходим в лес.

Первые 9 дней отходим на восток, теряем в схватках с фашистскими танками своих боевых товарищей. Но это только 9 дней беспорядочного неорганизованного отхода.

Мой боевой путь начался с Брестской крепости города Бреста (22 июня 1941 года). Далее: город Могилев (июль 1941 года), г. Кричев, река Сожь (июль 1941 года), г. Кашира (ноябрь 1941 года), г. Медынь (декабрь 1941 года), станция Жуковка Брянской области (ноябрь 1941 года), станция Сычевка Смоленской области (март 1942 года), г. Ржев (февраль1943 года), г. Ульяново Орловской области (июнь-июль 1943 года), г. Карачев (август 1943 года), г. Великие

Луки, г. Невель (сентябрь - ноябрь 1943 года), г. Кандалакша (март 1944 года), г. Алакурти (ноябрь 1944 года), г. Варшава (январь 1945 года), г. Бромберг (март 1945 года), Зееловские высоты, Германия (апрель 1945 года), г. Берлин (апрель-май 1945 года), г. Висмар, Германия (май-ноябрь 1945 года).

Военные боевые действия закончил в городе Берлине 2 мая 1945 года, будучи командиром батареи 59-го Гвардейского, Гнезненского орденов Красного Знамени, Суворова и Кутузова минометного полка, которым командовал гвардии полковник Фриг Григорий Трофимович. Мое воинское звание – гвардии капитан.

После расформирования в ноябре 1945 года 59-го ГМП да продолжал службу в армии до февраля 1947 года. За это время был заместителем начальника школы сержантского состава 305-го гвардейского минометного полка (декабрь 1945 г. - август 1946 г.), а затем после расформирования 305-го ГМП был начальником штаба 2-го дивизиона 92-го гвардейского минометного полка (август – декабрь 1946 года). В феврале 1947 года был демобилизован, по состоянию здоровья (ранение, контузия), в воинском звании гвардии капитана.

После демобилизации работал в закупочной конторе Министерства торговли СССР (февраль-ноябрь 1947 года) в городе Берлине. В ноябре 1947 года контора была раскрадена и я семьей (жена и сын) уехал из Германии на Родину - в Белорусскую область. Из Берлина ехал поездом по маршруту: Берлин, Брест, Минск, Смоленск, Москва, Валуйки (Воронежская область) Алексеевка (Белорусская область).

Первые дни войны, тяжелых боев и отступлений

На старой государственной границе, в районе станции Погорелое, вступаем в жестокий бой с немцами. Танки фашистов наступают на наши отходящие войска. Нам, артиллеристам, приказывает один из командиров-пехотинцев: установить четыре противотанковые пушки у опушки леса для прикрытия отходящих штабов и их оставшихся частей от наступления танков противника.

В моем распоряжении два орудия. Заняли огневые позиции, успели окопаться. Из-за пригорка выползает

«Фердинанд». Начинается первая в моей жизни не учебная, а боевая стрельба по живому, закованному в броню фашиста.

Первый снаряд из первого моего орудия – перелет. Первый снаряд из пушки «Фердинанда» - недолет. Второй снаряд из второго моего орудия попадает в гусеницу «Фердинанда». Танк останавливается. Он наводит свою пушку, она нацелена на мое второе орудие и – прямое попадание. От орудия остались куски метала. Из боевого расчета 2 человека убито, 3 ранено. Оставшееся первое орудие направляет ствол на башню «Фердинанда». Последний направляет ствол сторону нашего орудия, хотя двигаться уже не может, нет гусениц. Гремят одновременно два выстрела: моего противотанкового орудия и «Фердинанда». Залп из двух снарядов, летящих друг другу на встречу. Снаряд противотанкового орудия заклинивает башню и танк загорается. Снаряд «Фердинанда» попадает в мое орудие и оно раскромсанное, умолкает навсегда. Остатки орудийных расчетов, раненых и убитых забираем на тягачах, уходим в лес, оторвавшись от противника. Так закончился первый для меня бой с немецкими оккупантами.

Через несколько дней после отступления, беспорядочного и неорганизованного, 2 июля 1941 года в лесу под городом Могилевом всех рассортировали по родам войск. Меня, как лейтенанта-артиллериста, направили в 132-й артиллерийский полк, командиром взвода разведки. Полк получил задание занять оборону на восточном берегу реки Сожь в районе города Кричев. После занятия огневых позиций, в первых числах июля 1941 года, меня послали в разведку: «взять языка» и привести его в штаб полка.

Мое второе боевое крещение получилось грустным и безрезультативным. Где-то в середине июля 1941 года я с красноармейцем (фамилии не помню), перешли в брод реку Сожь и стали в темноте (23-24 часа ночи) ползти по густой траве к переднему краю немецких войск. Два километра мы ползли около 3 часов, «нарывались» на таких же неудачников, как и мы сами. Приготавливались не раз брать их в плен, а они нас. Но по крику и свистам узнавали, что это свои из других частей, тоже разведчики.

Вот окопы немцев, нам оставалось немножко: «схватить» за шиворот немца, заткнуть ему рот кляпом и

отвести в свой полк. И вдруг, со стороны, нашего полка начался артиллерийский обстрел немецких позиций. Нам уже было не до «языка». Быстро поползли назад. Этот раз так стремительно, что добрались до огневых позиций 132 –го артиллерийского полка за 1,5 часа. Но оказалось, что полк, отстрелявшись, снялся с огневого рубежа и ушел в лес. Догнали, я и красноармеец, колонну своей части и углубились в лес.

В августе 1941 года меня отозвали в Москву в Наркомат обороны СССР, где я получил назначение на службу в Гвардейских минометных (ракетных) частях. С августа 1941 года и по декабрь 1946 года, в том числе, до окончания Великой Отечественной войны я служил и воевал на фронте с немецкими фашистами в составе нескольких полков.

Итак, несколько эпизодов из жизни и боевых действий в составе 11-го отдельного гвардейского минометного дивизиона (дивизион «Катюш») 59-го Гвардейского Гнезненского, орденов Красного Знамени, Суворова и Кутузова, минометного полка (полк «Катюш»).

Декабрь 1941 года. Как командир взвода разведки 11-го отдельного Гвардейского минометного дивизиона получаю задание от командира 11-го дивизиона майора Штокалова: уточнить огневые позиции и передовую линию обороны кавалерийского корпуса генерала Белова.

Получив задание, я, в одиночку, на автомобиле («Козле») отправился на поиски штаба кавалеристов генерала Белова. По пути машина сломалась и в одной из деревень, в районе города Козельска, пришлось «конфисковать» у колхоза лошадь. Верхом на ней поскакал на передовые позиции. В лесу темно, только ветки трещат. В руках пистолет с взведенным курком и граната - лимонка. Впереди стрельба из ружей и пулемета. На опушке леса останавливает красноармеец, кричит: «Стой! Куда тебя черт несет, в 50 метрах немецкие окопы». Выяснили мое задание командиры штаба и сказали, что штаб Белова в тылу от окопов в 500 метрах. В штабе генерала Белова меня встретили с радостью, когда узнали, что я связист 11-го дивизиона. Напоили чаем, дали боевые 100 граммов водки. Таким образом, я быстро установил связь со штабом генерала Белова и привез боевые задания командиру дивизиона майору Штокалеву.

Январь 1942 года. Бои под городом Алексин (Калужская область). Командир 11-го дивизиона майор Штокалев дал мне задание разведать позиции нашей пехоты и противника, около 800 метров от города Алексина.

На автомашине (полуторке) я с тремя связистами и разведчиками по оврагу добрался до передовых позиций. Оказалось, что наша пехота 30 минут назад ушла из окопов в направлении города Алексин. Поднявшись на машине из оврага на бугор, что 500-600 м от скирды сена, моя разведка была встречена пулеметным огнем, так, что автомашина была изрешечена пулями. Был ранен связной Караваев. Машину быстро спустили в овраг, благо мотор был цел, а шофер не ранен.

Дивизион «Катюш» под командованием майора Штокалева уверено двигался к городу Алексин, так как считал, что наша пехота уже овладела городом. К сожалению, пехота обошла город справа, а боевые машины могли попасть под убийственный огонь фашистов. Срочно возвращаюсь с разведчиками навстречу колонне дивизиона. Докладываю обстановку командиру дивизиона. Боевые машины немедленно были возвращены в овраг. Командир дивизиона объявил мне благодарность за то, что моя разведка спасла от расстрела противником целый дивизион. За эту операцию я был награжден орденом Красной Звезды. Это была моя первая боевая награда.

Январь 1943 года. Бои в районе станции Жуковка Брянской области. Огнем «Катюш» 59-й ГМП обеспечивал отражение атак фашистских войск, которые рвались во чтобы то ни стало взять крупный железнодорожный узел станции Жуковка. В этом сражении боевым установкам «Катюша» пришлось стрелять прямой наводкой по танкам фашистов. Это было редчайшим исключением из правил стрельбы и не допускалось инструкциям. Инструкции были, а обстановка требовала открыть огонь по танкам противника. В этом бою одна установка БМ-13 («Катюша») по моей инициативе опустила направляющие до упора и, зарядив установку снарядами, по команде командира батареи гвардии капитана Агафонова, начала стрельбу одиночными выстрелами. Снаряды, шипя, ползли по земле к танкам противника. Зрелище было угрожающе жуткое. 3 из 5 танков фашистов

были подбиты и заполыхали как огневые смерчи. Остальные отступили назад. Так кончилось это необычное сражение с немецкими танками. Фашистским войскам не удалось прорвать оборону наших (Советских) войск и захватить станцию Жуковка.

Июнь-август 1943 года. Орловско-Курская битва. В историческое сражение внес свою лепту 59-й ГМП. Памятны два боевых эпизода.

Первый – бой за высоту 233,0. Мне с разведчиком Фоминым и радистом Визуном было дано задание: пробраться к первой линии окоп пехоты 11-й армии и оттуда корректировать огонь «Катюш» 59-го ГМП, чтобы уничтожить скопление пехоты и танков фашистской 5-й танковой армии. За день авиацией немцев было совершено более тысячи самолетовылетов. Земля на высоте 233,0 горела и гудела. Пехотинцев и нас, разведчиков 59-го ГМП не раз засыпало землей в окопах. Нервы у всех натянуты, как струны. И все же в итоге боев высота 233,0 не была сдана фашистам, а фашисты в этом сражении потеряли 600 орудий 40 танков, 80 минометов.

Эпизод второй – фашисты так озверели, что без конца бомбили авиацией скопление наших частей. Так, когда 59-й ГМП после боев на высоте 233,0 остановился 14 июля 1943 года, на полдня наступило временное затишье и в городском парке города Ульянов, полк был подвергнут бомбежке массированным налетом немецкой авиации. После налета самолетов потери полка составили - 13 человек убитых, 68 раненых, сгорели 8 боевых установок БМ-13. Силами солдат и офицеров полка материальная часть была выведена из парка города, раненым оказана помощь медицинскими работниками полка, погибших предали земле. Теперь в Ульяново есть мемориал советским войнам, павшим в боях за освобождение города, среди них и имена 10 погибших гвардейцев 59-го ГМП. Волю, отвагу и героизм проявили, вынося убитых и раненых с боевых установок врач Змеева, фельдшеры Квирквелия, Клычев; санитары – Гликман, Сулейманов, разведчик Азарцов, шофер Орлов и другие. В этой боевой операции врач полка Змеева К.Я. погибла. За активное выполнение боевой задачи по разведке противника в

Орловско-Курской битве я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В октябре-ноябре 1943 года 59-й ГМП принимал участие в боях в районе города Великие Луки и города Невель, поддерживая огнем «Катюш» боевые действия частей 11-й танковой армии. В ноябре 1943 года части 11-й танковой армии и 59-го ГМП оказались в «мешке». По дорожному «коридору» шириной 1,5-2 км необходимо было доставлять боеприпасы и питание 59-му ГМП. В одну из поездок по этому «коридору» автомашина старшего сержанта Ковезы была обстреляна из пулемета. Разведчик Ковеза вез обед и запасные боеприпаса разведчикам штаба 59-го ГМП, на наблюдательный пункт. Пуля смертельно ранила старшего сержанта, но он, истекая кровью, довез указанный груз до разведчиков и, к сожалению, тут же скончался.

Март–октябрь 1944 года. Карельский фронт. 59-й ГМП участвовал в боях, поддерживая огнем части 19-й армии. Знаменательны два боевых эпизода из этого времени.

Первый, март 1944 год. Разведка обстановки в районе горы Воулокоярви. Мне, разведчику Фомину, радисту Визуну была поставлена задача: разведать передний край немецко-финских войск, что западне 500-600 метров горы Воулокоярви. Пройдя по гористой и лесной местности до переднего края пехоты 19-й армии и «намотав» на ногах около 30 км, мы у западного склона горы Воулокоярви попали под шквальный огонь немецких частей. Но сумели передать вовремя данные о скоплении фашистов у склонов в 100-200 метрах от переднего края пехоты 19-й армии. Огнем «Катюш» была сорвана задача немецких частей перейти в наступление. На обратном пути из-за небольшой моей контузии от вражеских разрывов снарядов, меня вынуждены были нести на спине по очереди Фомин и Визун. И все же задание было выполнено с честью. За эту боевую операцию я был награжден орденом Отечественной война I степени.

Второй эпизод, июнь 1944 года. Фашисты зверели. Снова готовили наступление на гору «Пограничная», концентрируя боевую технику и пехоту в районе горы Лысая. 15-му дивизиону 59-го ГМП была поставлена задача огнем «Катюш» уничтожить скопление фашистов на горе Лысая. 5 или 6 залпов дивизиона разгромили скопление и сорвали

намерения немцев. Однако, последний залп был трагичным не только для фашистов, но и для 2-й батареи 15-го дивизиона. В спешке, во время зарядки установки БМ-13 боевыми снарядами, из-за недостатка бойцов в боевом расчете (выбыли 2 человека по ранению) командир батареи капитан Бруевич включил в состав боевого расчета санинструктора Гликмана. Гликман по незнанию, в спешке, направляя боевой снаряд с завинченным взрывателем на погон установки, по неосторожности ударил его о фрамугу. Произошел взрыв снаряда, в результате чего погибло 7 человек, повреждены три БМ-13. Но остальные боевые машины были исправны. 15-й дивизион, как и весь полк, продолжал выполнять боевые задачи.

Опять Карельский фронт. Весна, апрель, май 1944 год. Идут оборонительные бои. Мало овощей, фруктов. И тут фельдшеры полка и дивизионов Клычев, Квирквелия, а также санинструкторы: Сулейманов и Гликман мобилизуют солдат на сбор черники и хвойных молодых побегов ели и сосны. Гвардейцев полка медики кормят черникой до черноты губ, десен и языка, а хвойным отваром поят «допьяна». Но, зато, ни одного заболевания цингой с отправкой в госпиталь за всю Карельскую операцию не было. Фельдшеры Клычев, Квирквелия, Чертоляс Инна за эту «операцию» получили по боевой награде.

Март 1945 года. Бои с фашистами за освобождение Польши. Лес под Бромбергом. Курьезный случай произошел, когда полк временно занял оборону, отражая рвущихся из окружения фашистов в районе леса, что севернее города Бромберга. Меня, как не пьющего спиртное, после изнурительных боев за этот город, назначили дежурным по полку. В штабе полка во время ужина Мещеряков предложил мне выпить сладкого сока. После этого «сока» я «отключился» на несколько часов. В 2 часа ночи писарь штаба Финякин меня все же разбудил, и доложил, что на полк было нападение немцев, выходящих из окружения. Немецкое нападение отбили. А я, дежурный по полку, был мертвецки пьян. Через полчаса после моего «пробуждения» командир полка Фриг Г.Т. и комиссар полка Продувной Г.П. отстранили меня от дежурства, «влепили» мне выговор и заявили, что, если бы они не знали, что я не пью спиртное, то за этот поступок (сон в

пьяном виде на боевом посту, как дежурного по полку) меня бы отправили в штрафной батальон.

Апрель 1945 года, Зееловские высоты, Германия, 70 км от Берлина. 62-я армия под командованием генерала Чуйкова вела ожесточенные бои с отборными частями германского Вермахта. 59-й ГМП, поддерживая огнем «Катюш» наступление 62-й армии в районе населенного пункта Ряйтвейн, разгромила скопление пехоты и боевой техники фашистов на подступах к Берлину. 18 апреля 1945 года мне, как командиру 2-й батареи 15-го дивизиона, была дана команда дать срочно залп батареи по деревне Хотен, где скопилось много фашистов и их боевой техники. Под шквальным огнем немецкой артиллерии и налетам фашисткой авиации мне удалось вывести батарею на огневой рубеж и дать залп. 64 снаряда накрыли скопление пехоты и техники противника. В деревне Хотен у водонапорной башни находились командир взвода разведки лейтенант Праздников, разведчик Фомин, радист Визун, которые определили координаты этой цели и обеспечили прямое попадание снарядов в скопление противника. Контрнаступление фашистов было сорвано. Части 62-й армии продолжали наступление в направлении Берлина.

Мне пришлось давать боевые команды вне укрытия. В этот момент самолет фашистов на бреющем полете сбросил бомбу, которая разорвалась над моим КП. Я получил сквозное ранение в легкие и одновременно накрыл своим телом начальника штаба 15-го дивизиона гвардии капитана Титова, чем спас ему жизнь. Итак, боевое задание было выполнено. За эту боевую операцию я был награжден орденом Красного Знамени.

26 апреля 1945 года, Берлин. Еще один курьезный боевой эпизод. Я был в госпитале, но по возвращению из него в полк 6 мая 1945 года мне рассказал об этом мой друг, начальник штаба 15-го дивизиона гвардии капитан Титов Владимир. Когда стемнело, где-то в 21-22 часа 26 апреля 1945 года, дивизиону была дана команда занять огневые позиции на окраине пригорода Берлина, в районе местечка Карлхорст, рядом с винным складом. После занятия огневых позиций солдаты разведали винные склады и были «ошарашено» удивлены. На складе, около емкостей с вином спали пьяные

немецкие солдаты в обнимку с автоматами и винтовками. Рядом стояли немецкие пушки и тоже со спящими пьяными солдатами. Солдаты 15-го дивизиона, под командованием гвардии капитана Титова В. взяли в плен спящих солдат (около 20 человек) и тихо, без шума уехали со всем дивизионом на другую позицию, подальше от греха (неожиданного боя).

Были и другие боевые смешные эпизоды, но обо всех не вспомнишь и не напишешь.

Теперь несколько фактов и сведений из других событий и моей биографии.

О наградах. В описании боевых эпизодов я указал, какие награды и за что, за какой боевой подвиг их получал. Поэтому изложение о наградах будет кратким.

Орден Красного Знамени, №260482. Награжден указом Президиумом Верховного Совета СССР в мае 1945 года. Вручал в городе Висмар (Германия) командир 59-го ГМП гвардии подполковник Фриг Григорий Трофимович в июле 1945 года. Награжден за отличное выполнение боевой задачи по уничтожению пехоты и боевой техники противника в городе Хотен огнем батареи реактивных минометов «Катюш», которой я командовал.

Орден Отечественной войны I-й степени, №162464. Награжден указом Президиума Верховного Совета СССР в январе, вручал командир 59-го ГМП гвардии подполковник Фриг Г.Т. во время пребывания полка в лесу около деревни Кремль, что севернее города Берлина. Награжден за выполнение задачи по корректирование огня «Катюш», который вел полк по пехоте немецко-финских частей на горе Лысая.

Орден Отечественной войны II-й степени, №21427. Награжден указом Президиума Верховного Совета СССР в сентябре 1943 года. Вручал командир полка гвардии подполковник Фриг Г.Т. во время пребывания полка в лесу близь станции Зеленоградская Московской области. Боевая техника полка в это время находилась на очередном ремонте в городе Москва на заводе «Компрессор». Награжден за выполнение боевой задачи по корректирования огня реактивных минометов («Катюш») по оборонным позициям немцев на высоте 233,0.

Орден Красной Звезды, №30971. Награжден указом Президиума Верховного Совета СССР в марте 1942 года, вручал командир 11-го Гвардейского отдельного минометного дивизиона гвардии майор Штокалов в деревне Садовелики. Награжден за оперативно выполненную разведку передовых позиций противника, чем спас от расстрела пулеметчиками немцев колонны дивизиона следовавшей в город Алексин.

Кроме четырех боевых орденов полученных за выполнение боевых заданий во время войны, был также награжден орденом Отечественной войны I-й степени, №502052 указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1965 года.

Кроме орденов был награжден также памятными медалями и знаками.

- медаль «За оборону Москвы» (Р№015541 указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года, вручал командир 59-го ГМП гвардии подполковник Фриг Г.Т.);

- медаль «За оборону Советского Заполярья» (Г№049034 указом Президиума Верховного Совета СССР 5 декабря 1944 года, вручал командир 59-го ГМП гвардии подполковник Фриг Г.Т.);

- медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» (Н№175743, указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года, вручал командир 305-го ГМП гвардии подполковник Кирженков);

- медаль «За взятие Берлина» (А№155155, указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года, вручал начальник отдела кадров артиллерийской группы Белорусского фронта полковник Минаковский);

- медаль Жукова (Г№0674506, указом Президента Российской Федерации от 19 февраля 1996 года, вручал военный комиссар Военкомата Ленинградского района города Москвы);

- медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (А№7467800, указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 года, вручал военком Кировского РВК города Москва полковник Пряжин В.);

- медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (без номера, указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 года, вручал военком Ждановского района города Москва полковник Воротячин);

- медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (без номера, указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985 года, вручал военком Ленинградского РВК города Москва Багетов);

- медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (Е№5902848, указом Президента Российской Федерации от 22 марта 1995 года, вручал военком Ленинградского РВК города Москва Багетов);

- медали «50 лет вооруженным силам СССР», «60 лет вооруженным силам СССР», «70 лет вооруженным силам СССР» (вручали работники Ленинградского РВК города Москва);

- медаль «В память 850-летия Москвы» (А№0221609, указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 1997 года, вручал работник управы Головинского района города Москва);

Знаки боевого отличия, боевых заслуг, за успехи в народном хозяйстве:

- нагрудный знак «Гвардия СССР» (59-й ГМП №67 от 9 сентября 1942 года, вручал начальник штаба 59-го ГМП гвардии майор Мишекурин);

- нагрудный знак «Ветерану Карельского фронта 1941-1945 годов» (вручал Председатель Президиума Совета ветеранов Карельского фронта генерал майор Склярский в 1975 году)

- нагрудный знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне» (Утвержден Министром обороны СССР маршалом Советского Союза А. Гречко, вручен Ленинградским РВК города Москва в 1975 году);

- нагрудный знак «Ветерану Гвардейских минометных частей» (Утвержден Советом ветеранов ГМЧ в 1975 году, вручал Председатель бюро Совета ветеранов ГМЧ генерал лейтенант Дегтярев П. в 1977 году);

- нагрудный знак «40 лет Победы в Великой Отечественной войне» (вручал 4 мая 1985 года ответственный секретарь СКВВ генерал А. Малов);

- нагрудный знак «Фронтовик 1941-1945 годов» (вручал Председатель Российского оргкомитета ветеранов войны генерал армии В.Л. Говоров);

- нагрудный знак «Бронзовая медаль ВДНХ» (за успехи в народном хозяйстве СССР №6397, постановление Комитета совета ВДНХ №159-н от 4.XI.1965, вручали работники комитета ВДНХ в январе 1966 года);

Находясь в боевых операциях на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 годов в составе 59-го ГМП, я принимал участие в освобождении ряда населенных пунктов, городов. В частности:

- город Ржев Калининской области в феврале-марте 1943 года (59-й ГМП огнем реактивных минометов («Катюш») поддерживал наступление частей 30-й армии на город по «выдворению» из него немецких захватчиков. 3 марта 1943 года город был освобожден. После капитуляции немецких частей до конца марта шла «зачистка» территории от остатков фашистских вояк. Командовал 30-й армией генерал-лейтенант Колпакчи В.Я. Моим полком, в котором я был офицером разведки полка, командовал гвардии майор Фриг Григорий Трофимович. К концу ВОВ он уже имел звание «гвардии полковник»);

- город Ульяново Орловской области (12-13 июля 1943 года, поддерживая огнем «Катюш» наступление 11-й армии под командованием генерала Баграмяна И.Х.. 59-й ГМП участвовал в освобождении города. Командир 59-й ГМП был гвардии подполковник Фриг Г.Т.. В этой части я по-прежнему был офицером разведки полка);

- город Невель Псковской области (4 ноября 1943 года части 11-й армии под командованием маршала бронетанковых войск Баграмяна и при содействии огневой мощи артиллерии и минометов, в том числе 59-го ГМП (огнем «Катюш») город Невель был освобожден от немецкой оккупации. Командовал 59-м ГМП (полком «Катюш») гвардии подполковник Фриг Г.Т. Я по-прежнему возглавлял полковую разведку);

- город Гнезно, Польша (январь 1945 года части 1-й танковой армии и части 2-й армии Войска Польского при содействии артиллерии и минометов, в частности огнем «Катюш» 59-го ГМП штурмом овладели город, за что 59-й ГМП был приказом Верховной властью СССР назван

«Гнезненский». Командиром 59-го ГМП был гвардии подполковник Фриг Г.Т., я командовал 2-й батареей 15-го дивизиона, командир дивизиона – гвардии майор Газ Б.И.);

- город Берлин (26 апреля – 2 мая 1945 года 59-й ГМП под командованием гвардии полковника Фрига Г.Т., поддерживал наступающие и штурмующие части города Берлина. Мне пришлось участвовать в этой заключительной операции Великой Отечественной войны только на подступах к Берлину - Зееловских высотах. 18 апреля 1945 года я был ранен).

О ранениях.

- 30 марта 1943 года был контужен в голову, получил ушиб, ударившись об асфальт по дороге в районе города Юхнов Калужской области (при обстреле фашисткой артиллерией колонны полка, движущейся с передовых позиций в тыл, на ремонт боевой техники. Контузия с потерей памяти и сознания на 5-6 часов. Лечился в медпункте полка до 20 апреля 1943 года. Последствия контузии – повреждение зрительных нервов. После демобилизации из армии по этой причине и по ранению получил инвалидность II группы);

- 18 апреля 1945 года был ранен тяжело в правую сторону легких (диагноз: осколочное, сквозное проникающее ранение плевры легкого. Лежал и лечился в походно-военном госпитале в городе Лансберг Польши и в военном госпитале 86561 город Бадесберг Германии. 10 июня 1945 года выписали из госпиталя, прибыл для прохождения воинской службы в 59-й ГМП в Германии).

О родственниках:

- отец Кузьма Павлович, 1903 года рождения, погиб на фронте в 1943 году (был бойцом–санитаром на Украине в Запорожской области. Других данных о нем не знаю).

Работая во Всесоюзном научно-исследовательском институте научно-технической информации и экономики промышленности строительных материалов, научным сотрудником и выполняя должность ответственного секретаря сборника «Товары народного потребления», при моем участии за период с 1983 по 1988 годов выпущено 12 сборников. Мои научно–технические статьи по промышленности строительных материалов:

- Ближайшие задачи промышленности строительных материалов. 1970. Техническая информация ВНИИЭСМ, серия «Промышленность полимерных легких кровельных теплоизоляционных строительных материалов» выпуск 3;
- Состояние и задачи производства полимерных материалов для полов. 1972. Техническая информация ВНИИЭСМ, серия «Промышленность полимерных легких кровельных и теплоизоляционных строительных материалов» выпуск 1;.
- Основные пути повышения качества полимерных строительных материалов. 1975. Техническая информация ВНИИЭСМ, серия «Промышленность полимерных легких кровельных и теплоизолированных строительных материалов» выпуск 1;
- Состояние технического уровня промышленности полезных строительных материалов. 1971-1975 годы. 1976. Техническая информация ВНИИЭСМ, серия «Промышленность полимерных легких кровельных и теплоизолированных строительных материалов» выпуск 1;

Имею авторские свидетельства на изобретения:
- Мундштук для переработки полимерных смол под давлением;
- Роторная полуавтоматическая многосекционная машина для прессования граммофонных пластинок;
- Способ получения пластмассы для грампластинок;
- Способ получения огнестойкого пенополистирола.

Из неопубликованных произведений имеются три статьи объемом по 5 страниц машинного текста, посвященные моему участию в Великой Отечественной войны и боевому пути 59-го Гнезненского Гвардейского орденов Красного Знамени, Суворова и Кутузова минометного полка.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь курсант 2-го курса факультета военного обучения Московского государственного технологического университета – ***Чернышов Сергей Александрович***

Тимохов Константин Петрович

Немцы высадили десант, одетый в форму милиционеров

Родился 10 сентября 1918 года, в деревне Строительная Слобода Рословского уезда Черниговской губернии (Брянская область, Клетнянский район). Русский. Коммунист.

До войны закончил: в 1931 году начальную школу, в 1935 году школу колхозной молодежи, в 1939 году Людиновский машиностроительный техникум.

В 1939 году мне пришла повестка из военкомата и меня направили в школу младших специалистов (ШМАС) при Ворошиловградской летной школе. В школе не было преподавателя по черчению, и начальник школы попросил меня преподавать этот предмет. И теперь, вместо строевой подготовки, изучения уставов и занятий по физкультуре, я преподавал. Вскоре начальник ШМАС вызвал меня и сказал, что преподаватели жалуются на то, что на их уроках ученики делают черчение. Я успел сделать три выпуска и мне уже присвоили звание помощник командира взвода, а когда в 1940 году ввели звание «сержант», то мне сразу же его присвоили.

Меня неоднократно приглашали в различные военно-политические училища (ВПУ): артиллерийское, пехотное и другие, но каждый раз я отказывался. Однажды, я вел курсантов школы на завтрак, увидел группу сержантов. На мой вопрос: «Куда собрались?» Был ответ: «Идем сдавать

экзамены для поступления в Смоленское ВПУ имени Молотова, которое готовит замполитов авиационных эскадрилий». Я решил присоединиться к ним. Все экзамены я сдал успешно, вечером на мандатной комиссии меня спросили: «Как вы сюда попали, вы же всегда отказывались?» «А в авиационное я согласен». «Тогда вы первый кандидат!» - ответили мне и сразу же зачислили в ВПУ. Это был уже 1941 год.

Училище находилось в Смоленске. Сразу же по прибытии в училище нас отправили в летние лагеря, которые находились под Смоленском в сосновом бору. Когда мы прибыли на место, мы установили палатки и легли спать. Под утро была объявлена боевая тревога. До нас доходили слухи, что бомбили Смоленск и убили часового, охранявшего штаб военного округа. Перед обедом к нам приехал начальник училища и начальник политотдела. На построении объявили, что фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз.

Наше училище перебазировалось в Вязьму, для охраны строительства укрепленного района вокруг города. Нас посадили в вагоны и дали команду: «Из вагонов не выходить». Но ночью немцы бомбили железнодорожную станцию, и мы, конечно же, все разбежались из вагонов. Во время бомбардировки, с бугра в нашу сторону летели ракеты, видимо кто-то помогал немцам с земли. Утром нам сообщили, что под прикрытием бомбежки немцы высадили десант, одетый в форму милиционеров. Нам поставили задачу всех милиционеров доставить в отделении милиции - для опознания. Мы задержали несколько диверсантов.

В Вязьме меня с помощником оставили в гостинице, для охраны находившегося в ней штаба 16-й стрелковой армии, которая перебазировалась из Сибири.

Когда подошла 16-я армия, училище перевели в город Энгельс, для продолжения учебы.

После окончания ВПУ, следуя указанию, что «комиссар должен летать», меня направили в летную школу (21-я военная авиашкола первоначального обучения, ВАШПО) в городе Телави (Грузия). После ее окончания был направлен в Каченскую летную школу, которая находилась в Красном Куте под Саратовом. После её окончания в 1942 году был

назначен замполитом в 15-й истребительный авиаполк. Командир полка полковник Утин поставил мне условие: «Не летчиком я тебя возьму, летчиком не могу, потому что полк подготовлен для завоевания господства в воздухе на Кубани и укомплектован лучшими боевыми летчиками. Если я тебя возьму, то я должен оставить здесь боевого летчика». Я был откомандирован в запасной авиаполк. Ждать пришлось недолго. Для получения новых самолетов прибыл 347-й истребительный авиаполк (ИАП) 273-й истребительной авиадивизии (ИАД), куда меня зачислили замполитом второй авиаэскадрильи. В этой должности я находился с декабря 1942 года по июль 1943 года.

Затем с июля 1943 г. по август 1945 г. был помощником начальника политотдела по комсомолу 273-й истребительной авиадивизии.

Боевые действия закончил 2 мая 1945 года в Берлине, в звании капитана, под началом генерал-майора Комарова Г., а должность моя была – помощник начальника политотдела 6-го штурмового корпуса. Моим непосредственным командиром был начальник политотдела полковник Тупанов.

В Германии я остался на 2 года, с 1945 г. по 1947 г. в должности помощника начальника политотдела по комсомолу 6-го штурмового авиакорпуса. Базировался корпус в г. Финстервальде. Там я сдал экзамен и поступил в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина, на военно-воздушный факультет, где и учился с сентября 1947г. по 1951г.

Демобилизовался из армии в 1960 г. в связи с сокращением вооруженных сил на 1 млн. 200 тыс. человек.

Мои награды:

- 3 ордена Красной звезды №№3269042, 1843951, 3516620;
- орден Отечественной войны, №3070391. Москва. К 50-летию победы;
- медаль «За боевые заслуги»;
- медаль «За освобождение Варшавы», №058633. 17 февраля 1946 года;
- медаль «За взятие Берлина», №260724. 12 октября 1945 года.

- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». №0095842, 22 сентября 1945 г.

- медаль «За 20 лет безупречной службы».

- медаль Жукова, №0898357.

В войне погибли родственники:

Брат, Тимохов Сергей Петрович. 2 июля 1942 года. В воздушном бою.

Двоюродный брат Мотин Василий. Уже после окончания войны подорвался на мине.

Остались живы:

Отец, Тимохов Петр Дмитриевич.

Мать, Тимохова Пелагея Фадеевна. Награждена орденом «Материнской славы» за воспитание семерых сыновей. Во время войны вместе с четырьмя детьми была угнана в Польшу. После войны все вернулись на родину.

Собственные публикации ветерана: во время войны писал в газеты «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Доблесть».

Неопубликованные произведения:

Рукопись – «Летчики-комсомольцы в боях за родину». (О комсомольцах 16-й воздушной армии. Сталинград – Берлин. 1942-1945 гг.). Объем 196 печатных страниц. Подготовлена к печати, но нигде не печатается, не берут. Сейчас делаю очередную попытку сдать в печать.

Публикации:

Н.Ф.Кузнецов. «Годы испытаний». Жанр книги – военные мемуары. Лениздат. 1987 год издания. 320 страниц.

Из наиболее запомнившихся эпизодов войны

3 июля 1941 года начальник караула сообщил, что из Смоленска к нам едет Ворошилов. Хотя он и просил никого не будить, но всем хотелось посмотреть на него. И мы видели, как Ворошилов спустился со второго этажа вместе с Калининым, и Ворошилов, держась за лацкан кителя, сказал ему: «Как договорились, так и делайте».

Через некоторое время нам объявили, что по радио будет выступать генералиссимус И.В. Сталин. Мы встретили его речь с патриотической готовностью защищать Родину.

Счастливое возвращение

Когда командир полка Хлусович возвращался после жаркого боя, то по ошибке сел на аэродром, который уже успели захватить немцы. После того как он зарулил на стоянку, к нему подбежал немец с маузером. Хлусович выбил маузер из рук врага, смог взлететь и удачно вернуться к своим.

Курская битва

Перед началом Курской битвы на нас был совершен налет 500 немецких самолетов, и летчики нашего 6-го истребительного авиакорпуса сбили 50 вражеских самолетов. И по существовавшему тогда закону, на каждый сбитый самолет наземные части должны были давать подтверждение в виде справки, в которой указывалось время, место падения, номер машины и другие данные. Собирать эти подтверждения отправили меня. В эту поездку я смог увидеть подготовку наших войск к битве, рубежи обороны и даже сдавшихся в плен немца и поляка, которые и предупредили о времени начала вражеского наступления. Уже после того как началась Курская битва, наши летчики сбили еще 29 самолетов, и меня в очередной раз послали за подтверждением на них. Все гудело, кругом бомбежки, артобстрелы. Когда после поездок я начинал есть, то от еды несло трупным запахом: сало – пахнет трупом, беру хлеб – то же самое, попробовал одеколон – но и он был таким же. Когда я вернулся в часть, то узнал, что уже прошла реорганизация, и должность мою упразднили. В это время в дивизии снимали помощника по работе с комсомолом, и начальник политотдела 273-й ИАД полковник Злой М.С., герой Хасана, взял меня в политотдел. Я все время находился в частях, беседовал с летчиками и техниками, распространял их опыт в других полках и писал в газеты «Доблесть» и «Красная Звезда».

В ходе Курской битвы старший лейтенант Кормин и лейтенант Камилетдинов вылетели на разведку немецких танков, и когда они, обнаружив танки, успешно выполнили задание и возвращались на аэродром, их обстреляли с земли. Камилетдинов был ведомым летчиком, и он мужественно выполнил свои обязанности перед ведущим. Даже когда пуля

пробила ему через челюсть, он и в таком состоянии продолжал выполнять задание, прикрывая командира. Только зарулив на стоянку летчик потерял сознание.

Любовь и война

Как-то я пришел в деревню, стал просматривать газеты. Читая «Комсомольскую правду», на последней странице я увидел фотографию, под которой была подпись: «ученики из школы рабочей молодежи на лабораторных занятиях по физике». Я прочитал, что Людмила Беляева, контроллер заводской лаборатории, живя далеко от завода, встает в 5 утра, а после работы на заводе идет прямо в школу, и весной собирается сдавать экзамены. Меня удивило, как можно работать и учиться одновременно, да и внешность девушки понравилась. Я написал ей письмо, в школу, где она училась. Несмотря на то, что в школу приходили сотни писем, она мне ответила, и у нас завязалась переписка, которая длилась более двух лет. Я приехал в Москву 1 мая 1946 года, и мы впервые встретились. Затем я уехал в Германию и взял отпуск. Свадьбу мы справили в Москве и на моей родине, на Брянщине.

В 1996 году исполнилось 50 лет со дня нашей свадьбы. «Комсомольская правда» на первой полосе разместила мою фотографию в военной летной форме с женой и внуками. Скоро будет 60 лет нашей совместной жизни.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь студент 4 курса Московского инженерно–физического института - ***Бородачев Юрий Владимирович***

Тутаева (Парфёнова) Юлия Сергеевна

Химик-дымзавесник

Я родилась 5 декабря 1919 года в городе Москва. В шестнадцать лет поступила в Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина. Три года училась на очном отделении, а потом закончила заочно, уже работая один год на Дальнем Востоке. Стала заведующим РОНО в местечке Улан-Холл, что в переводе означает – Красное Горло. Здесь преподавала кроме своего профилирующего предмета - биологии, физику, математику и немецкий язык.

Когда мне был двадцать один год, началась Великая Отечественная война (1941-1945) - война Советского Союза против нацистской Германии и её европейских союзников (Болгарии, Венгрии, Италии, Румынии, Словакии, Финляндии, Хорватии); важнейшая и решающая часть Второй мировой войны. 22 июня 1941 года я была на летних каникулах в Москве, в этот же день узнала о начале войны. Пошла сама в военкомат, но там получила отказ, мне сказали, что надо ехать в Калмыкию по месту работы.

В Калмыкии пробыла до 1942 года. Потом добровольцем участвовала в военных действиях, там же в районе Калмыкского и Краснодарского края.

Но вскоре в Краснодаре высадился немецкий десант. 9 августа, утром, в момент вступления немецко-фашистских

войск в Краснодар, 40 промышленных предприятий по заранее разработанному плану были выведены из строя особыми командами рабочих и техников под руководством ответственных сотрудников краевого управления НКВД. Чтобы не дать врагу воспользоваться экономическим потенциалом города, были взорваны заводы “Октябрь”, “Краснолит” имени Седина, ЗИП, нефтеперегонный, компрессорный, кожевенный, мясокомбинат, шорно-седельная фабрика, электростанция, водопровод и другие предприятия.

Гитлеровская пропаганда поспешила объявить это “сталинским подарком городу”. Нашим войскам пришлось отступить в Астрахань. После этих событий мне пришлось отрезать шикарные волосы, густую, рыжую косу.

Затем меня переправили в береговую оборону под Севастополем. Севастополь в числе первых городов СССР 22 июня 1941 г. в 3 часа 15 минут подвергся налету фашистской авиации, целью которых было минировать с воздуха бухты, блокировать флот. План был сорван зенитной и корабельной артиллерией Черноморского флота. После вторжения немецкой армии в Крым началась вторая героическая оборона города (30 октября 1941 г. - 4 июля 1942 г.), продолжавшаяся 250 дней.

В дни обороны жители города проявили ратный и трудовой героизм. Рабочие Морского завода под обстрелом врага ремонтировали корабли, создавали боевую технику днем и ночью, оборудовали два бронепоезда, построили и оснастили плавучую батарею N 3, получившую название "Не тронь меня", которая надежно прикрывала город от налетов фашистской авиации с моря. Немцы называли ее "Квадрат смерти". В горных выработках (штольнях) на берегу Севастопольской бухты были созданы подземные спецкомбинаты: №1 - для производства вооружения и боеприпасов, №2 - по пошиву белья, обуви и обмундирования. Тут же, под землей, работали амбулатории, столовая, клуб, школа, детские ясли и сад, а впоследствии - госпиталь, хлебозавод.

Защитников города постоянно поддерживали корабли флота. Прорываясь в осажденный Севастополь, они доставляли пополнения, боеприпасы, продукты питания, увозили на Большую землю раненых, стариков, женщин и

детей, вели артиллерийский огонь по позициям врага.

Советские войска Приморской армии (генерал-майор И. Е. Петров) и силы Черноморского флота отразили в ноябре и декабре 1941 два крупных наступления, сковав крупные силы противника. Перестройкой всей жизни города на военный лад, работой для фронта севастопольских предприятий руководил Городской комитет обороны (ГКО). В июне—июле 1942 гарнизон Севастополя, а также войска, эвакуированные из Одессы, четыре недели героически сражались против превосходящих сил противника. Город был сдан, только тогда, когда возможности обороны были исчерпаны. Пришлось отступать.

Поэтому меня отправили на флот во 2-ю бригаду торпедных катеров Новороссийского флота. Именно тут, я встретила свою первую любовь, его звали Николай. Он был очень красив, но, к сожалению, вскоре погиб в боях за родину.

В 1942 году фашисты решили овладеть Новороссийском (недалеко от него станица Южная Ожирейка) и далее начать наступление вдоль побережья Чёрного моря по направлению к Батуми. В этой небольшой станице расположился наш морской отряд. Здесь мне дали звание – химик-дымзавесник. Я должна была сделать так, чтобы наши катера не попали под вражеский обстрел немцев. То есть я выпускала дымовую смесь с сернистым газом, и когда он соединялся с водой, образовывалась необходимая дымовая завеса.

Первые бои за Новороссийск были очень тяжёлыми и показали, что командование соединений и частей Северо-Кавказского фронта не совсем правильно использует береговую артиллерию и морскую пехоту. В большинстве случаев береговая артиллерия действовала побатарейно и даже поорудийно, т. е. не применялась массированно. Распылялись силы и морской пехоты, которая использовалась побатальонно, поротно и даже повзводно. В ходе дальнейших боев эти недостатки были устранены, стали создаваться артиллерийские группы и бригады морской пехоты.

А вот местность в районе Новороссийска представляет собой покрытые мелким лесом небольшие горы с большим числом пологих склонов, способствующих маскировке войск и созданию выгодной обороны. Из-за большого количества горной местности, мне и остальным солдатам было очень

тяжело ходить за водой, так как местность обстреливалась вражескими войсками.

Поэтому мы находили черепах и привязывали к ним консервные банки, внутри которых были небольшие камешки. Затем пускали этих черепах по горной тропе и определяли - обстреливалась дорога или нет. Есть было тоже нечего, охотились даже на сусликов. Не было и мыла, поэтому жгли дрова, ветки. Затем золу размешивали с водой, после оседала серая жидкость, ей мы и мылись.

Наша 255-я бригада морской пехоты держалась 225 дней! Торпедные катера посылали вперёд, чтобы снять заграждения и остановить немцев. Они расчищали путь нашим кораблям. И за это я имею награду за оборону Кавказа и Орден Отечественной войны 2-й степени.

В конце войны, в 1945 году, 255-я бригада освобождала Польшу, Болгарию и Румынию.

И вот, наконец-то, закончилась Великая Отечественная война! Это был праздник для всех советских граждан!

После войны я долго не выходила замуж, вышла уже поздно за человека намного старше меня самой, детей, к сожалению, у меня так и не было. Преподавала ботанику, долгое время работала на кафедре зав. лаборатории. Сейчас мне уже 89 лет, и я нахожусь на пенсии.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1-курса факультета экономики и менеджмента Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Шмидт Алина Игоревна***

Фадин Александр Михайлович

К рассвету у нас в бригаде осталось восемнадцать из шестидесяти пяти танков

Я родился в деревне Князевка Арзамасского района Нижегородской области 10 октября 1924 года. В 1940 г. окончил неполную среднюю школу в г. Арзамасе и поступил в Горьковский речной техникум. В воскресенье, 22 июня 1941 года, я проснулся поздно, где-то часов в десять утра. Умывшись и позавтракав, решил поехать к своей тетке. Когда я приехал к ней, она была вся заплаканная, и тогда я узнал, что началась война. Её супруг Павел пошёл записываться добровольцем в Красную Армию. Попрощавшись с ней, я решил не задерживаться и направился в общежитие Горьковского речного техникума, где я в то время учился. 23 июня директор техникума Горин собрал все курсы на собрание, на котором объявил, что надо быть готовым к приказу для защиты Родины. После собрания я одним из первых записался добровольцем в батальон ополчения.

Во вторник, 24 июня, я пошел в военкомат. Площадь перед ним была забита людьми. Мне удалось проникнуть в коридор военкомата, где меня встретил политрук. На его вопрос, зачем я пришел, я ответил, что хочу защищать Родину. Узнав, сколько мне лет, он мне сказал: «Знаешь, парень, иди и продолжай учиться, войны для тебя еще хватит, а пока видишь, сколько народу, у нас есть кого призывать». Огорчившись, я вернулся в техникум. 19 июля 1941 года я

решил вернуться опять в военкомат. В приёмной военкомата я прибавил себе два года, и мне дали медицинскую карту. И начал вместе со всеми проходить медкомиссию. Закончив осмотр несколькими специалистами, был вызван на последний осмотр, который проводил военком. При нём была девушка-врач, она приказала раздеться для осмотра, но как только я разделся, я услышал голос политрука, который 24 июня и отправил меня домой. Военком, узнав от него мой возраст, сказал: «Если ты хочешь служить в Красной Армии, то это твоя последняя ложь». Так как из 18 осмотренных, я был только шестой пригодным по здоровью, меня приняли.

Я был зачислен во 2-е Горьковское автомотоциклетное училище. Нас направили в Ильино, пригород г. Горького. Там нам объявили, что мы входим в состав 9-й роты третьего мотоциклетного батальона. На следующий день начались занятия. Мы изучали воинские уставы, учились ходить с песнями в составе роты. 7 августа 1941 года нас привели к присяге, впервые помыв в бане, и выдав летнее воинское обмундирование. Вскоре нам вручили боевое оружие.

В конце ноября 1941 года, когда немцы подошли к Москве, весь состав 2-го Горьковского автомотоциклетного училища написал письмо Главнокомандующему И.В. Сталину с просьбой послать нас защищать Родину. Он нас поблагодарил за нашу готовность, однако отказал в просьбе, так как мы понадобимся Родине позже.

В конце августа наше училище переименовали во 2-е Горьковское танковое училище. Я прошёл медкомиссию и попал в число учащихся, которые после окончания учебы выпускались танкистами, а те, кто не прошёл медкомиссию, выпускались автомобилистами. В первых числах апреля 1943 года начались выпускные экзамены. Экзамены по военно-технической подготовке и тактике считались основными. За отлично сданные экзамены мне присвоили звание лейтенанта.

В начале мая нас отправили в 3-й запасной танковый полк в город Горький, где мы были распределены на маршевые роты. Троих из нас назначили командирами взводов и 7 человек – командирами танков. В конце мая к нам прибыл личный состав экипажей танков. В мой экипаж вошли, кроме меня - командира, механик-водитель - старший сержант Василий Дубовицкий, командир орудия - младший сержант

Голубенко, радист-пулемётчик - младший сержант Василий Вознюк.

В начале июня 1943 года, закончив обучение и проведя боевую стрельбу, мы уже пошли на погрузку для следования на фронт. На рассвете одной из ночей, где-то в конце второй половины июня, эшелон выгрузился на станции Марьино Курской области, оттуда мы маршем прошли несколько километров и в одной из рощ влились в состав 207-го батальона 22-й гвардейской танковой бригады. Где к 11 июля мы закончили подготовку и меня назначили командиром танка Т-34.

На следующий день по сигналу трёх красных ракет наша бригада перешла в контрнаступление. Продвинувшись на несколько сотен метров, мы увидели выдвигающиеся нам навстречу немецкие танки. Обе стороны открыли огонь. Только во второй половине дня мне удалось поразить немецкий танк Т-4, который сразу же загорелся. А еще чуть позже я подловил на ходу штабной бронетранспортер. К концу дня немцы начали отход и уже в сумерках мы овладели селом Чапаевка. К рассвету у нас в бригаде осталось восемнадцать из шестидесяти пяти танков. В то же время мы насчитали семь подбитых немецких «тигров» и до десяти танков Т-4.

Началась подготовка к Белгородско-Харьковской наступательной операции. Я был назначен офицером связи штаба бригады. В мои обязанности входило постоянно знать обстановку в бригаде, доводить боевые задачи подразделениям по карте. В этой должности я был до 14 октября, когда мне было приказано принять танк погибшего гвардии лейтенанта Николая Алексеевича Полянского.

Киевские герои

Утром 4 ноября к нам в расположение приехали командир бригады гвардии полковник Кошелев Н.В. и начальник политотдела подполковник Молоканов Н.В., которые поставили перед нами задачу: войти в город Киев и овладеть его центром. А экипажу, который ворвётся в город первым, будет присвоено звание Героя Советского Союза. 5 ноября, в 6 часов, после огневой подготовки, мы пошли в атаку, пересекли Святошино, а затем и шоссе Киев – Житомир. Чтобы попасть в город, нужно было преодолеть

противотанковый ров. Я скомандовал механику-водителю Семилятову: «Преодолеем ров с ходу, поэтому нужен разгон». Выжав из двигателя всё, мы спускаемся резко в ров, но выбраться на противоположную сторону мой танк не в силах. Чтобы увеличить его тяговое усилие мы начали преодолевать ров задним ходом. И вот первая улица. И снова незадача! Рабочий трак при выходе на мощеные улицы своим десятисантиметровым зубом поднимал корпус танка с правой стороны, исключая ведение меткого огня. Заменив трак, я двинулся дальше. На перекрёстке самоходная установка врага поразила наш головной танк, объятый пламенем, он свернул вправо, врезавшись в один из угловых домов. Командир батальона головным танком назначил танк лейтенанта Абашина. Мы решительно двинулись вперёд, и вышли на разрушенную улицу Крещатик, а затем на площадь Победы. К нам подъехала автомашина, из которой вышел и поздравил с победой, назвав нас киевскими героями, исполняющий обязанности заместителя командира батальона по политической части капитан Иван Герасимович Елисеев.

Граждане там были очень дружелюбны, и я с удовольствием согласился зайти к ним в гости. 6 ноября в 8 часов утра нам приказали двигаться к городу Васильков, навстречу выдвигавшемуся противнику. При выходе из города, буквально сразу за последним домом, преодолевая небольшую речку, мой танк увяз и не мог уже выбраться. К нам подъехал командир батальона и приказал вытаскивать его тягачом и отправляться в ремонт. Мы с сожалением смотрели на уходивших в бой дальше наших товарищей. Бои за Киев для меня закончились.

Командир батальона Д.А. Чумаченко за отвагу и мужество, проявленные в боях, дал мне и двум моим товарищам трехдневный отпуск в город Киев. Там мы поселились в квартире, где жила семья, состоящая из матери и трёх красавиц сестёр. Со средней сестрой, Наташей, у нас потом долго велась переписка. Но между нами ничего не могло быть, ведь с 5 класса я был влюблён в свою одноклассницу, и других помыслов у меня не было.

Большой урон

Через несколько дней, вернувшись со своими товарищами из Киева в подразделение, нас ожидала новая прибывшая техника вместе с экипажами. Мне было разрешено отбирать свой экипаж из числа опытных товарищей. Радистом был сержант Клещевой, башнером старшина Эвенк, механик-водитель Пётр Тюрин.

Впервые я пошёл в главном дозоре 27 декабря 1943, мы наступали в направлении Чековичи, Каменный Брод, Андреев. Я сильно нервничал, так как не знал, как нас встретит противник, мы двигались быстро, двигатель нового танка тянул очень хорошо. Пройдя примерно двадцать километров, мы вошли в какую-то деревушку. С рассветом мы добрались до села Каменный Брод. К нам навстречу из села выскочили два немецких танка Т-4, и начали удирать от нас вправо, в сторону Черняхова. Мы поехали за ними, но догнать их не удалось. В селе я встретил старичка, который мне показал проход через минное поле, и сказал, что в соседней деревне он видел несколько немецких танков. Мы отправились в сторону соседнего села. Меня догнали ещё несколько наших танков, в том числе и танк Ванюши Абашина. Правее от села, в поле я увидел немецкие танки Т-4, перекрашенные в белый цвет. Ещё семь танков - «тигры» и «пантеры» вылезли из-за домов, за ними развёртывались во 2-й линии танки Т-4, которых было ещё около полутора десятков. С целью предупреждения наших главных сил о встрече с противником я сделал выстрел по самому крайнему левому танку. Посмотрев в прицел, я увидел, что он мною сбит. Я поехал вперёд и увидел спуск к реке, который был слева от дороги, и тут по мне дали выстрел. Но снаряд только слегка задел мой танк. Я приказал своему механику-водителю ехать вдоль речки. Подъехав к крайнему дому метров на десять, я вылез из танка и хотел посмотреть, что делают немцы. Только начал подходить к углу дома, как один из танков противника выстрелил в мою сторону, меня отбросило воздушной волной к моему танку. Как только я забрался в танк, танки противника пошли в атаку. Я приказал обогнать их и возвращаться в село Каменный Брод, тем же путём, что и пришли. Я заехал за крайнюю хату и выстрелив двумя снарядами подбил немецкий «тигр».

В этом бою немцы нанесли нам больший урон. Мы потеряли восемь танков, а они только четыре.

В окружении

В конце января 1944 года перед нами поставили очень серьёзную задачу. Мы должны были принять участие в Корсунь-Шевченковской операции. Нам предстояло завершить окружение Корсунь-Шевченковской группировки немецко-фашистских войск в составе 11-и пехотных, 1-й кавалерийской дивизий и 3-х бригад, действуя в составе 6-й танковой армии. К этому времени я был уже командиром танка командира батальона. В экипаже были очень опытные люди: механик-водитель Пётр Дорошенко, командир орудия гвардии сержант Фетисов, радист-пулемётчик сержант Елсуков.

24 января 22-я гвардейская танковая бригада была введена в прорыв, проделанный бригадами 5-го механизированного корпуса для овладения городком Виноград.

Ввод в бой осуществлялся на рассвете. Мы быстро овладели городом Виноград, и подошли к железной дороге. За железнодорожной насыпью нас встретили танки противника. Они выбрали себе очень удобное и выгодное положение по отношению к нам. Мы также встали в более или менее удобные позиции и завязали с фашистами дуэльный бой. С наступлением темноты нам всё-таки удалось пересечь дорогу, ведущую в Киев.

Бои по окружению и разгрому противника проходили в очень суровых условиях. Разбитые и раскисшие дороги практически исключали подвоз боеприпасов. Пришлось обратиться к населению, которое от села к селу носило на своих плечах по одному снаряду или вдвоём тащили ящик с патронами. Они старались всеми силами помочь нам.

Мы, солдаты и офицеры 1-го и 2-го Украинских фронтов, изо всех сил старались бить и гнать фашистов из наших сёл и городов. И так 22-ая танковая бригада овладела большими сёлами и городами Киевской области, такие как Шпола, Комаровка, Лысянка и не заметила, как оказалась в окружении.

26 января противник развязал боевые действия по нашему окружению. Где-то в 21-22 часа я услышал по радио приказ, что если в течение 45 минут Ф.А. Жилин, гвардии полковник, не выведет бригаду из окружения, он будет расстрелян. Нам надо было выйти к реке Гнилой Тикич и с ходу преодолеть её. Я повёл танк строго назад и шёл к реке, которая оказалась очень вязкой. Её удалось преодолеть только пяти танкам, а восемь танков оставались в воде. Позже их вытащили, но в ближайших боях они участвовать не могли. Мы же продолжали вести бои по окружению противника.

28 января, т.е. через 2 дня наша бригада участвовала совместно с 223-й танковой бригадой 5-го механизированного корпуса в освобождении города Звенигородки, завершив окружение Корсунь-Шевченковской группировки немецко-фашистских войск.

В ночь с 18 на 19 февраля я одним танком вёл бой за деревню Дашуковка до подхода резервов бригады, в целях исключения выхода противника из окружения. В бою за Дашуковку мой экипаж со взводом стрелков в 23:00 овладел селом, уничтожив при этом два танка Т-4, один танк «тигр» и сбил из танковой пушки самолёт, исключил выход немцев из окружения в течение 11 часов до подхода мотострелкового батальона.

В апреле я вернулся в бригаду, а затем и в свой бывший 207-й гвардейский танковый батальон на должность командира взвода. Откуда в июне 1944 года был направлен на учёбу в Ленинградскую высшую офицерскую бронетанковую школу.

Честь имею

24 июня 1945 года я представлял бригаду на Параде Победы в Москве. Для этого мне было выделено девять старшин и сержантов, лучших воинов бригады, наиболее отличившихся в боях за Родину. Затем мы снова готовились к новым боевым действиям в Северном Китае против японской армии. В результате тех боёв Япония была разгромлена, и были созданы условия, необходимые для мира во всём мире. Это означало, что наступил конец Второй мировой войны.

До марта 1946 года я находился на службе, на китайской земле. Здесь мы как бы продолжали приводить себя и технику в порядок, готовясь к службе в мирные дни.

В феврале 1948 года я был направлен для сдачи предварительных экзаменов по отбору кандидатов в высшие военные учебные заведения Министерства обороны СССР. С 1 декабря 1948 года меня зачислили в группу подготовки поступающих в академию. Время летело незаметно: работа в роте, вечером – занятия. В сентябре начальник академии генерал-лейтенант Васильев Иван Дмитриевич объявил мне на приёмной комиссии о моём зачислении в Военную академию бронетанковых и механизированных войск Советской Армии им. И.В.Сталина. Так я начал познавать военную науку и приобретал новые навыки культуры в стенах прославленной академии в Москве.

В июне 1954 году я получил диплом об окончании академии. В этом же году началась моя служба в 4-м гвардейском танковом полку. С 1962 по 1964 год работал в Министерстве обороны СССР.

В конце сентября 1986 года я приступил к работе в Академии бронетанковых войск, в качестве заведующего методическим кабинетом академии. В мою задачу входило распространение передового опыта обучения слушателей, оказание помощи молодым преподавателям при подготовке их к проведению занятий.

Когда в 1998 году Военную академию бронетанковых войск и Общевойсковую академию Вооружённых сил Российской Федерации объединили, мне было предложено полностью перейти на научную работу в качестве сотрудника научно-методической группы, занимающейся проблемами Высшей военной школы.

Мои награды:

- орден Боевого Красного Знамени (1943);
- орден Александра Невского (1944);
- орден Отечественной войны I-й степени;
- орден Отечественной войны II-й степени;
- орден Красной Звезды;
- орден «За службу Родине в Вооружённых Силах III-й степени»;

- медаль «За взятие Будапешта»;
- медаль «За победу над Германией»;
- медаль «За победу над Японией»;
- медаль «За освобождение Вены»;
- медаль «За освобождение Киева»;
- медаль «40 лет Курской битвы»;
- медаль Монголии;
- медаль Чехии и Словакии за победу над фашистской Германией;
- медаль «За освобождение Киева». От президента Украины;
- звание Герой Российской Федерации (1996);
- звание «Почётный гражданин города Тараща»;
- звание «Почётный гражданин деревни Дашуковка»;
- звание «Почётный гражданин города Арзамаса»; лауреат премии им. Свечина А.А. (военный теоретик русской армии).

Имею более 40 публикаций: учебные пособия, монографии, статьи. Среди них: «В боях за Родину», «Честь имею», «Я дрался на Т-34» и другие.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студентка 2-го курса факультета технологий производственного менеджмента Московского государственного текстильного университета им. А.Н.Косыгина - ***Филянова Ольга Александровна***

Федоров Леонид Леонидович

Загадка капитуляции Бреслау

Я родился 31 августа 1924 года в городе Уфе Башкирской АССР. Мать, Федорова Мария Ивановна (урожденная Михайлова), была учительницей. Отец, Федоров Леонид Федорович, был служащим. Национальность – русский. По вероисповеданию - атеист.

В 1942-1944 годах состоял в ВЛКСМ, а с 1944 по 1991 год был членом КПСС.

С февраля 1977 года являюсь членом Военно-научного общества при ЦДСА имени М.В. Фрунзе (ныне – Культурный центр Российской Армии).

До начала войны я окончил 9 классов средней школы №5 города Уфы. В августе 1942 года я окончил Краснохолмское пехотное училище Оренбургской (тогда Чкаловской) области. В январе 1944 года окончил Рижское военно-пехотное училище в городе Стерлитамак Башкирской АССР, где обучался в офицерском батальоне.

Утро 22 июня 1941 года помню очень хорошо. Радиосообщение Молотова В.М. о начале войны я услышал, находясь в саду нашего дома. Помню, еще подумал тогда, что лето после окончания девятого класса не будет скучным! Но мы считали, что через 2-3 недели война уже закончится вступлением легендарной и непобедимой Красной Армией в Берлин.

Мое участие в боевых действиях началось с попытки поступить в Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе в январе 1942 года. Но я не прошел медкомиссию из-за сильной близорукости. Но уже 22 февраля 1942 года я был вызван в Кировский райвоенкомат города Уфы. Оттуда в команде сверстников я был направлен в город Чкалов (ныне Оренбург) в Краснохолмское военно-пехотное училище, где обучался в пулеметном батальоне. 25 августа 1942 года я был выпущен из училища с присвоенным воинским званием лейтенанта со специальностью командира пулеметного взвода.

После этого была военная служба в частях Южно-Уральского военного округа и обучение в офицерском батальоне Рижского военно-пехотного училища.

В феврале 1944 года я прибыл под город Харьков в 39-й запасной офицерский полк 2-го Украинского фронта. В рядах этого полка, входившего в состав действующей армии, я прошел через города Смела, Александрия, Бельцы и ряд других, всю Украину и Молдавию.

В конце апреля - начале мая 1944 года я получил назначение в 52-ю армию, а затем в 50-ю стрелковую дивизию, в 3-й батальон 2-го Краснознаменного стрелкового полка, находившегося в обороне под Яссами (Северная Румыния).

В 3-м батальоне 2-го Краснознаменного стрелкового полка, как лейтенант, командир пулеметного взвода пулеметной роты в конце мая - начале июня 1944 года я участвовал в тяжелых оборонительных боях под Яссами. Затем, с 20 августа 1944 года в той же должности участвовал в Ясско-Кишиневской наступательной операции и в освобождении городов Яссы и Хуши в Румынии.

В этих боях почти до конца войны моим 2-м стрелковым полком командовал майор, а позднее подполковник, Твердохлебов А.Н., погибший в бою в начале Берлинской операции в апреле 1945 года.

50-й стрелковой дивизией с марта 1944 года и до конца войны командовал гвардии полковник Рубан Н.А., 52-й армией командовал гвардии полковник Коротеев К.А., 2-м Украинским фронтом руководил тогда генерал Конев И.С., впоследствии ставший маршалом, а с мая 1944 года генерал Малиновский Р.Я., позднее также получивший звание маршала Советского Союза.

По завершении Ясско-Кишиневской операции в октябре 1944 года, 52-я армия и 50-я стрелковые дивизии, получившие большое пополнение из Башкирии, были введены в состав 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева И.С. Моей пулеметной ротой в то время стал командовать капитан Пронин К.С., прибывший с Ленинградского фронта после тяжелого ранения.

С 12 января 1945 года началась операция по прорыву обороны противника на Сандомирском плацдарме.

22 января мы перешли границу Германии. 25 января 1945 года, после тяжелых боев, с участием нашей дивизии был захвачен город Ельс, а 27 января дивизия и наш 2-й полк вышли к реке Одер в восьми километрах северо-западнее Бреслау.

29-30 января 1945 года части дивизии с боем форсировали реку Одер, захватив плацдарм на его западном берегу. На этом плацдарме моей роте целые сутки под непрерывным огнем пришлось отражать атаки противника, пытавшегося ликвидировать наш прорыв.

16 апреля 1945 года началась Берлинская операция, в ходе которой наша дивизия и мой полк с боями форсировали реку Нейсе, и продвигались на соединение с союзниками в направлении Гёрлиц и Дрезден.

1 мая 1945 года, после капитуляции Берлина, мы участвовали в освобождении городов Рейхенбах, Бернштадт, Циттау (Южная Германия), а затем и в освобождении Чехословакии с ее столицей Прагой.

Во всех этих многочисленных и кровопролитных боях мой взвод и пулеметная рота поддерживали огнем пулеметов «Максимов» наступление и оборону стрелковых рот нашего 3-го батальона 2-го Краснознаменного стрелкового полка. В каждом бою было много убитых и раненных.

За время войны я получил два ранения и контузию.

6 июня 1944 года в оборонительных боях под Яссами. Я был тяжело контужен и потерял слух. Лечился в медсанбате дивизии. Откуда в июле вернулся в роту, на передовую, с частичными нарушениями слуха.

23 сентября 1944 года, в вагоне эшелона, мой сослуживец лейтенант-пулеметчик Ведерников при чистке неисправного трофейного пистолета «Парабеллум» произвел

выстрел, прострелив мне обе руки и особенно сильно повредив левую кисть. Лечился я в полковом медпункте. В госпитале мне предлагали ампутировать половину левой ладони, но от этого я отказался. И через неделю был выписан в часть с открытыми ранами, но как годный к строевой службе.

Последнее ранение я получил в начале апреля 1945 года в Германии. Тогда осколок разрывной пули, выпущенной немецким снайпером, вошел мне в заднюю часть бедра, немного выше колена. И опять я лечился в роте, не покидая строя.

Война закончилась для меня 11-12 мая 1945 года под Прагой. Я был в звании лейтенанта, командира пулеметного взвода, заместителя командира пулеметной роты под командованием всех названных выше командиров. Всех, кроме погибшего Твердохлебова А.Н., которого сменил в должности командира 2-го Краснознаменного стрелкового полка подполковник Болдырев В.С.

В СССР наши дивизия, полк и батальон возвращались через Польшу (города Краков, Освенцим, Перемышль). Летом 1945 года батальон нашего полка участвовал в уборке урожая в Германии.

В этом последнем походе мы потеряли комбата Зюсько.

Из моих близких родственников в войне никто не погиб. Был на фронте мой старший брат Федоров Евгений Леонидович, 1923 года рождения. Он награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», юбилейными медалями.

Мой родной дядя по матери, Михайлов Иван Иванович, воевал сержантом, старшиной в артиллерийском противотанковом дивизионе. Был награжден орденом Красной Звезды, солдатскими орденами «Славы», юбилейными медалями.

В начале 1947 года моя 50-я стрелковая дивизия была расформирована. Я был назначен командиром зенитно-пулеметного взвода в полк механизированной стрелковой дивизии Прикарпатского военного округа. Оттуда летом 1947 года поступил на морской факультет Военно-юридической академии в городе Москве. После её окончания в феврале 1952 года я проходил военную службу в органах военной прокуратуры на следственных и прокурорских должностях, в

том числе, в Главной военной прокуратуре. В сентябре 1974 года, с выслугой в 37 лет в льготном исчислении, из-за болезни был уволен из Главного штаба ВМФ СССР в звании полковника юстиции. В настоящее время работаю преподавателем в московских вузах.

Весь мой путь служения Родине отмечен несколькими орденами и наградами.

За участие в Ясско-Кишиневской наступательной операции от имени Президиума Верховного Совета СССР приказом командира 48-го стрелкового корпуса от 9 октября 1944 года я награжден орденом Отечественной войны II-й степени, (№ 330095).

За освобождение в ночном бою у немецкого села Михау, где мне пришлось не раз поднимать солдат в атаку, я был представлен к ордену Красного Знамени. За это же от имени Президиума Верховного совета СССР приказом командира 73-го стрелкового корпуса от 10 марта 1945 года я награжден вторым орденом Отечественной войны II-й степени, (№777666).

В марте 1985 года в ознаменование 40-летия Победы в ВОВ Указом Президиума Верховного Совета СССР я был награжден орденом Отечественной войны I-й степени, (№ 537216).

Также я имею медаль «За боевые заслуги» (без номера) и более чем двадцать медалей за другие заслуги, в основном, юбилейные, в том числе «За освобождение Украины», «100 лет профсоюзов» и другие.

За участие в боях мне объявлено пять благодарностей от имени И.В. Сталина.

Указом Президента РФ от 30 марта 1993 года присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РФ» за № 05599.

Решением Министерства общего и профессионального образования РФ от 17 июня 1998 года № 273-п присвоено ученое звание профессора.

Приказом Министерства образования и науки РФ № 1700/к-н от 28 ноября 2007 года я награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (удостоверение № 27298).

В 2004 году издательство «Вираж» тиражом 1000 экземпляров выпустило мою книгу «Записки пулеметчика и юриста», которую я распространял по музеям, учебным заведениям, дарил ветеранам, студентам.

В 2007 году Московский государственный университет печати издал мою книгу под этим же названием, но в более полном варианте. В ней я рассказываю не только о войне, но и моей послевоенной жизни. Тираж этого издания всего 150 экземпляров.

В период многолетней преподавательской деятельности в Московском полиграфическом институте (ныне Московский государственный университет печати) издал в качестве учебных пособий книги «Книга и право» (1982 и 1994), «Договорные отношения в печати» (1994), «Печать и гражданский кодекс» (1997), «Правовые основы информационной и издательской деятельности в России» (2004). Все эти, и ряд других, работ изданы в Московском государственном университете печати как учебные пособия.

Мною также написано и издано в специальных отраслевых юридических изданиях и газетах более 100 статей. Среди них хотелось бы особо отметить статью «Как придумали партию», напечатанную в №5 журнала «Родина» за 1990 год. В ней я рассказываю о проводимой мною в 1955-1956 годах проверке по знаменитому делу о реабилитации многих членов «Промпартии». За эти же два года мне пришлось проверить дела и добиться реабилитации многих граждан, в том числе наших бывших военнопленных.

В 1986-1987 годах, по просьбе моих сослуживцев, военных моряков, я взял на себя защиту в судах города Ярославля капитана первого ранга в запасе Волкова В.А. Ему тогда грозило пожизненное заключение в психиатрической больнице. Я выступил в его защиту в районном и областном судах города Ярославля и доказал его невиновность и добился освобождения. А после, в судебном порядке, помог ему получить материальную компенсацию. Об этом случае писали местные и центральные газеты.

С 1983 года по 1995 год мне пришлось доказывать властям, что о прославленном снайпере 50-й стрелковой дивизии лейтенанте Галушкине, несправедливо забыли. Его снайперский счет за годы Великой Отечественной войны

достиг 418-ти уничтоженных не рядовых фашистов. По недосмотру и невниманию командования он не был в конце войны представлен к заслуженному званию Героя Советского Союза. А продолжавшаяся десятки лет после войны переписка с ГУК МО СССР, а затем РФ, долгое время была безрезультатной из-за равнодушия, прежде всего военных, чиновников. В конце концов, мне удалось их убедить в своей правоте и указом Президента РФ Б.Н. Ельцина №619 о 21.06.1995 года, т.е. на 51-м году Победы, Галушкину Н.И. было присвоено звание Героя России.

Об этом случае я рассказал в статье «Как не повезло снайперу Галушкину», которая вошла в состав специального сборника работ Военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии. (Издательство «Мосгорархив». -М. 1997. С. 223-226).

Обо мне, как о ветеране 50-й стрелковой дивизии, написали авторы книги «Дорогами мужества» Ганичев Д.В. и Муриев Д.З. Также было несколько публикаций в многотиражных газетах МГУПА «Полиграфист», «Мир печати».

Для лейтенанта пехоты уцелеть во многих тяжелых, кровопролитных боях было очень, очень маловероятно. А потому главной своей наградой за войну я считаю то, что остался жив. К тому же, я еще и не стал беспомощным калекой.

Самые лучшие мои, самые теплые воспоминания - о моих солдатах, сержантах, моих боевых побратимах. Ведь как поется в известной военной песне: «Забудем мы годы минувших боев, названия пройденных рек и лесов, отбитые нами в боях города, но мы не забудем друзей никогда!»

Свой взвод из-за молодости и малого роста некоторых солдатиков, я называл «детсадом», жалел их как младших братьев.

В еще одной очень выразительной песне о войне есть такие слова: «И не все доходили до Днепра и до Буга, и не все в сорок пятом брали штурмом Рейхстаг. Только все мы от смерти заслоняли друг друга, только все мы к победе совершали свой шаг!» Поэтому всегда с большим теплом и любовью вспоминаю наших офицеров Ведерникова Н.,

Дербинова А., сержантов-сибиряков Амарина Д.П., Стефиенко А., Иванова В., офицеров и солдат, с которыми не раз приходилось быть в бою перед лицом смерти.

Но особенно хорошие, я бы даже сказал братские отношения, были у меня с командиром нашей пулеметной роты капитаном Прониным Константином Сергеевичем. Он был на 6-8 лет старше меня, но мы называли друг друга просто по имени. Костя был родом из деревни под Казанью, до войны прошел кадровую службу. В боях под Ленинградом получил серьезное ранение и после лечения в госпитале города Тихвина прибыл в наш полк и батальон. Из-под осажденного Ленинграда Костя привез песню, которую я запомнил на всю жизнь:

Клянусь: назад ни шагу!
Скорее мертвым сам
На эту землю лягу,
Чем эту землю сдам!
Клянусь: мы будем квиты!
Врагам даю обет,
Что кровью будут смыты
Следы его побед.
А если я нарушу ту клятву, что даю,
А если вдруг я струшу
Перед врагом в бою,
Суровой мерой мерьте
Позор моей вины.
Пусть покарает смертью меня закон войны!

Удивительные по своей выразительности и простоте слова, идущие прямо из сердца. Их торжественная мелодия помогала нам, не жалея себя, в боях стоять до конца.

Костя был очень добр, называл солдат «милок» или «сынок». А если вдруг случалось нам выпивать по 50 фронтовых грамм, то помню, что он любил петь песню «Летят утки…»

После дня Победы Пронин был отстранен от командования нашей ротой. Мне, как его заму, офицеры, сержанты и солдаты заявили, что они не хотят нового командира и требуют вернуть Пронина. Мне пришлось идти к замполиту полка майору Макиевскому и передать ему

требование роты. К большому удивлению всех, и офицеров прежде всего, Пронина нам вернули. Он командовал ротой до увольнения в запас в 1946 году. Уволившись, он уехал в город Тихвин, где жила его знакомая девушка, с которой он переписывался, и на которой он потом женился.

В 1963 году, в молодом еще возрасте, Костя, мой лучший и любимый ротный, скончался. Очень жалею, что не навестил его, не встретился с ним после войны, тем более, что в 1958-1963 годах я служил совсем рядом, в городе Выборге.

Более подробно мне хотелось бы рассказать о боях за Бреслау. Делаю это я по двум причинам. Во-первых, меня интересует загадка капитуляции этого города. А о второй причине речь пойдет чуть ниже.

Итак, Бреслау (сегодня это польский город Вроцлав с почти миллионным населением) был крупнейшим промышленным центром юго-восточной Германии, её земли Силезии.

С Берлином он был связан не только железнодорожным сообщением. Между Берлином и Бреслау еще до войны Гитлер построил широкую многополосную автостраду (с односторонним движением), без всяких пересечений с другими дорогами, населенными пунктами. Эту дорогу в битве за Берлин наши летчики использовали как взлетно-посадочную полосу.

Войска нашей 52-й армии в ходе январского наступления 1945 года были нацелены прямо на немецкие города Ельс и Бреслау.

22 января 1945 года части дивизии перешли немецко-польскую границу и вступили на территорию фашистской Германии. После упорных многодневных боев нами был захвачен город Ельс, расположенный в 18-ти километрах северо-восточнее Бреслау. За взятие Ельса дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени, многие ее солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями.

И хотя бои за Ельс были особенно упорными и ожесточенными, стоили нам немалых потерь, город Бреслау вошел в историю войны как пример особо упорного и длительного сопротивления окруженной в нашем тылу крупной группировки гитлеровцев.

На протяжении более трех месяцев наши войска не могли взять этот город. Он, по сути, город-крепость на Одере, был окружен нашими войсками еще в конце января – начале февраля 1945 года, а его окруженная и оставшаяся в нашем тылу группировка фашистов сдалась лишь за два дня до безоговорочной капитуляции Германии, 6 мая 1945 года - позднее капитуляции Берлина.

Оставаясь в глубоком тылу наших войск, эта группировка отвлекала значительные силы и представляла большую угрозу тылу и флангам 1-го Украинского, 1-го Белорусского фронтов в битве за Берлин.

Еще большую угрозу для нас в этой битве представляла южная группировка противника в Чехословакии, насчитывающая более 1,5 миллиона солдат и офицеров, сотни танков. О численности же немецкой группировки в Бреслау можно судить по цифре пленных, взятых 6 мая 1945 года. По данным наших источников, в Бреслау пленено было более 40 тысяч фашистских солдат и офицеров.

Нашему батальону и моей пулеметной роте бои под Бреслау и в его пригородах запомнились крайним упорством, значительными потерями, особенно в напряженных уличных боях среди многоэтажных домов, узких дворов и улиц в пригородах.

В этих городских боях тяжелые пулеметы и их расчеты представляли просто живые мишени.

Живыми мишенями на кадрах фронтовой кинохроники я оцениваю расчеты «Максимов», тянущих свои пулеметы на катках по плотно застроенным узким улицам и дворам, среди развалин домов крупных европейских городов.

Какое-то время мы стояли в обороне северо-западнее Бреслау, причем даже не отрыв окопов полного профиля, не давая противнику уйти из окруженного города. Как выяснилось позднее, противник и не собирался покидать город.

Если древнюю столицу Польши, город Краков, войска нашего фронта просто обошли, не штурмуя противника в нем, чем спасли этот город от разрушения огнем артиллерии и авиации, то в Бреслау было совершено иное. Будучи окруженной в городе и его ближайших окрестностях, сильная группировка противника с яростью и отчаянием обреченных

обороняла каждый поселок, буквально каждый дом и двор, переходя в решительные контратаки при нашем самом малейшем продвижении вперед.

Наступление на окруженный город мы начали рано утром 12 февраля 1945 года при очень сырой и туманной погоде. Прямо перед нашим батальоном, в 600-700 метрах от наших окопов, находилась хорошо подготовленная к обороне деревня Капсдорф.

После непродолжительного артиллерийско-минометного огня по деревне стрелковые роты нашего батальона стали продвигаться к деревне, к её крайним домам, откуда противник вел непрерывный пулеметный и автоматный огонь.

Правда, огонь его был малоэффективным, поскольку стоял густой туман, кроме того, наши саперы подожгли дымовые шашки, покрывавшие нас не очень плотным дымом.

Я шел, как обычно, впереди своих пулеметных расчетов, сразу же за цепью стрелков. Мои же пулеметные расчеты вынуждены были тянуть «Максимы» по изрытому в сплошных ямах картофельному полю, а потому не успевали за стрелками. В сплошном тумане и в дыму впереди были видны лишь вспышки пулеметных и автоматных очередей противника. Цепь же наших наступающих солдат была очень редкой и продвигалась под огнем, на огонь противника почти не отвечала. И вот, когда до крайних домов деревни оставалось не более 150-200 метров, туман и дым стали рассеиваться, я услышал крик солдат, что убит заместитель командира нашего батальона старший лейтенант Чернов.

Красивый, черноволосый мужчина лет 27-30, Чернов был любим солдатами, имел много наград, в том числе и высокие ордена. Не успел я еще осознать это сообщение о гибели Чернова, как кто-то из солдат впереди меня буквально панически закричал: «Немцы сзади!» Оглянувшись назад, я увидел в метрах 30-40 сзади и несколько левее себя двух немецких пулеметчиков.

Очевидно, в сплошном тумане и дыму наша редкая цепь, не заметив, миновала их неглубокий окоп, и они оказались за нашей спиной.

Немецкие пулеметчики тоже поняли, что они оказались отрезанными от своих, за нашей цепью, в её тылу. Но сдаваться, как видно, они не собирались.

Время для раздумий у меня не было, я видел, что пулеметчики, сидя в неглубоком окопчике, и оказавшись за спинами наших солдат, в спешке переставляют пулемет.

Ближе всех к этим пулеметчикам оказался я. С пистолетом в правой руке и гранатой на поясе, я быстро, как только мог, бросился к их окопу. У меня была только одна мысль: «Успею ли я до них добежать, или они опередят меня, сумеют открыть огонь в спины наших солдат раньше, чем я спрыгну в их окоп». При этом я думал также, что если они успеют установить пулемет и откроют огонь, то мне придется бросить в них гранату.

Мне повезло, очевидно, они себя не очень уверенно чувствовали за спинами нашей роты и действовали в нервной спешке.

Но когда я подбежал к ним, пулемет они уже установили. Я с ходу ударил его сапогом, и он завалился на землю. Направив на них пистолет, я закричал: «Хенде хох!», и они оба подняли руки. Чтобы не попасть под выстрел снайпера, стрелявшего с чердака ближайшего дома, я спрыгнул к ним в их неглубокий окоп и держа их под прицелом, наблюдал за окружающей обстановкой.

В этот момент справа от меня показался старший сержант Марков, и он направился ко мне. Я даже не успел его предупредить, чтобы он ко мне не подходил, как выстрел с чердака дома поразил Маркова в грудь, и он упал на землю в 10-12 метрах от нашего окопчика. Затем справа от нас показался наш командир расчета, высокий рыжий грузин Чиховадзе. Он подцепил «Максим» к какой-то лошади и шел с нею к деревне. Увидев меня, он на какое-то время остановился в раздумье, хотя я ему кричал: «Не подходи!» И вот пуля, очевидно того же стрелка из деревни, задела его лошадь, она рванулась к деревне, Чиховадзе за ней, и это его спасло от повторного выстрела. Здесь же неподалеку от меня был убит Карась. Не знаю, что их влекло ко мне, очевидно, желание помочь. После боя один из сослуживцев, кажется Былда, говорил мне, что он видел меня рядом с немецкими пулеметчиками, но помочь мне, к сожалению, не мог.

Не исключено, что кто-то рассчитывал на трофеи, в том числе на наручные часы, которые были у многих немцев, у

наших же солдат и многих офицеров таких, да и вообще часов, не было, а поэтому в бою их часто снимали с пленных.

Далее события развивались так. Марков лежал недалеко от меня и стонал, ему надо было оказать помощь. Но, если я отойду от немцев хоть на шаг, они быстро возьмутся за свой пулемет. Кроме того, на расстоянии даже 2-3 шагов от них я сам буду прекрасной мишенью для снайпера с чердака, который сразил, как оказалось, и старшего лейтенанта Чернова и всех остальных. Поэтому, отобрав у немцев перевязочные пакеты, я приказал одному из них, показывая на Маркова: «Бинден, бинден!» Немец вдруг ответил мне, что Марков уже молчит, что он убит. Очевидно, Марков, у которого изо рта шла кровавая пена, хотя и находился в полубессознательном состоянии, услышал эти слова немца и негромко сказал: «Лейтенант, я жив еще!» В конце концов немец вышел из окопа и начал перевязывать Маркова. Через 15-20 минут первые наши солдаты подошли к крайним домам деревни, раздались взрывы гранат, недружные крики «Ура!», и, очевидно, был уничтожен снайпер на чердаке, прикрывавший взятых мною пулеметчиков.

Ко мне свободно подошли отставшие наши солдаты, и я передал им пленных пулеметчиков, приказав отвести их в наш тыл.

Правда, не имея часов, я проверил их запястья, но часов у них не обнаружил. Как я узнал позднее, немцы научились прятать от нас свои часы, надевая их под рукав выше запястья или даже скрывая в других местах. В качестве трофея, я забрал у кого-то из них светло-коричневую солдатскую записную книжку с рамочкой для любимой девушки «Meine Lieben» и адресами, а также фотографию одного из них - молодого долговязого парня примерно моего возраста.

Кстати, на обороте той фотографии сохранилась четкая чернильная запись: «Этот фриц был взят мной вместе со своим 2-м номером и пулеметом 12. 02.1945 под деревней Капсдорф в окрестностях Бреслау».

7 февраля, за пять дней до этого боя, моряк Василий Былда подарил мне свою маленькую фотографию со следующей хорошо сохранившейся карандашной надписью на обороте: «Другу боев на территории немцев. Моему Ленечке усатому, смелому Федорову от Васи Былды. Германия 7.2.45».

Когда я, освободившись от пленных, вошел в только что занятую нами деревню, то там уже во всю хозяйничали наши солдаты, а местных жителей, как всегда, в ней не было.

У одного дома я увидел брошенный в грязь и затоптанный парадный военный мундир с наградами, очевидно еще за Первую мировую войну. И мне невольно подумалось, что как быстро проходит мирская военная слава. И не придет ли время, что наши боевые награды, за которые заплачено такой большой кровью, кто-то будет также топтать, бросив в грязь.

Обозленные гибелью Чернова и других, наши батальонные автоматчики здесь же, на окраине деревни, на виду у бежавших от нас немцев расстреляли сдавшихся в плен.

Я еще сказал им, что в следующем поселке, который был виден в 1,5 километрах от нас, нас ждет еще более упорное сопротивление и жестокий бой, коль скоро немцы видят, как мы поступили с пленными. И хотя я оказался прав, вряд ли мои доводы убедили кого-то из явно нетрезвых автоматчиков.

И действительно, бой за пригородный поселок Гюнерн с его большими, многоэтажными домами, узкими улицами и дворами оказался еще более жестоким, продолжался весь день, стоил нам немалых жертв, в том числе и моим пулеметчикам.

При этом, видя большие дома этого поселка, по сути городскую застройку, я даже сказал Пронину, что в уличных боях в таком поселке с тяжелыми разбираемыми и собираемыми для стрельбы «Максимами», мы понесем совершенно напрасные потери, что нам просто эффективнее и полезнее будет действовать с обычными автоматами и ручными гранатами в составе штурмовых групп.

Ротный же отнесся к моим словам весьма негативно: «Как же мы оставим свое штатное оружие – пулеметы? Как отнесется к этому командование? Как отнесутся солдаты стрелковых рот, которых мы поддерживаем?»

Короче, нам в этом бою на протяжении целого дня пришлось действовать с тяжелыми пулеметами и потерять некоторые из них, а, прежде всего, многих пулеметчиков.

Не помню даже, была ли у нас артиллерийская подготовка или поддержка, когда рано утром мы двинулись на этот пригородный поселок.

Мы довольно быстро заняли его крайние дома, улицы и дворы, противник отходил в глубь поселка, жителей же в нем не было вообще. Задача стрелковой роты, которую я поддерживал, была выйти к каналу, захватить мост через этот канал и там закрепиться, т.е. занять оборону у моста и на берегу канала.

Однако, попав в брошенный город с закрытыми магазинами, богатыми домами и квартирами и не встречая особого сопротивления немцев, солдаты роты разбрелись кто куда. Примерно до обеда мы находились в поселке, не продвигаясь дальше из-за этой нашей беспечности. Зайдя в дом с ковровыми дорожками на лестницах, с оленьими рогами и большими зеркалами на стенах, похожий на замок, я сам оделся в немецкий генеральский мундир и один ходил по этому дворцу, рассматривая себя в его многочисленных, во всю стену, зеркалах.

Слева же от дома находилась обычная городская улица с такими же многоэтажными домами. В какой-то момент я сообразил, что если в замок войдут наши солдаты, то они просто могут меня застрелить в таком виде. Бросив генеральский мундир, я вышел к роте, которая заняла большой многоэтажный дом с небольшим двором и бетонным сарайчиком с плоской крышей справа, выходящим на довольно большой пустырь правее нас. В этом сарайчике стоял один мой пулемет, другие же были во дворе и в доме. Воспользовавшись нашим промедлением, тем, что мы к этому времени не вышли к каналу с бетонированными берегами и не захватили мост через него, противник начал активную контратаку. Его автоматчики при поддержке танков, самоходных пушек устремились в нашем направлении по улице и находящемуся справа пустырю.

Стоя на крыльце дома, выходящем во двор, вместе с Былдой, я приказал солдатам занять в доме круговую оборону.

Пулемет из сарайчика вел непрерывный огонь по наступающим автоматчикам, причем явно демаскировал себя длинными очередями. Я хорошо понимал все опасности нашего положения при полном окружении дома.

Прежде всего, немецкие танки и самоходки будут бить по моим пулеметам. Поэтому я вывел из сарайчика весь расчет, оставив у пулемета только одного рядового

Фахрутдинова. Он же, войдя в азарт, продолжал бить длинными очередями, не подпуская к нам автоматчиков. Находясь от него в 10-15 метрах, на крыльце дома, я несколько раз крикнул ему: «Короче очереди!» Но он то ли не расслышал, то ли просто в горячке боя не думал о последствиях, хотя дым и пыль этих очередей явно демаскировали пулемет.

И вот буквально на наших глазах из-за угла соседнего дома выдвинулось самоходное орудие, навело свой ствол на сарайчик, прозвучал выстрел и взрыв снаряда, и тяжелая крыша сарая стала медленно, как в замедленной съемке, опускаться. «Конец Фахрутдинову», - только и успел подумать я.

Но, нет, обхватив окровавленную голову обеими руками, он успел выскочить из-под падающей крыши, и подбежал к нам. Стоявший за моей спиной Былда, сказал: «Леня, я ранен!» Откровенно сказать, я ему сначала не поверил, поскольку осколки этого снаряда скорее должны были поразить меня. Но Василий действительно был ранен осколком в грудь. Здесь же был также ранен мой солдат Пальчиковский.

После поспешной перевязки раненых, я приказал им уходить в тыл. Не помню, когда ушел Былда, но мои раненые солдаты уходить отказались, хотя я буквально гнал их, пока еще можно было уйти. Понимая, что без Былды мне будет трудно удержать солдат его роты, если они начнут в панике отходить или бежать из окружаемого дома, оставив нас с пулеметами в этом дворе, я решил заранее отвести второй «Максим» за занимаемый нами дом. Дав эту команду, я тут же увидел, что подбежавшие метров на 70-100 немецкие пулеметчики быстро установили свой ручной пулемет. И когда рядовые Калин и Окунев, взяв «Максим» за хобот, перебегали открытый двор, первой же очередью немецкого пулемета Окунев был убит, Калин же выскочил к нам за кирпичный забор с простреленной пулей окровавленной правой рукой. Пулемет же их оказался брошенным посередине открытого двора, под обстрелом немецкого пулемета. Пулемет Фахрутдинова под тяжестью рухнувшей крыши сарая был явно разбит и спасать его было совершенно бесполезно.

Но оставить противнику второй пулемет? Понимая, что послать людей за этим пулеметом под вторую очередь немцев

я просто не смогу, и думая, что мне самому придется его вытаскивать, я лишь вслух сказал: «Надо вытащить!» И тут же сержант Чиховадзе буквально метнулся во двор, схватил хобот пулемета и в два-три прыжка оказался около нас, в укрытии от огня немцев.

К сожалению, Чиховадзе позднее был ранен в этом же бою. Но был представлен к высокой награде и получил за свой подвиг орден Ленина, что по сути было второй наградой после звания Героя.

Окунев был молодым солдатом и погиб в этом бою при передвижении «Максима». Что же касается Калина, то скорее всего он остался без руки, поскольку его правая ладонь была разворочена разрывной пулей. Калину было более 40 лет, это был высокий, красивый, черноволосый с проседью, черноглазый мужчина из Брянской области. До войны он работал бухгалтером, имел двух взрослых дочерей, фотографии которых показывал сослуживцам.

Ведерников иногда ему полушутя-полусерьезно говорил, что после войны хочет познакомиться с его дочками. И однажды в минуты откровенности Калин мне сказал: «Лейтенант Ведерников – матершинник, а Вас бы я со своими дочерьми охотно познакомил!»

Далее занятого нами рубежа мы все же не отходили, и к вечеру, после нескольких упорных контратак противника поселок Гюнерн, пригород Бреслау, был полностью в наших руках. Не более 2-3 дней мы стояли в этом поселке в обороне.

Здесь я где-то взял новую коричневую кожаную немецкую куртку на байковой подкладке и стал ходить в ней, сдав старшине свою шинель. Помню также, что найдя в одном из домов малокалиберную винтовку и патроны к ней, я стал стрелять из нее по различным целям, в том числе по немецким курам. Но через какое-то время мне стало жалко этих кур, и стрельбу по ним я прекратил.

В эти же дни обороны к нам в роту пришел капитан-корреспондент нашей дивизионной газеты «Вперед к победе!» Ему очень понравилась моя кожаная куртка, и он просил меня при занятии другого населенного пункта достать ему такую же. Скорее из вежливости, чем реально, я обещал выполнить его просьбу. Может быть поэтому, благодаря моему, вряд ли выполнимому обещанию, один из февральских номеров нашей

дивизионной газеты был целиком посвящен нашей пулеметной роте.

Читая газету, мы даже не верили, что это написано про нас, о наших солдатах, так мы все примерно и благородно выглядели на страницах печати. Так на фронте я впервые познакомился с четвёртой властью, властью печати, которая может и вознести не по заслугам и покарать без вины, правда, тогда в условиях жесткой партийной цензуры, партийного руководства печатью.

Буквально через 2-3 дня вечером мы снялись с обороны и двинулись батальонной колонной на север, на другой участок фронта. Мне немного нездоровилось, очевидно была простуда, и я впервые прилег на нашей повозке.

И вдруг на марше в колонне раздался взрыв. Был ранен комбат капитан Схоменко и несколько солдат. Как оказалось, один из солдат не разрядил гранату и не закрепил чеку ее взрывателя. Взрыватель сработал, и граната взорвалась в колонне.

Уже в 80-х годах в Москву на встречу ветеранов дивизии приехал из Уфы бывший младший сержант нашего батальона, а во время нашей встречи офицер милиции Ахмеров Хамит. Он был немногословен, и когда я ему рассказал об этом взрыве гранаты, он молча засучил рукав и показал мне шрамы от осколков этой гранаты.

Оставив занятые нами предместья окруженного, но не взятого нашими войсками Бреслау, мы более к этому городу уже не возвращались и дальнейшие бои за него не вели.

И, как сказал мне уже спустя много лет после войны, бывший комдив Рубан Н.А., в этом нам даже повезло, поскольку в связи с длительным и упорным сопротивлением окруженной группировки в Бреслау, многие наши военачальники были сняты с должностей и наказаны за безрезультатность своих действий под Бреслау.

Бои за Бреслау являются особенно убедительным, наглядным примером того, что наши тяжелые, постоянно собираемые и разбираемые пулеметы, их расчеты представляли для противника живые мишени. Они были уязвимы и, по сути, беззащитны против фаустников, снайперов, минометов и пулеметов противника, не говоря уже о танках, самоходных пушках, любых артиллерийских

орудиях. Наши «Максимы» были все же пулеметами начала XX века, а не его середины. Это отмечала даже немецкая разведка, оценивая нашу оборону Ленинграда и отмечая устарелость нашего стрелкового оружия и особенно пулеметов.

И наши пулеметчики времен Великой Отечественной войны несли очень большие и напрасные потери из-за тяжести, устарелости и уязвимости своего оружия. Их художественный образ в лице безногого сержанта-пулеметчика в галерее художника Шилова постоянно напоминает мне об этом, не позволяет быть равнодушным. Не говоря уже о том, что тяжелые «Максимы» пулеметчики часто, даже в длительных переходах, носили на себе, возили на повозках, запряженных добытыми лошадьми, быками и т.п.

У писателя Е. Носова есть рассказ «Переправа», в котором комендант переправы на пограничной реке не пускает в Европу наших пулеметчиков с повозкой, запряженной... верблюдом! И если офицер-комендант видит в этом позор нашей армии, то сами пулеметчики не видят в этом ничего особенного: верблюд их здорово выручал во многих боях и походах на нашей земле.

Эти мои фронтовые наблюдения и выводы подтвердили многие участники войны, и особенно пулеметчики, прочитавшие мои «Записки...». От них я узнал кое-что новое для себя о немецких пулеметах, которые мы часто захватывали в бою, как трофеи. Оказывается, эти пулеметы были не только легки, но они еще имели сказочную скорострельность, в 2-6 раз превышавшую скорострельность «Максима». В ответ на один выстрел «Максима» немецкий пулемет мог послать 2-6 пуль. А в бою главное – упредить в открытии огня. Эти пулеметы имели запасные, легкозаменяемые в бою стволы и практически бесконечную металлическую пулеметную ленту.

По Версальскому мирному договору Германии было запрещено иметь большую армию, строить линкоры и подводные лодки, производить пулеметы. Но, тайно вооружаясь, она создала в Швейцарии ко Второй мировой войне лучшие на ту пору в мире пулеметы. Все это я узнал уже от читателей «Записок пулеметчика и юриста», среди которых были бойцы и командиры Великой Отечественной войны, а также из печати о современных пулеметах и оружии пехоты.

Бои под Бреслау, погибшие там старший лейтенант Чернов, мои солдаты Карась и Окунев, покалеченные Калин, Фахрутдинов, Пальчиковский, Марков, лейтенант-моряк Былда навсегда останутся в моей памяти.

Издавая первую часть своих воспоминаний о войне, я был твердо убежден советской литературой в том, что город-крепость Бреслау был захвачен 6 мая 1945 года войсками 1-го Украинского фронта, и было пленено 40 тысяч гитлеровцев.

Но, прочитав воспоминания о войне Милановского Е.Е. «Воспоминания о годах войны» (Изд-во «Логос», -М. 2005. С. 87, 113), я узнал, что он, владевший несколькими иностранными языками, лично слышал радиосообщение на немецком и английском языках о капитуляции перед нашими союзниками гарнизона Бреслау 7 мая 1945 года (по Реймскому протоколу о капитуляции всех немецких войск). В советской литературе о войне этот протокол почти не упоминается и не раскрывается его содержание.

А вот Герой Советского Союза, летчик Гапеенок Н.И. в своих воспоминаниях пишет: «После взятия Берлина в тылу наших войск продолжала держаться сорокатысячная группировка гитлеровской армии в городе-крепости Бреслау. И 5 мая под командованием командира 6-го гвардейского бомбардировочного корпуса генерала Никишина в 13:15 – 13:30 семьдесят четыре самолета ПЕ-2 нанесли мощный бомбовый удар по войскам окруженной группировки противника в Бреслау. После массированного удара бомбардировщиков, противник прекратил безнадежное сопротивление и капитулировал». («От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 8.» Академия исторических наук, -М., 2007. С. 124). Эти же слова без других подробностей Гапеенок Н.И. воспроизводит и в еще одной изданной им книге «Дорогами Победы» (Щелково. 2002. С. 134).

Однако маршал Конев И.С. очень сухо пишет о капитуляции гарнизона Бреслау 6 мая 1945 года, никак не связывая это событие с указанной бомбежкой, о которой он, безусловно, знал.

Так была ли капитуляция Бреслау, по Реймскому протоколу, 7 мая 1945 года, или, всё же, она была 6 мая?

Для меня это пока что остается большой загадкой, требующей объяснения. Большой и трудный путь к правде о

войне до сего времени еще не завершен. Многие факты, события войны в последних работах разных авторов предстают в новом свете. Как ветеран Великой Отечественной войны, ветеран Вооруженных Сил СССР и РФ, военный юрист я должен сделать некоторые общие выводы о войне и армии.

Общество должно знать правду о войне, помня не только о триумфах и парадах, но и об ошибках и трагедиях войны, не только о героях, но и об изменниках, предателях.

Печать часто обвиняет в напрасных человеческих потерях «генералов-троечников». Я в своей книге «Записки пулеметчика и юриста» утверждаю, что «троечниками» на войне зачастую были и капитаны, и лейтенанты.

Вспоминая бои, я всегда спрашивал и спрашиваю себя: «А все ли ты, лейтенант Федоров, сделал тогда в бою или перед боем, чтобы не подставить напрасно под пули и взрывы своих безотказных солдат и сержантов? Мог ли ты спасти тех, кто уже более 60 лет лежит в братских могилах от Волги до центра Европы? Не потому ли я живу, что умерли они, ушли из жизни, как солдаты, в совсем еще молодом возрасте, не долюбив, не докурив последней папиросы?»

Необходимо обязательно проводить идеологическую подготовку в армии и среди населения. Ведь главным компонентом рецепта любой победы является не преимущества в оружии и технике, а духовное превосходство армии и народа над противником. В Великой Отечественной войне мы победили за счет истинного патриотизма, благодаря любви к Родине и сплоченности всего населения вокруг общенациональной идеологии, высоких идеалов и помыслов.

Декабрь 2008 года

В подготовке, оформлении текста воспоминаний оказали помощь студенты Московского государственного социально-гуманитарного института –

Видрашко Ирина Вадимовна *(факультет книгоиздания и редактирования, 3-й курс)*

и

Калинченко Наталья Александровна *(юридический факультет, 2-й курс)*

Федосеев Иван Петрович

Как они будут без тебя?!

Я родился 15 января 1921 года в селе Староюрьево, Староюрьевского района Тамбовской области. Русский. Православный. Член КПСС.

В 1939 году окончил 10 классов средней школы по месту жительства в Тамбовской области. В этом же году поступил в Подольское артиллерийское училище и окончил его 3 июня 1941 году в звании командира взвода.

Когда началась война, проходил военную службу в 153-й стрелковой дивизии в городе Витебске в Белоруссии. В составе этой дивизии под командованием полковника Гагина принял участие в боевых действиях в звании лейтенанта в должности командира взвода.

Боевой путь проходил через Белоруссию в составе 153-й дивизии под командованием Г.К. Жукова, переименованной в 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В сентябре 1941 году был переброшен под Ленинград. Нашу дивизию бросили на прорыв блокады Ленинграда, но блокаду прорвать не получилось, были слишком большие потери, и 3-ю дивизию перебросили под Рязань на формирование, оттуда на Юго-Западный фронт, а затем на 3-й Украинский фронт.

Участвовал в Ясско-Кишиневской операции. Освобождал Румынию, Болгарию, Югославию, Австрию, город Вену и Будапешт.

Военные боевые действия закончил в городе Линз (Австрия) в составе войскового соединения под командованием генерала армии Ватутина.

Ранения: в 1943 году - средней тяжести осколочное ранение в ногу. В 1943 году вернулся в войсковое соединение на Украине.

Возвращался с войны через Румынию, Болгарию, Югославию, Австрию, город Вену и Будапешт.

Особенно запомнившиеся эпизоды Великой Отечественной войны.

В Австрии в Альпах 1945 году я ехал на машине, шофёр был убит, тогда я сам сел за руль и во время движения задел машину командующего фронтом Толубеева. Соответственно, был задержан до выяснения причин. После этого случая Толубеев издал приказ, запрещающий вождение автотранспорта без прав.

Помню героизм молодой девочки-санитарки, которая тащила раненого старого солдата, и он ей сказал: «Брось меня, я уже пожил», а она у него спросила: «У тебя есть дочки?» «Да», - сказал он. Санитарка спросила: «Как они будут без тебя?!» И тогда он из последних сил собрался, крепко обхватил ее, и они дошли до госпиталя.

Самый страшный бой был у озера Болотного в конце 1944 года. 12-я танковая дивизия Германии нанесла нам очень большой урон. Мы потеряли большое количество орудий и своих товарищей. Генерал Фединин вызвал нас к себе и сказал, что если мы ещё раз потеряем орудия, то он нас расстреляет.

Демобилизовался в 1947 году в должности начальника штаба полка. Трудоустроился на должность начальника типографской службы.

Мои награды:

- орден Александра Невского за Ясско-Кишиневскую операцию;
- четыре ордена Отечественной войны (два из них I-й степени и два II-й степени);
- два ордена Красной Звезды (первый орден Красной Звезды получил за уничтожение нескольких танков);
- орден за освобождение Болгарии.

В войне родственники не погибли, остались живы семь братьев: Николай (генерал-майор, 1913 г.р.), Серафим (капитан, 1916 г.р.), Алексей (старшина кавалерии, 1918 г.р.), Иван (полковник, 1921 г.р.), Федор (летчик, майор, 1923 г.р.), Василий (не служил, 1933 г.р.) и Пётр (не служил, 1937 г.р.).

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 2–го курса факультета технологий и производственного менеджмента Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина – ***Пятницкий Дмитрий Владимирович***

Фетисов Александр Ильич

Продекламировал строки из стихотворения Гейне «Лорелея»

Я родился в селе Ильинском Тарусского района, Калужской области 1 декабря 1924 года в русской православной семье. Член комсомола с 10 мая 1942 года. Член КПСС с февраля 1957 года.

Окончив девять классов Тарусской средней школы, мы были отпущены на каникулы. Вскоре разнеслась весть о том, что на нашу страну напала фашистская Германия. Весь народ встал на защиту Родины. В составе тарусского отряда, насчитывающего около ста человек, нас, учащихся и рабочую молодежь, мобилизовали на строительство оборонительных сооружений.

Комиссаром отряда была А.В. Маркова, в составе отряда числились: Н. Дробикова, А. Колядина, Н. Матвеева, Н. Суслина, Н. Соловьева, Т. Шульга, В. Покровский, Ю. Смирницкий, С.В. Коврижкин, А.С. Пашкевич, П.С. Черникова и другие.

До станции Тарусская шли пешком, затем погрузились в вагоны поезда и отправились в Тулу, где формировался эшелон для отправки в неизвестном для нас направлении. Высадившись на станции между Ржевом и Вязьмой, опять пошли пешком к месту назначения - в деревню Морозово, где разместились в сараях, ригах и пустых домах.

Представители инженерных подразделений поставили перед нами задачу: возвести оборонительные сооружения по линии Ржев - Вязьма. Это был третий оборонительный пояс по защите нашей столицы - г. Москвы.

В июле-августе 1941 года в строительстве оборонительных сооружений участвовало около 2700 подростков из Тульской области. Мы рыли противотанковые рвы глубиной - 3,25 м, ширина: по верхней части - 6 м, по нижней части - 3 м. Участки земли отводили на отряд, норма выброса земли на поверхность - 4 куб.м на каждого; уходили с работы только после выполнения задания.

Работали по 12-14 часов в сложных и опасных условиях под палящими лучами солнца: мучили жажда, голод, непосильный труд. Инструментом служили лопата, кирка, лом; грунт состоял из глины, гравия, встречались валуны.

Вначале на ладонях появлялись водяные, затем - кровавые мозоли, но постепенно втягивались в работу. Нужно было как можно быстрее выполнять задание. В конце июля комиссия из укрепрайона приняла построенный оборонительный участок с оценкой «хорошо», и нам предстояло перейти на новый рубеж - в район деревни Бурцево (или Бургово, сейчас уже хорошо не помню). И на данном участке царил трудовой подъем. Изношенная одежда и обувь не соответствовали погоде в связи с приближающейся осенней свежестью и холодными росами.

Большую воспитательную работу проводили командиры отрядов и политработники, они знакомили нас с сообщениями Совинформбюро.

Чувствовалось дыхание фронта. Все кругом гудело, земля содрогалась от разрывов бомб, снарядов, появились раненые, убитые. Враг рвался к Москве. Работа подходила к концу.

В конце августа 1941 года нас собрали на митинг, и представитель укрепрайона объявил всем нам благодарность за хорошее выполнение задания Государственного Комитета обороны. Была дана команда: «Домой, в путь - на станцию Оленино».

Мелькали станции, деревеньки, леса, перелески. Особенно неузнаваемой была Вязьма: не было вокзала, белокаменных домов, лежали продырявленные осколками

паровозы, скелеты вагонов. Нас постоянно бомбили и обстреливали с воздуха немецкие стервятники...

Трудовой фронт закалил нас. Мы повзрослели, физически окрепли, познали цену взаимной выручки. Мы с честью выдержали этот трудный экзамен на прочность.

Впоследствии на построенных трех оборонительных рубежах (Ржевско-Вяземском, Можайском и Подмосковном) по защите г. Москвы, где работало около 600 тысяч человек, враг потерял много живой силы и техники. А впереди нас ожидали очередные трудности и испытания.

Вернувшись с трудового фронта, мы вскоре сели за парты. Чувствовалась напряженная обстановка. Немецко-фашистские войска, не считаясь с потерями, рвались к Москве, фронт приближался к тарусской земле, и 24 октября 1941 года немцы ворвались в нашу деревню Ильинское. 56 дней длился режим грабежа и насилия. Немцы забирали скот, кур, продукты, теплую одежду, обувь.

Был установлен комендантский час. Тем, кто его нарушал, угрожали расстрелом, о чем говорилось в расклеенных повсюду листовках. Везде были установлены сторожевые посты.

Были и крайне опасные случаи для жизни. Однажды в наш дом явились два автоматчика и, подойдя ко мне вплотную с направленными автоматами, истерично закричали по-немецки: «Русский солдат, выходи на расстрел!» При выходе из дома я проявил находчивость и сказал им по-немецки: «Я не солдат, я ученик 9 класса». В добавление к сказанному продекламировал строки из стихотворения Гейне «Лорелея». Родители и соседи встали на мою защиту. Немцы были удивлены. Опустили автоматы и удалились.

Так я избежал расстрела благодаря навыкам немецкой разговорной речи, приобретенным на уроках немецкого языка учительницы Елизаветы Михайловны Полуниной.

Как-то в морозный день пришлось на санях везти снопы из-за реки Таруски, где были сложены стога пшеницы. Навстречу рысью ехали вооруженные всадники. Остановив лошадь, они сняли с меня шапку и валенки.

Из окружения выходили через деревню солдаты. Однажды ночью в дом постучался человек в военном обмундировании, оказавшийся учителем из Серпухова.

Родители дали ему гражданскую одежду, он переоделся и попросил показать дорогу в сторону Серпухова, минуя деревни. Взяв в дорогу скромные продукты, ночной гость растворился в темноте. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Но оставленную спрятанную одежду на следующий день обнаружили шнырявшие повсюду немцы. Это могло стоить жизни отцу, на шею которого взбешенные фашисты надевали петлю, подозревая его в укрывательстве партизана. Но и на этот раз все мы бесстрашно встали на его защиту и предотвратили грозившую расправу.

Чтобы не отобрали корову, по совету матери брат вымазал ее глиняным месивом. Всякий раз, когда появлялись немцы, мы ссылались на то, что корова больна ящуром. Кое-кто из нас болел краснухой, корью, при появлении немцев с целью грабежа им внушали, что в доме тиф, и немцы уходили.

Наша деревня была перевалочным пунктом, через который гнали по этапу на Ферзиково жителей из соседних деревень. Было тяжело смотреть на тех, кто оказался в этом людском потоке: обреченность, беззащитность, неволя, рабство - вот что ожидало их.

Не сбылась надежда использовать малокалиберную винтовку, которую я взял в помещении Осовиахима, членом которого я был в школьные годы. Винтовка без патронов - пустая затея, но все же я ее спрятал под полом, где размещались беженцы. Если бы немцы обнаружили ее - нам был бы всем конец...

Ну, а вскоре и мы двинулись по проторенному этапу в сопровождении вооруженных автоматчиков. Нас выручила брошенная кем-то истощенная до предела лошаденка, которую мы поймали и немного подкормили. Погрузив кое-какие вещи, взяв скудный запас продуктов, в составе девяти человек тронулись в путь. Больные разместились на санях, кто повыносливее - шел пешком. Так мы расстались с родным краем, домом и отправились в неизвестность.

Вскоре среди немцев возникла суматоха, панические настроения. Конец немецкому насилию и грабежу пришел неожиданно. Наши войска, разбив немцев под Москвой, совершали успешное наступление, немцы откатывались на запад. Таруса была освобождена от фашистских захватчиков

19 декабря 1941 года войсками под руководством командарма 49-й армии генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина (5-я гвардейская дивизия). Наступил новый этап в жизни тарусян. Мы же, десятиклассники, стали наводить порядок в школьном здании, после чего сели за парты.

Но вскоре нас ожидало новое испытание на прочность. 11 марта 1942 года нас, мальчишек, призвали в армию, и многие из нас оказались на передовой: за Юхновом, на реке Угре, на Павловском плацдарме...

В тяжелые для Родины испытания нас, 17-летних мальчишек, пригласили в райвоенкомат. Было это в начале марта 1942 года. Военком Перепелкин в беседе с нами высказал следующее: «Вы по возрасту подлежите призыву в армию, но вам предстоит пройти курсовую военную подготовку, и к тому времени война закончится...» Нам вручили повестки, назначили срок сбора: 11 марта 1942 года.

Придя домой, в село Ильинское, я попросил у родителей собрать мне одежду и продукты. Врученный перед выходом талисман хранил я потом на всех фронтовых путях-дорогах.

11 марта 1942 года большой отряд призывников явился на призывной пункт г. Тарусы для отправки в пункт назначения. Людской поток провожал нас по улице Ленина в сторону д. Петрищево. Мы расстались с родными, учителями, одноклассницами. Преодолев долгий путь, прибыли в г. Кондрово, в 185-й запасной стрелковый полк.

Меня, Евгения Куракина и Василия Никитина (они проживали в д. Похвиснево) зачислили в минометное подразделение.

Вначале мы жили на частных квартирах, в здании бумажной фабрики, а с потеплением нас перевели в землянки, расположенные в бору. Запомнилось, как там в снегу стояли заледенелые трупы фашистов.

Изучали материальную часть 82-мм миномета, применение его в боевой обстановке, овладевали начальной военной подготовкой. Однажды нас посетила группа родителей. Путь их был опасным и рискованным: они подвергались бомбежке и обстрелу с немецких самолетов. Принесенные домашние продукты были для нас хорошей поддержкой - жилось голодно.

Неоднократно ходили на расчистку территории аэродрома, расположенного в районе Полотняного завода. В середине апреля приняли присягу и отправились на передовую - на Павловский плацдарм, в 16 километрах от Юхнова. Там мы прибыли в 49-ю армию генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина - ту самую, что освободила нашу Тарусу, в 217-ю стрелковую дивизию.

Тарусян распределили по подразделениям, входившим в состав 740-го, 755-го, 766-го (Тульского) стрелковых полков. Наш минометный расчет занял позицию в лесу на берегу р. Угры напротив д. Павлово, где немцы имели сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону.

Наш минометный расчет подготовил площадку для установки миномета, оборудовал надежное укрытие, распределил обязанности между собой. Евгений Куракин ловко взбирался на облюбованное дерево и со своего наблюдательного пункта, обозревая в бинокль позиции противника, сообщал нам необходимые координаты. Мы вели минометный огонь по живой силе и огневым точкам противника. Израсходовав имеющийся запас мин, снимались с огневой позиции и уходили в укрытие, спасаясь от прицельного огня немецкого миномета. Когда выпускали мины, они производили устрашающее завывание. За это они были прозваны «скрипачами».

Часто над нашими позициями нависала немецкая «рама» - самолет-разведчик, после этого совершались налеты вражеской авиации, велся прицельный огонь из орудий.

Однажды немецкий бомбардировщик сбросил однотонную авиабомбу на КП 766-го стрелкового полка. Она пробила толщу земли в восемь накатов бревен. Было убито 12 человек, погибли командир полка П.П. Лаптев, комиссар полка М.Я. Богомолов.

Доставке боеприпасов мешало бездорожье, весенняя распутица, болота, лесистая местность.

Была поставлена главная задача: во что бы то ни стало взять сильно укрепленную позицию немцев - Павловский плацдарм. Бойцы 766-го полка в апрельское весеннее половодье форсировали бушевавшую Угру и в упор открыли огонь по спавшим фашистам, выбили их с укрепленных

позиций. Плацдарм стал неприступным для немцев, которые отступили на запад.

Наступательная операция на данном участке фронта, являющаяся важным эпизодом Московской битвы, окончательно развеяла надежду фашистов на захват нашей столицы - г. Москвы.

10 мая меня с группой других бойцов приняли в комсомол. Вручал комсомольский билет помощник начальника политотдела 217-й стрелковой дивизии Михаил Захарович Герштейн. На встрече ветеранов дивизии в Москве, посвященной 50-летию Победы, мой бывший одноклассник Николай Ильич Зимин организовал нам встречу. Вспоминали о фронтовой жизни, боевых сражениях на р. Угре. Михаил Захарович подтвердил свою подпись в билете, который хранится у меня до сих пор.

Наш расчет маневрировал, менял позиции, вел огонь по позициям противника. В перерывах выполняли различные поручения: по очереди несли постовую службу, оборудовали землянки, доставляли продукты с кухни, выпускали боевые листки, слушали политинформации, изучали материальную часть винтовки и автомата. Упорные и ожесточенные бои частей 217-й стрелковой дивизии, не прекращающиеся перестрелки из всех видов оружия, массированные налеты самолетов с обеих сторон затянулись на долгие месяцы, вплоть до середины августа 1942 года.

Наш минометный расчет нуждался в пополнении, так как Евгений Куракин был ранен в ногу снайперской пулей и попал в госпиталь. Василия Никитина забрал брат в подразделение «Катюш», согласовав вопрос о переводе с командованием. Нас должны были сменить на этом важном участке фронта и отправить на заслуженную передышку. Но вместо этого 217-ю стрелковую дивизию внезапно перебросили в район прорыва частей противника, устремившегося на очень важный железнодорожный узел - г. Сухиничи - с целью захвата Москвы.

20 августа дивизия снялась со своих позиций и совершила марш-бросок в район Сухиничей. Мне вручили автомат, путь был долгим и трудным, приходилось спать на ходу. Мы влились в состав 16-й армии, командармом которой в период с 25 августа 1942 года по 18 сентября 1943 года был

генерал-лейтенант И.Х. Баграмян (впоследствии - маршал Советского Союза).

Началась новая полоса кровопролитных боев. Все силы дивизии были брошены в контратаку в районе деревень Колодези, Гредня. Враг оказывал ожесточенное сопротивление, бои длились две недели. Ценой больших потерь продвижение вражеских частей было приостановлено, враг был отброшен за р. Жиздру. Дивизия заняла участок фронта в районе деревень Колодези, Гредня, Ивановка, Плохово - вдоль берега р. Жиздры.

Находясь в обороне в период затишья, мы возводили оборонительные сооружения, рыли окопы, траншеи, устанавливали огневые точки, сооружали землянки.

Входя в состав подразделения, состоящего из автоматчиков и саперов, приходилось устранять препятствия, стоящие на пути очередного контрнаступления. Проводили разминирования участков, устраняли колючую проволоку с висящими железками, устанавливали огнеметы. На следующий после артподготовки день шли в наступление подразделения пехотинцев, но прорвать оборону противника не удавалось - бойцов губил массированный огонь из всех видов оружия.

В одном из наступательных боев я повстречался с земляком Григорием Головановым (он проживал в с. Истомино), который был тяжело ранен и полулежал на берегу р. Жиздры, у переправы. Он был доставлен в госпиталь города Калуги, где впоследствии умер.

Бои на реке Жиздре приняли позиционный характер и продолжались целых полгода, они заканчивались большими потерями с обеих сторон.

Командиры заостряли внимание на недопустимости гибели бойцов из-за собственной неосторожности, небрежности. А такие случаи имели место: погибали бойцы от прицельного огня противника, оплакивая убитого товарища, из-за неосторожного обращения с оружием при проверке постов. Жертвами снайперов были и те, кто вылавливал оглушенную рыбу из реки. Случаев предательства практически не было, а единичные жестко пресекались. Один боец с листовкой в руке намеревался перейти на сторону

немцев - сержант Дятькин с двумя автоматчиками доставили его в особый отдел, который располагался в Оптиной пустыни.

Находясь на передовой, я встретился с Николаем Зиминым, моим одноклассником. Мы обменялись краткими приветствиями, так как он шел на задание. Приближалась зима, предполагалось создать лыжный батальон для ведения боевых действий в зимних условиях, в него был зачислен и я.

Но вскоре нас ожидало новое испытание.

В конце ноября было сформировано подразделение быстрого реагирования. Нас перебросили на Ржевско-Вяземский плацдарм. Мы расстались с 217-й стрелковой дивизией, с калужской землей, где на полях сражений, в лесах и болотах, в боях на Жиздре и Угре погибло 34 тарусянина. Многие из них пропали без вести. Их имена занесены в Книгу Памяти (том I, Калужская область, Тарусский район, стр. 400 - 453).

Бои на Ржевско-Вяземском направлении (20 ноября - 30 декабря 1942 года) Ржевско-Вяземский участок немцы рассматривали как плацдарм для нового наступления на Москву. Солдаты вермахта давали клятву фюреру, что не уйдут из Ржева. Отдать Ржев означало для фашистов открыть дорогу нашим войскам на Берлин.

Перед нашими войсками стояла сверхзадача: задержать наступление немцев, нанести сокрушительный удар и выбить их из г. Ржева.

Прибыв на участок фронта, мы испытали трудности, связанные с бытовым неустройством; нам предложили заменить изношенную обувь на сброшенные с машины обледеневшие валенки, одеждой служила та же шинель. В осенние дни дождило, снежило, было слякотно, дул пронизывающий ветер. В округе не было ни строений, ни укрытий, негде было согреться, просушить шинель, валенки после ледяного душа и грязевых ванн. В таких невыносимо тяжелых условиях пехотинцам пришлось участвовать в боевых сражениях.

Наши контратаки были малоэффективны, перевес в вооружении был на стороне противника, который обрушивал на нас смертоносный огонь из всех видов оружия. На нас устремлялись танки, бомбили и обстреливали самолеты. Когда были в окопах на передовой, нас не в состоянии были

обеспечивать питанием, а если еду и доставляли, то все было холодным, хлеб приходилось распиливать на кусочки, не доходили до нас и «100 фронтовых грамм», которые были так необходимы. В ночное время обогревались у подбитых, тлеющих немецких танков.

Вскоре в наше расположение прибыло пополнение сибиряков, добротно одетых, богатырского вида бойцов. Познакомившись с прибывшими из Хакассии Нурхановым и Султрековым, мы обменялись адресами. Султреков сразу же был ранен осколком снаряда в ногу и отправлен в санчасть. Чувствовался переломный успех с нашей стороны, немцы стали сдавать позиции под ударом артиллерии, танков, самолетов, пехоты.

В конце декабря после артобстрела наши части пошли в очередную атаку. Противник и в этот раз обрушил на нас массированный огонь из всех видов оружия, танков, самолетов. Земля дрожала, все взрывалось, гудело, ухало - это был кромешный ад, неминуемая гибель. Нужно было искать укрытие. Много жути пришлось натерпеться в том бою. Не верьте, если кто-то скажет вам, что на войне не страшно. Страшно так, что не приведи Господь.

Обнаружив на пути заснеженный небольшой окоп, мы разместились в нем как могли. Огненная стена разрывов приближалась к нашему убежищу, нас завалило землей. Наступила мертвая тишина, я потерял сознание и долгое время не приходил в себя. Наступил конец...

Но фронтовая выручка и здесь оказалась своевременной. Санитары под покровом ночи стали отыскивать и подбирать раненых. Первым обнаружили стонавшего Нурханова - он не поместился в окоп и был ранен в грудь осколком разорвавшегося рядом снаряда. Санитары вытащили его из окопа, а следом обнаружили и меня.

Оказавшись на поверхности, с трудом осознавая ситуацию, я увидел над головой месяц и яркие звезды, а вокруг обледенелое пространство. Лежащему на земле моему спасителю стали делать перевязку, слышны были еле уловимые, умоляющие слова: «Помогите, спасите, жить хочу...» «Живы», - думаю. Больше с Нурхановым встретиться не довелось. Писал письма в его родную Хакассию, искал своего спасителя. Ответа не получил.

Я не мог самостоятельно передвигаться, санитары доставили меня в санчасть, обледеневшие валенки разрезали и освободили онемевшие ноги, кисти рук не повиновались. Была сделана обработка конечностей и перевязка. Черепно-мозговая травма, травмированные конечности причиняли адские боли, которые не прекращались долгие дни и ночи.

Находясь в полусознательном состоянии, я не запомнил, как доставили нас с передовой, как я оказался в Москве в эвакогоспитале, где сделали очередную обработку и перевязку. Способ передвижения был - носилки.

Нас погрузили в эшелон и отправили в глубокий тыл, в г. Прокопьевск, местечко Тырган. Начались мучительные перевязки, операции под наркозом - конечности спасали от гангрены. Медперсонал помог встать на ноги и расстаться с костылями. На излечении в тыловом госпитале я находился с 9 января по 5 мая 1943 года.

Так мой трудовой фронт в июле-августе 1941 года на строительстве 3-го оборонительного пояса по защите г. Москвы на Ржевско-Вяземском рубеже завершился боевым фронтом на Ржевско-Вяземском плацдарме в декабре 1942 года. Вернулся я с фронта 18-летним юношей-инвалидом. Это была моя война длиною в 1 год.

После окончания войны, окончив Тульский учительский, а затем педагогический институт я отдал 46 лет своей жизни служению Истоминской восьмилетней школе в качестве преподавателя истории, а затем с 1955 года работал на должности директора этой школы. В 1957 году был принят в члены КПСС.

В 1985 году 11 марта был награжден орденом Отечественной войны I степени. Номер ордена 685300. Указом Президиума Верховного Совета СССР. Подписан секретарем Президиума Верховного Совета СССР. За ожесточенные бои на Павловском плацдарме.

Имею медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; знак «Ветеран 49 армии Великой Отечественной войны 1941 -1945 гг.» (25 апреля 1987 года); знак «Фронтовик 1941-1945» (9 мая 2000 года); медаль Жукова (Д№0149302, указ от 6 марта 1995 года Президента РФ), ряд юбилейных медалей.

В этой страшной войне погибли мои родные дяди Григорий и Сергей Фетисовы, которые сражались с врагом на Западном фронте. Они были призваны из г. Серпухова.

Старшая сестра Екатерина прошла большой боевой путь от берегов реки Оки до реки Шпрее. В звании старшего сержанта в предместьях Берлина на улице Карл Маркс Штрассе она встретила Победу. После войны работала в школе учителем географии и биологии. Она награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией», и другими.

В книге-сборнике «Протвинские ветераны» Михаил Григорьевич Большов опубликовал обо мне статью под названием «Он защищал Родину и учил детей» в мае 2004 года на страницах 202-206. Издательство - коллектив сотрудников компании «Принт-Ателье».

На страницах местной газеты «Октябрь» обо мне неоднократно печатались статьи, такие как «Герои не умирают», «От Тарусы до Вязьмы», «Цветы на ратных могилах горят венками немеркнущей славы», «Ведь нас все меньше остается - солдат, вернувшихся домой».

Сейчас я на заслуженном отдыхе, но продолжаю активно участвовать в общественной жизни района. Являюсь членом Тарусского районного Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

С годами не уходит из памяти война - наоборот, видится сквозь завесу лет, встреч, потерь также ясно и глубоко. И тревожат по ночам давние сны. И пишутся стихи просто и сердечно. Они безыскусны, но они из самой глубины сердца.

Когда коварный враг
Пришел в наш край родной,
Со школьной парты из Тарусы
Шагнули мы в смертельный бой.
До Юхнова мы шли пешком,
Азы военной подготовки познавая,
А впереди передовая...
Так началась жизнь наша фронтовая.
На реках Жиздре и Угре
Мы подвиг предков повторяли,
Хребет ломая отступавшему врагу.

Путь трудный нам пришлось пройти,
Деля и радости и беды,
И каждый делал все, что мог,
Чтобы приблизить час Победы.
Теряли мы друзей своих,
Их забирали братские могилы,
Шли похоронки в дом родных,
Погибшим не узнать судьбу России.
В заснеженных окопах, на полях сражений
Бойцам в свои неполных восемнадцать
Раз двадцать приходилось умирать.
Убит я не был на войне,
Хотя шагал со смертью рядом,
И разорвавшимся снарядом -
Под Ржевом, рядом –
Война с тех пор сидит во мне.
В минуты жизни суетной
Порой тревожно сердце бьется:
Ведь нас все меньше остается -
Солдат вернувшихся домой.
Мой одноклассник, фронтовик,
Полковник, Николай Ильич!
Наперекор всему - держись!
Крепись...

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний ветерана, оказала помощь студентка 2-го курса факультета технологий и производственного менеджмента Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - ***Морозова Евдокия Викторовна***

Французов Юрий Георгиевич

Рога, у вас рога должны быть

Я родился 15 февраля 1924 года в семье врача и специалиста по художественной росписи. Учился в школе №541 на Ордынке. С детства очень любил спорт, особенно футбол и хоккей. До того как ушел на войну, играл за юношескую сборную «Спартака». Имею три высших образования: окончил Институт советской торговли, Московский институт народного хозяйства имени Плеханова и заочный Народный университет искусств.

70-я армия 2-го Белорусского фронта

Прежде чем говорить, как я попал на фронт, нужно отметить, что мобилизовывали солдат по годам. Вот солдат 1926 года рождения призывали, считай, последними, Следующий, 1927 год, практически не попадал на фронт, кое-кто конечно попал, но войны уже как таковой не было, только в некоторых районах Германии. Надо отметить, что не было случаев, чтобы мобилизовали раньше времени.

Попал я на фронт в 19 лет. В 70-ю армию 2-го Белорусского фронта, под командованием исключительно доброго и хорошего человека – К.К. Рокоссовского. 70-я армия была сформирована на территории Уральского военного округа. В ее состав вошли самые подготовленные воины внутренних и пограничных войск. И вот при этой армии

организовывался автомобильный батальон. В этом автомобильном батальоне я получил права на вождение. И с самого начала этого периода до конца войны я возил снаряды. Нередко случалось, что снаряды требовались прямо на линии фронта, и приходилось проезжать под открытым огнем противника.

Из тех людей, с которыми я был близко знаком и которые занимались этим же, 7 из 11 человек погибли. Видеть смерть друзей, это вообще самое страшное, что может выпасть на долю человека. Вот я вам сейчас расскажу. Был, значит, бой на берегу реки. А чтобы часть не было видно, мы применяли дымовую завесу. Прятались мы за колеса машин и оттуда стреляли по врагу. За колеса потому, что под машинами пули тоже могут просвистеть, так что это единственное безопасное место в чистом поле. Противник в том бою был разгромлен. А когда дым рассеялся, смотрю, друг мой, Лешка, лежит. Я к нему подбежал, тормошу его, не могу понять, чего он не встает. А в голове его торчит маленький осколок снаряда. А рядом солдаты проходят, говорят: «Умер твой Леша». Я все поверить не мог. Страшно это, ох, как страшно.

Вот помню случай с дымовой завесой еще. Перебрались мы, значит, через Одер, а там уже советская артиллерия хорошо поработала. И здесь, на западном берегу реки нас встретили немцы внезапным огнем. Мы-то от них отбились, только вот одного из водителей грузовика убили. А в грузовике 3 бочки с сульфонной жидкостью лежали. Из них и делают дымовую завесу. При соединении с кислородом эта жидкость выпускает огромные массы дыма из специальных отверстий. Ну вот, значит, стали решать, кого за руль сажать. И солдат один молоденький, вызвался, - якобы водить он умеет. Так он как сел, как отпустил резко сцепление и нажал со всей силы на газ, грузовик, естественно, взревел и рванул с места, а три бочки мирно выкатились из кузова. А паренек даже не заметил, так и уехал.

Надо обратить внимание, что в тот период воспитание молодежи было очень качественным. И поэтому молодежь, и я в том числе, не могли даже думать, чтобы с фронта куда-то уйти, бить надо немцев и все. За тот период, сколько они сожгли домов, сколько убили людей, сколько людей умерло от недостатка еды. То есть они издевались над советскими

людьми. Хочу сказать, что сейчас воспитание молодежи, оно никак не поставлено. Только начинаются проблески какие-то, но этого не достаточно.

Немецкая пропаганда

Когда мы вошли в Германию, там разные были солдаты немецкие. То есть, они не знали, что творится, у них ничего не было, а редкие газеты - эйфорийного характера, с заголовками «Мы победим!» (грубо говоря), в то время как советские войска уже в Берлине. Что здесь самое главное: когда мы пришли туда, на берегу Балтийского моря был небольшой городок (название забыл). А там детей, кстати, много было, мы им хлеба и сахара давали. А у меня еще друг был, мастер на все руки, так он им такие шахматы из дерева вырезал. Долго над ними трудился, но шахматы получились очень красивые. Сейчас таких нигде не найдете. Так к чему я веду-то. Дети, они к нам очень быстро привыкли. Так вот, подбегает ко мне как-то один мальчуган и на руки просится. Я его взял, а он ручонками под пилоткой щупает. Я его спрашиваю: «Ты чего там ищешь?», а он мне говорит: «Рога, у вас рога должны быть». Причем, это не только детям внушали, взрослые эту пропаганду гитлеровскую тоже поддерживали. Женщины брали детей своих малых и в море с ними бросались. Детей своих, представляете? Родных. Им внушили, что мы детей их будем растить, чтобы потом заставить работать как рабов, так что лучше для них будет умереть. То есть все вот эти моменты не поднимали особо настроение, но в то же время влияли на массу вот эту немецкую, которая остались в тылу.

И в то же время немцы, если знали и видели, что они проиграли войну, многие, очень многие сдавались в плен. Хотя были и такие случаи, что они жизни свои отдавали, настолько сильна в них была вера в Гитлера. Помню, уже под конец войны остановились мы в деревушке небольшой. Народу много, запасы воды кончились и отправили меня, значит, еще с одним солдатом воду принести пресную. Взяли мы ведра, и пошли по дороге в сторону деревни. Смотрим, самый крайний стоит дом такой, двухэтажный, большой. Дошли мы до него, стучимся - никто не открывает. И тут солдат, с которым я был, замечает, что дверь не заперта. Открываем мы дверь сами, а там прямо перед глазами -

человек висит с петлей на шее. Мы бросились к нему, веревку перерезали, но он уже давно был мертв. Да это и по цвету лица, в общем-то, понятно было, давно видно он там висел. Позднее, от соседей мы узнали, что этот мужчина - член фашистской партии, ему еще ногу одну оторвало гранатой в бою. Оказалось, что прежде чем повеситься, он убил свою мать, жену и двоих детей. Всю родню свою погубил. А все ради того, чтобы не попасть в плен к советским солдатам. Это же страшно представить какую преданность и веру должен чувствовать человек к своему лидеру, чтобы за него не просто свою жизнь отдать, но и семью свою погубить.

Расскажу-ка еще один случай, о котором я частенько вспоминаю. Удивительно, как устроена память человека. Запоминаем что-то не очень значительное, а самое главное можем забыть. Так вот, дело было такое, что немцы нас прижали, и нашему батальону пришлось отступать. А немцы, естественно, нас преследуют. А было это в самом начале моей службы. Ну, мы все убегаем, часть солдат падает, скошенные пулями, крики, дым, пыль - страшное зрелище. И тут я вижу, что солдаты столпились и дальше не бегут. Когда подбежал, смотрю, а там обрыв. Ну, недолго думая, все начали прыгать. Там, собственно, и не очень высоко было. Ну, все уже там, внизу, а наверху паренек остался. Он подходит, смотрит вниз, отходит и опять подходит. Высоты он видимо боялся. Мы ему кричим: «Прыгай!». А он, бедненький, опять к обрыву подойдет и не решается.
Там, наверху, его и разорвало снарядом. Некоторые думают, что под страхом смерти человек все, что угодно готов сделать. А, видите, как оно бывает.

История моего друга

Эта история произошла во время обороны Севастополя. Вы же понимаете, какие условия на войне: холод, голод, болезни. А немцам, в этом плане было легче гораздо. У них провизии больше было, снаряжение, одежда. А началось все с того, что рота советских солдат случайно наткнулась на брошенный немцами склад. Провизии там было много: тушенка, печенье, консервы всякие. Командир роты тут же отдал приказ ничего не трогать. Представляете, какой это соблазн, когда у тебя часами во рту крошки нет, а тут, на тебе - склад!? Ну, один

солдат, видимо, не выдержал. И уже под вечер задержали его с поличным: увидели, как он выходил из этого склада с коробкой консервов. А порядки на войне были не очень строгими, конечно. Приказа никто не мог ослушаться. Ну, командир роты, недолго думая, схватил оружие и застрелил солдата. Естественно, вся рота сбежалась на выстрелы.

А все это дело происходило недалеко от порта, где моряки-подводники собирались к отплытию. И вот, может из интереса, может мимо проходили, группа из нескольких подводников подошла узнать в чем дело. Ну, солдаты им, естественно, шепнули, что да как. И тут, один из них достает из кармана револьвер и стреляет в командира роты. И со словами, что даже на войне надо оставаться человеком, они ушли. И никто не посмел их остановить. А минут через 20, кстати, их уже и след простыл. Сели на свою подлодку и ушли в море. Это я к тому рассказываю, что справедливость-то существует. И как сказал тот подводник, даже на войне не надо забывать, что ты – человек, а не животное и вести себя соответственно.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1-курса факультета экономики и менеджмента Государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Куцукова Лариса Владимировна***

Хазанов Григорий Матвеевич

Вспомнил позже, стоя над могилой своего боевого друга

Я родился 26 января 1912 года в Киеве. Образование высшее, окончил Московский инженерно-экономический институт, высшие политические курсы при имени Военно-политической академии В.И. Ленина. С 1942 по 1945 год участвовал в Великой Отечественной войне. Участвовал в боях на Курской дуге, в освобождении от фашистов Орла и Белгорода, в форсировании Днепра, Корсунь–Шевченковской и Ясско-Кишиневской операциях, в боях за Будапешт.

Майор в отставке, награжден двумя орденами: орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и многими медалями. Участвовал в Параде Победы на Красной площади.

Отозван из армии в 1946 году для работы в промышленности. Работал начальником цеха, начальником производства, главным инженером технического управления, директором НИИ.

Более 20 лет активно работаю в московском комитете ветеранов войны, являюсь членом лекторской группы комитета, часто выступаю с докладами и беседами в различных аудиториях, отдавая предпочтение подрастающему поколению. Веду постоянную борьбу с фальсификаторами

нашей истории, особенно победы в Великой Отечественной войне.

Артподготовки

Одно из самых ярких воспоминаний – это артподготовки, в которых наша 16-я дивизия участвовала. Для солдат это было целым событием. Каждая артподготовка – это тонны металла, извергаемые одновременно десятью различными полками. Такие подготовки проводились на Курской дуге, в Румынии, Молдавии, Болгарии. Я считаю, немцам они тоже хорошо запомнились.

Клятва на собрании

Хорошо помню комсомольское собрание, которое мне пришлось провести с бойцами перед Курской битвой. На повестке дня были вопросы: «О борьбе с танкобоязнью» и «О призрении к смерти». Этот эпизод я вспомнил позже, стоя над могилой своего боевого друга – наводчика Климова, который на том собрании поклялся погибнуть, но не покинуть своего орудия. Он сдержал своё слово. Сам я в тех боях был контужен, но остался в строю.

Славяне ликуют!

В Отечественную войну мы, солдаты, независимо от национальности называли друг друга «славяне». И я помню, как в день, когда Москва чествовала победителей, и раздавались залпы победного салюта, наш командир полка очень точно в двух словах охарактеризовал общее настроение: «Славяне ликуют!» Это была правда. Ликовали народы, страны и континенты, миллионы и миллионы людей во всём мире…

Мне никогда не забыть 24 июня 1945 года. Шёл тёплый летний дождик. Я шагал правофланговым в шеренге и видел, как фронтовики размашистым движением швыряли поверженные фашистские знамёна к подножию мавзолея, на котором стоял Сталин и члены правительства. Когда наша «коробка», промаршировав по Красной площади, поравнялась с собором Василия Блаженного, гимнастёрки у всех были

мокрые от пережитого нами волнения. Как же мы были счастливы! Не знаю, сможет ли современный человек до конца понять то чувство, которое переполняло тогда наших соотечественников.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1-го курса, факультета экономики и менеджмента, Московского государственного текстильного университета им. А.Н.Косыгина - ***Лопухина Елизавета Николаевна***

Хутарев Дмитрий Дмитриевич

Выполнение заданий командования в поисках «языка»

Я родился 10 октября 1925 года в Москве. Отец мой, Хутарев Дмитрий Дмитриевич (1888 года рождения), по образованию инженер-механик, кандидат технических наук работал старшим научным сотрудником ЦНИИШ (Центральный научный институт исследования шерсти). Мать моя, Хутарева Валентина Васильевна, была дважды замужем, вырастила большую семью. Занималась воспитанием детей и вела домашнее хозяйство.

Мой старший брат по матери, Птицын Игорь Дмитриевич (1915 года рождения), окончил с отличием в 1938 году Военно-инженерную академию имени В.В.Куйбышева, получил диплом военного инженера со специализацией аэродромного строительства и военное звание капитана инженерных войск и был направлен в город Хабаровск для работы на границах Дальнего Востока по военному строительству.

В последние годы службы в Вооруженных Силах СССР мой старший брат генерал-майор инженерных войск Птицын возглавлял проектный институт, был командиром военной части №33859.

Игорь Дмитриевич был удостоен звания лауреата Ленинской премии, награжден орденом В.И. Ленина и многими другими правительственными наградами за работы, проведенные им по проектированию и строительству важных военных объектов.

Второй мой брат, Птицын Анатолий Дмитриевич (1917 года рождения), окончил Московский текстильный институт, механический факультет в 1940 году и был направлен на работу на льнокомбинат города Свердловска инженером-механиком.

В процессе учебы в МТИ А.Д. Птицын прошел военную подготовку и получил звание младшего лейтенанта. Когда в 1941 году началась война, то его сразу призвали в Красную Армию и отправили на фронт командиром минометного взвода. В ходе войны А.Д. Птицын прошел трудный путь от командира взвода до начальника штаба гвардейского полка в звании полковника. В боях был неоднократно ранен. За успехи в боях награжден многими орденами.

Сестра моя, Хутарева Ольга Дмитриевна (1923 года рождения), кончила институт иностранных языков и работала преподавателем немецкого языка в Областном педагогическом институте имени Н.К. Крупской.

В семь лет я поступил в школу №397, где окончил 8 классов в 1941 году. Во время войны школу закрыли, поступил на работу в механические мастерские Института химического машиностроения на должность подсобного рабочего и одновременно учился на втором курсе техникума при институте МИХМ (Московский институт химического машиностроения).

В декабре 1942 года я был досрочно призван в Красную Армию и направлен во 2-е Московское военно-пехотное училище, откуда после пятимесячной военной подготовки был отправлен на Центральный фронт под город Орел в 5-ю стрелковую дивизию и был зачислен в 3-ю минометную роту 142-го стрелкового полка красноармейцем. Первое боевое крещение принял в бою на Орловско-Курской дуге под селом Хотеево.

5 декабря 1943 года мне было присвоено звание «сержант», и я был зачислен в 10-й лыжный батальон.

Участвовал в бою при форсировании реки Днепр близ города Рогачев, где был ранен.

Около двух месяцев лежал в госпитале и после выздоровления был направлен в строй 307-й стрелковой дивизии, в 384-ю отдельную дивизионную разведроту разведчиком. В случае ранений в бою направлялся на лечение в 301-й отдельный медико-санитарный батальон, где проходил лечение.

После этого был в боях под городами Чаусы и Могилев, вступив в Польшу, участвовал в боях за освобождение городов: Жлудок, Щучин, Домброво и крепости Осовец, где был ранен и контужен. За выполнение заданий командования, по взятию «языка» был награжден орденом Славы 3-й степени.

В поиске «языка» с заходом в тыл врага 7 ноября 1944 года получил тяжелое ранение и по выздоровлению снова вернулся в свою воинскую часть, в строй той же разведроты. За неоднократное выполнение заданий командования в поисках «языка» с заходом в тыл врага был награжден орденом Красной Звезды.

В январе 1945 года участвовал в боях по прорыву вражеской обороны в Восточной Пруссии. В разведке под городом Гинзбург был ранен и направлен в эвакогоспиталь.

После выздоровления и 30 дневного отпуска, предоставленного мне 20 февраля 1945 года медицинской комиссией на долечивание, служил в НИАС ВВС КА (Научный институт аэродромного строительства военно-воздушных сил Красной Армии), откуда поступил в ВВИСУ КА (Высшее военно-инженерное строительное училище Красной Армии), где получил среднее образование, успешно сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил на первый курс в Высшее военно-инженерное строительное училище, но по причине еще незалеченных ранений и Указа Президиума Верховного Совета о праве на демобилизацию решил демобилизоваться из армии. Подал рапорт о демобилизации и 6 сентября 1946 года был демобилизован из Красной Армии.

В этом же году поступил в Московский текстильный институт, который окончил в 1951 году, получил диплом инженера-технолога и был назначен на шерстопрядильную фабрику №14.

После демобилизации у меня началась спокойная, мирная жизнь. На шерстопрядильной фабрике №14 сначала работал в бригаде ремонтировщиков в основных цехах фабрики, а потом был назначен сменным мастером гребнечесального отдела подготовительного цеха. В 1952 года был назначен старшим мастером цеха. В этот же период я одновременно начал работать преподавателем Всесоюзного заочного техникума легкой промышленности по совместительству.

За период работы на шерстопрядильной фабрике №14 было внедрено несколько моих рационализаторских предложений. За хорошую работу и перевыполнение плана был отмечен в приказах директора фабрики в 1953, 1954 и 1955 годах и получил ряд денежных премий.

3 мая 1955 года по приглашению дирекции Московского текстильного института был переведен на должность заведующего лабораторией испытания текстильных материалов при кафедре текстильного материаловедения.

Наряду с основной работой заведующего лабораторией вел на кафедре текстильного материаловедения занятия в вечерние часы (после окончания работы в лабораториях) по часовой оплате. Это давало мне возможность более глубокого изучения специальности и закрепление знаний при подготовке к занятиям, их проведении и чтении лекций вечерникам.

В этот же период работы на кафедре текстильного материаловедения я внедрил ряд своих работ в промышленности по автоматическому поддержанию стандартных параметров воздуха в лабораториях и цехах (завод «Москабель», Глуховский хлопчатобумажный комбинат имени В.И. Ленина, Устинская шелкокрутильная фабрика, Госинспекция при Госплане СССР и др.)

В апреле 1957 года я женился на Гарнишевской Галине Вадимовне (ныне Хутарева Г.В.). Моя жена работала научным сотрудником в Институте нефтехимического синтеза АН СССР. С ней мы в любви и согласии, счастливо прижили более 50 лет. 29 апреля 2007 года отметили наш 50-летний юбилей свадьбы. В июне этого же года ее не стало. Но память о ней живет в наших с дочерью сердцах.

С марта 1958 года я вел научно-исследовательскую работу совместно с кафедрой технологии шерсти МТИ по

теме: «Рациональные методы переработки химических волокон в чистом виде и в смеси с шерстью». В январе 1960 года кафедра технологии шерсти МТИ, по специальности которой в 1951 году я окончил институт и получил диплом инженера-технолога и с которой вел научно-исследовательскую работу, предложила мне работу ассистента на кафедре. Я дал согласие и приказом по институту за №208 от 19 апреля 1960 года был переведен с кафедры текстильного материаловедения на кафедру технологии шерсти на должность ассистента.

За годы работы на кафедре технологии шерсти и химических волокон в первые два года я освоил все виды работы кафедры и затем постепенно прошел путь от рядового преподавателя-ассистента, старшего преподавателя до доцента кафедры. 18 ноября 1965 года успешно защитил диссертацию кандидата технических наук.

Написал совместно с другими преподавателями кафедры учебники для текстильных вузов страны: «Шерстопрядильное оборудование» (издательство «Легкая индустрия», 1966 год, Москва). В 1980 году в связи с обновлением текстильного оборудования на фабриках СССР (массовое поступление импортного оборудования и нового отечественного) был подготовлен учебник «Шерстопрядильное оборудование» и был издан в издательстве «Легкая индустрия» (Москва). В 1987 году нами был написан учебник для вузов «Прядение шерсти и химических волокон», издательство «Легкопромбыт» (Москва). Многие годы в МТИ я был председателем методического совета по производственным и учебным практикам. Разработаны мной методические пособия по практикам по МТИ.

Ранения в боях: 29.02.1944 г. (пулевое ранение правого плеча); 12.08.1944 г. (контузия и ранение в голову); 5.11.1944 г. (гранатно-осколочное ранение живота и грудной клетки); 25.01.1945 г. (пулевое ранение левой кисти с повреждением кости).

Мои награды:
- орден Славы III-й степени, №493684;
- орден Красной звезды, №2254782;
- орден Отечественной войны II-й степени, №1062986;

- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- медаль «25 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- медаль «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- медаль «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР»;
- медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР»;
- медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР»;
- медаль «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.»;
- медаль Жукова (1996);
- медаль «В память 850-летия Москвы»,;
- медаль «60 год вызваления рэспублики Беларусь ад нямецки фашысцкіх захопнікау»;
- медаль «Ветеран труда».

Январь 2009 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1-го курса факультета химической технологии и экологии Московского государственного текстильного университета имени А.Н.Косыгина – **Юнусова Алина Альфатовна***

Чубарёв Михаил Дмитриевич

Героический рейд 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса

Я родился 22 августа 1926 года в деревне Синяткино Владимирской области. Национальность – русский, религиозные взгляды – атеист.
До войны окончил 7 классов средней школы.
Узнал о начале войны по радио.
Начал участвовать в боевых действиях по призыву с 17 лет.

Тацинка

В двадцатых числах ноября я получил письмо из Ростовской области от главы администрации Тацинского района Н. В. Черкасова. В письме было приглашение ветеранам 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса на празднование 60-летия героического рейда этого корпуса по тылам немцев и разгрома крупной вражеской базы у станицы Тацинская. О героических событиях шестидесятилетней давности, связанных с разгромом этой немецкой базы, я и хочу рассказать.

После окружения в районе Сталинграда огромного количества немецких войск, входивших в состав 6-й армии фельдмаршала Паулюса, фашисты предприняли в декабре 1942 года отчаянные попытки деблокировать окруженные войска. Для этого немецким командованием были созданы две

ударные группировки, объединенные в группу армий «Дон», задачей которых был прорыв кольца советского окружения. Для снабжения окруженных войск Паулюса был организован «воздушный мост», по которому немцы переправляли окруженным боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Одним из крупнейших аэродромов, одной из опор этого моста была немецкая авиационная база, расположенная рядом со станицей и железнодорожной станцией Тацинская.

Наступление советских войск в районе среднего течения Дона началось 16 декабря 1942 года После упорных двухдневных боев оборона противника была сокрушена. 8-я итальянская армия потерпела здесь жестокое поражение. Участок фронта, который она обороняла, развалился. В образовавшуюся брешь ринулись сразу четыре советских танковых соединения: 17-й, 18-й, 24-й и 25-й корпуса.

24-й танковый корпус, которым командовал генерал-майор танковых войск В.М. Баданов, имел особую задачу. Он должен был совершить глубокий рейд в тыл врага и нанести внезапный удар по аэродрому немцев и железнодорожной станции, расположенным около станицы Тацинская. Именно отсюда вражеские самолеты доставляли окруженным войскам фельдмаршала Паулюса боеприпасы и продовольствие. Считаю нужным более подробно рассказать о командире 24-го танкового корпуса Василии Михайловиче Баданове.

До начала Первой мировой войны Василий Михайлович успел лишь окончить гимназию. Мечтал стать школьным учителем, но судьба распорядилась иначе, - после ускоренного курса обучения он стал офицером. В сражениях с германскими войсками поручик Баданов командовал ротой, имел боевые награды. После Октябрьской революции он, крестьянский сын, добровольно вступил в Красную Армию, был начальником штаба стрелковой бригады.

В начале Великой Отечественной войны командовал танковыми соединениями, имел опыт нанесения контрударов в районе Рогачева, позже под Барвенковом. Все это, опыт и мужество генерала Баданова учло командование Юго-Западного фронта, поручая ему столь сложную и рискованную операцию. А о сложности операции говорит хотя бы то, что танкистам предстояло пройти свыше двухсот километров по тылам врага. До подхода к Тацинской не удалось избежать

стычек с противником. Возникали бои, в которых принимали участие роты и батальоны корпуса. Так было у Расковки, затем у Кутейникова, других населенных пунктов. Подразделения несли потери в людях и технике, но упорно продвигались к цели - к Тацинской.

К исходу пятого дня рейда части корпуса подошли к станице Скосырской, в которой оказался сильный гарнизон противника. Это был последний населенный пункт перед Тацинской. Баданов и его штаб пришли к выводу, что нельзя в своем тылу оставлять такой гарнизон. Было принято решение его уничтожить.

Только через сутки, к вечеру 23 декабря, удалось сломить сопротивление противника и отбросить остатки разгромленного гарнизона на восток, к Морозовской. Путь на Тацинскую был открыт, до нее оставалось 25 километров.

Штаб корпуса разработал четкий план атаки немецкого аэродрома, располагавшегося южнее Тацинской и железнодорожной станции. Суть решения командира корпуса сводилась к тому, чтобы максимально использовать фактор внезапности, для чего подойти к станции и аэродрому под покровом темноты и атаковать противника на рассвете. Комкор (командир корпуса) приказал 130-й танковой бригаде совершить ночной налет на станцию Бобовня, расположенной в 20 километрах восточнее Тацинской, разгромить гарнизон и вывести из строя железную дорогу, чтобы помешать гитлеровцам перебросить в Тацинскую подкрепления.

В 23 часа 23 декабря командиры частей корпуса получили боевой приказ, а уже в 2 часа ночи двинулись основные силы корпуса. Колонны танков с десантом на броне заполнили все дороги, ведущие к Тацинской. Наступил рассвет. Танкисты скрытно занимали указанные подразделениям рубежи атаки. Личный состав вражеского аэродрома был еще в землянках. Зенитчиков, прикрывающих аэродром и станцию Тацинская, у своих орудий не было. Гарнизон противника безмятежно спал накануне католического Рождества.

В 7 часов 30 минут по сигналу залпа гвардейского минометного дивизиона «Катюш» части корпуса пошли в атаку. Танкисты батальона капитана М. Нечаева с ходу ворвались на железнодорожную станцию. На путях стоял

состав, на платформах которого находились 50 новых, еще не собранных полностью немецких самолетов. Нечаев приказал их сжечь, а затем повел свои роты на аэродром, где подразделения 4-й гвардейской, 54-й и 130-й танковых бригад вели бой на летном поле. Таранными ударами танки опрокидывали самолеты, отрубали им хвостовое оперение. В дело включились саперы. Они открывали баки с горючим, поджигали их. Аэродром превратился в огромный костер. Это было возмездие за Сталинград, который гитлеровские летчики в течение нескольких месяцев подвергали жесточайшим бомбардировкам.

Среди немцев на аэродроме царила невообразимая паника, их охватил ужас. Фашисты метались по аэродрому. Летчики и техники пытались прорваться к своим самолетам, но попадали под огонь наших танкистов и автоматчиков. Некоторые летчики успели вскочить в самолеты и торопились взлететь, но было уже поздно. В творившемся хаосе самолеты сталкивались друг с другом, падали, разбивались, пылали как факелы. Буквально единицам самолетов удалось подняться в воздух и вырваться из кромешного ада.

Вот как описал творившееся в тот день на Тацинском аэродроме в своей статье под заголовком «О тех, кто вырвался из преисподней, или Кровавая баня в Тацинской» бывший гитлеровский летчик Курт Штрайн, которому в ту ночь удалось уцелеть:

«Утро 24 декабря. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди. Начинается безумие. Со всех сторон выруливают на взлетную полосу и стартуют самолеты. Все это происходит под огнем и в свете пожаров. Небо распростерлось багровым колоколом над тысячами погибающих, лица, которых выражают безумие.

Вот один «Ю-52», не успев подняться, врезается в танк, и оба взрываются со страшным грохотом. Вот уже в воздухе сталкиваются «юнкерс» и «хейнкель» и разлетаются на мелкие куски вместе со своими пассажирами. Рев танков и

авиамоторов смешивается со взрывами, орудийным огнем и пулеметными очередями. Все это создает полную картину настоящей преисподней».

К 17 часам были подавлены последние очаги сопротивления немцев. В результате боя было уничтожено 3500 офицеров и солдат противника, в том числе весь летный и обслуживающий персонал аэродрома, 50 орудий и 15 танков. Танковым корпусом была выполнена главная задача: был нанесен невосполнимый урон немецкой авиации — было уничтожено свыше 350 боевых самолетов, которых так и не дождались окруженные войска Паулюса. Опомнившись от первого удара, противник стал предпринимать ответные меры. На следующий же день корпус был окружен крупными силами врага. Заняв круговую оборону на станции, аэродроме и в станице Тацинская, советские танкисты приготовились к отражению вражеских атак. Вокруг Тацинской рылись окопы, на наиболее опасных направлениях устанавливались минные поля. Танки зарывались по самую башню в снег. Пушки и минометы устанавливались на тех же площадках, которые были отбиты у гитлеровцев.

К этому времени части корпуса понесли серьезные потери. Из 159 танков, имевшихся в корпусе перед рейдом, в строю насчитывалось всего 39 танков Т-34 и 19 легких танков Т-70. Боеприпасов оставалось около половины боекомплекта. Дизельное топливо было израсходовано почти полностью, но помощник командира корпуса по технической части гвардии инженер-полковник В. И. Орлов разработал заменитель дизельного топлива, состоящий из трофейного бензина, керосина, масел.

За ходом боев в районе Тацинской внимательно следили как немецкое, так и советское командование. Узнав о катастрофе в Тацинской, Гитлер пришел в ярость. Он приказал расстрелять начальника тацинского гарнизона, а советских танкистов уничтожить любыми средствами. В мемуарах бывших генералов и офицеров вермахта упоминается его требование: «Живыми из станицы их не выпускать».

За обстановкой в районе Тацинской пристально следил и Верховный главнокомандующий. Сталин прислал Ватутину телеграмму: «Первая ваша задача - не допустить разгрома

Баданова...» Потом еще раз напомнил: «Ни на минуту не забывайте о Баданове...»

26 декабря Баданов получил личную радиограмму командующего фронтом. Генерал-полковник Ватутин сообщил: «Корпус преобразован в гвардейский, вы награждены орденом Суворова II степени. Поздравляю вас и весь личный состав...» Это было первое награждение новым полководческим орденом, учрежденным в конце июля 1942 года.

После полудня 27 декабря положение советских войск, входивших в состав корпуса, резко ухудшилось. С западной стороны к станице прорвались 16 немецких танков. На этом направлении задержать их было нечем. Батарея противотанковых пушек еще не успела развернуться. Тогда Баданов ввел в бой свой последний резерв - батальон капитана Нечаева, в котором к тому времени осталось всего пять тридцатьчетверок.

Через час жестокой схватки на поле пылали семь фашистских танков, остальные повернули обратно. Три машины поджег экипаж Нечаева. Но и все наши машины сгорели. Отважный комбат дрался до последнего. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

После этого боя стало ясно, что теми силами, которые остались в корпусе, удержать станицу невозможно. Свое мнение Баданов изложил по радио Ватутину. Командующий фронтом разрешил остаткам корпуса покинуть Тацинскую.

В 3 часа ночи мощным таранным ударом танкисты прорвали боевые порядки противника и ушли на север, в Ильинку, где соединились с передовыми частями 1-й гвардейской армии. Так закончилась легендарная операция по ликвидации «воздушного моста» Тацинская - Сталинград.

Советская Родина высоко оценила подвиг танкистов. За проявленное личным составом мастерство, отвагу и мужество 24-й танковый корпус был преобразован во 2-й гвардейский и получил почетное наименование Тацинский. Командир корпуса В.М. Баданов, получивший звание генерал-лейтенанта, стал первым в нашей армии кавалером ордена Суворова II-й степени. Многие солдаты и офицеры,

отличившиеся в ходе этого рейда, были награждены орденами и медалями.

Боевая подруга

Я хочу сегодня рассказать еще об одном танкисте времен Великой Отечественной войны, об одном из тех 1142 танкистов — Героев Советского Союза, которые своим героизмом, своей кровью, а многие своими жизнями спасли нашу страну и весь мир от фашистской чумы.

Я хочу рассказать о Марии Васильевне Октябрьской. Она была не единственной женщиной, воевавшей в танковых частях. Были и другие. И все они воевали героически. Многие из них горели в танках, получали страшнейшие ранения, увечья, гибли. Но обо всех не расскажешь в статье. Я выбрал судьбу лишь одной из славных, героических дочерей России.

Мария Васильевна родилась в 1902 году в Крыму, в семье крестьянина Василия Гарагули. В семье было десять детей, жили бедно. Да и много ли заработаешь на арендованной у помещика земле? Революцию Мария Гарагуля встретила уже подростком, в полной мере испытав нужду и все те «прелести», которые нес простым людям царский и буржуазный режим власти. В 1921 году Мария уехала сначала в Джанкой, а затем в Симферополь. Там она встретила курсанта Симферопольской кавалерийской школы Илью Октябрьского и в 1925 году стала его женой.

Я так подробно рассказываю о событиях довоенной жизни Октябрьской не случайно. Хочу, чтобы читатели смогли сравнить ее судьбу с миллионами судеб других людей, в годы войны вставших на защиту своей Родины и своей Советской власти. Ведь М.В. Октябрьская относится к другому поколению советских людей, нежели Олег Кошевой, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, которые родились и жили при Советской власти и самозабвенно любили свою Советскую Родину и были преданы ей. Мария Васильевна к началу войны была уже вполне зрелым человеком, повидавшим и дореволюционную жизнь, и будучи в сознательном, взрослом возрасте, немало пожившим при Советской власти. А, кроме того, ее судьба чем-то похожа на судьбу главной героини фильма «Офицеры», на судьбы сотен тысяч женщин, ставших женами командиров Красной Армии.

Муж Марии Васильевны служит в различных кавалерийских частях, в разных уголках страны, в разных гарнизонах. Будучи комиссаром 134-го гаубичного артиллерийского полка, участвует в войне с финнами. Летом 1940 года после присоединения Бессарабии к СССР полк дислоцируется в Кишиневе.

А предвоенная судьба Марии Васильевны почти ничем не отличается от судеб других жен красных командиров, сопровождающих своих мужей при переездах в новые гарнизоны, в новые части. Она организует оборонные и культурно-массовые мероприятия среди членов семей командиров. Оканчивает курсы медсестер. Учится стрелять из пистолета, винтовки, пулемета. Оканчивает курсы шоферов.

22 июня 1941 года кишиневцы проснулись от взрыва бомб. Гитлеровцы бомбили столицу Молдавии. На следующее утро Мария Васильевна вместе с сестрой, вместе с другими членами семей красных командиров была эвакуирована на восток страны, в сибирский Томск. Там началась нелегкая тыловая жизнь, которой жили миллионы людей, ежедневно работавших на нашу Победу.

Сначала Мария Васильевна работала на строительстве. Но давнишняя болезнь — туберкулез шейного позвонка — заставил ее перейти на работу телефонисткой в военное училище.

В конце лета 1942 года пришла похоронка на мужа. В ней сообщалось, что ее муж, полковой комиссар Илья Федотович Октябрьский, погиб смертью храбрых 9 августа 1941 года в одном из боев на Украине. Как Мария Васильевна перенесла известие о смерти мужа, с которым она прожила без малого двадцать лет, можно только догадываться. Как переносили, переживали такие известия в ту пору женщины в России, на Украине, в Белоруссии, во всех концах огромной страны?

Мария Октябрьская, умевшая водить автомобиль, стрелять, метать гранату, оказывать медицинскую помощь, обратилась в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. Несколько раз ей отказывали. Перенесенная болезнь, возраст...

Тогда Октябрьская избрала иной путь. В ту пору по всей стране шел сбор средств в фонд обороны. И Октябрьская решила купить... танк. Но на какие деньги? Накопленных

денег явно не хватало. Вместе со своей сестрой они на рынке распродали все вещи, которые успели нажить и сумели вывезти во время эвакуации. Осталось только то, что было на них. Вырученные деньги сдали в банк. После чего Мария Васильевна направила телеграмму Верховному главнокомандующему И.В. Сталину:

«В боях за Родину погиб мой муж — полковой комиссар Октябрьский И.Ф. За его смерть, за смерть советских людей, замученных фашистскими варварами, хочу отомстить фашистским собакам, для чего внесла в банк на построение танка все свои личные сбережения — 50000 рублей. Танк прошу назвать «Боевая подруга» и направить меня на фронт в качестве водителя этого танка. Имею специальность шофера, отлично владею пулеметом, являюсь «Ворошиловским стрелком».

Просьба была удовлетворена.

Танкистка

С 3 мая 1943 года Мария Васильевна стала учиться вождению танка в Омске. Все экзамены она сдала на «отлично» и получила свидетельство механика-водителя. Ей было присвоено звание сержант. Был сформирован экипаж танка: командир — младший лейтенант Петр Чеботько, имевший военный опыт, башенный стрелок — сержант Геннадий Ясько, стрелок-радист — Михаил Галкин. Экипаж принимал участие в сборке танка на одном из сибирских заводов. Когда танк был готов, на его башне с двух сторон белой краской было выведено: «Боевая подруга». А дальше фронт...

Эшелон с танками разгружался на смоленской земле. Машины предназначались для 2-го танкового батальона 26-й гвардейской Ельнинской бригады, входившей в состав 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, покрывшего себя неувядаемой славой под Сталинградом. На Смоленщине бригада отличилась в боях под Ельней, за что и получила свое почетное наименование.

Боевое крещение танк «Боевая подруга» и его экипаж приняли 21 октября 1943 года на высоте 208,0 — Новое село. Как сообщается в наградном листе Октябрьской, ее танк первым ворвался в расположение противника. Огнем пулемета

и гусеницами было уничтожено до 30 солдат и офицеров противника, уничтожено противотанковое орудие. Позднее в своем письме Мария Васильевна напишет об этом бое: «Можете за меня радоваться. Получила боевое крещение, открыла счет, бью гадов, иногда от злости не вижу света. Это не по радио и не на картине: вижу, как гады пьяные во весь рост идут в контратаку...»

Первый бой был жестоким. Досталось и «Боевой подруге». Ударом немецкого снаряда была повреждена гусеница танка. Ставший неподвижным танк немцы расстреливали из минометов, не давая экипажу возможности починить гусеницу. Фашисты не могли расстрелять танк из орудий, поскольку он находился в низине, а выдвинуть орудия на прямую наводку враг не мог, потому что окопавшиеся рядом с танком советские пехотинцы встречали немцев огнем. В свою очередь танкисты прикрывали нашу пехоту огнем пушки и пулемета.

Экипаж танка выстоял. Днем танкисты помогали пехоте отбивать атаки немцев, а ночью ремонтировали машину. Они смогли натянуть отремонтированную гусеницу танка, и через двое суток по боевому распоряжению штаба бригады вместе со всем батальоном своим ходом танк вышел с поля боя.

За этот бой Марию Васильевну Октябрьскую представили к награждению орденом Отечественной войны I-й степени. Но награду ей вручили уже после того, как она провела свой второй и последний бой.

Второй и последний бой.

Этот бой происходил 17 января 1944 года под Витебском, в районе станции и совхоза «Крынки». Танк «Боевая подруга» участвовал в атаке. Танк, ведомый Марией Октябрьской, своими гусеницами раздавил два противотанковых орудия с прислугой, но и сам танк был выведен из строя огнем противника. Мария Октябрьская под сильным артиллерийским и минометным огнем восстановила танк, но сама была тяжело ранена. С поля боя Марию Васильевну вывезли на самоходной пушке. Осколок вражеской мины попал ей в голову. Она потеряла сознание. Из полевого госпиталя ее доставили в Смоленск во фронтовой госпиталь. Ранение было тяжелым. Мария Васильевна часто теряла

сознание от резкой боли, которая не проходила ни на минуту. 16 февраля 1994 года к ней в госпитальную палату пришли все члены экипажа ее танка, а вместе с ними начальник политотдела бригады гвардии полковник Гетман. Ей вручили орден Отечественной войны I-й степени.

Мария Васильевна умерла 15 марта 1944 года. Похоронили гвардии сержанта Октябрьскую рядом с командирами прославленных воинских соединений у стен Смоленского кремля. А 2 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Марии Васильевне Октябрьской посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сохранилась фотография экипажа танка «Боевая подруга», сделанная еще в тылу, перед отправкой на фронт. Эти люди своей кровью, ценой своей жизни спасли свою страну и свой народ, спасли своих потомков от гибели. Остается только надеяться, что придут иные, светлые времена, за которые сражалась и погибла Мария Октябрьская, сражались миллионы ее боевых соратников. Но для того, чтобы эти времена пришли завтра, нам надо не сидеть сложа руки сегодня.

Мои награды:
- 2 ордена Отечественной войны,
- орден «Знак почёта»,
- 2 медали «За отвагу»,
- медаль «За боевые заслуги»,
- медаль«За взятие Кёнигсберга»,
- медаль «За освобождение Белоруссии»,
- юбилейные медали.

В войне погибли родственники: двоюродный брат, отец пропал без вести.

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студентки Московского государственного текстильного университета имени А.Н.Косыгина -

Сухорученко Наталья Викторовна.

и

Тулякова Анастасия Алексеевна

Шумихин Виктор Семенович

Сдайте в штаб личные документы и забирайтесь за бронеспинку

Я родился 6 декабря 1926 года в деревне Савенцы Лево-Никулинского совета Богородского района Кировской области. Родился в семье крестьянина, окончил 10 классов. В армию призван в ноябре 1943 года. Направлен в Троицкую военную авиационную школу механиков.

Эх, куда ты, паренек...

Стоял один из последних октябрьских дней, для наших мест на редкость сухой и теплый. Обычно в это время у нас температура близка к отрицательным значениям, а тут такая благодать - ласковое солнце, ни тучки, ни ветерка. В Богородское, к зданию районной больницы, со всех сторон - из Туманов, Бутырок, Хоротей, Лобани, других сельхозов, подходили пешком, подъезжали на лошадях принаряженные парни. В тот день военкомат проводил отбор в армию и приписку ребят 1926 года рождения. В Савинцах призывников было трое: Шура Филаретов, Семка Степин и я. К этому времени все без исключения нашенские мужики до 50-летнего возраста уже ушли на войну: броня на мобилизацию сельского населения не распространялась. Военная служба на Руси была в почете, считалась настоящим мужским делом испокон веков.

Не в пример современным молодым людям среди нас не было ни «косарей», режущих себе вены, покупающих «подходящий диагноз», например шизофрению, ни других симулянтов-отказников, ныне так откровенно и безнаказанно увиливающих от воинской обязанности, цинично заявляющих: «Армия - школа жизни, которую лучше пройти заочно». «Шкуру свою спасаешь?» - в наше время эти слова были самым страшным оскорблением и обвинением.

Но вернемся в Богородское, на улицу Советскую. На ней играли гармошки, звенели частушки. Слышался смех, оживленный разговор давно не видевшихся друзей. Я, в частности, встретил здесь нескольких одноклассников по Тумановской школе, своего друга Сергея Молькова. Многие вытянулись, подросли. Но в целом призывники все же выглядели мальчишками, мало похожими на воинов «несокрушимой и легендарной». Приписка и медицинское освидетельствование проводились в темпе. За последние годы военно-врачебная комиссия накопила опыт. Работала конвейером. В считанные минуты я был признан годным к воинской службе и зачислен в авиацию.

Самое большое впечатление произвела на меня стрижка «под ноль». До сих пор помню, как расстроился, увидев на полу свои льняные кудри, а затем своё отражение в оконном стекле больницы. На меня смотрел оттуда вроде бы знакомый пацан с худой длинной шеей, нелепо торчащими на остриженной голове ушами. По этой причине домой ехал удрученный. Долго побыть рекрутами нам не пришлось. Шуру и Сему забрали уже через неделю, а меня - через несколько дней, а конкретно - 10 ноября. Эта дата стала для меня ключевой, от неё ведется отсчет моей армейской жизни. Мне тогда было 16 лет 11 месяцев 4 дня.

Вспоминал проводы. На них пришли родственники: из нашей же деревни Семен Афанасьевич Берестов и из соседних Чивилей Емельян Карпович Броников со своими двумя красавицами-дочками Верой и Лизой. Это были видавшие виды люди. Дядя Семен в Первую мировую ходил в рукопашную атаку, Емельян Карпович в старой армии служил унтер-офицером. Давно уже нет на свете этих аксакалов, но упомянуть их добрым словом хочется. Сколько было в них, простых неграмотных мужиках, мудрости, столько

достоинства! Пришли и девушки. Их больше огорчало то, что из деревни уходил последний гармонист. Идя по улице, они, сменяя друг друга, пели: «Всех, кого взяла война, каждого солдата провожала хоть одна женщина когда-то».

За околицей мать остановилась, чтобы попрощаться. Долгие проводы - лишние слезы. Мать перекрестила меня, как во все времена делали русские матери и, обнимая и плача, сказала два главных слова: «Возвращайся живой...» Она провожала на войну уже третьего, и последнего, в семье мужчину, и не знала, вернутся ли они назад. И я, уходя из родной деревни, не думал, что навсегда покидаю ее и весь отчий край, и что наша семья в полном составе больше уже никогда не восстановится.

Местом сбора новобранцев была железнодорожная станция Зуевка в ста километрах от нашей деревни. Везла меня туда сестра Саня, которую я по привычке, оставшейся с детства, все еще называл няней.

За последние дни резко похолодало. Ноябрь - ворота зимы. Ноябрь – сентябрев внук, октябрев сын, зимы родной брат. Я то сидел на телеге, то шагал за ней, чтобы согреться да и облегчить ход неказистой буланой колхозной лошадке. В Зуевку мы приехали вечером следующего дня. Несмотря на темноту, нас сразу же у вокзала перехватил старший команды - офицер. То ли районного, то ли областного военкомата. Около него уже толпилась группа таких же, как я призывников. «Садимся на ближайший поезд! - объявил он. - Чтобы никто не остался! Хоть на колесо, но садимся!» Раньше я никогда не видел поезда, только в кино. Не смог в темноте и тогда. Узрел только надвигающийся из тьмы циклопический глаз прожектора, да услышал лязг железа.

Стараясь не отстать от других, я подталкиваемый, за что-то цеплялся, лез в какую-то щель, таща за собой увесистый «сидор» - так тогда почему-то называли вещмешок. Когда поезд набрал скорость и под ногами ходуном заходил пол, в щель ворвался холодный ветер с кусочками угля и искрами от паровоза. Я с разочарованием думал, до чего неудобна езда на поезде. Тогда и не подозревал, что занимал не мягкое, даже не плацкартное место, что ехал вообще не в вагоне и даже не в тамбуре, а на буферной площадке.

Высадили нас на железнодорожной станции Лянгасово под Кировом - здесь собирались призывники со всей области, построили в шеренги и скомандовали: «На первый, второй рассчитайсь!» Рассчитались.

- Четные номера - три шага вперед!

Строй разделился на две равные части. Первая - на запад, а другая - на восток. В военные годы среди авиаторов ходила по рукам имитация пушкинского романа «Евгений Онегин». Приведу из неё несколько цитат - не потому, что отношу её к настоящей поэзии, а так как считаю, что подобные фольклорные сочинения интересны, кроме того, хочется сохранить его, хотя бы частично, от исчезновения, ибо незаписанная вещь – потерянная вещь.

Подобно всем другим ребятам,
Он призван был военкоматом.
Забрал повестку, сел в вагон –
Короче, стал военным он.

Кто скажет, где же наша часть, и по каким путями шагать?

Он мог попасть бы в моточасти,
Артиллеристом мог бы стать,
Но все, же волею небес попал Онегин в ВВС.

«Волею небес»... Я хотел даже сохранить эти записки. Потому что - хотя главное направление своей жизни выбираем мы сами - биография человека, особенно военного, складывается не по его желанию, а нередко вследствие случайного стечения обстоятельств.

Рожденный ползать - летать не может

Конечным пунктом нашего путешествия оказался город Троицк Челябинской области, Уральский военный округ. В начале войны сюда была эвакуирована из Ленинграда часть авиационно-технического училища, на базе которой создана военная авиашкола механиков по вооружению /ТВАШМ/. Я стал её курсантом. ТВАШМ - это аббревиатура навсегда вошла в мою биографию. Здесь будет много фамилий. Хочется назвать поименно: Миронов, Липин, Пучков, Пластинин, Мохов, Нешумов, Еремеев, Солнцев, Жеребив, Щербаков, Манеров, Шеларубин, Сытников, Глейхмов, Липатников. Где вы теперь?

Первая армейская баня... Мемуаристы и писатели незаслуженно мало вспоминают о ней. А ведь именно она проводит реальную границу между гражданской жизнью и военной. Мы вошли в неё штатской ватагой, а вышли строем, обмундированные, похожие друг на друга, как патроны в обойме.

Неумело пришивая к колючей шинели погоны и петлицы с голубой окантовкой, подворотничок к гимнастерке, и не подозревал я тогда, что военная форма станет моей одеждой чуть ли не на всю последующую жизнь. Ах, авиация, ах, летчики-пилоты! Кожаные шлемы, планшеты, мужественные складки у рта... Не знаю, был ли среди моих сверстников хоть один, кто не мечтал о крыльях самолетов, у кого не замирало сердце, когда назывались имена Чкалова, Покрышкина, Талалихина. Я не был исключением. Во всей нашей округе в летчики вышел лишь один Леня Чивилевский. С каким восхищением смотрел я на него, когда он приезжал в отпуск! Представлял, как сам поднимаюсь в голубое небо, кручу там «восходящие бочки», «спирали», «мертвые петли», приземляюсь ненадолго и снова взмываю ввысь. Но мечты о стремительных полетах, высшем пилотаже пришлось забыть.

«Курсантская» правда

В воспоминаниях о войне существует несколько «правд». «Солдатская», «лейтенантская», «генеральская», «окопная», «штабная». Внесу свою лепту, опишу курсантские будни, как именно мне они запомнились.

В ТВАШМ собрались ребята со всего Советского Союза - москвичи, горьковчане, сибиряки, алтайцы, эвакуированные в глубинные районы страны ленинградцы... Значительную группу составляли кировчане - жители самого областного центра города Кирова, Слободского, Белой Холуницы, Верхошижемья. Из богородчан, кроме меня, были Геннадий Мохов из деревни Саламат и Саша Ситников из Караула. По моему теперешнему представлению, условия жизни, быт, режим в ТВАШМ мало отличались от тюремных. Они обессиливали, изматывали, отупляли, как зубная боль, и у многих ребят, которые прямо из детства, из-за школьной парты шагнули в казарму, породили чувство безысходности, подавленности, почти задавленности. Резкий переход от

«гражданки» к казарме оказался весьма тяжелым для еще неокрепшей психики моего подросткового возраста. Занятия начались с воинских уставов.

О, воин, в армии живущий,
Зубри Устав на сон грядущий
И утром, ото сна восстав
Тверди усиленно устав.

Запомнилось еще одно определение, не помню уже кем сформулированное:

-Что такое Устав?

-Устав - это телеграфный столб, который перешагнуть нельзя, а обойти со всех сторон можно.

На морозном плацу нас муштровали, учили «вытягиваться в струнку», «крутиться на каблуках», «есть начальство глазами», «козырять», «видеть грудь четвертого человека», «тянуть носок», «брать ногу», другим премудростям шагистики. О командовании школы не могу сказать ничего по той простой причине, что не видал и не слыхал его. Оно было так далеко и высоко от курсантов, что его как будто совсем не существовало.

Иногда в казарму заявлялся комбат. Он всегда был не в духе, и встреча с ним не сулила ничего хорошего. Поэтому считалось: любая кривая вокруг комбата короче прямой, проходящей через него. Старший лейтенант - не хочу называть фамилию этого лощеного хлыща - редко появлялся на службе. Конечно же, нас выручала деревенская закваска. Жизнь в казарме во многом зависела от младших командиров - старшины роты, помкомвзводов, командиров отделений. Будучи назначенными из числа самих курсантов и получив вообще-то ничтожную власть отдельные из них, тем не менее, бывало, глумились над товарищами.

Была политподготовка, политзанятия. Они были не на улице, а в теплой Ленинской комнате. Проводили их политработники Сдебряков и Мицищей. Основное же внимание и время отводилось изучению профилирующих дисциплин: устройства и правил эксплуатации стрелкового и бомбардировочного оружия - авиационных пулеметов и пушек, турелей и других установок, фугасных, осколочных, зажигательных бомб, бомбодержателей, кассет, взрывателей,

прицелов и т.д. Преподаватели этих дисциплин, «зубры» еще довоенной ленинградской закалки, майоры Петров, Азаров, Сакович. Они не только прекрасно знали учебный материал, но и умели доходчиво донести его до нас, могли практически продемонстрировать любую операцию с оружием. Обучали, в основном, методом показа. Под их руководством мы научились буквально с завязанными глазами разбирать и собирать любой пулемет или пушку, стоявшие тогда на боевых самолетах наших Военно-воздушных сил - ШКАС, ШВАК, Березина, Волкова-Ярцева, Нудельмана-Суранова, снаряжать и разряжать бомбы, усвоили основы автоматики, электричества, оптики, других достижений науки и техники, сконцентрированных в авиационном вооружении, азы слесарного, жестяного, паяльного дела.

Школа имела два туполевских тяжелых бомбардировщика ТБ-3. Эти устаревшие гиганты на фронте уже не применялись, но как учебные экспонаты в захолустных школах, вроде Троицкой, еще использовались. На них мы тренировались «в обстановке, приближенной к боевой». Учеба давалась мне довольно легко. Из деревенской и школьной жизни вынес я определенный запас знаний, привычку к труду, желание и намерение продолжать образование, и это помогало мне успешно одолевать курсантскую науку.

Жили мы в Пассаже, это большое трехэтажное здание когда-то принадлежало богатому купцу. В нем проходили шумные ярмарки, в Первую мировую размещались лагеря военнопленных венгров. Теперь его занимали ТВАШМ, да курсы воздушных стрелков самолета Ил-2, которые с недавнего времени стали выпускать в двухместном варианте. На втором этаже стояли двухъярусные нары, на них размещалось более трехсот человек.

Промерзших, усталых вечером нас клонило ко сну. Но попытки «прикорнуть» до команды «отбой» пресекались. Когда «кимаривших» оказывалось много, старшина выстраивал роту в две шеренги и командовал: «Крути головой» или «На месте - бегом марш!» Строптивых курсантов принуждали без надобности, в порядке наказания, мыть пол под нарами, что можно было делать только ползая на животе, или долбить синий лед в уборной «от этого очка и до отбоя». Ныне подобные факты назвали бы дедовщиной, тогда

мы не знали этого термина и принимали как должное. «Бог создал отбой и тишину, черт - подъем и старшину».

В выходные дни мы скребли доски нар кусочками стекла, которые подбирали на улице и хранили как драгоценность. Строевые командиры усердно эксплуатировали в общем-то правильный тезис о том, что в авиации нет мелочей, и к месту и не к месту поучали нас: «От не выскобленных нар - один шаг до авиакатастрофы».

Какой-либо мебели: табуреток, тумбочек, столов, ровно как и чемоданов, вещмешков не было. Всякое имущество, которым располагал курсант, хранилось под матрасом. Там же ночью сушились портянки, сушилки в казарме не было. Время от времени командиры устраивали «шмон», и все обнаруженное под матрасами летело на пол. Принципиальное значение придавалось заправке постели, требовалось, чтобы выглядела четырехугольной, без единой морщинки. Подушки, вафельные полотенца, сложенные треугольником, должны были быть выровнены по ниточке в одну прямую линию на протяжении всех метров нар. В этих вопросах главным был наш взводный командир сержант Малышев. «Плохо заправленная постель ведет к аварии самолета! - кричал он, переворачивая непонравившиеся курсантские ложа - У матраса каждый угол должен быть прямым - в сто градусов!» Кто-то робко поправил: «Прямой угол равен девяноста градусам». «Прекратить разговорчики! Сказал - сто, значит - сто!» Разыскали учебник по геометрии и показали соответствующий параграф. Сержант долго соображал: «Да, я перепутал». Но под конец признался: «Сто градусов - это когда вода кипит».

Некоторые ребята страдали недержанием. Отхожее место было одно на всю школу, находилось во дворе. Эти бедолаги не могли заставить себя морозной ночью идти туда. Здесь я не могу привести те афоризмы, которые выдавал взводный по адресу этих, как он называл, «писателей».

Пожалуй, главное воспоминание о ТВАШМ - голод. Есть хотелось всегда. Это мешало думать о чем-либо другом. Отвратительное состояние! Раньше его никогда не приходилось испытывать, хотя в военные годы с питанием и в деревне было туго, но, как говорят, «дома и солома едома». Здесь же ничего не было, кроме курсантской нормы №6,

кстати, не самой худшей в тыловых частях Красной Армии. Но молодому растущему организму её явно не хватало. Да и полностью ли доходила она до нас?

Первое место в рационе занимала капуста. Названия блюд менялись, но суть оставалась одна. «Порцию в столовой дали нам: на двоих картошка пополам и крупинка за крупинкой в миске бегали с дубинкой, а жиров там - десять миллиграмм». В качестве жира употреблялся китовый жир, поступавший к нам по ленд-лизу, по виду напоминавший солидол. В столовой за дощатыми столами сидело по двенадцать человек. Из посуды выдавалась одна алюминиевая миска - и для первого и для второго, из неё же пили чай. Ложку каждый имел свою, носил в кармане. Потерявший её сталкивался с большой проблемой.

Дележка хлеба и приварка осуществлялась способом, описанным в зэковской литературе. Она доверялась избранным. За их действиями ревниво следили одиннадцать пар заинтересованных глаз. А для окончательного торжества справедливости проводилась лотерея: один отворачивался от стола, другой показывал на пайку и спрашивал: «Кому?». Также отгадывали второго, третьего, одиннадцатого. Потом систему усовершенствовали и разыгрывали только первую порцию, остальные раздавали «по солнышку». Выглядели мы, надо прямо сказать, «доходягами», досыта не наедались, но и с голоду не умирали. Знаменательным событием в жизни курсанта был наряд на кухню, но меня туда редко посылали. Подразумевалось, что попавший на этот престижный пост должен не только сам подкрепиться, но и «подшакалить» - найти случай подбросить добавку своим сослуживцам. Были асы в этом деле, но я к их числу, увы, не относился. Мохов Гена - хороший парень. За меня был готов в огонь и в воду. Я пропал бы без него. Он был необходимым дополнением пронырливости и изворотливости к моей непрактичности и застенчивости.

Одно время в казарме откуда-то появлялись плитки подсолнечного жмыха, по твердости не уступавшие цементным плиткам. Их разбивали о батареи центрального отопления. Предприимчивые курсанты продавали его кусочки своим товарищам за деньги, меняли на курево, на завтрашнюю пайку хлеба или сахара. Питательную ценность жмых едва ли

представлял, но его можно было долго держать во рту, создавая иллюзию питания. Некоторым, очень немногим, ребятам приходили посылки. Потом обнаружилось, что наш ротный сам получал на почте и потрошил курсантские посылки, а отдельные присваивал целиком.

Троицк, говорят, самый солнечный город на Урале. Это как-то не запомнилось. Наряду с голодом, запомнился холод. Зима здесь считается умеренной. Средняя температура января -17 градусов, но выдавались морозы вдвое превышавшие среднестатистические. Универсальная солдатская шинель, неуклюжие ботинки с обмотками, байковые рукавицы с одним пальцем - вся наша одежда лишь с большой натяжкой могла считаться зимней. Прохладно был в казарме, столовой, классах, размещавшихся в зданиях барачного типа. Лишь в караульном помещении мы, сменившись с поста, нагоняли температуру, топя печку кизяком или углем. Гимнастерка была без карманов. Неудобство - провели различие между солдатами и офицерами. Отнюдь немаловажно куда девать красноармейскую книжку, партийный, комсомольский билет, деньги, облигации госзайма, наградные документы, благодарность Верховного главнокомандующего, заветное фото, адреса.

Прошу принять в ВКП(б)

В середине ноября все курсанты собрались в Троицке, никто не пропал и не задержался. В ДКА подводились итоги стажировки. Я почему-то не очень внимательно слушал доклад и чуть не пропустил свою фамилию. Зачитывалась характеристика. Она была такой, что меня хоть к ордену представляй. Написал ее тот самый старший техник-лейтенант, который за два месяца нахождения не сказал мне и десяти слов. Как один из важных этапов нашей учебы, стажировка была самым примечательным событием во всей нашей учебе. Она внесла желанное разнообразие в расчерченную курсантскую жизнь, дала и нам, и преподавателям передышку.

После стажировки учеба велась ни шатко, ни валко. В режиме появились некоторые послабления, он не так уж угнетал, и что удивительно, не так чувствовался голод. Из дома я взял с собой овчинную поддевку под шинель,

шерстяные варежки и носки и новая Троицкая зима оказалось мне совсем не страшной.

6 декабря 1944 года в моей биографии произошло важное событие, о котором тогда никто и не подозревал, в этот понедельник мне исполнилось 18 лет. Полноправным гражданином своей страны, при этом уже более года, находился на военной службе.

Я вступил в партию. Ныне порой кидают камни: коммунистами становились, мол, из карьеристских побуждений, в расчете на какие-то выгоды и привилегии. Ничего подобного у меня, конечно, не было и в помине. Решение было продиктовано искренним желанием. Я видел, слышал, читал: в ВКП(б) идут лучшие, и хотел находиться в их рядах, причем, ни когда-то потом, а сразу, как только получил на это право. Рекомендовали меня в партию комсомольская организация и офицеры, политработники батальона Серебряков и Мильштейн, о которых я до сих пор думаю с признательностью и благодарностью за оказание доверия.

Одновременно вступал в партию Медняцев. Помню волновались, переживали: «Примут ли? Достойны ли?» После отбоя в Ленкомнате несколько раз переписывали заявление - то они казались слишком сухими, то выспренними.

О какой корысти может идти речь в данном случае? Родился я уже в советское время, обучался и воспитывался в советской школе, на советской литературе. Никакой другой жизни не знал. Жилось, не ахти как, но в детстве, юности трудности не замечались. Верилось в лучшее будущее. Идеи коммунизма понятны и близки людям, разве мало в них светлого, прекрасного, притягательного? Убежден, не только я - все мои сверстники были честными в своих взглядах, убеждениях и поступках. И нет никакой нашей вины в том, что не все идеалы, в которые мы верили, оказывались ложными или неосуществимыми.

Война с Германией приближалась к концу. Черная радио-тарелка, висевшая на стене нашей казармы, сообщала об освобождении и взятии польских, венгерских, австрийских, немецких городов. После отбоя курсанты не засыпали, пока Юрий Левитан не прочитает последний приказ Верховного Главнокомандующего.

Завершалась и наша учеба в Троицкой военной авиационной школе. Всем нам, выпускникам, присвоили воинское звание «сержант» и специальность «механик по авиавооружению». «Круглым» отличникам предоставлялось право выбора места службы, и я попросился в действующую армию, на фронт. Думал, пусть к шапочному разбору, но повезет там, может попаду в свой 144-й гвардейский штурмовой авиационный полк, все же еще успею повоевать с фашистами. «А на фронт - значит на Дальний Восток», - ответил кадровик, не вдаваясь в разъяснения. Туда же получили назначение и все остальные выпускники. Ну что ж. На восток так на восток.

Эшелоны идут на восток

Свисток паровоза, перестук колес, и наш состав тронулся в путь. Из дверей вагона-теплушки вижу вокзал, куда нас частенько бросали на разгрузку угля, речки Ую и Увелку. Прощай Троицк, прощай ТВАШМ. Полтора года, проведенные здесь, были не легкими, но прошли не впустую. Здесь я впервые познакомился с азами техники, узнал, что такое голод, холод, дисциплина, солдатская дружба. На станциях и полустанках наш пятый веселый обгоняли другие, более срочные эшелоны. Они катились по «зеленой улице», высвечиваемой фонарями светофоров. Железнодорожные составы покряхтывали от тяжести нагруженных на них танков и орудий, встречный ветер надувал чехлы, накрывавшие легендарные «Катюши», происходила гигантская передислокация войск с запада на восток. Где-то в начале пути пришла весть о падении Берлина. «Даешь Токио!» - шутили ребята.

На станции Кая, что за Иркутском, узнали о капитуляции Германии. Победа! Все мы ждали её, и вот она, наконец, пришла! Погода стояла серая, пасмурная, падали хлопья сырого снега, но на остановках было весело, оживленно. Наши ребята выпрыгивали из вагона, обнимались с незнакомыми девушками, целовали их, кружили по перрону. Таким вот запомнился мне первый день Победы. И еще - живописными видами Байкала, по берегу которого мы проезжали.

Железнодорожные поездки по дальним маршрутам - всякий раз интересная эпопея, полная запоминающихся

событий. Такие путешествия заняли свое место и в моей военной биографии. Ездить приходилось через всю страну и по-всякому, даже на крышах вагонов. Перед глазами прошло множество прекрасных картин природы: поля, леса, горы, реки, города, деревни. Поездки эти позволили не умозрительно, а реально ощутить огромные размеры советской страны, её богатство и красоту. Часто хотелось остановить мгновение. Но в годы войны нам не разрешалось иметь фотоаппараты, вести дневники. Нетрудно представить, как много потеряла из-за этого история войны, сколько осталось за бортом поразительных ситуаций, эпизодов, судеб. Незафиксированных мыслей. От Читы часть нашей команды поехала дальше. Читаю новые для меня названия станций: Карымская. Могойтуй, Ага, Оловянная, Бырка, Шерловая Гора, Борзя. На стенках вагона афоризмы: «Чи-та, Чи-не та» «Монголия - не заграница, Чита - не Союз, Борзя - не город», «Кто не был, тот побудет, кто был, тот не забудет».

Авиаточка «Т-7»

Пограничная станция Соловьевск. За ней страна, будоражившая память грозной фигурой Чингисхана, скачущими полчищами всадников с хвостатыми знаменами в руках - Монголия.

Еще с 30-х годов на территории МНР дислоцировались части Красной Армии, в том числе авиационные, административно входившие в Забайкальский военный округ, с началом Великой Отечественной войны преобразованный в Забайкальский фронт. Советский Союз официально заявил: «Границу Монгольской Народной Республики мы будем защищать как свою собственную» и подтвердил эти слова летом 1939 года, в крупном вооруженном столкновении с японской военщиной в районе реки Халхин-Гол.

Конечным пунктом нашего путешествия по железной дороге был Баян-Тумен. Ныне – Чойбалсан, второй по величине город Монголии. Центр Восточного аймака. Он мало напоминал город. Десятки войлочных юрт, глинобитных и каменных зданий беспорядочно сгрудились на берегу реки Керулен. В одной из двухэтажек - штаб 246-й истребительной авиационной дивизии, входящей в состав 12-й воздушной армии. Короткий разговор в отделе кадров и затрапезная

полуторка уже мчит нас к месту назначения со странным название «Т-7». В кузове вместе со мной пять однокашников по ТВАШМ: Феликс Медянцев, Сергей Трегубов, Дима и Сергей Смирновы, Петр Кондратенко. Все вятчане-кировчане. Петр, правда, украинец из города Шостка, а Сергей Смирнов - ленинградец, но в начале войны оба они были эвакуированы в Кировскую область, оттуда же призывались в армию, поэтому мы считали их своими земляками - вятичами. Машина шла прямо по степи. Дороги здесь, как оказалось, вообще нет - одни направления. Вспоминаю школьные уроки географии: Гоби, полоса пустынь и полупустынь. Вот она какая!

«Т-7» или «Точка семь» находилась в глубине Тамцак-Булакского выступа, вклинившегося в территорию Маньчжурии - северо-восточной части Китая, оккупированной Японией. Точка представляла собой промежуточный полевой аэродром, на котором не было единого капитального здания, только памятники, землянки, капониры. Здесь базировался 356-й истребительный авиационный полк. Ему суждено было надолго стать моей боевой семьей. По фамилии командира полка Майора Корнилова «Т-7» называли также «Корниловкой».

Встретили нас в полку доброжелательно, распределили по эскадрильям и палаткам, где на травяной подстилке, покрытой брезентом, вповалку спал весь рядовой и сержантский состав подразделения. Поставили на все виды довольствия - котловое, вещевое, денежное. В первый же день я получил у каптенармуса комбинезон - самый ходовой наряд технаря, поношенный, но еще вполне добротный, кирзовые сапоги, совершенно новые, сдав, наконец, те неуклюжие ботинки и обмотки, которых я, по досужим подсчетам, за полтора года накрутил не менее пяти километров. В отделе технического снабжения (ОТС) получил смазку, ветошь, краску, все необходимое для работы с авиационным оружием, и приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

В Монголии весна - лучшее время года. Непоблеклая ещё изумрудная трава, множество цветов и тюльпаны, маки, и даже бескрайние просторы - как русские земные дали.

Нет, не из одних только трудностей и невзгод состояла жизнь в армии и на войне. Были свои радости и удачи, счастливые часы и минуты. А главное был тогда я молод,

верил, все ещё впереди, всё будет хорошо, всё исполнится, свершится.

Весна! Механик, торжествуя, сливает в бочку антифриз.
Вдали комиссию почуя, машину трёт и верх и низ,
Рвёт на портянки отепление, и знать не хочет ОТС.
Пора любви и вдохновения
Уже настала в ВВС.

Как жаль, что весна человеческой жизни, в отличие от весны в природе, к нам, простым смертным, не возвращается каждый год. Крошечный островок в бескрайней монгольской степи, наш гарнизон, представлял собой авиационное захолустье. Здесь и самолеты были не самых последних типов, (лишь незадолго до нашего приезда в полк на смену И-16 поступил ЯК-76), и воинские звания лётчикам зажимали, они годами ходили в младших лейтенантах. И батальон аэродромного обслуживания, наш кормилец и поилец, был небогатым. Оставлял желать лучшего «харч». Чтобы разнообразить меню, полковые и батальонные охотники иногда предпринимали на автомашинах вылазки на диких коз - джейранов. Некоторые лётчики при случае гонялись за этими грациозными животными даже на самолётах. Тогда это не считалось браконьерством. Ныне джейраны малочисленны и как редкий и исчезающий вид газелей даже занесены в «Красную книгу», а тогда их в Восточном аймаке водились крупные стада, насчитывались десятки и сотни голов.

Денежные оклады в советских рублях, («зряплату», как её у нас называли) финансисты начисляли на какие-то наши личные счета, которые мы никогда не видели, на руки же, на карманные расходы, выдавали незначительную сумму монгольских тугриков. Но потратить их было негде, ближайшие магазины были за сто пятьдесят километров, в Баян-Тумен.

С местным населением мы практически не встречались. Лишь изредка на горизонте можно было увидеть силуэт скачущего всадника. Монголы никогда не ходят пешком, верхом ездят все и мужчины, и женщины, и дети. Один раз, правда, все же довелось встретиться с местными жителями. Наш лётчик вынужденно посадил свой самолёт, и мы, группа технарей, поехали выручать его. Машину нашли далеко от

аэродрома, в голой степи. Её окружало стадо коров и овец. Пастухи отгоняли кнутами от неё наиболее любопытных животных.

Монголы - люди гостеприимные, угощали нас мясом, сырами, творогом, кумысом. Тугрики (деньги) монголов не очень интересовали, в ходу у них больше был натуральный обмен. А что мы могли обменять на барана или бычка - не самолёт же, не скорострельную крупнокалиберную пушку или синхронный пулемёт. Самолёт мы быстро починили, и он легко поднялся в воздух.

Пустыня Гоби. Время шло. Весну сменило лето, начали жухнуть степные травы. Через аэродром, стоянку самолётов, палаточный городок ветер гнал перекати-поле. Газеты и письма приносили вести с Родины о демобилизации старослужащих воинов, Параде Победы в Москве. Своим чередом шла и наша жизнь.

Полк много летал. Погода здесь практически всегда лётная: солнечно, безоблачно, видимость «миллион на миллион». Приходилось рано вставать, готовить оружие, боеприпасы, конуса, мишени. Троицкая школа дала нам хорошую подготовку, и мы быстро вошли в строй полковых ветеранов. По сравнению со штурмовиком Ил-2 подготовить к полёту истребители значительно легче: здесь нет ни бомб, ни эребов, да стрелково-пушечное вооружение - снарядные ленты - сподручнее и легче.

Долгожданная война

На «Т-7» раз в неделю приходили центральные газеты «Правда», «Красная звезда», «Сталинский сокол», газеты «Забайкальский фронт», «На боевом посту», 12-й воздушной армии «Советский лётчик».

Я числился агитатором эскадрильи и внимательно просматривал их, выискивая актуальные материалы. Естественно, всех нас в первую очередь интересовала ситуация в Дальневосточном регионе. Война надвигалась. Гарнизон становился все оживленнее. Часто приходили машины, нагруженные железными бочками и деревянными ящиками: создавались запасы горюче-смазочных материалов и боеприпасов. С запада в полк прибыли увешанные орденами летчики. Все мы, «корниловцы», в том числе и пилоты, с

восхищением смотрели на этих асов. Разместившись в отдельной палатке, они, в основном, резались в преферанс.

В роте связи, медчасти появились девушки-фронтовички. Их было немного, их редко можно было увидеть, но при встрече с ними у нас становились плечи шире, улыбка ярче, походка твёрже. Для нас, срочнослужащих, не располагающих собой и своим временем, армейские феи были далеки и недоступны. Случайно увидев, мы могли лишь полюбоваться ими и вздохнуть: «Хороша Маша, да не наша».

Другое дело офицеры, молодые, красивые, щеголеватые, в основном, также холостяки. У нас хватало свободного времени на знакомства и романы, любовь и ревность. Забегая вперед, скажу, что несколько позднее именно на любовной почве покончил с собой лётчик Юрий Харчевен.

Первая любовь пришла ко мне в выпускном классе вместе с девчонкой, эвакуированной из Ростова-на-Дону. И хотя, как чаще всего и случается, она, первая любовь, ничем не завершилась, я благодарен судьбе, одарившей меня этим чувством. Думаю, если бы её не было, как потускнела бы моя жизнь, насколько бледнее стала она! Согласен с теми, кто говорит, что несчастной любви не бывает.

Но вернёмся на «Т-7». По ночам сквозь перезвон кузнечиков и цикад до наших палаток доносился непрерывный гул. Говорили, что это к границе с Маньчжурией прямо по степи двигаются наши танки. Летчики, возвращавшиеся из полетов, рассказывали, что по недавно построенной железной дороге Баян-Тумен - Тамцаг-Булаг один за другим идут составы: на восток - тяжело нагруженные, обратно - порожняком. А параллельно узкоколейке движутся многочисленные хвосты пыли, скрывая движущиеся по дорогам пехотные, кавалерийские, автомобильные колонны.

8 августа началось, как обычно, с предполётной подготовки. Но в середине дня, неожиданно для нас, последовала команда о срочном перебазировании, летчики - на своих самолетах, остальной состав - на автотранспорте. Куда и зачем - никто из нас не знал. Вскоре вереница машин уже двигалась, оставляя за собой шлейф пыли. Поздним вечером остановились на большой поляне, окруженной буйной зеленью. «Ястребки» наши были уже здесь. Стало известно, что рядом река Халхин-Гол, оккупированная Японией. На том

берегу более чем миллионная Квантунская армия. Мы остановились на аэродроме, оттуда шесть лет назад взлетали навстречу японцам Яков Смушкевич, Григорий Кравченко, Сергей Грицеве и другие отважные советские лётчики. В густой темноте - построение полка. Митинг. Представитель дивизии, освещая карманным фонариком текст, зачитал Заявление Советского правительства о вступлении СССР в войну с Японией, потом прозвучали обращения Военных советов фронта и воздушной армии.

Понимали, что в жизни каждого из нас и полка в целом, начинается новый этап. Каким-то он будет - вот вопрос. Майор Корнилов объявил приказ: завтра утром боевой вылет всего полка на сопровождение бомбардировщиков Пе-2, которые пойдут на бомбардировку Халун-Аршанского укрепрайона японцев. Чуть свет мы были уже у самолетов. Утро выглядело безмятежным. На востоке рельефно вырисовывались очертания Большого Хингана. Над головой стояла неподвижная, будто выкованная из стали, синева неба, в воздухе чувствовался горьковатый аромат ириса, аира и полыни. И не верилось, что это уже не мирное утро, что мы присутствуем при начале новой войны.

На сей раз мы, технари, особенно тщательно проверяли все детали и агрегаты самолетов, понимая, что от безотказного действия техники и оружия зависит и выполнение боевого задания, и жизнь летчиков. Они пришли на стоянку вслед за нами. Также были взволнованны. Так долго рвались они на фронт бить немцев, и вот, наконец-то, дождались своего часа, настал их черёд доказать, что не зря они сидели здесь, в пустыне Гоби, утюжили монгольское небо.

Но вот в утренней тишине послышался нарастающий гул. Это «пешки» шли на боевое задание. В воздух сразу же поднялся наш полк, чтобы прикрыть бомбардировщиков от вражеских истребителей.

Проводив летчиков, мы до самого их возвращения на землю не находили себе покоя, душа и мысли постоянно витали в воздухе. Думали, все ли там в порядке, всматривались в небо, прислушивались, не гудят ли моторы.

Вернулись они целые, невредимые, возбужденные и... смущенные. В воздухе им не встретилось ни одного японского самолёта! Последовал приказ на новый боевой вылет, на сей

раз на железнодорожные узлы Хайлар, но и здесь история повторилась. Японская авиация не оказывала нашим лётчикам никакого сопротивления.

Под вечер мы выкроили время сходить на прославленную реку. Не только из-за любопытства, но и для пользы дела. На аэродроме существовала проблема воды. На «Т-7» её привозили откуда-то в автоцистернах, из них наполняли баки, снятые со списанных самолетов, она всегда была тёплой, мутной, пахла бензином и резиной. Запасы воды следовали за нами и при перебазировании. Река оказалась мелкой, быстрой, каменистой, её окаймляли заросли ивняка и карагача. Вода в ней была родниковой чистоты, холодна, аж зубы ломит. В ней резвились форели, хариусы, их можно было поймать руками. Монголы считают рыбу священной, потому её здесь много и она непуганая. С берега Халхин-Гола наш полк перебазировался на аэродром близ города Ваньемяо (Улан-Хото).

Перед нами раскинулась Маньчжурская равнина - Сунляо - бассейн рек Сунгари и Ляохе. Позади остался горный кряж Большой Хинган.

Мы преодолели его вслед за 6-й гвардейской танковой армией - лётчики, естественно, по воздуху, мы же, технические специалисты, крутые подъёмы и спуски, многочисленные повороты, разлившиеся реки, непролазную грязь форсировали «на своих двоих». Лишь иногда удавалось заскочить на конную повозку или в кузов полуторки, чаще они сами нуждались в нашей помощи.

Рядом со взлётно-посадочной полосой - плантации. Растет рис, гаолян, табак, кукуруза, плантации женьшеня, сеют мак для добывания опия, курение которого распространено. На плантациях, не разгибаясь, работают с утра до ночи китайцы, сразу видно какие они труженики. Китайцы - живой и деятельный народ, без дела почти никого не увидишь, занимались хлебопашеством и особенно огородничеством. Кричали: «Шанго» - это означало то ли «Привет», то ли «Хорошо», приносили со своих бахчей дыни, арбузы. Здесь я впервые отведал эти экзотические для северного человека дары природы.

По тому кусочку, который я видел, Маньчжурия показалась мне благодатной страной, но как же бедно жили

здесь простые люди. Убогие глинобитные фанзы, мазанки без стекол в окнах, без мебели, лохмотья вместо одежды. Мы, советские воины, несем простым китайским людям освобождение от оккупантов-эксплуататоров и счастливую зажиточную жизнь. Женщин не было видно.

Слепой полёт

В Таоани надеялись отдохнуть и хоть что-нибудь узнать о положении в мире, в Союзе, а, прежде всего, на театре военных действий. Где проходит линия фронта, где наша армия, где армия Чойбалсана, где их противник?

Во время перебазирования мы были лишены всякой информации: ни радио, ни газет, ни слухов. Но ожидания не оправдались, во всяком случае, для меня. Едва я успел привести себя в порядок, как получил приказание подготовить оружие на самолёт младшего лейтенанта Никитина. Проверив пулемёты Березина, пушку ШВАК, снарядные ленты, прицел, доложил командиру. «Полетите со мной» - выслушав доклад, сказал тот. - «Как? Куда? Зачем?» - «Вопросы потом, после посадки. Сдайте в штаб личные документы и забирайтесь за бронеспинку. Через 5 минут вылет». Это при Суворове считалось, что каждый солдат должен знать свой манёвр, теперь другие времена.

Як-76 - одноместный истребитель, но на нём за кабиной лётчика имелся отсек - кусочек свободного пространства. По замыслу создателей машины он при необходимости мог быть использован для установки дополнительного бензобака или для перевозки какого-либо малогабаритного груза, а в чрезвычайных ситуациях - даже и человека. И вот, видимо, такой форс-мажорный случай наступил.

Приказ есть приказ. Открыв бортовой люк, с трудом протиснулся в него. Человеку более крупной комплекции сделать это не удалось бы. Может, по этому принципу и отобрали меня в сей полёт. Хотя, возможно, и по-другому. Младший лейтенант Никитин был не просто летчик, но еще, по совместительству, и секретарь партийной организации эскадрильи. Я же был кандидатом в члены ВКП/б/, и по этой причине парторг как-то выделял меня из других авиаспециалистов. Снаружи щёлкнули замки лючка, и я очутился внутри фюзеляжа. На стоянке остались друзья-

товарищи, а также самодельный фанерный чемодан, в котором хранились немудреные сержантские пожитки. Больше я их не увидел. До сих пор жаль дневник, который вёл ещё со школьной скамьи, и первую в своей жизни девичью фотографию, подаренную в день ухода в армию.

-От винта!

-Есть от винта!

-Убрать колодки!

-Есть убрать колодки!

Я представлял всё, что происходило за бортом. Вот мотор, чихнув раз-другой, заработал ровно, вот мы рулим на взлётную полосу, начали разбег, оторвались от земли, набираем высоту...

Это был мой первый полёт на самолёте и сразу такой своеобразный. Думаю, не многим посчастливилось летать в отсеке Як-76. Удовольствие ниже среднего. Тесно, душно, темно. Сидишь, скрючившись, не имея возможности поменять положение, вытянуть ноги. Но не о комфорте речь, существеннее другое. Лётчики нашего полка, в том числе Никитин, не имели опыта такого рода, инструкций на сей счет. Появление «пассажира» нарушало обычную центровку самолёта и затрудняло управление.

Перегруженный истребитель оказывался в особенно сложном положении в случае встречи с противником, воздушного боя, вынужденной посадки, других ЧП. В критической ситуации летчик, правда, имел шанс спастись на парашюте, «пассажир» же, по существу, обречён. Но чувство фронтового товарищества не позволяло пилотам пользоваться этой возможностью. Так погибли в подобном полёте французский лётчик Филипп де Сейн и советский механик Виктор Белозуб, кто видел кинофильм «Нормандия-Неман», читал мемуары, запомнил этот трагический эпизод. Всё это я анализирую сейчас, задним числом, тогда же ни о чем не думал. Не до того было, хотелось поудобнее расположиться среди тяг, рычагов, тросов.

Рассказать об этом слепом полёте мне нечего, летел я как кот в мешке. Видел лишь локти летчика, слышал вначале ровный, потом надсадный гул мотора на форсаже, чувствовал сперва вибрацию, затем тряску машины, которая то проваливалась, то взмывала, то делала крутые виражи.

Меня кидало от одной стенки к другой на жёсткие рёбра лонжеронов, стрингеров и шпангоутов. От непривычной болтанки все нутро готово было вот-вот выплеснуться наружу. Я крепился, самокритично думал о себе: «Рожденный ползать - летать не может».

Наконец эта изнурительная круговерть закончилась, а через несколько минут полёта в нормальном режиме самолёт пошёл на снижение и, сделав два приличных «козла», остановился. Приехали!

Выбравшись из заточения и придя в себя, я увидел незнакомый пейзаж. Рядом с нашим ещё два Яка и один транспортный самолёт. Невдалеке - двухэтажное застеклённое здание, над которым полощется синий флаг с белым кругом в центре. От здания к нам спешат какие-то люди. Все ново, непонятно, тревожно. Оказалось, что мы приземлились в городе Чанчунь - столице японского марионеточного государства Маньчжоу-Го (оккупанты переименовали Чанчунь в Синьцзян - «Новая столица»).

По горячим следам я не удосужился узнать суть происходившего. Более или менее связную картину удалось составить лишь много лет спустя, когда познакомился с другими участниками тех событий, в частности, с Иваном Тимофеевичем Артеменко, обосновавшемся после увольнения из армии в Харькове, и с архивными документами.

Произошло вот что. Пока мы перебазировались с аэродрома на аэродром, не зная, что делается на белом свете, американцы сбросили на Японию две атомные бомбы, повергшие страну «Восходящего солнца» в состояние шока. После объявления войны Советским Союзом и стремительного наступления наших войск, в Маньчжурии император Хирохито объявил о капитуляции Японии, главнокомандующий Квантунской армией генерал Яманда приказал войскам прекратить боевые действия и сложить оружие перед Красной Армией.

В этих условиях главное командование советских войск на Дальнем Востоке, стремясь как можно быстрее овладеть стратегическими центрами и военными объектами в глубоком тылу противника, ускорить его капитуляцию, приняло довольно рискованное решение направить в наиболее крупные города Китая и Кореи - Чанчунь, Мукден, Харбин, Дайрен,

Порт-Артур парламентеров, подкрепив их воздушными десантами. Утром, с монгольского аэродрома Тамцаг-Булак, где дислоцировался штаб Забайкальского фронта, в «Новую столицу» вылетела парламентерская миссия - 12 человек во главе с полковником И.Т Артеменко. Вслед за нею стартовал воздушный десант в составе 300 воинов. Транспортные самолёты шли под эскортом истребителей нашей 246-й авиадивизии. Хотя советская авиация с первого дня войны безраздельно господствовала в воздухе, такая предосторожность, как оказалось, не была лишней. На трассе японские лётчики атаковали наш рейс, но потеряв в скоротечной схватке одну машину, прекратили попытки.

На другой день по тому же маршруту вылетела группа генералов и офицеров во главе с заместителем командующего фронтом М.П. Ковалевым. Было решено, что в логово противника, кроме военно-транспортного Си-47, приземлятся три истребителя из группы прикрытия. Ситуация была сложной, со многими неизвестными и «ястребки», способные действовать как по воздушным, так и по наземным целям, могли оказаться полезными. На этих машинах, кроме пилотов, в фюзеляжных отсеках летели три механика: один - по моторам, другой - по радио и спецоборудованию, третий - по авиавооружению. Последним был я.

И на сей раз на подходе к цели японцы пытались перехватить транспортник, но, получив отпор, быстро покинули воздушное поле боя. Очевидно, что атаковали нас не те умелые, натренированные, фанатически бесстрашные асы, которыми славились японские ВВС во времена Пёрл-Харбора, а наспех обученные, малоопытные юнцы, морально подавленные фактом катастрофического крушения империи. Убедившись, что Си-47 и три Яка благополучно приземлились, остальные наши истребители легли на обратный курс.

Три дня в Чанчуни.

Генерал-полковника Ковалёва и его свиту, к которой присоединились и наши летчики, встречали, и они на автомобилях сразу же направились в штаб Отодзо Ямады решать исторические вопросы войны и мира. Мы же, «три

мушкетёра», остались на взлётно-посадочной полосе «в ожидании дальнейших указаний».

Высадившиеся накануне десантники, считавшие себя здесь уже старожилами, взяли нас под своё покровительство. Это были ребята из 30-й гвардейской механизированной бригады 6-й гвардейской танковой армии, которые, как говорится, прошли огонь и воду. Ещё три с небольшим месяца назад они освобождали Прагу, а сейчас вот были здесь, на другом конце земли. На их гимнастёрках сверкали ордена и медали, а у их командира, майора Петра Авраменко - Золотая Звезда Героя Советского Союза. Десантники охарактеризовали обстановку: «Аэродром в наших руках».

Наши ребята занимают в городе все ключевые позиции. Японцы деморализованы, местные войска и население настроены дружелюбно. Ждём перехода основных сил армии!

На всякий пожарный случай нам вручили по автомату ППШ. До этого в качестве личного оружия я имел лишь винтовку образца 1891-1930 года. Превышавшая с примкнутым штыком (166 см) тогдашний мой рост, она была не очень удобна в обращении и порой казалась обузой. А небольшой, компактный пистолет-пулемёт Шпагина с круглым диском мне сразу понравился, он на груди, на плече, за спиной не мешал, не тяготил, а, наоборот, придавал уверенности и сил.

Развернув на 180 градусов - в направлении взлёта свои «ястребки» - мало ли что может случиться - мы пошли знакомиться с новым местом нашего базирования. Обширное, ухоженное лётное поле. Взлётно-посадочные полосы покрыты решётчатым и металлическим листом, такого покрытия я ещё нигде не видел. Рулежные дорожки, места стоянки - асфальтированы. Командно-диспетчерский пункт с вышкой для руководителя полётов, казарма, ангар, склад, гараж, другие постройки. Штабеля ящиков с боеприпасами, бочки с горючим, баллоны со сжатым воздухом - все, чему положено быть на любом аэродроме. Всё сделано добротно, капитально, на долгие годы, все в исправном состоянии, на своих местах. На обочине аэродрома - длинные ряды самолётов: истребители, бомбардировщики. На наш взгляд, устаревшие конструкции, больше похожие на наши, давно уже сошедшие со сцены «Ишаки», «Чайки», чем на теперешние «Ястребки»,

«Пешки». Только два аппарата отличались от остальных своими аэродинамическими формами «Мицубиси» и самолёты-снаряды «Ока-11», предназначенные специально для камикадзе - лётчиков-смертников, уходящих в последний полёт, чтобы таранным ударом уничтожить противника.

Утро не внесло ясности. Нами никто не интересовался. Десантники, которым мы предложили свои услуги, отказались от них: «Справимся без вас и «Ястребки» ваши в обиду не дадим». Известно утверждение поэта о солдате: «... ни дня, ни часа не живёт он без приказа, и не может испокон без приказа командира ни отменить свою квартиру, не сменить портянки он, ни жениться, ни влюбиться, он не может уехать за границу от любви, как бывший граф». Но на войне, как на войне, всякое бывало. Оказавшись предоставленными самим себе, мы, долго не раздумывая, единодушно решили идти в город. Нами двигало любопытство. Обсуждали вопрос о связи с аэродромом, вспоминали даже о приемо-передающих радиостанциях, стоящих на Яках, - нельзя ли использовать их, о том, брать с собой ППШ или нет. Решили брать.

Знакомство с «Новой столицей» начали с квартала, который прилегал к аэродрому. Он не произвёл впечатления, унылый, застроенный одинаковыми одноэтажными деревянными домиками, вроде тех, какие у нас в советское время разрешалось ставить на шести сотках садово-огороднических участков.

Прямые голые улицы - ни кустика, ни деревца и ни одной живой души. Как мы узнали, здесь жили офицеры и чиновники военно-воздушных сил, недавно сбежавшие кто куда. Всюду валялись маленькие - в пол тетрадного листа бумажные флажки с японской символикой. Заглянув внутрь коттеджей, удивились непривычному - восточному интерьеру. Всё там было миниатюрным. Низкая, будто детская мебель. Ширмы, коврики. Ни кроватей, ни диванов, ни печей, ни каминов, вместо дверей - жалюзи. Как жили тут японские летуны во время холодов? На стенах выполненные чёрной тушью незамысловатые картины, скорее эскизы, изображающие деревья, птиц, цветы. Во всей обстановке чувствуется опрятность и художественный вкус. Роскоши не видно, средний достаток, не более.

Меня интересовали книги, но их было мало и все с иероглифами. Встретился лишь один «Русско-японский разговорник». Из вопросов и ответов, помещённых в нем, ясно было, что он предназначен для японских военных, готовящихся завоевать советский Дальний Восток, Забайкалье, Сибирь и установить там свой «новый порядок». Запомнилась ещё одна находка - пачка фотографий, запечатлевших различные позы, в которых обнажённые мужчина и женщина занимаются любовью. Выросший в стране, где не существовало слово «секс», я был прямо-таки шокирован этими вульгарно-натуралистическими порнографическими снимками.

За японским микрорайоном начинается старый город. Дома европейского типа. На верхних этажах - жильё, внизу - магазины, лавки, ларьки. Многолюдно, как говорится, жизнь бьёт ключом. Мы шли с автоматами на груди, чанчунцы расступались перед нами, приветствовали все тем же непонятным «шанго». Несомненно, нас принимали за десантников. Три сотни гвардейцев растворились в полумиллионном населении «Новой столицы», их не было видно, но слухи о них, обрастая легендами, распространились по всему городу. Действуя совсем «по Ленину», они быстро и организованно взяли под контроль аэродром, заняв круговую оборону, железнодорожный вокзал и станцию, забитую составами с военным имуществом и горючим, почту и телеграф, радио и электростанции, банки, другие важнейшие объекты, чем парализовали военную и гражданскую власть, сопротивление гарнизона. Перекрыв все основные дороги, десантники отрезали пути отхода частям противника, вывоза материальных ценностей.

В городе всюду идёт торговля. Здесь я, уроженец северного края, впервые увидел многие дары природы, о которых только читал в книгах: мандарины, апельсины, ананасы, арбузы, дыни, виноград. Они лежат горками на лотках, тележках, прямо на земле, как на наших базарах картофель, капуста, репа. То, что сегодня творится на улицах российских городов, там было уже тогда, 60 лет назад. Тут же дымятся жаровни, курят портные, сапожники шьют, порют, цирюльники стригут, бреют, кузнецы что-то куют, чинят.

В некоторых местах творилось сущее столпотворение. Суматоха, теснота, шум, гомон, крики. Сквозь людскую толчею беглым шагом пробираются полуголые, загорелые носильщики - кули с ящиками, коробками, рикши, впряжённые в лёгкие двуколки. Приглядевшись, поняли: люди штурмуют то ли интендантские, то ли продовольственные склады, магазины. Недавно похожие картины показывало телевидение из Багдада, куда потом пришли американские войска. История повторяется. Люди рассматривали нас, фотографировали и обсуждали, то спокойно, то вдруг переходя на громкий крик, все невысокого роста, черноволосые, желтолицые, скуластые, узкоглазые, одни в европейской одежде - в костюмах и туфлях, другие в городской. Кто это были - местные аборигены, скитавшиеся маньчжуры или пришедшие с островов оккупанты - нам было не понять: для нас все японцы похожи на китайцев, а китайцы на японцев, как, наверное, для них все русские также на одно лицо. Люди смотрели на нас с интересом и любопытством, приложив руки к груди, кланялись, точнее сказать, склоняли голову в поклонах. Люди были весёлые, жизнерадостные, война осточертела, хуже не будет. Они были совсем не похожи на тех фанатичных, агрессивных, какими рисовала их наша пропаганда. Измученный войной японский народ очнулся от пьяного угара шовинизма и с покорностью ожидал развязки событий. Некоторые чанчунцы полвека назад, вместе с русскими, строили КВДЖ - Китайско-Восточную железную дорогу и ещё помнили некоторые русские слова. Один торговец, увидев нас, перешёл на русский язык: «Пелемени, твоя кушай, пожалуйста!»

Мы уже двое суток сидели на скудном сухом пайке, которым поделились с нами десантники, и были не против принять предложение, но карманы наши были пусты, мы даже не знали, какая тут ходит валюта - японские иены, китайские юани или ещё что третье. Поняв наши затруднения, торговец замахал руками: «Таньга не нада, карасе, товалиса!»

Мы повернули назад, когда к нам подошёл мальчишка лет 12, и он на русском языке предложил нам самым коротким путём провести к авиабазе. Мальчуган рассказал, что его отец, забайкальский казак, мобилизованный в конце Гражданской войны в Белую армию, вместе с нею бежал от советских войск

в Маньчжурию. Здесь завёл семью, построил в пригороде дом, а теперь с тревогой ждёт прихода Красной Армии: как она отнесётся к эмигранту?

Утром в сопровождении нашего гида, мы вновь отправились в поход. Хотелось увидеть центр столицы - резиденцию императора Пу И, штаб Квантунской армии, другие достопримечательности. Город жил своей жизнью, но на этот раз бросалась в глаза одна особенность. В предыдущие дни на его улицах совсем не было видно военных. А сегодня навстречу нам то и дело попадались шеренги солдат с винтовками, ручными и станковыми пулемётами, другим лёгким оружием. По мосту через реку Итунхэ лошади тянули за собой миномёты, гаубицы, пушки. Оказалось, началось массовое разоружение гарнизона, о чём непрерывно передавали по радио. Пункты сдачи оружия организовывались на окраине города и за его пределами, под один из них была выделена часть центрального аэродрома. В общем, было разоружено 45 тыс. человек. Была капитуляция Квантунской армии, в результате чего пленены 594 тыс. человек, среди которых 148 генералов.

Наш проводник со знанием дела комментировал проходящие мимо формирования: это - японские, это - местная жандармерия, это - железнодорожные части, это - пехота. В жизни не довелось, но в документальной кинохронике я видел, как сдавались в плен немцы. Изможденные, оборванные, обезумевшие от страха, побросав оружие, вылезали они с поднятыми руками из окопов, подвалов, руин. Потом их длинные колонны под конвоем, иногда пешим, иногда конным, понуро брели в тыл.

Здесь все было не так. Солдаты в исправной, подогнанной форме «цвета грязи», как переводится прижившийся у нас термин «хаки», шли бодро, казалось, даже весело, соблюдая интервалы и дистанции, под командованием своих офицеров и унтер-офицеров. Что это было - капитуляция, сдача на милость победителя или выполнение приказа императора - об этих юридических тонкостях международного военного права я в те дни, конечно, не задумывался.

Запомнились другие, совсем не существенные детали. Например, короткие и необычно частые, как в ускоренном

кино, не шаги, а шажки солдат - думаю, не менее пятидесяти в минуту, против наших двадцати. Или - сапоги оранжевого цвета, в которых маршировали некоторые подразделения. После войны, весной 1946 года, будучи поощрён за успехи в боевой и политической подготовке и примерную дисциплину, краткосрочным - десятидневным, не считая дороги, - отпуском на родину, я увидел эту добротную трофейную обувь в вятской глубинке, земляки, недавно демобилизовавшиеся, воевали в тех же краях.

По лабиринту узких и кривых улиц и переулков вышли мы к штабу Квантунской армии. Над массивным серым зданием уже развевался красный флаг, на фасаде - свежая вывеска: «Советская военная комендатура». По городскому радио передавали распоряжения военных и гражданских властей о разоружении гарнизона, в промежутках между официальными сообщениями лились мелодии вальса «На сопках Маньчжурии», песни Лещенко и Вертинского, запрещённые у нас за «чуждую советскому народу ресторанную интонацию», «надрывный стиль исполнения», «налёт цыганщины». Рядом со штабом - огромная воронка. Думали след от бомбардировки, которой Чанчунь подвергся в первые дни войны (наш полк прикрывал полёт пикирующих бомбардировщиков Пе-2). Но выяснилось, что это котлован прекращенной стройки подземного бункера для командования Квантунской армии.

Мы рассматривали символическую скульптуру японского всадника - покорителя Маньчжурии, когда раздался рёв моторов, лязг и скрежет металла. На площадь ворвались танки. Наши! Тридцатьчетверки! Это был подвижной отряд 6-й гвардейской, первым достигший «Новой столицы». Значит, не за горами и её основные силы. Мы поняли, наступает конец нашей вольнице, пора возвращаться на базу. Забеспокоился и гид наш. Сбивчиво, от имени родителей стал он просить оградить их от погромов, набегов - не красноармейцев и даже не японцев, а местных хунхузов. Этим именем здесь называли скопления разного рода бродяг, промышлявших в смутное время разбоем, заложничеством, грабежом, объединяясь в крупные шайки, они порой держали в страхе целые области. Слюнявя химический карандаш, мы нарисовали на куске бумаги пятиконечную звезду с серпом и молотом и крупно

вывели: «Охраняется Красной Армией!!!», и посоветовали вывесить на калитке дома. Не знаю, помогла ли она русскому эмигранту.

Всю ночь улицы сотрясал гул моторов: в город вступали советские танки. А на следующий день загудело небо. В Чанчунь прибывала авиация. Первым приземлился наш полк. Вместе с другими авиаспециалистами, я встречал самолеты, помогал заруливать их на стоянку, выгружал имущество, обустраивал казарму. И мало кто из сослуживцев заметил моё кратковременное отсутствие в полку. Для меня же три дня, когда мы были в «Новой столице» то ли в служебной командировке, то ли в самовольной отлучке, остались памятным фактом моей жизни.

Географию человека составляют не те дни, которые он прожил, а те, которые запомнились. Другие более продолжительные отрезки времени выпали из памяти, а этот - сохранился. Возможно потому, что многое увиденное и услышанное тогда, было для меня внове, расширяло горизонт, открывало глаза. В то же время сейчас, по прошествии многих лет, вспоминая те дни, думаю, что ходили мы тогда по самому красивому, незнакомому городу с многотысячным воинским гарнизоном, воспитанным в духе ненависти к нашей стране, где находилось ещё немало фанатиков. Молодость беспечна, ей присуще легкомысленное отношение к опасности, кажется, что лично с тобой ничего плохого случиться не может, и спасибо судьбе за то, что тогда она благосклонно отнеслась к нам.

В нашем полку всё прибывало, приземлились бомбардировщики, штаб авиадивизии, аэродромное обслуживание. И в то же время как-то незаметно покинули его гвардейцы-десантники. Их легендарный сводный отряд расформировали, людей вернули в свои подразделения. Кого наградили, кого забыли. Командир за Чанчунь получил вторую золотую Звезду героя. Разместились мы, можно сказать, с комфортом, в просторном зале на втором этаже двухэтажного приаэродромного здания. Вместо простыней старшина принёс несколько тюков шелка разных цветов и каждый отрывал себе кусок такого цвета, какой нравился (я - салатового). Там, не где-нибудь, а именно на древнейшей родине шелководства, довелось мне впервые в жизни спать на

шёлковых простынях. Кормили в основном рисом, особого разнообразия и изобилия в пище не наблюдалось. После завтрака казарма пустела, народ расходился кто куда. Большей частью в город. По его улицам вместе и в одиночку ходили забайкальцы, их было сравнительно немного, и выглядели они совсем не героями-победителями, завоевателями, скорее походили на туристов-экскурсантов.

Дородная дама с оливковым цветом лица и копной чёрных волос, закреплённых на затылке крупной булавкой, приглашает в заведение, над которым горит красный фонарь. На улицах всюду валяется всякое военное добро: винтовки японского образца, патроны, штыки, офицерские мечи, саперные лопаты, походные ранцы, другая амуниция. Из этого арсенала я не удержался и выбрал кривую то ли маленькую саблю, то ли большой нож с иероглифами на эфесе. Возможно, это был ритуальных кинжал, которым какой-то самурай должен сделать «харакири» - вспороть свой живот, чтобы «обрести бессмертие».

Через несколько месяцев, когда мы уже в Монголии перешли на зимние квартиры, ножу этому нашлось другое применение: щепать лучину для растопки печи, которая обогревала нашу эскадрильскую казарму. Но скоро вышел приказ о сдаче трофейного огнестрельного и холодного оружия, и с этим раритетом пришлось расстаться. В Маньчжурии мы захватили большое количество боевой техники и оружия, склады, арсеналы. Всё это передали позднее Мао Дзедуну.

По-моему, воин, с победой возвращающийся с полей сражений, должен иметь трофеи. Иначе, какой из него победитель? Трофеи - слово греческое, в переводе на русский язык означает «памятник в знак победы». По нашему законодательству все трофеи считаются собственностью государства, о личных трофеях закон умалчивает. Жили японцы, по нашим тогдашним меркам, богато и культурно. Что скрывать, кое-кто из наших «стариков», ожидавших скорой демобилизации, брали себе кое-что из цивильной одежды. А «зелёным», «салагам» вроде меня, которым ещё служить и служить, как медным котелкам, эти житейские заботы даже в голову не приходили. Тряпки нас тогда не интересовали.

Что мне приглянулось, так это будильник. Он был мне очень нужен, так как я выбился из распорядка дня и просыпал все завтраки подряд. Служил он недолго, но потом в трофейный корпус я вставил механизм 2-го Московского часового завода, и будильник по сей день исправно выполняет свои обязанности.

Были захвачены крупные интендантские склады. Наша эскадрилья вывезла тюк старой шерстяной ткани, из которой позднее мы шили себе гимнастёрки и, по моде того времени, широченные брюки-галифе красивого серого цвета, щеголяли в них вплоть до демобилизации.

Аэродром наш стал главными воздушными воротами не только города, но и всего маньчжурского региона. Кто только не побывал на нем в те дни: маршалы Василевский, Малиновский, Мерецков, Новиков, Худяков, другие советские военачальники, американские и английские генералы, и офицеры, освобождённые из плена, взятые в плен японские генералы, белогвардейский атаман Семенов...

Непосредственно нас эти визиты не касались, но держали в напряжении. Всякий раз, узнав о прибытии того или иного высокопоставленного лица, командиры требовали «навести марафет» в казарме и на стоянках, быть по форме одетыми, не болтаться по территории, памятуя солдатскую заповедь: «всякая кривая вокруг начальника короче прямой». Больше обычного было в тот период различных торжественных мероприятий.

Помню собрание, посвященное приказу Верховного Главнокомандующего от 23 августа, в котором в числе отличившихся в боях на Дальнем Востоке были названы «лётчики полковника Туренко», то есть нашей 246-й истребительской авиационной дивизии. Ей присваивалось почётное наименование «Мукденская», а всем нам от имени Сталина за отличные боевые действия в боях с японцами, объявлялась благодарность.

3 сентября. Солнечный день. Парторг полка капитан Павлов дал мне, кандидату ВКП/б/, партийное поручение - выступить «от сержантского состава» на дивизионном митинге по поводу войны. Помню, как лихорадочно листал подшивки газет и, питая пристрастие к красивым фразам, выписывал их из передовиц, как срывающимся от волнения

голосом говорил, что теперь, после разгрома последнего врага, пышным цветом расцветёт наша Родина, могилы же наших недругов зарастут бурьяном. Накануне в Тонкинском заливе на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Сталин поздравил советских людей с окончанием войны. День 3 сентября стал Днём Победы над Японией.

В честь Дня Победы над Японией в Москве прогремел салют, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий. А нам к ужину впервые за всю эту двадцати четырёх дневную войну выдали по сто «наркомовских» граммов водки. Их, конечно, не хватило, в дело пошли китайский ханжин, японская саке и даже «ликер шасси», который умельцы-технари гнали из тормозной жидкости. Пили за мир, за Победу, за демобилизацию, призрак которой забрезжил для «стариков» - ребят довоенного призыва, за «зелёных», «салаг», вроде меня, которым ещё служить и служить, как медным котелкам. Шумели, гудели, объяснялись друг другу в любви и дружбе: «Лучшие люди нации служат в авиации». «Всё пропьем, но авиацию не опозорим». Пели: «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца - пламенный мотор».

Сиротливо стояли на аэродроме забытые своими хозяевами краснозвездные ястребки.

Назначенный комендантом Чанчуня генерал-майор Ф.В. Карлов, которого мы эскортировали, начал наводить в гарнизоне порядок. На улицах города появились патрули, для выхода в город требовалось получить увольнительную записку. Вольной жизни нашей приходил конец. Пора было определиться на зимние квартиры. И мы обрадовались, когда услышали: «Перебазируемся!»

- Далеко ли?

-В Грузию, Армению, на границу с Османской империей.

-Вот это правильно! Давно пора разобраться с этой соседкой, предки пытались, не успели, нам оставили в наследство.

-И в эту войну Сталин вел себя не очень-то, всё время якшался с Германией.

-Босфор и Дарданеллы нам позарез нужны!

-Поможем братьям-туркам сбросить иго эксплуататоров!

Молодые мы были, отчаянные, после таких блестящих побед на западе и востоке все нам было нипочём, море по колено. Так толком и не узнав, куда нас собираются перебросить, мы стали готовиться к переезду. В погожий осенний день выехали мы на открытых платформах из Чанчуня. Однопутная железная дорога петляла между гор, ныряла в туннели, пересекала речки, шла то на подъём, то под уклон. Красивый пейзаж!

Любуясь этим красивым пейзажем, я вспоминал семейное предание, согласно которому мой дед, неграмотный крестьянин из глухой вятской деревни в начале века за сорок лет до этого ходил «зимогорить», строил дорогу, с заработков приехал для форсу на нанятой тройке лошадей, с шиком подкатил к деревне...

До Турции немного не доехали. Остановились на станции Халун-Аршан - той самой, на которую в первый день войны летал наш полк. За рекой лежала уже знакомая нам Монгольская Народная Республика. По поводу её самостоятельности ходила такая байка. Сталин подарил Чойбалсану автомобиль, но без руля. Чойбалсан телеграфирует: «Вышлите, пожалуйста, руль, без него невозможно управлять». Сталин отвечает: «Ты жми на газ, а управлять буду я отсюда». Нам предстояло продолжать охранять воздушные рубежи этого младшего брата. На сей раз не «Т-7», на сей раз - гарнизон Обо-Самон.

Апрель 2009 года

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студенты 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина

- Гришин Артем Владимирович

и

- Тулянкин Антон Павлович

Щепкин Георгий Павлович

Если бы за меня не вступился П.С. Рыбалко…

Я родился 17 января 1917 года в городе Донецке. Родители мои были православные, и в детстве меня крестили, но по религиозным убеждениям я атеист. Партийность: с 1930 по 1939 год был комсомольцем, в 1938 году стал кандидатом в члены партии, с 1942 года - член партии.

В местную школу пошел в 1922 году и проучился в ней до 1927 года.

С января 1930 года был учеником слесаря ФЗУ Сталинского металлургического завода. А в 1932 году уже получил 5 разряд и был оставлен на заводе слесарем-инструментальщиком.

В 1935 году в возрасте восемнадцати лет пошел в армию, поступил в Ульяновское бронетанковое училище, где и проучился до 1938 года, окончил училище с отличием. После училища был назначен в инспекцию бронетанковых войск адъютантом генерала-инспектора. В 1939 году в Ленинграде закончил с отличием курсы усовершенствования командного состава бронетанковых войск. После их окончания некоторое время был преподавателем на этих курсах. В начале 1940 года вернулся в Ульяновское бронетанковое училище. В начале 1941 года обучался в Академии бронетанковых войск имени Сталина на вечернем отделении.

Перед самым началом войны в составе инспекции бронетанковых войск был в Киевском, Белорусском и Прибалтийском военных округах. Везде бронетанковые войска были признаны небоеспособными (не хватало людей, горючего, боеприпасов).

В субботу вернулся из Прибалтийского военного округа, в воскресенье по радио узнал о том, что началась война.

Согласно мобилизационному плану стал офицером для поручений при помощнике командующего резервным фронтом по танковым войскам. С самого начала войны на фронте. Наша армия в составе Резервного фронта начала боевые действия под Оршей (Белоруссия). Далее летом 1941 года, Вязьменский Котел (район Вязьмы), когда четыре армии (две Резервного и две Западного фронта) попали в окружение. Освобождение Ельни (высоты) – август 1941 года в составе резервного фронта под командованием генерала армии Жукова. С 30 августа по декабрь 1941 года участвовал в обороне Москвы. За этот период в ходе боевых действий немцы были отброшены на расстояние 150-300 километров от Москвы

В июле 1942 года был направлен в Ташкент для прохождения штабных курсов. Проучился на этих курсах до 5 декабря. После прохождения курсов вернулся в Москву, где получил назначение в 3-ю танковую армию, которая формировалась под Москвой в Мценске. Был назначен на должность старшего помощника начальника оперативного отдела штаба 3-й гвардейской танковой армии под командованием П.С. Рыбалко.

В составе 3-й гвардейской танковой армии прошел путь от Москвы до Курского выступа. Моей обязанностью было «информирование вверх» т.е. донесение точных данных до вышестоящего начальства о состоянии войск, расположении частей, информация о противнике, о том какие населенные пункты захвачены немцами, а в каких расположены наши части. Каждый факт для внесения его в сводку требовал проверки и подтверждения хотя бы из трех независимых источников. Это была очень напряженная и ответственная работа, требовавшая большой концентрации умственных и физических сил, очень редко, когда удавалось выспаться. По штату было положено 3 помощника начальника оперативного

отдела (1 старший помощник и 2 помощника), но людей катастрофически не хватало, мне приходилось работать одному.

И вот летом 1943 года мой организм, не выдержав такой нагрузки, стал сдавать, теперь я мог проработать час, максимум два, после чего мозг просто отказывался работать, я практически ничего не соображал. Это было серьезное нервное и умственное перенапряжение, мне пришлось лечь в госпиталь. В Архангельском госпитале под Москвой я провел несколько месяцев.

После успешного выздоровления в конце декабря 1943 года я пошел в отдел кадров, где мне сказали, что я должен догонять свою армию. Свою 3-ю гвардейскую танковую армию мне удалось догнать в Калаче – населенный пункт около Сталинграда. Далее в составе армии я двигался на запад.

Особенно мне запомнился вот какой эпизод. Было это зимой 1943 года. Пригодными для передвижения были только заасфальтированные дороги, да и они требовали предварительной очистки из-за больших снежных завалов. Продвигаясь вперед в западном направлении, мы потеряли связь с несколькими танковыми корпусами. От некоторых частей оперативные данные не поступали 10 часов от других только 4.

И в этот самый день, ночью, к нам в 3-ю гвардейскую танковую армию прибыл начальник генерального штаба Василевский. Так получилось, что я был оперативным дежурным. После того как я доложил генералу армии Василевскому о том, что мы потеряли связь с несколькими танковыми корпусами уже около 10 часов, он так разозлился, что тут же приказал меня судить и расстрелять. Скорее всего, меня бы ничего не спасло, если б за меня не вступился мой непосредственный начальник П.С. Рыбалко: «Товарищ генерал этот офицер не виноват в потере связи с корпусами, разрешите ему идти выполнять свои обязанности, а я вам все объясню». Вот так, если бы командующий 3-й гвардейской армией Рыбалко за меня не заступился, то, наверное, и расстреляли бы.

За время войны я дослужился от лейтенанта до полковника.

Мои награды:

- орденом Красной Звезды, №124371;
- орденом Красной Звезды, №2926511;
- орденом Красного Знамени, №505569;
- орденом Отечественной войны II-й степени, (№4915351, указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года);
- медалью «За боевые заслуги» (№150519);
- медалью «За боевые заслуги (№2136140);
- медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне в 1941-1945 гг.» (вручена начальником Академии генерал-лейтенантом танковых войск Ковалевым 25 сентября 1945 года, удостоверение Е №0130356);
- медалью Жукова (№0708463, указ от 19 февраля 1996 года);- почетным знаком «Фронтовик 1941-1945».

За активное участие в ветеранском движении награжден Почетным знаком Российского комитета ветеранов войны и военной службы (РКВВВС).

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь студент 3-го курса МАИ - **Миронов Николай Алексеевич***

Ярмак Василий Иванович

В течение 40 минут они «взрыхлили» блиндажные укрепления, доты, дзоты

Я родился я 27 декабря 1920 года в городе Днепродзержинске (ныне город Днепропетровск на Украине). Окончил фабрично-заводское училище по специальности «электрик», это сыграло свою роль в том, что меня направили в зенитно-прожекторные части. В это время уже шла война с Финляндией. На Карельском перешейке в зенитно-артиллерийском корпусе я и захватил ту войну в составе частей, обеспечивающих воздушную защиту на дальних подступах к городу Ленинграду (ныне Санкт-Петербург). Меня поражало близкое расстояние до столицы Финляндии города Хельсинки – примерно 80 километров.

Не очень хорошая подготовка советских войск к той войне в условиях зимы, низких температур, проблемы снабжения подразделений, выполнявших боевые задачи вблизи от северного полярного круга и за его пределами, приводили к большому количеству неоправданных жертв со стороны наших войск. В тех условиях мне не повезло, я обморозил ноги, но через несколько недель лечения был опять в строю. В то время я особенно сожалел о том, что меня не направили в танковые части, в которые просился в военкомате. Образ лихих танкистов, лётчиков и моряков в предвоенный период в Советском Союзе формировался очень

широко и ярко, поэтому многие мальчишки мечтали о таких профессиях. Но в военкомате мне ответили на просьбу отказом, сказав, что служить будешь там, где понадобится Родине.

Перерыва в военной службе между финской и германской войнами у меня не было. Напряжённая обстановка, приближавшая войну с Германией, требовала сохранения и использования солдатского опыта. В части, где я служил к тому времени, мне разрешили лишь двухнедельный отпуск, чтобы найти младшую сестру, с которой потерял связь после смерти родителей, по причине переезда дома-интерната, в котором она находилась.

Борьба за «чёрное золото»

Великую Отечественную, встретил в городе Баку (ныне столица республики Азербайджан). Тогда тот район был главным по производству нефти в СССР. Как и сейчас, в то время нефть была достоянием, предметом внимания и объектом стратегических планов того государства, которое владело ей. В Советском Союзе Бакинская нефть была, по существу, единственным источником получения керосина, бензина, масел и других нефтепродуктов, необходимых промышленности и транспорту. Гитлер считал необходимым, во что бы то ни стало Бакинскую нефть получить силой. Тогда бы стратегия движения войск вермахта на юг и юго-восток была обеспечена энергоресурсами.

Такое значение Северного Кавказа и, в частности, Баку требовало со стороны советского правительства всяческих усилий для удержания этого региона под своим контролем.

Я влился в подразделения, где был налажен достаточно простой, но эффективный процесс контроля за воздухом (днём и ночью): обнаружение воздушных целей и уничтожение самолётов противника зенитками. Немцы буквально каждый день по нескольку раз атаковали, с помощью дальней бомбардировочной авиации, Баку и прилегающие к нему нефтяные разработки для того, чтобы вынудить Советский Союз оставить эти места. Налёты вражеской авиации, особенно в первые дни войны, были наглыми и массированными, они не боялись того, что их могут обнаружить и оказать сопротивление. Они осуществляли

налёты, в основном, днём. Но когда наши зенитные батареи подбили несколько десятков самолётов ещё до их подлёта к месту сбрасывания бомб, немцы изменили тактику и стали осуществлять налёты ночью.

Ночью с высоты птичьего полёта, даже с соблюдением в населённых пунктах светомаскировки, места поселений и добычи нефти просматриваются очень хорошо, так как они светятся. Это связано, помимо прочего, с тем, что при добыче нефти, наверх из скважин выходит сопутствующий газ, который для того, чтобы он не взрывался, поджигают. Газовые горелки такого типа, как и огни города, были хорошим световым ориентиром для самолётов. И они безраздельно господствовали в воздухе. Для противодействия им советские зенитные расчеты размещались по склонам и на господствующих высотах гор. Кроме того, зенитным расчётам придавались прожекторные расчёты, а также солдаты, которые имели хороший слух. Их называли «слухачами».

Для «слухачей» неподалёку от расположения зениток вырывались окопы глубиной в два метра, чтобы, находясь там, они без лишних помех могли услышать противника в воздухе, устанавливать факт приближения бомбардировщиков, направление их полёта и даже количество самолётов. Особенно важным требованием стала слаженная работа таких расчётов, когда они дежурили в условиях ограниченной видимости и, собственно, ночью. После слухового обнаружения в дело вступали прожектористы, которые мощными прожекторами ослепляли (если это днём) лётчиков немецких самолётов, и бомбардировщики становились объектом поражения зенитками. Если это происходило ночью, и немцы надеялись проскочить рубежи зенитной обороны, то основная ответственность ложилась в начальном периоде (засечки) противоборства на прожектористов. Ночью они должны были как можно раньше «схватить» цель, перекрестив на ней два, а то и три луча прожекторов. Скорострельные зенитные орудия должны были как можно быстрее попасть в цель, иначе бомбардировщики, сбросив смертельный груз, достигали своей главной цели – уничтожали наши объекты.

Если слаженность в таком виде боевой работы подводила, то не только нефтяные скважины, посёлки нефтедобытчиков и город Баку становились целями

воздушных агрессоров, но и сами огневые точки зенитчиков. Поначалу опыт слаженной работы был невысок, и нам доставалось от бомбовых ударов. Но через неделю-другую солдаты ухватили смысл действий и ключ к успехам, больше стало побед и меньше потерь. За доблестное выполнение задач по уничтожению противника, в один из самых яростных месяцев противостояния авиации противника, я был награждён медалью «За оборону Кавказа». Но медаль была учреждена несколько позже тех событий и догнала меня лишь через два с половиной года на Ленинградском фронте. К этому времени рядом со знаком «Ворошиловский стрелок», который был мной получен в период учёбы в фабрично-заводском училище, на груди у меня уже была медаль «За боевые заслуги».

В декабре 1941 года под Москвой началось контрнаступление советских войск и стало понятно, что защиту Баку можно немного ослабить. Появилась возможность вместо мужчин в подразделениях зенитно-прожекторных частей ставить девушек. В этот период службы, я познакомился со своей будущей женой Надеждой Васильевной. Наше знакомство длилось всего полмесяца: с момента прибытия сюда нового пополнения, в котором была девушка Надя, обучения новичков и до ухода моего подразделения к новому месту службы. Мы приглянулись друг другу и, расставаясь, пообещали хранить свои чувства, а после войны встретиться. Так позже и произошло – после войны в 1946 году, я нашёл свою возлюбленную на Кубани, и мы поженились.

А в конце 1941 года наша часть поменяла место дислокации – нас перебросили в район Ленинграда. Блокадный период и для города, и для его жителей, и для войск, сдерживавших натиск гитлеровцев, был смертельно труден. Колыбель Октябрьской революции Гитлер планировал уничтожить «под корень» - здания превратить в руины, сравнять с землёй, а наследников и продолжателей большевистского дела задушить голодной смертью. Если бы это врагу удалось, то нашей стране был бы нанесён не только военно-стратегический урон, но и существенный идеологический и психологический удар. Но героизм защитников Ленинграда стал основой того, чтобы мир ещё раз

убедился в непобедимости духа советских людей, высокой вере в справедливость своей борьбы и в победе, которая когда-то всё равно придёт.

Не сумев взять Ленинград к осени 1941 года штурмом, фашисты всё делали, чтобы уничтожить его и защитников города с воздуха, подвергали бомбардировкам и артиллерийским обстрелам, хотели задушить голодом. У ленинградцев кончились запасы продовольствия и топлива, остановился транспорт, не работали водоснабжение и канализация. Нормы выдачи хлеба по карточкам снижались несколько раз. Солдатам боевых частей выдавалось по 500 граммов хлеба в день, жителям города по 300-125 граммов, в зависимости от того, где люди работали. Причём, в таком хлебе было до 50% примесей древесного или овощного свойства. 900-дневная оборона Ленинграда, разгром под его стенами немецко-фашистской группы армий «Север» и снятие вражеской блокады в январе 1944 года – одно из самых героических и в то же время самых трагических событий истории России.

В битве за Ленинград было доказано, что мужество у наших людей неиссякаемо.

За те бои с немецко-фашистскими захватчиками меня наградили медалью «За оборону Ленинграда».

После Ленинградского фронта я был направлен в артиллерийские части резерва Верховного главнокомандования, которые обеспечивали оперативно-стратегическое превосходство советских войск на направлениях главного удара, прорыва или стратегической обороны в противодействии противнику. Эти части перебрасывались на те или иные участки северо-западного направления, затем совместно со всеми видами советских войск освобождали Эстонию, Латвию, Литву. Переход к эстонскому городу Тарту по льду Чудского озера, на котором когда-то наши предки разгромили псов-рыцарей, оставил о себе неизгладимое впечатление.

Немцы, понимая, что инициатива ушла из их рук, всячески цеплялись за Прибалтику, стремились, во что бы то ни стало сделать неприступными крепостями города Тарту, Ригу, Шауляй, Вильнюс, Кенигсберг, строили вокруг них глубоко эшелонированную оборону. Но артиллерия резерва

Верховного главнокомандования мощными ударами помогала взламывать многокилометровые укрепрайоны. После освобождения Эстонии со своей частью, я оказался под Ригой и освобождал столицу Латвийской республики. За добросовестное выполнение воинского долга по борьбе с оккупантами в 1944 году, был награждён медалью «За боевые заслуги». Заслуженной награды, к сожалению, не получили два моих друга, которые погибли во время тех жестоких боёв.

Пора расплаты!

Война медленно поворачивала в сторону Германии, Берлина. Приближалась пора расплаты за все невзгоды и смерть, что принесли советским людям и народам Европы гитлеровские завоеватели. В конце 1943 года я уже не сомневаться в том, что до Берлина мы обязательно дойдём. Сообщения информбюро об освобождении советских городов, посёлков и деревень как свежий воздух, праздник воспринимались всеми нашими солдатами. И это придавало силы, уверенность в том, что советское государство, партия сумели правильно сосредоточиться на отражении агрессии, коренным образом повернули развитие событий на фронтах и создали благоприятные условия для будущей победы. Всё чаще приходили известия о том, что советские войска окружали противника и уничтожали его, если он не сдавался. Так было в районе Бобруйска, где крупную группировку немцев уничтожали самолётами и дальнобойной артиллерией. Что-то похожее было под Минском, где в окружение попали более ста тысяч немецких солдат.

В феврале 1944 года после подачи повторного заявления, меня приняли в ряды КПСС. Мне исполнилось к тому времени 23 года. Став коммунистом, я более серьёзно воспринимал свою роль в деле, которое выполнял, стал глубже интересоваться большой политикой. А к осени того же года к предыдущим медалям добавилась ещё одна «За взятие Кенигсберга» - цитадели Германии в Восточной Пруссии.

Но впереди были ещё многие километры пути, ведущего к Победе через Польшу, большое количество боевых операций, обеспечивавших успех продвижения советских войск в направлении главного удара. Эта дорога была усеяна не меньшим количеством потерь и страданий, мужества и

героизма советских воинов, чем те дороги, которые пришлось пройти по своей советской территории. Но война уже приобрела другой, освободительный характер.

В районе одного города (ближе к Германии), мы уничтожали стратегические склады с боеприпасами, продовольствием и горюче-смазочными материалами, которые немцы использовали для обеспечения своих действий на северо-восточном и восточном направлениях против советских войск. Воздушная разведка давала ошибочные цели, так как склады были хорошо замаскированы и укрыты под землёй. Бомбардировочная авиация не могла прицельным бомбометанием «достать» нужные немецкие объекты. Поэтому в течение нескольких суток немецкие войска успешно отбивали атаки наших сил и эффективно действовали против советской авиации. Потери с нашей стороны и время для продвижения в сторону Германии наших войск были критическими. Тогда, на основании данных наземной разведки, в дело вступили 122 и 150-миллиметровые ствольные орудия резерва Верховного главнокомандования, а также гвардейские миномёты «Катюша». Общее количество стволов и миномётной техники превышало двести единиц. В течение 40 минут они «взрыхлили» блиндажные укрепления, доты, дзоты и инженерно-минные заграждения на площади примерно около 50 гектар. Противник не смог быстро восстановить своё хозяйство, в прорыв были брошены наши танковые и мотопехотные части. Наступление на этом участке фронта позволило предопределить успех в боях за подходы к Франкфурту-на-Одере.

Очень сложными, по моей оценке, были бои на территории Германии. Рассчитывать на то, что немцы сдадутся сами, не приходилось – они превратили со всей своей педантичностью практически все города и населённые пункты в хорошо оборудованные оборонительные сооружения, способные обеспечивать их контрнаступление. Важным фактором было и то, что наши войска, придя на немецкую землю, конечно же, должны были отомстить за все зверства, которые осуществляли оккупанты у нас. И это было совершенно справедливо. Но советские солдаты шли к победе не как завоеватели другого народа и чужой территории, а как

освободители самих немцев от фашистской чумы, народов Европы от фашистского порабощения.

Справедливость должна была восторжествовать не в виде полностью разрушенных городов и уничтоженных безвинных людей, а в виде доказательства давнишней истины, провозглашённой ещё Александром Невским: «Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет, на том стояла, и стоять будет земля русская!»

Уже после подписания немецким командованием Акта о безоговорочной капитуляции в мае 1945 года наша часть передислоцировалась, двигаясь через косу Фриш-Нерунг. Там, как рассказывали представители чрезвычайной комиссии по установлению размеров преступлений гитлеровцев, был расположен немецкий концентрационный лагерь «Штутхоф». Лагерь находился в ведении гестаповцев и охранялся войсками СС. Лагерь действовал с ещё довоенного времени – 1939 года, когда туда сгоняли мужчин, женщин и детей из оккупированных Германией стран, а в 1944-1945 годах и военнопленных. Вместимость лагеря была на несколько тысяч человек, с газовой камерой и крематорием для сожжения трупов. Перед уходом отсюда немцы, заметая следы, взорвали несколько печей, но две остались и там были останки сожженных человеческих костей и костная зола. На складе лагеря – несколько десятков тысяч пар мужской, женской и детской обуви. По документам, найденным в лагере, только за три последних месяца войны в 1945 году там погибло более 22 тысяч человек.

То есть, советским солдатам с одной стороны надо было сочетать непреклонную ненависть к завоевателям, фашистским нелюдям, добить головорезов в их логове - Берлине, а с другой стороны необходим был определённый гуманизм к тем, кто был невиновен в войне. Применяя средства поражения, действовать решительно, жёстко и настойчиво, но и с пониманием разумных пределов при «выковыривании» немецких войск из зданий, подвалов, чердаков без нанесения серьёзного ущерба историческим архитектурным строениям. Это было чрезвычайно сложно, особенно для такой артиллерии, в которой я служил. В отличие от советских войск, наши союзники - американские войска, особо не задумывались на счёт гуманизма: их дальняя

бомбардировочная авиация по 200-250 самолетов в одном эшелоне, площадными ударами уничтожали не только войска противника, но и уникальные ценности городов Польши, Чехословакии, Германии, их дворцы, мосты, парки. Поэтому недаром во многих городах указанных стран, а также городах Венгрии, Австрии, Болгарии, Югославии памятники погибшим советским воинам содержат огромный гуманитарный смысл и призывают чтить их память, в том числе и за милосердие. Чего стоит символ Великой Победы в Трептов-парке (Германия), где советский солдат-победитель держит в правой руке карающий меч, а в левой - спасённую немецкую девочку, доверчиво преклонившую к его плечу свою голову.

В мае 1945 года я дошёл до Берлина, был на ступенях Рейхстага, расписался как многие другие солдаты и офицеры на одной из его колонн своим простым карандашом, который носил в кармане гимнастёрки для писем сестре и далёкой возлюбленной Надежде.

К своим личным потерям отношу лишь то, что моя младшая сестра Галина была в немецком плену, что погибли два друга, да и я получил ранение в кисть руки. Но сестра благополучно выжила, хотя и работала в Германии на солевом заводе, вернулась на родину, а ранение в руку зажило, хотя и покалечило. Не вернуть лишь погибших, это горько и печально, потому что таких, из числа советских граждан, за время войны было, по последним данным, более 40 миллионов.

Приобретения за ту войну, тоже были. Среди них выполнение своего гражданского и патриотического долга, честная служба в звании рядового, за которую в целом получил шесть медалей и орден. Помимо вышеуказанных наград, добавились ещё «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», специальный знак, учреждённый для награждения тех, кто служил под непосредственным подчинением маршала Г.К. Жукова, и один орден Отечественной войны за Висло-Одерскую операцию.

К приобретениям, отношу и моральное удовлетворение за то, что разгромили гитлеровский фашизм, посадили на скамью международного трибунала почти всех ответственных

за войну негодяев. История войны, как я считаю, дала возможность выбрать правильно профессию моему сыну, полковнику Ярмаку Юрию Васильевичу. Я считаю, что опыт прошлой войны даёт большой запас прочности для нашего государства, и нам ничего не страшно, мы никого не боимся, но и не должны слишком легко воспринимать имеющиеся угрозы.

Мои награды:
- орден Отечественной войны (за Висло-Одерскую операцию);
- знак «Ворошиловский стрелок»;
- медаль «За оборону Кавказа»;
- медаль «За боевые заслуги»;
- медаль «За оборону Ленинграда»;
- медаль «За взятие Кенигсберга»;
- медаль «За взятие Берлина»;
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Декабрь 2008 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 3-курса факультета машиноведения и управления качеством Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина - ***Ярмак Григорий Юрьевич***

Оргкомитет по изданию 14-го тома мемуаров

в составе:

Руководителя Оргкомитета – Президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Карабанова Дмитрия Ивановича, Балагурова Алексея Кузьмича, Черкасова Николая Павловича, Азарова Виктора Яковлевича;
члена Оргкомитета от Московской общественной организации ветеранов войны – Слухая Ивана Андреевича, Попова Дмитрия Игоревича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

заведующему кафедрой Антипину Леониду Николаевичу и преподавателям кафедры истории и Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина Вдовиной Анне Александровне, Макееву Александру Николаевичу и Мокшиной Ирине Степановне.

выражает благодарность за помощь в создании макета настоящего тома:

редакторам Лидяевой Наталии Игоревне и Федуловой Татьяне Михайловне

выражает благодарность за финансирование издания настоящего тома:

Генеральному менеджеру Japan Tobacco International в России Кевину Томлинсону, Президенту Российского благотворительного общественного фонда помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны «Виктория-1945» Магомедову Магомеду Гаирбековичу и префекту Южного административного округа города Москвы Смолеевскому Георгию Викторовичу.

Мемуары

От солдата до генерала
Воспоминания о войне

Том 14

ИБ№424

Подписано в печать 15.11.2011. Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 32,0 Тираж 1000 экз. Заказ № 6089

Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»- «Наука»,
140010, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

ISSN 1818-6688 ISBN 978-5-903076-24-6